Виктор Дашкевич

ГРАФ АВЕРИН

Колдун Российской империи

Виктор Дашкевич
ГРАФ АВЕРИН
Колдун Российской империи

Annotation

Первая книга серии о расследованиях графа Аверина.

Магический Петербург, 1982 год.

Граф Аверин расследует убийство дворянского сына, в котором обвиняют дивов, жестоких магических существ из Пустоши. Они подчиняются людям, но выходят из-под контроля, стоит почувствовать кровь или слабость хозяина.

Аверин понимает, что это не первое убийство и за преступлениями стоит очень сильный див. В то же время на Петроградке появляется огромный демонический кот…

- Виктор Дашкевич
  -
  - Часть первая
    -
    - Глава 1
    - Глава 2
    - Глава 3
    - Глава 4
    - Глава 5
    - Глава 6
    - Глава 7
  - Часть вторая
    -
    - Глава 1
    - Глава 2
    - Глава 3
    - Глава 4
    - Глава 5
    - Глава 6
    - Глава 7
    - Глава 8
    - Глава 9
  - Часть третья

-
- Глава 1
- Глава 2
- Глава 3
- Глава 4
- Глава 5
- Глава 6
- Глава 7
- Глава 8
- Глава 9
- Глава 10
- Глава 11
- Глава 12
- Глава 13
- Глава 14
- Глава 15

Виктор Дашкевич
Граф Аверин
Колдун Российской империи

* * *

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

© Дашкевич В., 2023
© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2023

* * *

Часть первая
Демон из картонной коробки

Глава 1

– Так… в котором часу, вы говорите, пропал… – Аверин указал рукой на фото.

Гермес Аверин терпеть не мог моду. Нет, не всякие странные выверты с одеждой, которые во все времена так любит молодежь, он и сам в юности был тем еще щеголем, а разные модные поветрия, которыми периодически увлекался так называемый высший свет. Да что там «увлекался» – серьезные и умные вроде бы люди, политики, крупные промышленники и даже священнослужители, натурально с ума сходили. И словно пытались перещеголять остальных своим безумием.

Аверин сам пал жертвой такого «поветрия». В те годы свет увлекся Древней Грецией. Сейчас об этом напоминали статуи богов и амфитеатр в саду родового поместья и совершенно нелепое его имя. Если верить истории, это была не первая в Российской империи «греческая» волна, да и среди старшего поколения хватало Платонов, Аристархов и прочего, к тому же многие привычные имена имели греческое происхождение, но Гермес… это перебор.

Кто из родителей, а главное, зачем додумался так назвать ребенка, он не знал, мать с отцом погибли, когда он был совсем маленьким. Их с братом воспитывала бабушка, и в детстве мальчика все звали «Гера». И только впервые столкнувшись с официальными документами, он узнал, что следует писать в строке «Имя».

Но все могло быть хуже. Например, его могли назвать Гераклом. Или как брата, который на поверку оказался не Василем, а Вазилисом.

Бабушка на все расспросы только разводила руками, а потом и вовсе ушла в Заладожский скит. Фамильяр Анонимус, див первого класса, выглядевший как холеный викторианский дворецкий, света на эту историю тоже не пролил. Гере даже казалось, что разговаривать с младшим, ненаследным отпрыском ниже достоинства семейного фамильяра. А со временем выяснилось, что страсть к необычным именам – не самая большая проблема в семействе Авериных. Желание бабушки устраивать личную жизнь мальчиков согласно своим вкусам, изрядно отдающим Средневековьем, оказалось хуже самых

заковыристых имен. Брат пошел на поводу, а восемнадцатилетний Гера отказался категорически. Впрочем, Аверин вспоминать эту историю не любил, бывать в поместье родни – тоже. И совершенно не скучал по античным статуям.

Сейчас все повально увлеклись Китаем. Аверин поднес к губам чайную чашку, которая воняла хуже, чем портянки денщика, и постарался выдавить из себя улыбку. Чтобы хоть как-то замаскировать гримасу отвращения.

Мальчишке на фотографии, лежащей на столе, было лет тринадцать. Обычный полароидный снимок, на нем тоже вполне обычный, тощий, похожий на мать подросток.

Или не обычный? Учитывая причину, по которой частный сыщик граф Аверин посетил этот дом.

– Даниил? – Графиня Синицына промокнула глаза изящным платочком, видимо, чтобы не потекла тушь. – Вчера, наверное, вечером… – В ее голосе промелькнуло сомнение.

– Наверное? То есть вы не можете точно сказать, когда исчез ваш сын?

– Да, то есть нет, – она потупилась и, казалось, еще больше втянула впалые щеки. – Даниил был за ужином. Но даже не доел, побежал в свою мастерскую… ему там что-то доставили…

– Так. В мастерскую, значит. И? – Аверин отставил предложенную ему чашку с чаем в сторону, чтобы до него как можно меньше доносился запах новомодного пуэра, и взял в руки фотографию.

Отец семейства в доме отсутствовал. Несмотря на пропажу единственного сына, покинуть службу он не пожелал. А отправил к Аверину бесенка с посланием. Что ж, тоже правильно. Граф Синицын занятой человек, а поиском пропавших должны заниматься профессионалы. Нужно будет снова зайти вечером, опросить и его. Аверин еще раз внимательно всмотрелся в фотографию, а потом скользнул взглядом по комнате, где его принимала графиня.

Обстановка гостиной даже не говорила, а вовсю кричала о том, насколько ее владельцы увлечены Китаем. Возле окна стояли две огромные, почти в человеческий рост, вазы с драконами, двери загораживали резные ширмы, а с потолка вместо обычных люстр свешивались светильники в форме китайских фонарей. Даже стол, на котором лежала фотография, был украшен перламутровыми вставками

в виде иероглифов. И только портрет императора Александра Пятого, висящий на стене, выбивался из царящего вокруг засилья восточной роскоши, давая понять, что Аверин все же находится в гостиной российского чиновника, а не какого-нибудь китайского мандарина.

Даниил… По крайней мере, хоть не Лань или Вэнь: новая мода поразила общество около года назад, так что все несчастные обладатели экстравагантных имен пока еще были младенцами. Что ж, этому парню повезло.

Ну или нет.

Был ли мальчик наделен силой? Нужно деликатно узнать.

Впрочем, почему «был»? Может быть, мальчонка еще жив. И притащится домой к вечеру, грязный и, возможно, пьяный. В Петербурге немало соблазнов.

– …и утром его не было в спальне, – продолжала рассказ графиня. – Настасья пошла будить его к занятиям, но не нашла. И в мастерской его не было. И… и… и вообще нигде, – она всхлипнула и снова промокнула глаза платком.

– И с вами никто не связывался? Не звонил? Не прилетали посыльные?

– Нет… о, вы думаете, Даниила похитили, чтобы получить выкуп?

– Возможно. Или чтобы шантажировать вашего супруга.

«Или он удрал в бордель».

Последняя мысль нравилась Аверину больше всех. Свой гонорар он и так получит, неважно, откуда он достанет им мальчишку. А вытаскивать людей из притона гораздо приятнее, чем из рук похитителей. Могло, конечно, случиться и кое-что похуже. Эх, неплохо бы показать фото ясновидящей. Но раньше, чем через девять дней, невозможно с точностью сказать, жив человек или мертв. А время терять нельзя.

С отцом уже могли связаться похитители. Было бы неплохо.

Аверин предпочитал вести одновременно не больше одного дела и при других обстоятельствах отказался бы от поисков Даниила Синицына: ему вполне хватало и того расследования, за которое он взялся два дня назад.

Коллежский советник Сомов тоже пропал. И при гораздо более загадочных обстоятельствах. Супруга его лично видела, как он заходил в ванную, но никто не заметил, чтобы он оттуда вышел. Ванную

Аверин тщательно осмотрел: окно было закрыто изнутри на поворотный замок, так что без участия дива тут не обошлось. Однако даже самый пронырливый див не мог незаметно вытащить из дома довольно крупного мужчину. Да и сами дивы тоже не растворялись в воздухе. Но в случае с Сомовым хотя бы был понятен мотив похищения: у коллежского советника имелось настолько много врагов, что было странно, как он не пропал раньше.

Делом Сомова занималась еще и полиция, но, насколько было известно Аверину, полицейские тоже далеко не продвинулись. И это несмотря на то, что у них в распоряжении были хорошо обученные дивы второго класса. Но и они ничего не нашли, зато окончательно затоптали все следы и спутали силовой фон, бесконечно меняя личины в своих поисках. Когда на место прибыл Аверин, маятник использовать было уже бесполезно.

Поэтому, узнав, что мальчишка пропал, Аверин решил взяться за это дело. Тем более что родители решили не обращаться в полицию.

Все же имелся небольшой шанс, что две эти пропажи связаны.

– Мастерская… вы ее дважды упомянули. Что за мастерская? Юноша – художник? Можно ли взглянуть?

– Хм… – Графиня почему-то смутилась. – А это… обязательно? Его там нет, это точно.

– Конечно. – Аверин поднялся. – Это место вероятного преступления. Вдруг там остались следы.

– Да… конечно… – Графиня тоже встала. – Я провожу вас.

Дом графа Синицына располагался в глубине вполне приличного сада, что говорило об очень хорошем достатке семьи: земля на Крестовском стоила дорого. Прежде, до того как столица была перенесена в Омск, здесь, из-за близости к Зимнему дворцу, селились высокопоставленные чиновники, министры, князья и прочие особы, приближенные к императорской семье. Сейчас же роскошные особняки населяла обычная провинциальная петербуржская знать, но и титулы, и доходы у местных жителей имелись в достатке. Надо будет разузнать о семействе побольше. Детей у таких людей похищают или ради выкупа, или чтобы заставить родителей сделать то, что выгодно похитителям. Например, подписать разрешение, которое не удалось получить за взятку. Возможно, отец мальчика знает причину похищения, поэтому и не стал заявлять официально.

Была еще одна очевидная для любого колдуна причина похищения людей, но обычно для этих целей использовали бродяг или приезжих, которых не хватятся быстро.

Так что, скорее всего, парень жив. Пока.

Флигель, в котором находилась мастерская, виднелся в самом углу сада, у белой каменной стены, украшенной колоннами. Сыщик и графиня прошли по широкой тропинке, свернули к стене, и тут Аверин увидел кота.

Кот дремал на одной из колонн, натурально свисая с нее. Длиннющие лапы, сложенные крестом, и серый полосатый хвост свешивались с одной стороны, а вытянутая морда с огромными ушами и длинным горбатым носом – с другой. Полоски на изогнутой дугой серой спине переходили в пятна, делая кота похожим на маленького леопарда. Аверин знал такую породу, но забыл, как она называется.

Аверин остановился и поднял голову. Кот, заметив внимание к своей персоне, лениво приоткрыл зеленый глаз и зевнул, обнажая внушительные острые клыки.

Аверин улыбнулся. Он любил животных, в основном собак, хотя и кошки ему нравились. Но сам никого не держал: слишком мало у него было свободного времени, а заводить животное, чтобы полностью сбросить его на грозную домоправительницу Маргариту, он не хотел. В чем тогда смысл? Собака должна проводить много времени с хозяином.

– Ваш? – указал он на кота, который, придя к выводу, что люди внизу не представляют интереса, подтянул под себя лапы и снова прикрыл глаз.

– Нет-нет, – замахала руками графиня, – у меня аллергия. Это, наверное, соседей, они обожают всякую… экзотику. – Она поморщилась.

Аверин пожал плечами, и они направились к флигелю.

У дверей графиня остановилась:

– Извините, я останусь снаружи. У меня аллергия, я говорила.

Аллергия? Аверин нахмурился. Что там за мастерская? Он открыл массивную деревянную дверь, и в нос ударил резкий неприятный запах. Похожий на запах больницы, только с примесью какой-то более ядовитой химии и… гнили. А еще отчетливо ощущался запах крови. Что за странное место?

Он поднялся по ступенькам, ведущим к еще одной двери, и дернул за ручку.

За дверью оказалась большая, тускло освещенная комната без окон. И Аверин моментально понял, что за запах здесь царит.

Повсюду стояли чучела. Зверей, птиц, крупных, мелких, самых разных. В самом центре на постаменте красовалось чучело небольшого крокодила.

Аверин прошел по комнате. Воняло, как в кожевенной, что, впрочем, было неудивительно – вероятно, все чучела изготовлялись именно в этой «мастерской».

Вдоль стены было расставлено несколько собак, а между ними два волка. На полках стояли ежи, куницы, кошки и даже один барсук. Птицы, от тетерева до синицы, были рассажены по свисающим с потолка веткам.

Аверин понимал, что тусклый свет нужен для того, чтобы не выцветал мех и «коллекция» могла храниться как можно дольше в первозданном виде, но все равно было жутковато. Чучела были сделаны с большим мастерством. Чье это «хобби»? Графа?

В высоком стеклянном шкафу хранились ружья. Старинные, антикварные, вероятно, из них давно никто не стрелял. А вот в сейфе, вмонтированном в стену, должно было находиться более современное оружие. Надо все-таки позвать графиню. Потерпит свою аллергию.

Он вернулся к выходу и открыл дверь.

– Мне нужно, чтобы вы зашли и проверили сейф. Не открывали ли его и все ли на месте.

– Но я не знаю кода, – вздохнула графиня, – и ничем не смогу вам помочь, я даже не знаю, что там, в сейфе. Ружья Даниилу покупал отец. Возможно, он знает код…

– Знает код… Погодите, так оружейный сейф принадлежит вашему сыну?

Графиня кивнула:

– Да! Даниил очень любит охоту! Там есть волки, в его коллекции, он их сам застрелил.

– Ясно. – Аверин нахмурился: – Так… и таксидермист, выходит, тоже он?

– Да… – графиня немного смутилась. – Да, я понимаю, не самое обычное увлечение для мальчика из такой семьи, как наша, но у

Даниила такой талант…

– Ясно, – повторил Аверин и снова нырнул во флигель. Надо обследовать саму «мастерскую». Он приметил еще одну дверь, и она была заперта. Возвращаться к графине не хотелось, да и не видел он у нее в руках никаких ключей.

Аверин вынул из кармана часы. Это были отличные серебряные часы на массивной цепи, сделанные на заказ по его личным чертежам и расчетам, и каждый раз, доставая их, Аверин не уставал любоваться. В них было встроено почти все, что может экстренно понадобиться в его работе. Он открыл крышку – вмонтированный в нее алатырь щелкнул, восьмиконечная звезда приподнялась над рубиновыми язычками пламени и завибрировала, показывая, что прибор готов к работе. Он раскрутил звезду пальцем, и та бесшумно завертелась, постепенно ускоряясь, и Аверин ощутил привычное покалывание в пальцах, похожее на легкий электрический разряд. Раздалось негромкое шипение, и над звездой появился бесеныш.

Бесенышами, или чертиками, называли слабых дивов третьего, низшего класса. Они были чуть умнее голубей и выполняли только очень простые и четкие приказы. Вернее, один приказ, на большее их сил не хватало.

– Открой дверь. – Аверин указал на замочную скважину.

Бесеныш нырнул в дырку, пошуршал там, и через секунду раздался щелчок. Дверь приоткрылась, и Аверин снова крутанул звезду, теперь в обратную сторону. Бесеныша будто высосало из замочной скважины, и он, повиснув на миг над алатырем, с легким треском исчез.

Аверин зашел внутрь. И пожалел, что у него нет с собой чего-то крупнее, чем носовой платок. Помещение проветривалось плохо, если проветривалось вообще, поэтому в нос ему ударило такое зловоние, что заслезились глаза. Запах усилился в разы, и к нему добавилась еще вонь чего-то горелого, мочи и фекалий.

И одновременно покалывание в пальцах, прекратившееся было после закрытия прохода в Пустошь, вернулось и мгновенно превратилось в боль. В руки будто вонзились тысячи крохотных иголочек, воздух перед глазами задрожал и пошел рябью. Аверин сморгнул, протянул руку в темноту и нашарил выключатель. Яркий свет залил «мастерскую».

Правда, больше всего это помещение напоминало пыточную камеру. В самом центре стоял металлический стол, похожий на прозекторский, только к его углам были приделаны цепи, заканчивающиеся круглыми фиксаторами, выглядевшими как какие-то детские кандалы. Но предназначались они не для детей. По крайней мере, Аверин очень на это надеялся. Он огляделся. Возле стены стояло что-то, напоминающее дыбу, а рядом – несколько тисков разного размера. В метре от стола находилась открытая клетка-ловушка. Еще две таких же он разглядел под столом.

В углу в стену была вмонтирована большая печь с кованой фигурной заслонкой.

Аверин подошел и потрогал заслонку. Она была еще теплой. Возле печи стояло несколько металлических прутьев, оканчивающихся какими-то кругами и знаками. Он поднял один из них – это были буквы в зеркальном отображении.

Клейма.

Значит, печь топили недавно. Вчера или сегодня ночью. Он заглянул внутрь, почти надеясь обнаружить там обгоревшие человеческие кости. Вопрос с исчезновением закрылся бы очень быстро, и такой исход ничуть не расстроил бы Аверина. Было совершенно очевидно, чем именно занимался здесь мальчишка.

На разделочный стол жертвы талантливого ребенка попадали живыми, иначе незачем было бы их так тщательно фиксировать. Те, кому повезло больше, были застрелены на охоте. А вот остальные… Они умирали долго и мучительно, прежде чем превратиться в безмолвные статуи в коллекции юного психопата. Аверин вспомнил собак у стены наверху. Некоторые из них были породистыми и могли принадлежать, например, соседям. Что, если кто-то, потеряв любимца, решил отомстить? Что бы сделал он сам, увидев место, в котором был зверски убит его питомец?

Аверин выпрямился. Нет, к сожалению, все не так просто. В печи была только зола. Он нагреб немного на анализ, но был уверен, что если в ней и найдут фрагменты костей, то это будут кости животных.

Иголки продолжали вонзаться в пальцы. Даже маятник был не нужен, чтобы понять: мощный выброс энергии тут произошел совсем недавно. Скорее всего, этой ночью.

Но Аверин все равно поднял часы, намотал цепочку на кисть руки и вытянул ее вперед.

Маятник закачался как бешеный, едва не вырываясь из рук, и Аверин двинулся в указанную сторону. У противоположной стены, возле ряда полок с коробками, маятник дернулся и начал описывать круги. Что бы ни произошло в этой комнате, оно произошло здесь. Огромный поток потусторонней энергии высвободился прямо на этом месте.

Такой след остается после вызова дива не ниже второго класса. Или когда див высвобождает свою демоническую форму. Что же… вот и еще одна версия событий. Обязательно надо узнать, обладал ли этот Даниил силой.

Аверин пробежался взглядом по полкам, спускавшимся до самого пола, наклонился и взял с одной из них большую металлическую коробку. Открыл и внимательно осмотрел.

В ней лежали инструменты: щипцы, скальпели, пилочки и еще какие-то приспособления. Все аккуратно разложено и тщательно вымыто. Закрыв коробку, он поставил ее на место и тут заметил, что из-под самой нижней полки что-то торчит.

Аверин нагнулся и увидел кожаный ремешок. Потянул за него и вытащил наружу фотоаппарат.

«Полароид». Корпус его треснул, видимо, фотоаппарат упал на пол и, скорее всего, был в руках у мальчишки, когда произошло то, что заставило его исчезнуть.

Аверин опустился на колени и заглянул под полку. И – да! Он увидел там именно то, что и надеялся: белый квадратный кусочек картона.

Вот оно. Аверин потянул к себе фотографию, поднялся, отряхивая брюки, и нахмурился. На руке остались следы сажи. Странно. Он повернул фотографию к свету, и первое, что увидел, были огромные белые клыки. Хм. Он принялся рассматривать фото внимательнее. Вот нос животного, а это его усы. А на заднем плане едва угадывалась чья-то рука со сжатыми пальцами.

И еще был виден светящийся красным цветом глаз. И полосы вокруг него.

Кот. На фотографии была запечатлена оскаленная пасть кота. А рука на заднем плане держала животное за шкирку.

Вот оно что! Пропавший малолетний садист фотографировал свою жертву.

Аверин подошел к ловушке, поднял ее, поставил на стол и провел по ее дну рукой.

Все было усыпано серо-черной шерстью.

Он еще раз посмотрел на фото: верхнюю часть морды было плохо видно, однако, если присмотреться, можно было заметить горбинку на носу.

Без всяких сомнений, это был тот самый кот, с колонны. Именно он должен был стать следующей жертвой «таксидермиста». Но что бы ни случилось здесь с мальчишкой, кот явно вытянул счастливый билет. Вероятно, он не растерялся и, оказавшись свободным от цепких рук, немедленно сбежал.

Версия с рассерженным хозяином теперь казалась довольно неплохой. Если у хозяина кота был, например, личный див-охранник, а то и фамильяр, то он мог запросто приказать ему притащить убийцу своего любимца для расправы. Или, хватившись своего кота, понять, куда он мог пропасть, и отправить дива на спасательную операцию.

Однако шансы найти пацана живым таяли на глазах.

Аверин наклонился над полом. Действительно, на полу были следы сажи, как будто тут сожгли бумагу или что-то подобное.

Хм. Фотографии. Где-то должны быть остальные фото. Наверняка мальчишка начал свою съемку не с этой.

Аверин вытащил с полки еще одну коробку. Она была картонной, длинной и по размеру неплохо подходила для хранения фото. Открыл ее и убедился, что опять не ошибся: она была наполнена фотографиями. Аверин вытащил одну. И с трудом подавил приступ тошноты.

Невозможно было понять, кем было несчастное животное до того, как с него сняли шкуру.

Может, кошкой, может, енотом, а может, маленькой собакой. Освежеванное тельце было распято на столе, пасть распахнута в беззвучном крике. Полные боли и ужаса глаза не оставляли сомнений, что бедное существо еще живо.

Брезгливо отстранив от себя коробку, он подошел к столу и вывалил на него фотографии.

Барсук. Это был барсук.

Аверин вернулся к полке. Достал еще несколько коробок – они все были полными. И ни в одной из них не было фотографий этого кота. И что это значит? Похититель их забрал? Сжег? Для чего?

Пожалуй, соседям стоит задать пару вопросов.

Он сунул фотографию кота в карман, взял несколько снимков несчастного барсука и вышел из «мастерской». Вернулся в «выставочный зал», поднял с пола чучело бассет-хаунда и внимательно рассмотрел.

Да, клеймо «мастера» на шкуре собаки имелось. И совершенно очевидно, что раскаленным металлом «метили» ее еще живой.

Аверин непристойно выругался.

Кто бы ни похитил Даниила Синицына, поганец получил по заслугам, и сдавать похитителя в руки полиции не особенно хотелось.

Но ничего не поделаешь. Каким бы мерзким ни был этот мальчишка, он человек. А похищать людей при помощи дивов запрещено законом.

И аванс уже заплачен.

Кроме того, оставался еще один вариант. Аверин вышел из флигеля. Графиня ждала его снаружи, и в ее взгляде чувствовалось напряжение.

Аверин разложил снимки пыток барсука веером и бесцеремонно сунул графине прямо под нос:

– Вы знали?

– Я… о… – Женщина попыталась изобразить изумление, но вышло у нее плохо. Все она прекрасно знала. По крайней мере, догадывалась точно.

– Так… сейчас будет лучше всего, если вы перестанете устраивать театр и честно ответите на мои вопросы. Вы же понимаете, что от этого зависит жизнь вашего… сына? – Он нарочно сделал паузу перед этим словом.

– Да… – едва слышно прошептала графиня.

По крайней мере, она хотя бы понимала, что ребеночек творит что-то не то. Кто поощрял это «увлечение»? Папаша?

– Хорошо. Домашних животных, собак, кошек, крокодила этого вы ему покупали?

– Да… то есть нет…

– Так да или нет?

– Некоторых… птиц он сам выбирал в магазине, змею, питона тоже, – зачастила графиня, но внезапно замолчала.

– А остальных?

Она вдруг вскинула брови и отчаянно воскликнула:

– Мы всегда платили! За крокодила этого мерзкого выложили такую сумму, что можно за городом приличный дом купить! Я не знала, что он их… мучает, он говорил про яд!

– Ясно, – повторил Аверин. – Значит, вы думали, что перед тем, как сделать из животных чучела, он умерщвляет их ядом. А чтобы заткнуть рот владельцам украденных и убитых животных, вы платили им деньги, я правильно понял?

– Никто ничего не затыкал. Мы просто оплачивали причиненный ущерб, – графиня поджала губы.

– Молодцы. Но кого-то не удовлетворила ваша компенсация. И кстати, у вашего сына есть колдовская сила?

– Нет… нет-нет, – графиня замотала головой.

Версию о том, что мальчишка приносил жертвы, чтобы призвать особенно сильного дива, а тот в награду его сожрал, придется отмести. Значит, основная версия – месть за своего питомца или акт его спасения. Аверин вздохнул. Учитывая размер коллекции, подозреваемых тут примерно треть Крестовского острова. И почти у каждого из них есть свой див или фамильяр.

– Жаль. – Аверин задумался на секунду. – Хм, вот еще что. Вы говорили, что ваши соседи – любители экзотики. Крокодил – их?

Графиня кивнула.

– А еще были случаи, когда ваш сын похищал и убивал принадлежащих им питомцев?

– Нет! Муж наказал его после того раза. И категорически запретил трогать животных, принадлежащих соседям.

«Но сынок, судя по фото, запрету не внял». Аверин задал следующий вопрос:

– Кто они? Эти любители экзотики? Что вы о них знаете?

– О… вы думаете…

– Я ничего не думаю, – отрезал Аверин. – Рассказывайте все, что вам известно.

– Ну… – она задумалась. – Живет там баронесса Перова. Анастасия Федоровна. С сыном. Вдова. Нелюдимые они и вообще

неприятные люди. Держат всяких странных и мерзких тварей. От них как-то к нам запрыгнула рысь! Самая настоящая рысь! Муж сам ее застрелил.

«Ну да. А вы прямо семейство ангелов». Аверин нахмурился:

– Значит, ваша семья убила двух их животных?

– Это же была рысь! Она могла напасть на Даниила! Или на меня! – возмущенно воскликнула графиня.

– Я так понимаю, компенсацию вы им не выплатили.

– Нет, конечно!

– Хорошо, я все понял.

Больше никакого смысла разговаривать с этой женщиной не было. Аверин еще раз огляделся по сторонам и повернулся к графине спиной.

– Я вам позвоню, когда что-нибудь узнаю.

Не собирался он разводить политес с этим семейством.

– Но… – графиня явно растерялась, – но…

– Что? – Он обернулся.

– Вы… вы найдете Даниила? – В глазах ее светилась мольба. – И вернете его?

– Конечно, найду и верну. Все, что от него осталось.

Он отвернулся окончательно и зашагал по тропинке к воротам. И лишь возле кота, который продолжал беззаботно дрыхнуть на колонне, перевернувшись на другой бок, он притормозил.

– Ты хоть понимаешь, как тебе повезло, а, морда полосатая?

Кот приоткрыл второй глаз, внезапно оказавшийся голубым.

«Гетерохромия… я всегда думал, что она бывает только у белых кошек», – рассеянно подумал Аверин и зашагал дальше. Баронесса Перова. Надо немедленно поговорить с ней. Вполне возможно, что Даниила Синицына как раз сейчас доедает очередной ее любимец.

Глава 2

Особняк баронессы оказался окружен глухим каменным забором, за которым виднелись стволы высоких деревьев. Ворота тоже были под стать – высокие, цельнометаллические, с такой же калиткой, закрытой на кодовый замок. К счастью, возле калитки имелся звонок. Аверин нажал на кнопку и принялся ждать.

Через несколько минут с обратной стороны заскрежетал засов, и калитка открылась. На ее пороге возник дворецкий – пожилой мужчина с серьезным, даже несколько хмурым лицом, в старомодном костюме. Он чем-то напомнил Аверину семейного фамильяра Анонимуса.

Дворецкий тем временем вопросительно уставился на пришедшего и примерно через минуту выдавил:

– Что вам угодно?

– Я бы хотел поговорить с госпожой баронессой, и как можно быстрее. Мое имя Гермес Аверин, граф Аверин. Доложите госпоже немедленно, если она дома.

– Простите, ваше сиятельство, госпожа баронесса не принимает. – Дворецкий поклонился, но после весьма бесцеремонно толкнул калитку, намереваясь ее закрыть.

Что же, вежливость тут явно не в почете. Аверин подставил ногу, не давая калитке закрыться.

– Когда она сможет принять? – осведомился он.

– Простите, ваше сиятельство, но баронесса не принимает, – повторил дворецкий и посильнее налег на калитку.

– Совсем, никого и никогда? – с легкой усмешкой уточнил Аверин.

– Никого и никогда, – подтвердил дворецкий и, помешкав немного, указал пальцем на ногу Аверина: – Не соблаговолите убрать?

Аверин пожал плечами, но ногу убрал. В конце концов, он не может вломиться в чужой дом, он не полицейский. Да и в том, что перед ним див, Аверин почти не сомневался. А защищая дом хозяина, див вполне может убить, это не запрещено законом.

Калитка захлопнулась.

Аверин прошелся вдоль забора. Особняк стоял последним в ряду домов, за ним начинался Крестовский парк, больше напоминавший небольшой лес. Некоторые деревья росли почти вплотную к задней стене ограды, которая не уступала в высоте фасадной. Эта баронесса могла в своем особняке выдержать небольшую осаду. Однако внутрь попасть было необходимо. Аверин прекрасно знал, что шанс найти похищенного довольно велик в первые часы, максимум сутки. Потом если и находят, то чаще всего труп. И если Даниил внутри все еще жив – время не на его стороне.

Конечно, можно послать на разведку бесеныша, но что толку? Говорить они все равно не умеют, да и объяснить этому существу, что именно нужно искать, возможным не представлялось. Следует ли вернуться домой и вызвать дива второго класса? Такие дивы существенно умнее, попадались даже равные по разуму человеку, кроме того, те, кто был способен принимать обличье способных к речи животных, например ворон, а еще лучше – попугаев, вполне могли внятно изложить нужную информацию. А те, чьи лапы позволяли удержать карандаш, могли даже написать.

Но и тут была загвоздка. Вызов дива второго класса – всегда лотерея. Да, задать нужный класс и силу в принципе можно, это напрямую зависит от того, кого ты принесешь в жертву, курицу или быка, но вот все остальное… На вызов может прийти див тупее этой самой жертвенной курицы и совершенно немой. И толку от него будет немногим больше, чем от бесеныша. Только жаль бездарно загубленное животное.

Аверин давно уже думал о том, что в его работе стоило взять на службу постоянного дива. Достаточно сильного, чтобы мог защитить хозяина, и достаточного умного, чтобы выполнять приказы и поручения. Такому диву со временем можно придать необходимую личину и обучить писать или говорить, но держать в услужении дива само по себе не простое дело. И в первую очередь опасное. Ты можешь опутать слугу всеми возможными заклятиями и наложить на него хоть сто печатей послушания, все это будет работать ровно до того момента, пока он не почует запах крови хозяина. Стоит случайно порезать палец, рассадить локоть, да даже просто сильно прокусить язык, и див получит шанс выйти из повиновения, а если рана будет

серьезной, то див, разорвав все оковы, в считаные мгновения настигнет хозяина, где бы он ни был, и сожрет.

Эта перспектива Аверину особенно не нравилась. В его работе получить ранение – плевое дело, поэтому приходилось все делать самому.

Он вздохнул, еще раз прошелся вдоль стены, выбирая подходящее дерево, подошел поближе, поднял указательный палец вверх, концентрируя на кончике энергию сердца, и начертил им в воздухе нужный знак.

Тотчас же из кончиков пальцев будто бы ударили воздушные потоки. Сконцентрировав воздух в крепкие нити Пут Связывания, Аверин забросил прозрачную веревку на одну из крепких ветвей, намотал ее на руку и полез по стволу вверх, мысленно молясь, чтобы дворецкий не поджидал его с другой стороны.

С ветки дерева открывался неплохой вид на сад и дом. Аверин иногда завидовал жителям Крестовского, с их роскошными особняками и садами вокруг них. Этот особняк был построен в классическом стиле, популярном еще со времен Екатерины Великой. Интересно, здание действительно старинное или так хорошо замаскированный под старину «новодел»? В таких тонкостях Аверин не разбирался. С его точки зрения, многие постройки на Крестовском выглядели аляповато. Место обрело необычную популярность, когда местная знать, да и просто богатые люди стали скупать особняки у перебравшихся в столицу могущественных родов, а после вся округа была застроена в соответствии с провинциальными представлениями о роскоши. Здесь здания в стиле барокко соседствовали с русским ампиром и вполне современными постройками. А в некоторых садах наличествовали бассейны, иногда замаскированные под пруды.

Сам же Аверин довольствовался небольшим двухэтажным когда-то купеческим домом на Петроградке, и его «сад» представлял собой маленький цветник с хризантемами, анютиными глазками, двумя войлочными вишнями и росшей возле окна развесистой черемухой. Сидя весной на веранде, можно было наслаждаться запахом цветов и стараться не думать о том, что буквально в пятистах метрах проходит оживленный Каменноостровский проспект.

Но для того чтобы жить на Крестовском, нужно либо организовать крупное дело, либо пойти на службу в Министерство. А на такие жертвы Аверин был совершенно не готов.

Он зачем-то представил брата, залезшего на березу, и хмыкнул. Немыслимое зрелище.

Аверин осмотрелся. Пруд у Перовых тоже наличествовал – виднелся сквозь густые, аккуратно подстриженные кусты. По нему кто-то плавал, может, утка, а может, чайка, видно было плохо. Во дворе никого не было: ни людей, ни животных, – по крайней мере, в поле зрения никто не попал. Аверин осторожно спустил ногу с ветки на плоскую сверху широкую стену и начал высматривать подходящий путь по ней, максимально скрытый листвой.

И тут его окатила ледяная волна. Спина онемела, пальцы на мгновение свело судорогой, он едва не отпустил ветку, за которую держался. И почувствовал сильный и очень болезненный удар по затылку. Словно его быстро и резко стукнули чем-то острым. Дворецкий? Засек?

Аверин мгновенно обернулся. В метре от него зависла взъерошенная галка. По всей видимости, именно она и долбанула его клювом и как раз собралась атаковать снова.

Вот только это была не птица. Это был див, принявший обличье галки, и, судя по ощущениям, очень неслабый див.

Аверин крутанул запястьем, намотал на него Путы и, прицелившись, метнул клубок нитей в «галку».

Птица виртуозно увернулась и уселась на ветку. И, открыв клюв, резко каркнула:

– Вон!

Аверин мог бы снова попробовать поймать галку, но… совершенно очевидно, что это сторож дома. И даже если удастся поймать его, то хозяйка, баронесса, запросто заявит на вторженца в полицию. А такое развитие событий в планы Аверина совершенно не входило. Он и так очень сильно засветился. И это вполне может стоить жизни Даниилу Синицыну. Да и не тот это человек, ради которого Аверин стал бы рисковать собственной жизнью, сражаясь с дивом-охранником. Поэтому он коротко кивнул, осторожно съехал по нитям с дерева и спокойно направился к своей машине. Синий «Руссо-Балт-

Ястреб» смотрелся очень скромно на этой улице, но это мало смущало Аверина.

Если ему повезет и Виктор не занят ничем серьезным, то через пару часов Аверин сюда вернется. И тогда пусть только попробуют его не впустить.

Дома вкусно пахло тушеным мясом и какой-то выпечкой. На звук открывающейся двери вышла Маргарита в безукоризненно белом переднике.

– Гермес Аркадьевич, вам обед подавать в гостиную или в рабочий кабинет?

– Погоди подавать.

Аверин подошел к стоящему на тумбочке телефону и набрал нужный номер.

– Полицейский участок Петроградского района, слушаю, – ответил знакомый голос. Павел Крысин, он сегодня на телефоне.

– Граф Аверин. Паша, переведи на Виктора Геннадьевича, это срочно.

– Будет сделано, – бодро отрапортовал Крысин, и в трубке запикало. Потом послышался голос Виктора.

– Вы еще не обедали? – с ходу поинтересовался Аверин.

– А даже если бы и обедал? Вы правда думаете, что я откажусь, – рассмеялись в трубке. – А что у вас на обед?

– Маргарита, что на обед? – Аверин прикрыл трубку рукой.

– Рулет из индейки с сыром, черносливом и грецкими орехами, томленая полба с базиликом, расстегай с курицей и булочки с маком и корицей. И компот, клубничный.

– И компот… – раздалось из телефонной трубки. – Я все слышал. Буду через десять минут.

Аверин не сомневался, что Виктор прибудет ровно в указанное время. От участка сюда ехать минут пятнадцать, если соблюдать все правила. Но это если соблюдать. Виктор без зазрения совести пользуется и служебной машиной, и служебным положением, если речь идет о хорошей еде.

– Маргарита, накрывай в гостиной. Как ты уже поняла, мы ждем гостей.

Виктор, несмотря на то что натурально душу был готов продать за хороший бифштекс, был весьма худым человеком.

И удивительно шумным и бесцеремонным. С порога он сграбастал в объятия Маргариту, некоторое время ее потряс и переключился на самого Аверина. Схватив его за обе руки, он наклонил голову, заглядывая ему в глаза, и довольно низким для его телосложения голосом пророкотал:

– Гермес, дорогой, давайте скажите мне, что нашли Сомова. Ведь не просто так вы меня поесть позвали, а?

– Не просто, – улыбнулся Аверин, слегка отстраняясь, – но, увы, Сомова я не нашел. Скорее, наоборот. Давайте сядем сначала.

Они уселись за стол. Маргарита подала теплые влажные салфетки для рук из тонкого белого льна, Виктор протер руки и тут же потянулся за расстегаем.

– Ну? – завладев желаемым, поинтересовался он.

– Еще одно похищение. – Аверин разрезал пополам кругляш рулета. – Мальчишка. И мне нужна ваша помощь.

– Так. – Виктор поднял вилку. – Так, погодите. Давайте сначала я. Я ведь тоже не просто так сорвался. И мне тоже нужна ваша помощь. А дело между тем – натуральный цирк. Мальчишка, говорите, пропал? Черт, – он потер лоб, – надеюсь, не связано.

– Связано? Что? – Аверин отложил нож.

– Вы не поверите. Но по Петроградской набережной гуляет ягуар. Или леопард, я в них не очень разбираюсь.

– Ягуар? В смысле?

– В самом прямом, – Виктор рассмеялся. – Ходит зверь, пугает людей. Третий день уже. Вернее, ночь. Позапрошлой ночью позвонил один, по голосу пьяный, шел из бара, сказал, что на него напал «тигр в пятнах». Парни посмеялись и забыли. Но вчера мать привела перепуганного парнишку, тот два квартала улепетывал от «ягуара». А за сегодня уже две жалобы. Хозяйка рыбной лавки и студент-курьер.

– Раненые есть? Тел не находили?

Виктор помотал головой:

– Нет, только пугает. Не нападает, похоже. Хотя, кто знает, может, кого и сожрал, просто не заявили еще. Вон, говорите, пацан у вас пропал. Но мне кажется, зверь просто ручной, человека знает. Сбежал у какого-нибудь любителя экзотики.

– Любителя экзотики, говорите… – задумчиво проговорил Аверин. – Так, а от меня что нужно? Это же просто зверь. Вызовите

отлов. Или?..

– Вызвал, вчера еще. Сутки ищут, найти не могут. Мне позвонили из управы, сказали убрать, еще не хватало, чтобы он добрался до Дворцовой. На мосту дежурные стоят, на всякий. А этого хвостатого надо до завтра изловить. Я хочу взять парочку дивов, они выследят, помогут загнать в клетку.

– А-а-а… – понимающе протянул Аверин. – Вот оно что…

– Ага. – Виктор набил полный рот едой, тщательно прожевал и добавил: – Меня они почти не слушают, только если что-то простое надо. По следу пройти, догнать кого-то. Чтобы они отыскали зверя, оповестили отлов и нас, да еще загнали его в клетку, нужен колдун, который сможет с ними сладить. А наш… сами знаете.

О, Аверин знал. Участковый колдун Фетисов, которому формально принадлежали полицейские дивы, панически боялся, что его ранят и он станет добычей своих «слуг». Поэтому участок в рабочее время не покидал никогда, особенно если это было связано хоть с малейшим риском. Инструкции либо выдавал дивам у себя в кабинете через небольшое окошко, либо писал на листке и отдавал сыщику, берущему дива.

– Ну-у, вы же понимаете, как он рискует, – поднял брови Аверин. – Это вас шальная пуля убьет, только попав во что-то жизненно важное. А его – даже если в ягодицу.

– А вот не смейтесь, дорогой друг, не смейтесь. Господин Фетисов даже вилкой не пользуется, да-да. – Виктор попытался придать лицу серьезность, но получилось плохо.

Они оба расхохотались.

– Вот что, – сказал Аверин, отсмеявшись, – а ведь дела наши, скорее всего, связаны. Мне нужно, чтобы вы помогли мне попасть в один дом. Хозяева не желают разговаривать со мной, так что придется использовать ваше служебное положение. Но это будет вполне оправданно. Потому что у этих «любителей экзотики» уже сбегала крупная кошка – рысь.

– О… – Лицо Виктора вытянулось, глаза округлились. – Серьезно? Где они живут?

– На Крестовском.

– Ясно. Ну, в принципе, не особенно далеко… И разговаривать с вами они не желают, значит, так? А что мальчонка? Вы думаете,

зверюги им закусили, а потом отправились гулять на Петроградскую набережную?

Аверин помотал головой:

– Парень вчера пропал. Или сегодня ночью. Тут немного другое. Давайте я вам подробно расскажу.

К дому баронессы-затворницы они подъехали на служебной машине Виктора, так выглядело солиднее. На звонок снова вышел тот же дворецкий, на этот раз уставившийся на форму Виктора с некоторым интересом. Аверина же он проигнорировал. Интересно, он был галкой?

– Участковый пристав Смирнов, – представился Виктор. – Доложите обо мне госпоже, немедленно.

– Могу я узнать цель визита? – осведомился дворецкий.

– Необходимо поговорить о ее животных, – пояснил Виктор. – Скажите ей, что сотрудничество в ее интересах, иначе ягуар будет застрелен.

– Немедленно доложу. – Дворецкий поклонился и исчез за калиткой, которую незамедлительно запер за собой.

Аверин приподнял брови:

– Застрелен? Разве вам не приказали его отловить живым? Это редкий вид все-таки, ну если это ягуар, леопард или тигр…

– Она же этого не знает, – улыбнулся Виктор. – Ордера у нас нет, так что, если она не захочет, вполне может не впустить, и нам придется ехать в участок, оформлять. А это время. А там, может, ребенка едят. Если это ее зверь – она нас примет.

Он кивнул на закрывшуюся калитку:

– Это и есть див?

– Возможно. Точно я сказать пока не могу.

– Не можете? Вы же их чувствуете, разве не так?

– Так. Но только если они под личиной. В истинной форме – нет.

– Вот как? – удивился Виктор. – А в чем разница?

– В силовом фоне. Когда див носит личину, он выделяет энергию, именно ее я и ощущаю. А в истинной форме он стабилен, слабые дивы еще могут «фонить», но первый класс – исключено. Так что это или сильный див-фамильяр, или обычный человек.

– Надо же… – с показным испугом сказал Виктор. – Хорошо, что у меня силы нет, а то бы пришлось в колдуны идти. Сложно все это.

– А вы можете узнать, кто числится за этими Перовыми? – спросил Аверин.

– Могу, но это нужно писать запрос, и только если предъявлено серьезное обвинение. Сами знаете, о фамильярах информация личная и секретная, как о банковских счетах.

– Да… – Аверин потер щеку, задумавшись.

– Вот что, – наконец сказал он, – если нас пригласят в дом, то выберите момент и пролейте на меня что-нибудь типа кофе или молока. Или еще как-нибудь испачкайте, чтобы у меня был повод отлучиться в уборную на достаточно большой срок. Я хочу кое-что проверить.

– Ладно. Только не вызывайте меня потом на дуэль, – усмехнулся Виктор.

Засов на калитке заскрежетал.

– Баронесса ждет вас. – Дворецкий распахнул калитку и пропустил их в сад.

Сад выглядел несколько мрачновато. Возможно, из-за того, что он был сильно заросшим и, скорее, напоминал лес, почти не отличаясь от того, что находился за забором. Вместо ухоженных декоративных деревьев и кустов тут стеной стояли настоящие заросли, через которые пролегали вполне приличные мощенные камнем дорожки.

Краем глаза Аверин заметил какое-то движение в кустах и обернулся.

Лиса. Роскошная, черная с белой грудью, она сидела в паре метров от дорожки и внимательно смотрела на него желтыми круглыми глазами.

По ощущениям – обычная лиса. Аверин сделал шаг к зверю, чтобы получше рассмотреть, и только тут заметил, что по кустам, отделяя «лес» от дорожек, протянута едва заметная сетка.

«Вольеры», – догадался он. Вот оно что. Это не сад, а зверинец. Интересно, каких еще животных содержала здесь баронесса?

– Анастасия Федоровна ждет вас, – поторопил дворецкий.

И Аверин, отвернувшись от лисы, пошел к ступеням, ведшим к дому.

Баронесса ожидала в гостиной. В отличие от дома соседей, эта комната была оформлена в традиционном для подобных домов стиле. Аккуратный стол из красного дерева, вокруг несколько венских кресел с обивкой из плотного бархата. Такой же небольшой диван, с наброшенным на него шелковым пледом. Каминная решетка изящная, но не вычурная. Аверин подумал, что у хозяйки этого дома не только много денег, но и неплохой вкус. Баронесса поднялась навстречу, изящно склонила голову и жестом указала на диван возле столика:

– Присаживайтесь. Чай, кофе? И… чем обязана?

– Кофе со сливками, если можно, – первым заговорил Виктор и подмигнул Аверину.

– Чай. Обычный, черный.

Аверин от души надеялся, что до этого дома мода не дошла и чай не будет извлечен из гнилого апельсина, в котором пролежал последние двадцать лет. Но ничего в доме на Китай не намекало, поэтому он рассчитывал на нормальный напиток.

Впрочем, не надо забывать, что они находятся в доме возможного похитителя и убийцы, так что ухо все равно надо держать востро. Вряд ли их тут отравят, но…

– Прошу прощения за настойчивость, Анастасия Федоровна, – начал Виктор, – но это действительно важный вопрос. Насколько мне известно, вы содержите диких зверей. Скажите, не убегал ли у вас кто-то из них на днях?

– Нет, – отрицательно дернула головой баронесса, – из моих животных никто не убегал.

Она сделала странный акцент на слове «моих», и Аверин это отметил.

– Понятно… Значит, вы ничего не знаете о животном, бегающем по городу? И вам безразлична его судьба? Тогда что вас так заинтересовало, что вы решили нас принять? – Виктор внимательно смотрел на нее.

Аверин тоже не отрывал взгляда от ее лица. Что-то в нем было странное, но он не мог понять что. Тревога? Не похоже. Какое-то напряжение, как будто она боится, что может случайно выдать какую-то тайну. Интересно. Нет, не страх. Не выглядело как страх. Тогда что?

– Я знаю о животном, – спокойно проговорила баронесса. – Об этом писали утренние газеты. И я совсем не хочу, чтобы его

пристрелили. Зверь, судя по всему, не дикий, и я бы хотела помочь с отловом и, если хозяин не найдется, выкупить животное.

– Выкупить? – Виктор улыбнулся уголком губ. – Вот как. Значит, вы узнали о нем только из газет и тут же решили помочь и спасти? – скептическим тоном уточнил он.

– А вас, – женщина наклонила голову, – это удивляет? Вы проходили по моему парку, видели что-нибудь?

– Да, – наконец подал голос Аверин. – Вольеры. И в них, я так полагаю, животные.

– Именно. Я думала, вы знаете, поэтому и пришли ко мне. Вам сразу следовало сказать, что это по поводу ягуара, а не лезть на мой забор, – укоризненно покачала головой она.

Виктор повернул голову, и в его глазах Аверин явственно прочитал: «Вы мне этого не говорили!»

– Прошу прощения за это, – склонил голову Аверин, – но ваш дворецкий очень суров. – Он многозначительно посмотрел на баронессу, но та спокойно выдержала его взгляд и продолжила:

– Все эти животные выкуплены у недобросовестных владельцев, в том числе из цирков и контактных зоопарков. С ними обращались отвратительно. Никаких законов, хоть как-то защищающих от таких «хозяев», у вас нет. Зато у меня есть деньги. И я могу их спасти и обеспечить приличные условия.

Баронесса определенно вызывала симпатию. Но, к сожалению, это окончательно переместило ее в разряд главных подозреваемых. И ее див…

Как будто почувствовав, что о нем вспомнили, дворецкий материализовался с подносом, на котором стояли чашки. Расставил все по столику и отошел на несколько шагов. Аверин, стараясь сделать это незаметно, начертил знак яда на чашке и пригубил чай. Вполне приличный, и горечи, которая бы появилась на губах, будь он отравлен, тоже не чувствовалось.

– Очень похвально, – отметил он, – но скажите, у вас не бывает конфликтов с соседями? Не каждому будет приятно, что у него за забором дикие звери.

– Ах вот оно что, – поджала губы баронесса. – Синицыны. Опять кляузу написали. В управу, не иначе? Надо было сразу сказать, а не присылать ко мне свою ищейку, – она кивнула на Аверина.

Он мог бы сказать, что не имеет отношения к полиции и тем более к управе, но решил, что это лишнее. Поэтому просто развел руками и постарался улыбнуться как можно дружелюбнее.

– Вы почти угадали. Не в управу, но Синицыны и правда жаловались на вас. Ваша рысь перебралась через забор и чуть не напала на…

– Моя рысь? Перебралась? Напала? – Баронесса подалась вперед, глаза ее потемнели, а в голосе появилась сталь. – Да будет вам известно, – отчеканила она, – их… отпрыск, – это слово она словно выплюнула, – сам выманил Герду из вольера, открыв засов, при помощи веревки и куска мяса заманил к себе в сад и там цинично застрелил. Да, моя вина в этом была, вольер не был надежно заперт, поэтому я не стала устраивать скандал. Но когда этот… – она не смогла подобрать подходящего слова, – этот… пробрался через окно в наш дом, похитил и убил Вильяма, я не выдержала и подала на них в суд.

– Вильям? – переспросил Виктор.

– Это крокодил, как я понимаю? – уточнил Аверин.

– Маленький аллигатор. – Баронесса взяла себя в руки. – Я спасла его из уличного цирка. Знаете, они там разрешают посетителям трогать животных. Вильяму перетягивали пасть веревкой, она стерла ему всю морду до крови, он был очень истощен, когда мы его забрали. И больше года он прожил счастливой жизнью в специально оборудованном в пристройке бассейне до тех пор, пока не был украден.

– Значит, подали в суд? И? – продолжил Аверин.

– И согласилась на мировую. Они предложили очень много денег, а на эти деньги можно было спасти еще не одно животное. И граф дал слово, что больше ни одно мое животное не пострадает. Я решила поверить им. А они, значит, жаловаться.

– Хм, – подключился к разговору Виктор, – а все эти животные, они у вас здесь живут? Те, кого вы спасли? Места хватает?

Баронесса улыбнулась:

– Я спонсирую несколько заповедников, мы в отличных отношениях с их руководством. Тех животных, кого можно вернуть в дикую природу, я отвожу им. Их подлечивают и отпускают на волю. И кстати, – нахмурилась она, – Синицыны… вам стоит как раз с

Даниилом и его отцом побеседовать о ягуаре. Они могли купить его для своих омерзительных забав, но ему удалось сбежать.

Не было похоже, чтобы баронесса лгала. Значит, она не знает, что Даниил пропал? Или знает? Тогда она чертовски хорошая актриса.

– Ма-а-а-а-а-а-а, – внезапно раздался крик откуда-то из комнат. – Ма-а-а-а-а-а-а-а!!!

Сын? Голос был какой-то странный, похожий на крик боли. Аверин вопросительно посмотрел на баронессу.

Она глубоко вдохнула:

– Артемий, привези Алешу. Он уже понял, что у нас гости.

Дворецкий скрылся за дверью и через некоторое время вернулся, катя перед собой инвалидную коляску. В ней сидел мальчик лет десяти, со странно наклоненной вбок головой и перекошенным лицом. Один его глаз скрывала повязка.

– Полис-с-сейски-и… дядя… дратте, – странно искривив губы, проговорил мальчик и вытянул руку, указывая на Виктора.

Аверин прикусил губу и вздохнул. Так вот почему баронесса не принимает гостей. Он начал подбирать слова, чтобы сгладить неловкость момента, но его опередил Виктор:

– Привет, Алеша. – Он расплылся в улыбке, встал и протянул мальчику руку. – Меня зовут Виктор Геннадьевич, а моего друга – Гермес Аркадьевич. Мы пришли в гости к твоей маме. – Он пожал мальчику руку. Тот, к некоторому удивлению, на рукопожатие ответил и тоже попытался улыбнуться:

– Гости! – выкрикнул он.

– Да, Алеша, гости. – Баронесса перевела взгляд с мальчика на Виктора. – Уж извините, что пришлось его позвать. Не самое приятное зрелище.

– Все… в порядке, – нашел, наконец, слова Аверин. – Я вас понимаю, это нам следует извиниться. Что… с ним случилось? ДЦП?

– Нет. Родился Алеша совершенно здоровым. Но авария шесть лет назад изменила всю нашу жизнь. – Она опустила взгляд. – Не смотрите, что он плохо говорит. Он смышленый мальчик. Ты не голоден, Алеша?

– Не! Ма-а-а, полис-с-сейский, – мальчик снова указал на Виктора и с трудом повернул к нему голову: – Вы посаите Танила в тюиму? Он отень плахой.

– Когда он вырастет, обязательно, – хмыкнул Виктор и посмотрел на баронессу: – Он знает Даниила?

Та кивнула:

– Да. Он видел его, когда украли Вильяма. И ничего сделать не мог. Это ведь его звери на самом деле. Он очень любит их, часами может сидеть перед вольером и наблюдать. Кормит. И они его любят, ластятся. Поэтому жаль, что вы не можете «посадить Даниила в тюрьму» прямо сейчас. Все равно он закончит свои дни за решеткой. Но сколько бед успеет натворить.

Нет, не похоже это было на актерскую игру. Баронесса говорила совершенно искренне. Выходит, она не знает, что Даниил пропал. Хм…

Виктор тем временем взял свою чашку с кофе и, садясь на свое место, словно бы случайно выплеснул почти половину Аверину на рукав.

– О… ч-ч… – Он прикусил язык, косясь на ребенка, схватил салфетку со стола и принялся тереть пятно, еще больше размазывая.

Эх! Легенда о том, что Аверин один из сыщиков из участка пристава Смирнова, рассыпалась в прах. Не стал бы начальник так себя вести. Но ничего, почти все, что Аверин хотел узнать, он уже узнал и теперь наделся, что получится выяснить самое главное. Он поднялся:

– Прошу прощения. Я могу посетить вашу уборную? Мне нужно привести себя в порядок, к сожалению, этот визит для меня не последний на сегодня, а переодеться возможности не будет.

– Конечно. – Баронесса подняла руку. – Артемий, проводи гостя в уборную.

Дворецкий остался стоять за дверью, но это было как раз хорошо: если он див, маятник определит это точно. И можно будет замерить уровень его силы. В случае если все же придется организовывать вторжение, было бы неплохо знать заранее, получится ли отсюда уйти живым или нет.

Он включил воду, извлек часы и намотал цепочку на руку.

…Если у соседей, на Даниловой живодерне, маятник норовил вырваться из рук, то сейчас он взбесился окончательно. Цепь перехлестывала через запястье, сами часы довольно больно ударили по руке.

Никаких сомнений. Див первого класса определенно находился за этой дверью. Осталось только определить его уровень. Аверин поймал часы рукой, отщелкнул крышку и трижды нажал на кнопку наверху. Стрелки, в начале манипуляций вставшие неподвижно на цифре 12, двинулись, и короткая часовая сразу остановилась на цифре 1.

Минутная стрелка тоже побежала по циферблату. Аверин следил за ней напряженным взглядом: 7… 8… 9… На 10 она остановилась, и Аверин прочистил горло, прижав к нему пальцы. Ничего себе. Нет, предпринимать что-либо прямо сейчас точно нельзя. Живым он из этого дома не выйдет.

Впрочем, если обитающая здесь компания и похитила мальчишку, то шансов, что он все еще жив, не было почти никаких. Скорее всего, его просто сожрали на месте. Зачем создавать себе проблемы?

Только как это доказать? Если это сделал дворецкий по приказу баронессы?

Аверин вздохнул. Ну и задачка. Без полиции обойтись точно не получится. Ну ничего. Побегать за ягуаром – неплохой моцион. И Виктор будет у него в долгу. Совместно с полицейскими колдунами и дивами можно будет хорошенько перетряхнуть это осиное гнездо.

Он смыл пятно, протер мокрый рукав полотенцем и вышел. Див-дворецкий так же ждал его снаружи.

Когда они вернулись в гостиную, Виктор уже раскланивался. Аверин присоединился к благодарностям за чай и извинениям за отнятое время.

– Мы обязательно позвоним вам, – добавил он, – когда поймаем зверя, кем бы он ни был. Если вы хотите им заняться, я надеюсь, у вас получится пристроить его в заповедник.

– Да-да, – добавил Виктор, – он там будет смотреться куда лучше, чем в центре Санкт-Петербурга.

– Дасвиданьня! – замахал рукой Алеша.

И Аверин поднял руку в ответ. Похоже, им с Виктором одинаково хотелось побыстрее покинуть этот дом.

– Уф, – сказал Виктор, когда они наконец оказались на улице. – Так что вам удалось разузнать?

– Знаете, – задумчиво произнес Аверин, – или этот дворецкий – один из самых сильных дивов, которых мне доводилось видеть, или

особняк просто кишит дивами, и они дают такой мощный фон. Уровень силы – десять единиц из двенадцати.

Виктор присвистнул.

– Хм… мне, конечно, это особо ничего не говорит, но звучит солидно. И что это значит? Он мог слопать соседа?

– Он мог слопать полгорода… – Аверин задумчиво потер нос, что-то его беспокоило, но он не мог поймать мысль. Он оглянулся на дом. Пятнисто-полосатый кот сидел на заборе в позе египетской кошки и щурился. Черт. Совсем забыл спросить, принадлежит ли животное Перовым. Ну а чье же оно еще? Эх…

– Послушайте, надо найти способ посмотреть, откуда у этой семьи такой серьезный фамильяр. И правда ли такой за ними числится.

– Ого… та-ак… вы что же, намекаете, что баронесса его раскормила? И пацан не просто так пропал? О, кстати, Сомов. Может, и его тоже? – Виктор изобразил пальцами открывающуюся и закрывающуюся «пасть».

– Не знаю… – Аверин также задумчиво сел в автомобиль. – Обычно, если хотят увеличить силу фамильяра, давая ему жрать людей, выбирают жертв попроще. Бродяг, крестьян из каких-нибудь отдаленных деревень. Вы же помните, из-за чего произошел переворот семнадцатого года?

– Конечно. У меня по истории в школе четверка была! – Виктор изобразил на лице обиду и завел машину. – Крестьян тогда целыми деревнями жрали, а фамильяр Романовых вообще не стеснялся. Так что, если между нами, честно и откровенно, я не могу восставших осуждать.

Аверин кивнул:

– Вот. Но вспомните, даже тогда никто не скармливал своим дивам людей благородного происхождения. И не только из опасения, что их будут искать.

– Да уж. Но все же не стоит этого исключать. Хотя, если честно, я баронессе, пожалуй, верю.

– Насчет соседского мальчишки или насчет ягуара?

– Мальчишки. Как раз по поводу ягуара она врет. Да и можно понять. Хорошая легенда про «хочу спасти». И забрать свое животное, и избежать ответственности за то, что не уследила. Ведь ей не только

штраф грозит, к ней может прийти комиссия и наложить запрет на ее зверинец. – Виктор свернул на проспект. – Вас к дому подвезти?

– Да. – Аверин потрогал все еще мокрый рукав. – Маргарита мне всыплет.

Они рассмеялись.

– Вот что, – добавил Аверин, – вы можете проверить, не связывает ли Сомова что-то с Синицыными? И заодно поискать пропавших за последнее время. И не просто пропавших без вести, а посмотреть все смерти, где не нашли тела. Утопленники, пожары.

– Хм. Хорошая идея, поручу ребятам. Ну так что? Встречаемся сегодня вечером?

– Конечно. Если быстро управимся, предлагаю зайти потом в «Охоту на енота».

– Отличная мысль. – Виктор повернул направо, и машина свернула к дому Аверина.

Глава 3

Когда Аверин подъехал к набережной, уже смеркалось. Виктор ждал его на углу ресторанчика корейской кухни, держа за поводки двух рыжих овчарок. Одна из них выглядела совершенно обычной собакой, вероятно, это была истинная форма дива, второй див использовал личину. Полицейские дивы должны были на улице принимать облик собак, даже если их истинная форма совершенно иная. Поэтому в ведение полиции старались отдавать всех дивов, чьей формой была собака. Личина требует расхода сил, и это утомляет, а на полицейской службе сила и быстрота реакций весьма важны.

Однако не важнее спокойствия горожан, которые не желали лицезреть на улицах крокодилов, пум, гиппопотамов, а то и вообще нечто, не похожее ни на одно реально существующее животное. В конце концов, химер, горгулий, мантикор тоже не художники придумали.

По крайней мере, не всех. Аверин протянул руку.

– Хм? – вопросительно посмотрел на него Виктор. – А!

Он порылся в кармане и достал плоский гербовый жетон Владения господина Фетисова. Аверин осторожно взял его в руку, а второй быстро завертел в воздухе, формируя Путы Подчинения.

Два призрачно мерцающих кольца повисли над головами «собак». Аверин сжал Талисман в кулаке, нарисовал в воздухе знак Свободы и произнес:

– Отпускаю!

Поводки в руках Виктора внезапно обвисли, упав на землю с более не существующих ошейников, но в то же мгновение мерцающие кольца рухнули вниз и крепко сжали шеи дивов. Те даже не шелохнулись. Для полицейских дивов, хорошо дрессированных и обученных, смена хозяина не была чем-то необычным. В зависимости от специализации их довольно часто перевозили в разные участки и передавали от колдуна к колдуну. Эти же тявкнули, подошли к новому «владельцу» и послушно подняли морды, дав ему коснуться своим кольцом их новых ошейников в виде цепей с замысловато подкрученными звеньями.

Аверин кивнул, показывая, что все готово.

– Обалдеть! – воскликнул Виктор. – Каждый раз, как вижу, удивляюсь. Вот как вы это делаете?

– Я? Или колдуны в целом? – Аверин улыбнулся.

– Не то чтобы у меня полно друзей-колдунов, – улыбнулся в ответ Виктор.

– А господин Фетисов?

Виктор хмыкнул:

– Бедняга. Бежит, не иначе, сейчас вприпрыжку в цирюльню.

– Хм, – с серьезным видом изрек Аверин, – думаю, нет. Он мчится в ресторан. И там закажет себе все виды вилок, которые у них есть.

Виктор расхохотался.

– Нет, серьезно, а что, вот правда любой капли крови достаточно? А если, например, комар укусит?

Аверин усмехнулся:

– Нет, конечно. Крови должно быть столько, чтобы див не только почуял ее запах, но и имел возможность слизнуть. Это дает ему краткий, но очень мощный скачок силы. Вот тогда все, финал. Если слабого дива умелый колдун еще может попытаться остановить, то первый класс – это приговор.

– Вот оно как… и Фетисов не сможет справиться с ними? – Виктор указал на «собак»: – Видимо, нет. Так, ладно, к делу. – Он протянул поводки Аверину, но тот помотал головой:

– Повесьте их тут, на заборчик. Мне они не нужны, будут только мешать. Где этого зверя видели в последний раз?

– Да вот как раз тут, недалеко, рядом со сквером, что расположен возле Нахимовского училища. Я сейчас покажу.

Он двинулся вперед. Аверин сделал знак дивам, и «собаки» послушно потрусили рядом, обнюхивая землю. Наконец они остановились у широкой деревянной скамейки.

– Где-то тут, – Виктор обвел рукой вокруг себя, – ну, по крайней мере, это место показал тот студент.

Аверин нагнулся к дивам:

– Ищите дикого зверя или того, кто в облике дикого зверя. Не убивайте его, когда найдете и поймаете. Удерживайте до тех пор, пока не появится служба отлова. Кроме меня, защищайте также и его, – он указал на Виктора.

Дивы опять тявкнули и уткнули носы в землю.

– В облике? – нахмурился Виктор. – Вы думаете, это может быть…

Одна из «собак» зарычала.

– Нашли! – Виктор радостно хлопнул в ладоши.

– Да… – теперь нахмурился уже Аверин. Не понравилось ему это рычание. Какое-то оно было неуверенное и даже как будто испуганное.

– Вперед, – скомандовал он, и псы понеслись по следу.

Аверин едва за ними успевал. Виктор тоже отчаянно пыхтел рядом, но замедлять темп не стоило – зверь был совсем рядом. Не хотелось его упустить.

Если это, конечно, был зверь. Аверина терзало нехорошее предчувствие.

Они свернули к реке. Уже совсем стемнело, и на набережной включились фонари. Виктор несколько отстал, все же скорость они набрали немалую.

Когда они закончат с этим делом, Аверин обязательно пошутит над ним за это. А пока…

Внезапно по дороге скользнула темная тень. Аверин резко затормозил, и Виктор, догнавший его, чуть не врезался в спину.

– Тихо, – Аверин вскинул руку.

Дивы тоже остановились. И, внезапно испуганно заскулив, попятились. Аверин сглотнул.

В желтое пятно фонаря вышел зверь. Он совершенно не боялся, двигался спокойно, расслабленно, с кошачьей текучей грацией. Это действительно был ягуар, с длинными, почти как у гепарда, лапами. По крайней мере, примерно таким его запомнил Аверин из уроков биологии. Ну или что-то, довольно сильно похожее на ягуара. Хотя сейчас это было не важно. Потому что появившееся существо с настоящим зверем не имело общего ничего, кроме облика. Дивы поджали хвосты, остановились и принялись рычать, так же испуганно, как в самом начале. Взгляд Аверина скользнул по шее зверя. Она была гладкой и чистой, мех поблескивал в свете фонаря. Ошейника нет. Аверин отступил на шаг. Он ничего не чувствовал, но поведение дивов говорило само за себя.

– Что? Что происходит? – послышался над самым ухом громкий шепот Виктора.

– Все плохо. Это демон.

Виктор за его спиной выдал нецензурную тираду. И добавил:

– Сильный?

Аверин указал на дивов.

– Они скулят, как собаки, увидевшие тигра. Можете сами прикинуть.

– Все плохо, – вынес вердикт Виктор.

– Да, я это сразу сказал.

Дивы продолжали рычать и уже не отступали. У них было два четких приказа: преследовать зверя и защищать хозяев. Преследовать было страшно, поэтому они решили придерживаться второго приказа и заняли глухую оборону.

– Справимся? – Виктор сделал шаг вперед, но Аверин вытянул руку, останавливая его.

– А у нас есть выбор? – По его губам скользнула кривая усмешка. – Мы не можем позволить демону шляться по городу. Это чудо, что он до сих пор никого не сожрал.

– Кстати, да… и он… Хм. Почему он не нападает? Боится наших собачек? Тогда почему не убегает?

– Сейчас узнаем… – Аверин пожал плечами и скомандовал: – Взять его!

Дивы бросились вперед, заливаясь визгливым лаем. Демон-ягуар прыгнул с места, перемахнув через дорогу, и так же грациозно, как будто скользя по воздуху, помчался в сторону домов.

– А-а, черт, за ним.

Аверин понял, что не сможет долго выдерживать такой бешеный темп. Это за животным можно угнаться – человек вообще выносливое существо, но дивы не знали усталости, по крайней мере, когда не нужно тратить энергию. Их тела были копиями тел животных, облик которых они принимали, но сила, из которой они на самом деле состояли, позволяла дивам вытворять невероятные вещи. Они подчинялись законам совершенно иной природы.

А этот див энергии тратил очень мало. Он находился в своей истинной форме, а в этом случае расход минимальный. Даже сейчас Аверин чувствовал лишь очень слабое покалывание в пальцах, хотя сила этого существа была довольно велика.

Как получилось, что такой див остался без хозяина? Причин могло быть две: или его хозяин скоропостижно скончался, а див почему-то не был никому передан в положенный срок, или хозяин был неосторожен и позволил своему слуге себя сожрать. Впрочем, какая разница? Рано или поздно демон проголодается, и тогда все станет по-настоящему плохо.

Впереди показался черный зев открытой подворотни, и огромная пятнистая тень грациозно скользнула туда, словно растворившись в темноте.

Аверин, тяжело дыша, остановился возле арки. Дивы, нырнув было внутрь двора, хрипло зарычали и попятились.

– Так, – Аверин перевел дух и указал сначала на дивов, потом в темноту, обращаясь к подоспевшему Виктору: – Двор глухой, колодец. Он там. Если парадные закрыты, а я надеюсь, что да, то он никуда не денется. Оставайтесь здесь и ни в коем случае не ходите за мной.

– А вы справитесь? – Виктор посмотрел в проем с сомнением. – Вообще-то у меня есть пистолет, и он стреляет серебряными пулями. – Он похлопал себя по боку.

– Отлично. Возьмите его и держите наготове. Если из этой подворотни выскочит что-то, не похожее на меня, немедленно стреляйте.

– А вы?

– А я могу за себя постоять.

Аверин махнул в воздухе рукой, и его запястье обвили Путы Связывания.

– Вперед, – скомандовал он дивам и сам шагнул под арку.

Во дворе было довольно темно. Но некоторые окна светились, и этого света было вполне достаточно, чтобы понять – двор пуст.

– Ищите, – скомандовал Аверин, и дивы начали хаотично метаться по двору. А он прислушался к своим ощущениям.

Ничего. Если бы демон сменил личину, выброс энергии был бы неслабым, и Аверин отчетливо бы его чувствовал, но во дворе стояла тишина, нарушаемая только порыкиванием собак на водосточную трубу. Надо проверить парадную рядом с ней. Что, если там открыто? И использовать маятник.

Он сунул руку в карман, доставая часы, и шагнул было к двери, когда услышал с улицы сдавленный вскрик. И тут же прогремел

выстрел.

– Защищать! – заорал он собакам и кинулся к арке.

Но едва он успел выбежать на улицу, как что-то тяжелое сбило его с ног. Он немедленно вскочил на ноги и увидел, что «снарядом» был один из полицейских дивов, выскочивших из арки перед ним. Пес, повинуясь приказу, опять ринулся вперед. Аверин даже не рассмотрел взмаха гигантской лапы, как несчастный див снова кубарем отлетел в сторону. Вторая лапа демона, казавшаяся просто огромной, упиралась в грудь Виктора, прижимая его к земле. Его тела почти не было видно под пятнистой махиной. Казалось, ягуар увеличился вдвое, но при этом ни одной крупинки энергии не просочилось за пределы его шкуры. Он наступил на грудь Виктора и оскалил клыки, намереваясь вцепиться в горло.

Вот это мощь. Черт побери, вот это сила!

Нет, Путами Связывания эту махину не удержать. Полицейские дивы… Они тут совершенно бесполезны, да и второго не видно, скорее всего, демон его уже сожрал. Плеть? Диву послабее можно было бы ею раздробить хребет, но этого она только ранит и разозлит. Что же делать?

Аверин сжал руками холодную луковицу часов. Точно! Алатырь, рассчитанный на мелких бесенышей, не удержит эту тварь, но, может быть…

Думать было некогда. Он отщелкнул крышку и раскрутил звезду как можно сильнее. И выставил руку вперед.

Демон замер. Его потащило вбок, и он нелепо взмахнул лапами, убирая их с груди своей жертвы. Виктор немедленно откатился в сторону и принялся шарить руками по земле – похоже, искал свой пистолет. А зверя продолжало тянуть вбок, как будто в руке у Аверина был огромный магнит.

Впрочем, примерно так оно и было. Великая Пустошь притягивает дивов. Алатырь лишь открывает проход, создает что-то вроде дыры между обычным миром и тем местом, где обитают дивы. Все зависит только от размеров этой «дыры». Если бы у Аверина было время начертить алатырь на земле и активировать его, демона бы всосало туда за несколько мгновений. Да даже и без активации, стоило демону хотя бы коснуться рисунка, его бы крепко припечатало к земле.

Но времени не было. Часы удержат его недолго, но… этого должно хватить.

Аверин раскрутил Путы и швырнул их в ягуара. Ярко светящиеся в темноте нити опутали тело демона, он издал оглушающий рык, завалился на бок и принялся рвать когтями воздух, пытаясь избавиться от Пут. В тот же миг грянул еще один выстрел, и раздался полный боли и ярости рык. Аверин кивнул благодарно Виктору, который, стоя на одном колене, сжимал обеими руками найденный пистолет, и снова начертил в воздухе Знак Земли, сопровождая его заклятием Сковывания. И длинные плети Пут рванули к катающемуся по земле зверю. Накрыли его сверху, словно сетью, края этой сети вросли в землю, крепко прижав демона к ней и не давая даже пошевелиться.

Со стороны подворотни послышалось скуление.

Аверин оглянулся. Из-под темной арки выполз крупный муравьед и, увидев Аверина, упал на бок и заскулил еще жалобнее. Второй див. Надо же, он, оказалось, не сожран. Видимо, демон швырнул обоих, но один пролетел мимо Аверина и ударился в стену дома. Бедняге пришлось несладко, если он не способен даже удержать личину.

Виктор. Все ли с ним в порядке?

Аверин бросился к товарищу.

– Вы как? – Он помог ему встать на ноги.

– Хм… – Виктор ощупал себя, не выпуская пистолет из руки, – вроде цел. Только грудь болит. Невероятно!

– Да уж, – согласился Аверин, – такого я не ожидал. Но нам повезло. Ну, по крайней мере, больше, чем им. – Он посмотрел на полицейских дивов.

– Да… но я не… Черт. – Виктор наконец сунул пистолет в кобуру и встряхнулся. – Я думал, он меня сожрет.

– Мог, – подтвердил Аверин.

– Да… Но, знаете, он словно ждал чего-то.

– Хм. – Аверин нахмурился: – Приказа? Хозяина? Но на нем нет ошейника. Как это произошло? Откуда он вообще взялся? Из двора только один выход.

– Понятия не имею. Он свалился сверху, внезапно. И сразу прижал меня к земле. Но… понимаете, он начал меня нюхать. И только когда я выстрелил, оскалил клыки. А потом наши собаки кинулись, и он их одной лапой отшвырнул, как щенят.

Черт…

– Странно… Он кого-то ищет? Кого-то конкретного?

– Хм… А может, он потерял хозяина и теперь ищет его?

Аверин рассмеялся:

– Нет, вот это вряд ли. Дивы очень свободолюбивы. И, оказавшись на свободе, они…

Его прервал громкий скулеж. Видя, что хозяин не спешит ему помогать, муравьед решил напомнить о себе.

– Надо помочь им, – Виктор указал на муравьеда и на несчастную, едва двигающую хвостом овчарку. – Они же не умрут? Я не расплачу́сь потом.

– Нет. Чтобы убить дива, нужно как минимум порвать его пополам. Даже серебро их только ранит.

– Да, я знаю… – рассеянно произнес Виктор. – Но боль они же чувствуют, вон как скулит.

– Да, чувствуют. Ничего, я сейчас их усыплю, погру́зите в машину, а дальше Фетисов знает, что надо делать. Ну, я надеюсь.

– Я могу помочь?

– Да. Если вы подтащите второго сюда поближе.

– Хорошо.

Аверин сосредоточился. И, сложив руки в знаке Успокоения, нараспев начал произносить заклятие. Муравьед перестал скулить, боль начала отступать, а потом глаза его закрылись. Виктор принес собаку, обхватив ее под передние лапы, и этот див тоже попал под действие заклятия.

– Уф. – Аверин вытер пот со лба. – Как же я устал.

– Хм. А может, вы еще сможете усыпить этого, для надеж… – Виктор повернулся в сторону демона и вскрикнул.

Аверин тоже повернулся.

– Провались я в Пустошь… – только и смог сказать он. Путы были пусты.

Он бросился к месту, где еще минуту назад рычал и бился демон, надеясь, что, может быть, тот принял облик какого-то мелкого существа и Путы, отреагировав на выплеск энергии, в каком-то месте сжались и удерживают его. Но нет. Сияющие нити лежали на земле, как старая рыболовная сеть, выброшенная прибоем. Ни следа демона.

Да и на что он рассчитывал? Выплеск силы он бы почувствовал.

Он поднял «сеть» с земли, развернул в воздухе и расправил, тщательно изучая. Нет, разрывов тоже не было.

– Что произошло? – тихо спросил Виктор.

До этого он молчал, не хотел отвлекать Аверина от производимых манипуляций.

– Я… я не знаю. Чертовщина какая-то. Он ушел. Но как?! Путы целы.

Как бы в качестве доказательства он указал на развернутую и слегка вибрирующую в воздухе сеть. Махнул руками, скрещивая их, и сеть исчезла.

– И… что же теперь делать? – Виктор обвел взглядом пустое место, где только что была их «добыча», потом мирно спящих собаку и муравьеда и, наконец, посмотрел в глаза Аверина.

– В «Енота»?

– В «Енота», – хором сказали оба.

Глава 4

Им повезло. Фетисов, который действительно был в ресторане, не пил, поэтому с ним быстро удалось связаться и вернуть «подопечных» обратно в распоряжение полицейского колдуна. Аверин не стал выслушивать его стенания, а быстренько ретировался: Виктор вызвал каких-то больших чинов из Управления, и совершенно не стоило перед ними светить тот факт, что участок прибегал к помощи частного сыщика. Особенно в подобных обстоятельствах.

Виктор пообещал, что присоединится позже, и Аверин направился в «Охоту на Енота» один. Это было даже хорошо. Ему нужно было время подумать, а после и объяснить Виктору, что же произошло. Потому что история вышла крайне некрасивой.

Колдун поднялся по ступеням. Около двадцати лет назад, к радости жителей города, на Каменноостровском проспекте была построена станция метро «Петроградская». Ресторан располагался на втором этаже большого современного здания и был, как это принято говорить, «среднего ценового сегмента». Аверин, безусловно, мог бы позволить себе посещать заведение получше, но его единственного друга устраивали местные цены и качество еды и напитков. Да и сам Аверин вовсе не гнушался веселой и непринужденной атмосферой непритязательного заведения. Здесь был большой, но удобно разделенный на несколько уютных частей зал, оформленный, скорее, в стиле кнайпе, чем классического ресторана, ненавязчивые официанты, не привыкшие в порыве чрезмерной услужливости выхватывать из-под руки салфетку или тарелку, из которой ты только что взял последний кусок. Заведение работало до трех часов ночи, а в праздники – до последнего посетителя. Поэтому и Аверин и Виктор любили скрасить тут пятничный вечер.

Аверин сел за столик, заказал котлеты из осетрины, картофель по-деревенски с грибами и большую кружку пшеничного пива. Для Виктора он заказал графин можжевеловой водки. Впрочем, после пива будет неплохо и самому пропустить рюмочку-другую.

Виктор появился минут через сорок. Он так и ввалился в кабак в форменном мундире, скорее всего, не хотел терять время и

переодеваться. Серьезное нарушение протокола, но, похоже, обстоятельства позволяли.

Упав в кресло, он налил себе водки, залпом махнул, вытер тыльной стороной руки пот со лба и выдохнул:

– Фу-у-у.

Аверин вопросительно поднял бровь.

– Еле отбрехался, – ответил Виктор. – Спасибо Фетисову, он очень натурально расписывал, какой страшный и опасный демон у нас тут бегает. И что нам самим ну никак не справиться. Так что с утра нам пришлют дива из Управления. И заберут дело себе. А пока я сказался раненым и под предлогом визита к врачу сбежал.

Уголки губ Аверина дернулись вверх. Он поднял графин, налил себе и Виктору и кивнул на стопки:

– Лекарство.

– Точно. – Виктор замахнул вторую и подозвал официанта. Некоторое время совещался с ним, потом они пришли к консенсусу, и парень отправился за заказом. А Виктор повернулся к Аверину.

– Ну? – Он опустил подбородок на сложенные руки.

Аверин вздохнул и тоже скрестил руки на столе.

– Я долго думал, что могло случиться. Все варианты перебрал. Единственное разумное объяснение – у этого существа две истинные формы. И вторая намного меньшего размера, чем первая. Эту-то форму он и принял. Выброса энергии не было, вот Путы и не среагировали, и ему удалось сбежать через ячейку сети, рассчитанной на более крупное существо.

– А… такое бывает? Ну, чтобы две эти формы?

– Бывает. Например, у дивов первого класса две формы. Когда они эволюционируют, то у них появляется человеческая форма. Но и прежняя, звериная, тоже остается.

– «Эволюционируют» – это в том смысле, что людей жрут? – поинтересовался Виктор.

Аверин развел руками.

– Так, выходит, мы не наврали и наш демон таки первого класса? – продолжил Виктор.

– А вот тут загвоздка. Если бы он обратился в человека, то все равно ячейки Пут были бы слишком малы.

– А если ребенок?

– Ячейки все равно мелковаты. Да и так быстро ребенок бы не убежал. Мы чуть больше минуты на ваших дивов потратили. Вот если бы мы поймали его в форме человека, он мог бы сменить облик на свою звериную форму, на крысу, например, или ворону. И сбежать. Силовой фон чувствуется только под личиной, при смене одной истинной формы на другую его нет, поэтому мы бы ничего не заметили. Но тут смена звериной формы на… я понятия не имею, на что…

– Да уж… – Виктор похлопал ладонью по столу. – Вот мы и пришли к тому, с чего начали. У нас есть демон, который имеет больше одной истинной звериной формы, с силой, приближенной к первому классу, и который шляется по городу, но пока никого не убил, что хорошо, но, согласитесь, странно.

– Странно, – согласился Аверин, а про себя подумал о пропавшем пацане и Сомове. Баронесса… все нити ведут к ней. Но как, черт подери, связаны все эти события?

– А что, если это див первого класса? И днем он человек? И поэтому никто не может его найти?

– Хм… – Виктор нахмурился, – а это мысль. Но она все равно не объясняет, как он удрал.

Подошел официант, принес заказ Виктора. На огромном блюде были разложены куски мяса в кляре, залитые красным прозрачным соусом. Салат из чего-то длинного и зеленого дополнял блюдо. А мисочка риса не оставляла сомнений в происхождении этого изыска кухни.

Брови Аверина поползли вверх, губы искривились.

– Виктор! Это, с позволения сказать, что такое? – спросил Аверин голосом, в котором смешались одновременно легкая брезгливость и смех.

– А что? Гермес, ну вам вредно быть таким консерватором. – Виктор указал вилкой на мясо: – Это всего лишь гобаньчжоу.

– Губань… что? – Аверин все-таки прыснул от смеха, сделав вид, что прикрывает рот салфеткой. – А вот это? Что это за хвощ?

– О, вы почти угадали, это папоротник. Всего лишь маринованный острый папоротник, между прочим, отличная закуска. – Виктор наколол длинный стебель на вилку и протянул товарищу. Тот картинно отшатнулся, выставив перед собой раскрытые ладони.

– Н-нет. Нет-нет. Я в детстве, конечно, искал цветок папоротника, но вот чтобы его жевать… надеюсь, в жизни так не оголодаю.

– Ну что вы, – Виктор состроил обиженную гримасу. – На самом деле даже на русском Дальнем Востоке в деревнях исстари его заготавливали, солили в бочках и…

– Нет, спасибо. В амурскую деревню меня пока не за что. Да, кстати. – Аверин налил им обоим водки и поднял рюмку: – За государя нашего Императора Александра Владимировича. Долгих лет ему.

– Долгих лет, – отозвался Виктор, и они одновременно осушили стопки.

– Однако, – Виктор подался вперед, – на фоне опасения ссылки на Амур это прозвучало как-то даже излишне патриотично.

– А что? – Аверин делано нахмурил брови и выпрямил спину. – Я весьма патриотичен и очень ценю государя Александра Пятого за все, что он сделал для России. Ну вот, например, – он взял вилку и ткнул ею в остаток котлеты, – они из осетра. И при этом довольно дешевые. Что это, по-вашему, означает?

– Хм-м… – Виктор демонстративно задумался, а потом сделал вид, что его осенило: – Они наполовину из трески, да?

– Ну что вы… – осуждающе покачал головой Аверин, – настоящий осетр. Уж я-то знаю вкус.

– Тогда? – Виктор намотал длинный зеленый стебель на вилку и сунул в рот.

– Это значит, мой дорогой друг, что осетра стало много, вот он и подешевел. А что из этого следует?

– Что же? – спросил Виктор, активно принимаясь за мясо.

– То, что реки стали чище! Осетр не любит грязную воду, знаете ли. И все это несомненная заслуга нашего государя. Вот я еще помню времена, когда далеко не каждый мог позволить себе осетра, а в Мойке купались только пьяные вдрабадан матросы. А сейчас?

– М-м? – вопрошающе промычал Виктор. Рот его был набит китайским мясом.

– Э-э-эх… – вздохнул Аверин. – Вот вы. Госслужащий. Полицейский чин. Это вы мне должны все это говорить.

– Ум-гу… – Виктор наконец прожевал, – в следующий раз моя очередь.

Аверин налил еще. Они снова чокнулись, выпили, и Виктор, внезапно нависнув над столом, тихо, почти шепотом спросил:

– А вот скажите мне, только честно. Про «Ангару» это враки? Британская пропаганда? Ну, или что-то там… Или правда?

Аверин нахмурился. Виктор на нервах и на голодный желудок хлебнул лишнего.

Он и сам в студенчестве очень интересовался этой историей, даже нашел в архивах оригинал лондонской газеты, в которой была опубликована эта порочащая честь деда нынешнего государя статья. В ней говорилось, что 4 января 1920 года по приказу Верховного Правителя Колчака сто пятьдесят иркутских мятежников были посажены на пароход «Ангара», вывезены на середину Байкала и там принесены в жертву диву, вызов которого и сыграл решающую роль в противостоянии с Красной Армией. В составе которой было довольно мало дивов, но зато очень много людей, вооруженных современным на тот момент оружием. С помощью вызванного дива восстание было подавлено, и на трон взошел победитель – доселе мало кому известный Верховный Правитель России Александр Васильевич Колчак, в царствовании принявший имя Александра Четвертого. Неудивительно, что это скоропалительное возвышение вызвало недовольство английской аристократии и породило множество сплетен и слухов.

В статье больше ничего не было, но в легенде упоминался некий меч, привезенный Верховным Правителем из Японии, и якобы именно он и служил орудием вызова того самого Императорского дива.

– Виктор, это уже отдает крамолой, – заметил Аверин. – Может, в следующий раз?

– Да ладно, – Виктор хмыкнул и похлопал себя по погонам. – Кто посмеет на нас донести? Да и нет тут никого поблизости.

Аверин огляделся. Действительно, соседние столики были пусты, только в углу возле окна миловалась какая-то парочка. Этим точно было не до них.

– Вы же сами говорили, что по истории четверка. Должны помнить, что иркутские мятежники были перехвачены атаманом Соловьевым и расстреляны. А Императорский див был фамильяром государя Александра Васильевича. А огромную силу он набрал во время сражений с красными.

– Это официальная версия и учебник истории. – Виктор снова принялся за мясо и рис, и на этот раз Аверин посмотрел на него с одобрением. Его товарищу однозначно требовалось хорошо закусить.

– Да ладно. В конце концов, какая, в сущности, разница, быть расстрелянным или съеденным дивом? Никогда не понимал, зачем вообще плодить эти слухи.

– Вы не поймете. Вы колдун. А у простого человека от фразы «див сожрал» мурашки по коже. Хоть последнюю сотню лет церковь и пытается убедить, что это пустые суеверия, но каждый ребенок знает: тот, кого сожрал див, не просто умирает, он лишается души, – неожиданно серьезно проговорил Виктор.

И только в этот момент до Аверина дошло. Виктор чуть больше часа назад был буквально на волосок от смерти. Причем такой смерти, от которой, по его же словам, «мурашки по коже». Да, Аверин знал, что в Виктора стреляли, и не раз, и возле ключицы у него шрам от ножа, но, вероятно, то, что произошло сегодня, произвело на его друга огромное впечатление. Можно было сказать, что Виктор испугался? Да, скорее всего. Он же человек. И каково ему было чувствовать на груди огромную когтистую лапу и видеть оскаленные клыки возле своего лица, отчетливо понимая, что он ничего, совершенно ничего не может противопоставить этому существу? Любое человеческое оружие бессильно. Разве что дробовик с серебряной дробью или огнемет может серьезно ранить дива.

Аверин взял графин и налил Виктору еще водки. Да, пожалуй, друг нуждается именно в таком «лекарстве».

– Вот что, – понизил голос он, – я много думал об этом. Действительно, то, что заключенных казнили посреди огромного озера, выглядит подозрительно. Зато для вызова опасного дива место просто идеальное. Если что-то пойдет не так, то погибнут только те, кто находится на корабле. Такое количество чистой проточной воды ни один див преодолеть не в состоянии. Да и перелом в войне произошел примерно после этого. Если у государя Александра Васильевича всегда был такой сильный фамильяр, то почему он раньше его не использовал?..В общем, я думаю, примерно так рассуждали англичане, когда придумывали эту легенду.

Виктор рассмеялся, взял стопку и опять намотал на вилку папоротник.

– Ловкий вы человек, Гермес. – Он выпил, закусил, и его взгляд снова стал серьезным. – А знаете, вы правы. Какая разница? В конце концов, что бы там ни сочиняли англичане, именно Императорский див в сорок пятом сумел добраться до гитлеровского монстра и прикончить эту гадину, несмотря на бункер и то, что тварь защищала огромная армия и людей, и дивов. Кто знает, сколько бы людей погибло еще. А ведь не только англичане, все хваленые европейские колдуны оказались бессильны. Так что…

Аверин кивнул:

– Да, именно так. И уже не имеет значения, как и откуда он появился. Главное, что этот див верой и правдой служит стране и семье государя.

– Верно. А вы его видели когда-нибудь?

– Нет, что вы, – рассмеялся Аверин, – я и в Омске был один раз всего. Что мне делать в столице? Вот брат мой – тот, может, и видел. Вот только мало кто знает, как выглядит Императорский див. Так что, это может быть кто угодно из окружения государя Александра Пятого – может, мы вообще все его сто раз по телевизору видели.

Глаза Виктора расширились:

– Ого! Никогда об этом не думал. – Он откинулся на своем кресле и добавил: – А вот здорово бы было, если бы на войне сражались только дивы. А люди бы дома сидели.

– Ну да, – хмыкнул Аверин. – А после бы покорно принимали хозяина самых мощных дивов своим властителем. Ну и потом, вы правда думаете, что дивы боли не чувствуют и смерти не боятся? – прищурился он.

– Да нет, конечно, – Виктор примирительно замахал руками. – Просто, ну вот смотрите, или один див, или сто человек, к примеру. Есть же разница.

– Да, наверное, – пожал плечами Аверин. Разговор уже окончательно зашел в какое-то неприятное русло, и надо было придумать, как потактичнее его свернуть.

– Ладно-ладно, – улыбнулся Виктор и похлопал по очереди руками по столу. – Я знаю, что вы их лучше знаете и понимаете. Ну и, отчасти, очеловечиваете. Да даже я чаще всего вижу в наших полицейских дивах не каких-то потусторонних тварей, а обычных собак.

Аверин вздохнул, тоже откинулся на спинку кресла и медленно заговорил:

– А вы слышали, что дивы, особенно фамильяры, в своем истинном обличье становятся похожими на хозяев? Так что, если не знать, можно даже принять дива за родственника его хозяина?

– О, вот как… – протянул Виктор и замолчал.

Но Аверин на этот возглас не обратил внимания и продолжил:

– Видите, какая мощная связь у дива и его господина? Но связь эта обоюдная. И если дать диву волю, действительно начать относиться к нему, как родственнику, сыну или брату, или вообще влюбиться, а поверьте, такое случается, и нередко, то произойдет вот что. Человек сам постепенно начнет попадать в зависимость от своего дива. И со временем именно див начнет диктовать бывшему «хозяину» свою волю, и человек будет бессилен противиться. Романовы дали своему фамильяру не только имя, но и фамилию, и хорошо, что не свою. И хоть официально они называли его своим слугой, но, по сути, несколько лет Россией правил див Григорий Распутин. Дело было настолько серьезно, что вмешалась Академия. Но даже когда верным людям все же удалось отправить Распутина в Пустошь, Романовы больше уже не оправились. Царь Николай так и не смог вернуть себе способность принимать решения. Возможно, со временем он пришел бы в себя, но смуту было уже не остановить. Даже его отречение ничего не изменило, на несколько лет в России воцарился хаос. А для семьи государя все закончилось трагически. Именно поэтому в любом государстве захват дивом правящей семьи считается катастрофой, достойной вмешательства Академии. И вот еще. Самое сильное чувство, которое див испытывает к своему хозяину, – это желание его сожрать. И при любой возможности он сожрет и освободится, превратившись в демона. Но и тут все непросто. Могучие дивы могут некоторое время контролировать свои порывы. Не сожрать, если это опасно или выгодно им. Недолго, но могут. Они сильнее нас, Виктор, и чрезвычайно хитры. И они не люди. Так что, как вы сказали, «очеловечивать» дивов – последнее дело.

– Ага, – Виктор внезапно икнул. – Точно. Как вспомню эти глаза, так вздрогну. А налейте-ка нам еще по одной, а?

Аверин глубоко вздохнул и потянулся за графином.

Бз-з-знь, бз-з-з-нь, бз-з-знь.

Аверин сунул голову под подушку и прижал ее к ушам. Но звук будильника не стал глуше, наоборот, приобрел особенно мерзкое звучание. А-а-а, черт бы его побрал.

Он протянул руку к прикроватному столику, нащупал противный механизм и попытался нажать кнопку. Но будильник выскользнул и упал на пол, продолжая и там противно дребезжать.

– А-а-а-а, – застонал Аверин, сел, продолжая прижимать подушку к голове, наклонился и все же дотянулся до кнопки. Дребезжание прекратилось.

А вот шум в ушах – нет. От того, что он резко выпрямился, перед глазами замелькали черные пятна и по вискам забарабанили маленькие молоточки. Он уронил подушку и поднес будильник к глазам. 6:38. Значит, уже восемь минут он безуспешно пытается бороться с безжалостной реальностью.

Он повернул голову. Стакан воды с мятными каплями, который он приготовил с вечера, стоял на столике и очень радовал. Аверин взял его, выпил несколькими большими глотками и, поднявшись с постели, побрел в ванную. Там он некоторое время любовался в зеркало на свои красноватые глаза с отекшими веками, на впалые щеки, покрытые уже слегка седеющей щетиной, потом сунул голову под кран и испытал, наконец, облегчение.

Вчера они с Виктором хватанули лишку. В молодости такого количества алкоголя хватило бы только для разгона, студентом Аверин выпивал и в два, и в три раза больше, а наутро шел не то что на лекции, но и на экзамены. Но когда тебе чуть больше сорока, все становится немного по-другому.

Тем более нельзя давать себе поблажек. Он и так опоздал на восемь минут.

Умывшись и тщательно побрившись, Аверин вышел в гостиную. Маргариты еще не было, она приходила к восьми и готовила завтрак, так что перед утренней пробежкой приходилось довольствоваться чашкой кофе и утренней газетой, подобранной в прихожей, на закуску. Семейный доктор, правда, рекомендовал по утрам пить кипяченую воду и есть овсяную кашу или хотя бы банан, но Аверин пока эти рекомендации игнорировал. Да и график бы пришлось менять. От

мысли, что во время пробежки в нем будет булькать овсянка, сразу начинало тошнить.

Никаких новостей о гуляющем в городе ягуаре в газете не было. Это радовало: значит, вчерашнее фиаско осталось незамеченным. Ну или про него напишут в следующем номере.

И до этого демона неплохо было бы поймать. Больше, чем овсяную кашу, Аверин не любил проигрывать.

Он допил кофе, переоделся в спортивный костюм и вышел в утреннюю прохладу просыпающегося города. На улице в ранний час было пустынно. Редкие пешеходы спешили на службу, за спиной звякнул трамвай, но резкий звук уже не раздражал, как при пробуждении звонок будильника.

Через час головная боль почти прошла и в тело вернулась привычная бодрость. Улица наполнилась аппетитными запахами свежего хлеба и кофе: тут и там торговцы открывали свои лавочки, и Аверин поспешил к дому, чтобы сполна насладиться завтраком. Интересно, что приготовит сегодня Маргарита? Омлет по-итальянски? Сырники с клубничным вареньем? Живот приятно заурчал в предвкушении.

Аверин считал большим везением то, что ему удалось заполучить Маргариту. Она вела его хозяйство уже больше десяти лет и ни разу не дала повода пожаловаться. Он знал ее семью. Ее сыновья, которых он помнил еще подростками, закончили университет не без его помощи и участия, к слову, а старший год назад женился. Но ни у кого бы не повернулся язык назвать Маргариту старухой. Высокая крепкая женщина в свои почти шестьдесят могла дать фору многим молодым девицам. За домом она следила идеально, и Аверин не помнил ни одного случая, когда она пожаловалась бы на больную спину или усталость.

Впрочем, зарплатой он ее тоже не обижал.

Он прошел через садик, открыл входную дверь и… услышал истошный крик:

– А-а-а-а-а-а-а-а! Помоги-и-и-те!

Кричала Маргарита. Он даже не сразу узнал ее голос. Да и не слышал он раньше, чтобы экономка его повышала. Холодея от нехорошего предчувствия, Аверин ворвался в дом.

В гостиной на стуле стояла Маргарита. В руках ее была ваза, в которой обычно стояли свежие цветы. Эту вазу она то прижимала к себе, то вдруг начинала отчаянно махать ею в воздухе. Было непонятно, пытается ли Маргарита ее спасти или же использует как оружие. При этом экономка не переставала вопить на одной ноте:

– А-а-а-а-а-а-а! Помогите! А-а-а-а! – Она наконец увидела Аверина и ткнула вазой куда-то вниз, в сторону стола, и выкрикнула одновременно испуганно и возмущенно: – Вот!

Аверин повернул голову и увидел сидевшую под столом здоровенную серую крысу. И выдохнул с облегчением. Махнул в воздухе рукой, и спустя секунду тельце зверька уже билось, стянутое в тугой кокон полупрозрачными нитями. На этот раз Аверин решил не допускать ошибок и не оставлять в Путах зазоров. Он подтянул крысу поближе и достал часы. Маятник остался неподвижен. Обычная крыса. Что ж, отличная новость.

– Эк вы ее… ловко, – восхитилась Маргарита, осторожно слезая со стула и водружая вазу на ее законное место.

Аверин поднял кокон с крысой и, отставив руку, понес в туалет.

– О, Гермес Аркадьевич, вы куда ее?

– Утоплю. А что, у тебя на нее планы? – усмехнулся он. Хорошее настроение начинало возвращаться. Завтрак. Он все-таки будет.

– Ой, погодите. Нельзя так, канализация забьется. И вообще, живая душа.

Аверин пожал плечами. Маргарита сбегала на кухню и принесла мусорное ведро с крышкой. Он опустил туда крысу и, когда крышка захлопнулась, развеял Путы. Крыса тут же забилась в ведре.

– На помойку отнесу. – Маргарита, держа ведро на вытянутых руках, направилась в коридор.

С кухни пахло блинчиками. Скорее всего, Маргарита уже все приготовила и шла накрывать на стол, когда увидела незваную гостью. Так что он успел вовремя, и спасательная операция, к счастью, увенчалась успехом. Надо же, крыса… никогда их тут не было. Мусорные баки вывозились каждый вечер и ночью стояли пустые. Что ж, это издержки пусть небольшого, но собственного дома. На верхних этажах старых доходных домов и тем более в современных многоквартирниках, которые возводились на окраине города, к

удовольствию старожилов, во вполне классическом петербургском стиле, крыс, наверное, нет. Хотя кто его знает?

Аверин зашел на кухню. Блинчики, поджаристые, толстые, лежали на большом белом блюде, накрытом стеклянной крышкой. Варенье и густая желтоватая сметана стояли тут же, в банках. Он взял с полки широкое блюдце, положил туда шесть блинчиков, от души залил их вареньем и сметаной и направился в гостиную. Какао подаст Маргарита, когда вернется. С собой он прихватил «Чудь и Навь Северного Приладожья». Автор книги провел добротное исследование существ, обитающих в той местности. Особенно интересна была глава про русалок. Вовсе не про дев с рыбьими хвостами, а про попытку удалившихся от мира общин зачаровывать детей, чтобы хоть немного приблизить их способности к силе дивов.

Аверин сел за стол, раскрыл книгу и принялся за еду.

Вскоре вернулась Маргарита. Пошла на кухню, некоторое время шумела там водой и гремела чашками, а потом появилась с какао и рогаликами на подносе.

– Ну что же вы, Гермес Аркадьевич, не дождались. И опять залезли в банку со сметанной ложкой в варенье, – пожурила она.

– Но мы же уже обсуждали, что она от этого не скиснет.

– Конечно. Но я сегодня окуней запекать собираюсь, в этой же сметане.

Аверин оторвался от книжки:

– Что может быть лучше, чем окуни в сметане с легким ароматом клубники?

– Ох. – Маргарита покачала головой и расставила принесенное на столе.

– Кстати… – Она сделала паузу и внимательно посмотрела на Аверина.

Он отложил книжку.

– Я тут совершенно случайно слышала вчера ваш разговор с Виктором Геннадьевичем, когда он приходил обедать… – осторожно начала она.

Вилка с блинчиком зависла в воздухе, Аверин едва сохранил серьезный вид.

– Ну-ну, продолжай, – попросил он.

– Так вот, я услышала эту историю о пропавшем мальчике и господине Сомове… потом почитала кое-какие газеты, и у меня появились мысли по этому поводу. Если вы не заняты, я могла бы…

– Я совершенно свободен.

Маргарита просто обожала строить всякие теории. Запоем читала газеты и смотрела передачи про инопланетян, тайные организации и прочую подобную чушь. Она была уверена, что люди произошли от русалок, а те в свою очередь от дельфинов, и постоянно находила все новые и новые доказательства, что наши предки жили в воде.

Естественно, большинство дел, которые он расследовал, привлекали внимание Маргариты. И Аверина ее теории и изыскания каждый раз приводили в восхищение.

– Вот. Я почитала газеты и сразу поняла, что произошло. Видите ли, господин Сомов женился совсем не по любви. Его привлекло наследство его супруги, доставшееся ей от отца и брата. А что делают люди, когда не любят своих жен? – Она сделала драматическую паузу.

Чтобы не сбивать Маргариту с мысли, Аверин не стал уточнять, что на момент заключения брака отец и брат Анны Сомовой еще вполне здравствовали.

– И что же? – вместо этого спросил он.

– Заводят любовниц! – Она многозначительно подняла вверх палец. – Я уверена, что графиня Синицына была любовницей советника Сомова!

– О-о… – протянул Аверин и положил в рот кусок блинчика, чтобы скрыть смешок.

– Да-да, именно так. А сын ее, Даниил, узнал об этом: возможно, видел их вместе. Он начал шантажировать Сомова, а тот испугался, задушил мальчика и утопил тело в Чухонке. А несчастная мать, узнав, что любовник убил ее сына, позвала его на свидание и опоила отравленным вином. После чего разрезала на части и утопила в реке…

– …Чухонке, – закончил фразу Аверин.

– Да! – обрадовалась Маргарита. Она нервно перебирала пальцами, и видно было, что ей до ужаса нравится эта история. – А что? Вы тоже пришли к этим выводам?

– Ну… хм. А тебя не смущает, Маргарита, что господин Сомов пропал три дня назад, а Даниил – позавчера ночью?

– М… – Маргарита нахмурилась, но ее лицо тут же просветлело: – Я поняла. Мальчишка, обиженный за отца и расстроенный предательством матери, взял свое ружье… У него же есть ружье, да? Взял его и застрелил любовника матери. И сбросил тело… хм. Ну, в общем, потом он испугался, что его посадят в тюрьму, и сбежал в Финляндию. – Она замолчала на миг и добавила: – Через Карелию. Там его и нужно искать.

– В Карелии? – уже почти не сдерживая смех, поинтересовался Аверин.

– Да нет же! В Финляндии!

– Но он мог до нее не добраться. Карельские леса опасны, он мог встретить медведя. Хотя у него ружье… – Аверин наморщил лоб и потер переносицу. – Маргарита, – наконец сказал он, – а ты точно не хочешь попробовать книги писать?

– Вы опять смеетесь надо мной, – вздохнула Маргарита и, собрав грязную посуду на поднос, направилась на кухню, всей спиной демонстрируя обиду.

Аверин проводил ее взглядом и сунул в рот последний кусок рогалика. Ничего, Маргарита не обижается долго. Не пройдет и десяти минут, как она вернется с новой теорией. А пока можно спокойно почитать книжку. План, что нужно сделать сегодня, у Аверина имелся. Но сейчас для этого было еще слишком рано.

Внезапный звонок оторвал его от приятного занятия. Аверин покосился на дверь кухни, откуда раздавались громкие звуки. Маргарита, по всей видимости, включила новую серию «Битвы ясновидящих» и не слышала звонок. Аверин вздохнул и пошел к двери. Ну кого принесло в такую рань? Если это газетчики, он, пожалуй, подвесит их за ноги на черемухе.

Человек, которого он увидел, когда открыл дверь, на газетчика похож не был. Худощавый и спортивный, он был одет в штатский, довольно приличный костюм, правда, без галстука, но выправку имел явно военную. Светлые, тщательно причесанные волосы тоже были пострижены по-уставному.

Человек улыбнулся одними губами, при этом более нигде на его лице не дрогнул ни один мускул, и проговорил:

– Я могу видеть его сиятельство графа Гермеса Аркадьевича Аверина? – Его бледно-голубые, почти прозрачные глаза буквально

буравили Аверина.

– Можете, – кивнул Аверин, – только сначала скажите, кто вы такой.

– Мое имя Владимир. Я полицейский див первого класса.

– Из Управления? – задал Аверин риторический вопрос.

– Да.

Отлично. Вот только этого и не хватало. Ну конечно, вчерашние «собаки» наверняка проснулись и пришли в себя, и этот «Владимир» их допросил.

– Я граф Аверин. Но ты и так это знаешь, верно? Заходи.

Див поклонился.

Аверин отрыл дверь полностью и, дождавшись, когда див войдет, закрыл ее и пошел вперед. Владимир последовал за ним.

В гостиной их встретила Маргарита.

– О, у нас гости, – обрадовалась она. – Что прикажете подать?

– Ничего. Гость ничего не хочет, он сугубо по рабочим вопросам.

Он направился в кабинет. Войдя, он сел в кресло за большим письменным столом, а диву указал кивком на стул возле двери. И, дождавшись, когда тот сядет, поинтересовался:

– Так что же тебе нужно?

Владимир вновь немного посверлил его взглядом.

– Я бы хотел узнать, что произошло вчера вечером на набережной. Думаю, не стоит объяснять, как я узнал, что вы там были.

Аверин сложил руки пред собой.

– Нет, не стоит. Но раз ты все знаешь, тогда еще раз повторяю: что тебе нужно от меня?

Див наклонил голову и совершенно по-человечески вздохнул. Вышло вполне натурально.

– Ваше сиятельство. Я знаю только то, что рассказали мне дивы. И в их рассказе нет самой важной детали. О том, как демону удалось от вас сбежать. Когда мои коллеги отключились, демон все еще был связан вашими Путами.

Аверин побарабанил пальцами по столу:

– Назови мне хоть одну причину, почему я должен тебе отвечать?

– Ваше сиятельство. – Див слегка подался вперед, и его голос приобрел некую вкрадчивость: – Можете не сомневаться, никто не узнает ни о вашем участии в этой операции, ни о вашем провале, если

вы расскажете мне о том, что же там случилось. Вы знаете, я говорю правду: див не может лгать колдуну.

Из горла Аверина вырвался смешок.

– Это что же, выходит, ты шантажировать меня вздумал?

– Нет, что вы, Гермес Аркадьевич, и в мыслях не было. – Див Владимир поднял вверх открытые ладони. – Я просто обещаю вам полную конфиденциальность.

– Конечно. До первого приказа твоего хозяина. Кстати, почему не он пришел сюда?

– Потому что занят изучением бумаг. В участке. А ловить демона буду я, – внезапно жестко сказал див и добавил уже мягче: – Ведь вы тоже хотите поймать его как можно быстрее, пока не появились первые человеческие жертвы. Прошу, помогите мне. Я заверяю вас, мой хозяин ничего не знает. И ничего не узнает, если не отдаст мне прямого приказа.

Аверин задумался. Вот чего ему меньше всего хотелось, так это подставлять Виктора. И если есть хотя бы небольшой шанс, что об участии частного сыщика в полицейской операции промолчат, то лучше его использовать.

– Вот что, – наконец сказал он, – я все расскажу. Но у меня есть встречное условие.

– И какое же?

– Ты мне расскажешь, как демону удалось сбежать из моих Пут.

Глава 5

Ничего нового див Владимир не рассказал. Он тоже сильно удивился, когда услышал историю целиком, и заверил, что на его памяти не случалось такого, чтобы див сбежал из Пут, не повредив их. Да, очень сильные дивы могли разорвать нити, но вот так просто исчезнуть, с таким он не сталкивался. Сколько ему веков? Ясно, что довольно много. После ухода Владимира Аверин проверил его уровень сразу, как только закрыл дверь. Семерка. Весьма солидно, и вполне понятно, почему он относится к своему формальному хозяину едва ли не пренебрежительно. Тот человек для него просто служащий, чиновник, пусть и не самого низкого ранга. Но на самом деле див Владимир принадлежит не ему, а государству. То есть, можно сказать, лично самому государю. Было от чего обнаглеть.

Аверин терпеть не мог у дивов эту черту – постоянное желание и попытки сесть на шею. Поэтому всегда и всем этим существам недвусмысленно указывал на их место. И они придерживались установленных им правил. Уж что-что, а иерархию и язык силы дивы понимали так же хорошо, как дикие животные. Впрочем, они и были животными по своей сути. Несмотря на то что многие обладали разумом. А дивы первого класса, разменяв не одно столетие, были чрезвычайно умны. И хитры.

И если див Владимир не знал, как его собрат сбежал, значит, ответ на этот вопрос простым не был.

А еще это означало, что демон тоже очень умен и хитер. И поймать его необходимо во что бы то ни стало.

Поэтому Аверин, закрыв за незваным гостем дверь, отправился к телефону.

Трубку снова взял Крысин.

– Паша, это снова граф Аверин.

– А, доброе утро, ваше сиятельство. Только Виктора Геннадьевича нету. Он в колбасном магазине, – отрапортовал Павел.

– Э? Он за завтраком пошел, что ли? – удивился Аверин. Виктор редко покидал рабочее место не по делу. Только ради обеда у самого Аверина.

– Нет. Ограбили колбасный магазин. Он там сейчас.

– Там? – Аверин удивился еще больше. – Это же работа для тебя или твоих коллег. Там что, на колбасу людей пускали?

– Не знаю, но ему срочно позвонили, и он уехал. А что, там правда из людей колбасу делали?

– Нет, – Аверин закатил глаза. – Паша, телефон этого магазина у тебя есть? Дай-ка его мне. Я сам узнаю, из кого там колбаса.

Получив номер, Аверин немедленно на него перезвонил.

Сначала трубку долго не брали. Потом вызов приняли, и незнакомый голос довольно бесцеремонно отрезал:

– Сегодня не работаем.

– Я знаю. Передайте трубку господину участковому приставу Смирнову. Срочно.

– А, да… сейчас. – Голос прозвучал несколько растерянно, но через некоторое время послышалось шуршание, и Аверин, наконец, услышал Виктора:

– Смирнов слушает…

– Это я, не волнуйтесь.

– Уф, – облегченно выдохнул Виктор, – я думал, опять этот… из Управления.

– Чинуша?

– Да нет, черт бы с ним, с утра занял мой кабинет и роется там, как у себя. Див его. Бр-р.

– А, Владимир?

– Да, – подтвердил Виктор, и вдруг его голос изменился: – Та-ак… подождите… откуда вы знаете?

– Он только что от меня вышел.

– А-а-а, е… – Он запнулся, вероятнее всего был не один, и закончил: – …карный бабай. Он все знает?

– Точно. Допросил ваших собак. Но есть и хорошие новости. Он обещал не говорить хозяину.

– Хм, действительно неплохие. Там, понимаете, вообще непонятно, кто из них хозяин. Так что, если этот тип не соврал… он же не может вам врать, да?

– Не может. Но и рассказывать ничего не собирается. И есть еще кое-что. И вот это нехорошо. Он тоже не понял, как это чудовище сбежало.

– Вот ведь… ну что за тварь. Зато я знаю куда.

– О? Что? – Аверин выронил трубку, но поймал ее второй рукой. – Вы знаете, где он?

– Нет, увы. Но я знаю, где он был бóльшую часть ночи.

– И-и?

– В этом колбасном магазине, не поверите.

– А? И что он там делал? – спросил Аверин, хотя уже знал ответ.

– Колбасу жрал, что же еще. А, нет, еще он жрал рульку и окорок. – Виктор рассмеялся, то ли довольный своей шуткой, то ли сама ситуация казалась ему забавной. – Сожрал около десяти кило мяса.

– Вы его ранили. И вы правильно радуетесь. Раненый, он не закусил первым попавшимся прохожим, а пошел в колбасный, как приличный. Хорошо, не в ресторан. Как он туда влез? Через окно?

– Вот тут-то самое интересное, Гермес. Окно целое. И дверь. Хозяин вчера ушел в одиннадцать вечера и все закрыл. А сегодня в шесть пришел, ничего не подозревая, открыл дверь и увидел развороченные холодильники. И обглоданные кости на полу. Холодильники вскрывали когтями, между прочим. Так что я невероятно счастлив, что наш приятель по колбасе. Но как он сюда попал и как потом выбрался – совершенно непонятно.

– Вентиляция? – предположил Аверин.

– Нет. Там решетки, и они целые. Все целое, кроме холодильников.

– Ну… тут он мог принять облик кого-то небольшого… хм. И, Виктор, у меня есть просьба.

– Да, говорите.

– Свидетели, которые видели его. Мне нужно с ними поговорить. Можно их адреса? Мы что-то упускаем.

– Хм… не хотите полагаться на Владимира? Да, конечно, как приеду в участок, скажу Крысину вам их найти. Но вам придется поторопиться. Их опять вызвали на допрос сегодня после обеда.

– О, так даже лучше, – обрадовался Аверин. – Значит, не придется их искать, перехвачу по дороге. И вот еще что… не мог бы Крысин заодно посмотреть обстоятельства смерти свекра и шурина Сомова? Так, на всякий случай?

– Хорошо. Тогда я тут закончу и потом еще позвоню. Эх, жаль, сегодня к вам на обед не вырваться.

– Да, жаль… Всего доброго.

– И вам всего. – Виктор повесил трубку.

Информацию следовало хорошо обдумать. А думать лучше всего под кофе с рогаликом.

– Маргарита, будь добра, – позвал он. – Свари мне кофе.

Он направился к столу, но тут телефон зазвонил. Вздохнув и проведя по лицу ладонью, Аверин взял трубку.

– Граф Аверин слушает.

– Ой, Гермес Аркадьевич, это Анна Сомова. У вас есть пять минут?

Жена Сомова. Легка на помине. Ну просто великолепное утро. Аверин понятия не имел, что говорить этой женщине, вполне вероятно, уже вдове. Мало того, что он не продвинулся ни на йоту в расследовании пропажи ее супруга, он вообще этим делом уже больше суток не занимался. Если не считать прекрасной версии Маргариты. Аверин откашлялся:

– Кхм. Видите ли, в чем дело…

– Да нет, я много времени не займу. Понимаете, не могли бы вы поискать и нашего кота тоже?

– Кота?! – обалдел Аверин.

– Ну да. У нас с мужем был… есть котик, любимый. Бася. И вот он тоже пропал.

– Хм… В тот же день?

Участь несчастного животного была незавидной. Див, похитивший Сомова, вероятно, котом просто закусил.

Да и самого советника, скорее всего, тоже там же и сожрали. И концов уже не найти…

– Нет, он вечером дома был… а потом ушел и до сих пор нету. Я с вечера плачу. Плачу и плачу.

– Вот как…

Какая милая женщина. Похоже, пропажа кота ее расстроила больше, чем исчезновение мужа.

– А-а-а-а-а-а! – донеслось внезапно с кухни. – Помогите!

«Провались я в Пустошь…»

Аверин зажал рукой нижний микрофон.

– У котика есть особая примета, – продолжала тем временем Сомова.

– А-а-а-а!!! – Вопль из кухни прозвучал еще громче. – Их две-е-е!

– Да-да, я найду вашего кота и, как только что-то узнаю, вам тут же перезвоню. – Он повесил трубку и кинулся в кухню.

Их и правда было две. Одна, толстая и серая, сидела прямо в раковине. От второй Аверин успел рассмотреть хвост. Он поднял руку. Но крыса, возможно та самая, спасенная ранее Маргаритой, не стала ждать. Пулей она метнулась за раковину и скрылась где-то в шкафах.

– Кошмар… кошмар какой! Откуда они? – Маргарита слезла со стула. На этот раз в руке у нее была турка.

– Дурдом, – согласился Аверин и направился обратно в гостиную, бросив через плечо: – Если что, зови.

Проходя мимо коридора, он машинально бросил взгляд на телефон. Трубка, которую он второпях неудачно повесил, болталась на проводе, и Сомова могла отлично слышать весь этот спектакль.

Он поднял трубку и поднес к уху. К счастью, оттуда донеслись гудки.

– Кота… найти кота, боже мой… – вслух проговорил он.

– Точно, – воскликнула вышедшая из кухни Маргарита, – кота! Вы только хорошего берите, лучше дымчатого, они лучшие крысоловы. И чтобы морда во! – Она развела руки так, что под описание подошел бы средний тигр.

– Дурдом, – вынес окончательное резюме Аверин, вздохнул и повесил трубку.

Мальчишку с матерью он перехватил на остановке. Пацан лет десяти был парадно одет и тщательно причесан. Однако в правом кармане штанов у него отчетливо виднелись очертания рогатки. Аверин мысленно хмыкнул.

– Простите великодушно, я могу задержать вас буквально на пять минут? Поверьте, это очень важно.

– Вы репортер? – женщина нахмурилась.

– Нет-нет, – заверил ее Аверин и достал из нагрудного кармана серебряный жетон в виде восьмиконечной звезды.

– Ух ты-ы, колдун! – воскликнул пацан.

А женщина переменилась в лице.

– Нет-нет, мы очень торопимся, – быстро проговорила она, – простите…

Но мальчишка схватил ее за рукав:

– Ну ма-ам!

– Я сыщик, – продолжил Аверин, – меня наняли местные жители, чтобы я поймал зверя.

Женщина обернулась и недоверчиво посмотрела на него:

– Поймали? Вы?

– Да. Сами понимаете, полиция и служба отлова будут до скончания веков перебирать бумажки, перекладывать ответственность друг на друга и бесконечно допрашивать свидетелей. А у людей дети. И они каждый день там гуляют.

Эти слова упали на благодатную почву.

– Да! – воскликнула женщина. – Вот, нас опять вызвали. Ну что Сережа еще может рассказать, а? И так ребенок перепугался насмерть. А зверюга до сих пор шляется по улицам и может напасть в любой момент!

«Перепуганный насмерть ребенок» тем временем попытался потрогать Аверина. Еще бы. Целый колдун. Если его потрогать перед контрольной или экзаменом, то не получишь двойку. Аверин отодвинулся.

– А вы… – осторожно спросила мама пацана, – что вы хотите узнать?

– А, да сущую безделицу.

Он достал купленные в ближайшей лавке открытки с животными.

– Хочу показать зверей Сереже. Потому что все говорят разное, кто называет его тигром, кто леопардом.

– Это ягуар! – воскликнул мальчишка.

– Вот, видите, – Аверин улыбнулся, – разрешите нам отойти вот туда, в сторонку. Я хочу его кое о чем спросить. Но при матери он будет стесняться, все же мальчик, мужчина.

– Ну… – она заколебалась.

– Ну ма-ам, – опять затянул пацан.

– А… ну хорошо. – Женщина кивнула. – Я тогда пойду в автомат, мужу позвоню. Но умоляю вас, далеко не отходите!

– Конечно, – заверил ее Аверин и взял пацана за плечо. Тот просиял.

Они отошли к углу. Все прошло даже лучше, чем он надеялся. Осталось вытрясти из мальчишки нужную информацию.

Сначала Аверин показал ему открытки.

– Вот этот, – мальчик уверенно ткнул в ягуара.

– Хорошо, я тебе верю. О, а это у тебя рогатка? Можно посмотреть? – он указал на карман.

– Ага! – Мальчишка с явной гордостью достал и продемонстрировал «оружие».

– Хорошая рогатка, резинка от медицинского жгута? Сам делал?

– А то! – Пацан аж светился.

– И как? Попал ты в ягуара? М?..

– Я? – Выражение восторга пропало с лица пацана, и он захлопал глазами. – Нет! В ягуара я не стрелял!

– Хм… а в кого ты стрелял? Ты же стрелял перед тем, как он выскочил, да?

– Да! Но не в него же…

– А в кого?

– В галку… – Мальчишка опустил голову и прошептал: – Но я не попал же… не говорите маме, пожалуйста.

В галку! «Вон!» – раздался в голове у Аверина каркающий звук. Вот оно!

– Не скажу. А ты не стреляй больше ни в кого. Потому что в следующий раз тебя съедят.

– А… – мальчишка скуксился, намереваясь разрыдаться.

– А ну-ка тихо, – велел Аверин, – а то придется рассказать маме, что случилось.

Пацан тут же передумал рыдать.

Аверин достал из кармана серебряный рубль и сунул мальчику в ладонь.

Увидев монету, тот просиял:

– Ура-а!

– Все, беги к маме. Только помни, никогда и ни в кого, ясно?

– Клянусь! – Мальчик сжал монету и помчался прочь.

Со студентом все оказалась еще проще. Аверин просто подошел к парню и показал трешку. Увидев заинтересованный взгляд, добавил:

– Один ответ на один вопрос.

– Вы репортер? – спросил парень.

– Не важно. Один вопрос, и это ваше.

– Идет.

– Перед нападением ягуара вы причинили вред или попытались причинить вред какому-то животному. Кто это был и что вы сделали?

Студент пожал плечами:

– Да я просто пнул собаку. Увязалась за мной, едой от меня пахло. Все? Давайте деньги.

Аверин молча протянул трехрублевку, развернулся и ушел. Это действительно было все, что он хотел узнать. Подозрения начали превращаться в уверенность.

Но на всякий случай он поговорил и с остальными. Правда, пришлось ожидать, когда их закончат допрашивать, и встречать на обратном пути. Картина была та же. Торговка побила тряпкой кошку, крутящуюся возле прилавка, пьяница забавы ради совал папиросу в рот щенку.

Баронесса. Однозначно стоит задать ей несколько вопросов.

Аверин посмотрел на часы. Было уже девять вечера, он и не заметил, как пролетело время. Зато очень хорошо чувствовал, как сильно устал. Значит, к звериной покровительнице он отправится завтра с утра. Ах да. Надо бы перезвонить Сомовой. Он был груб с ней, стоило извиниться. В конце концов, может, пропажа кота была для нее той самой соломинкой, что сломала хребет слону.

Кота! Проклятие, он совершенно забыл про чертовых крыс!

Он зашел в хозяйственный магазин и купил там шесть крысоловок. И очень надеялся, что в холодильнике найдется какая-нибудь колбаса или хотя бы остатки мяса, чтобы использовать в качестве приманки. Если эти твари попадутся ночью, утром он избавится от них до прихода Маргариты.

Вернувшись домой, он нашел на столе накрытый большим салатником ужин: похоже, Маргарита позаботилась, чтобы крысы не добрались до еды. Наконец-то взял книгу и, поедая блинчики с творогом и изюмом, погрузился в чтение. В новой главе, на этот раз о птице Алконост, автор «Чуди и Нави» выдвигал и тщательно обосновывал теорию о том, что основой легенды стали дивы, умевшие в большей мере, чем остальные, смешивать звериный и человеческий

облики. В основном дивы были способны лишь к небольшому смешиванию, так, див в человеческой форме мог выпустить звериные когти на руках. Или отрастить клыки вместо зубов. Но некоторые оказывались в силах нарастить человеческую голову на звериное тело. И это было по-настоящему удивительно, но, к сожалению, с чем связаны необычные способности у некоторых дивов, автор не знал.

Перед сном Аверин расставил ловушки в коридоре, кладовке и на кухне и лег в постель с легким чувством выполненного долга.

Сомовой он так и не позвонил.

Ему снилась война. Он куда-то бежал по полю, потом грохот ударил по ушам, он отчаянно замахал руками, выставляя силовой блок, но тщетно. Взрывной волной его отнесло куда-то назад, не понятно почему, ведь снаряд тоже ударил сзади. Но его опрокинуло на спину, и он почувствовал тяжесть на груди. Засыпало землей.

Он попытался открыть глаза, но их жгло, а по ногам полз ледяной холод, и он понял, что не может ими пошевелить. С трудом разлепив веки, он увидел, что на груди не земля. Огромный ягуар прижал его всеми четырьмя лапами и скалил клыки прямо в лицо.

Аверин ударил зверя уже готовым щитом, того отнесло на несколько метров в сторону. Внезапно перевернувшись в воздухе, ягуар превратился в человека и швырнул в него вазой с цветами. Ваза разбилась о щит с громким звоном, вокруг посыпались осколки.

Аверин распахнул глаза и, подскочив, сел на кровати. Звон разбитой вазы все еще гудел в ушах. И он был настоящим, донесся откуда-то из гостиной. Миг, и в его руке появились Путы.

Он осторожно опустил ноги на пол, нащупал тапки. Встал, но не успел сделать шаг к двери, как что-то сильно и довольно болезненно ударило его по большому пальцу ноги.

Аверин швырнул длинное щупальце Пут в выключатель, и спальню залил свет.

Крысоловки. Они окружили его кровать, а одна болталась на тапке. Именно ее пружина ударила его по пальцу.

В гостиной послышался звук хлопнувшего окна. Оторвав от ноги крысоловку, Аверин бросился туда.

Осколки разбитой вазы валялись на полу. Не опуская Пут, он подошел к окну. Форточка была распахнута, само окно захлопнулось,

но шпингалет был поднят вверх, а следы когтей вокруг вполне определенно указывали, как именно это было сделано. Он распахнул рамы, но в саду предсказуемо никого не было.

Хотя кто может с точностью что-то сказать об этом существе?

У Аверина и тени сомнения не возникло, кто был его ночной гость, грохнувший вазу.

Оглянувшись, он заметил открытую дверь на кухню и поспешил туда.

На кухне как будто произошло сражение. Кухонный шкафчик, сорванный с петель, упал на пол. Печенье и сладости, которые в нем лежали, были разбросаны по всей кухне, коробка от Белевского зефира разорвана, а сам зефир отсутствовал, вероятно, чертов демон его сожрал. И не только его. Судя по крошкам, его также привлекли вафли и плитка темного шоколада.

– Что, не было колбасы? Да? – проговорил Аверин куда-то в пространство. И запоздалый холодный пот потек между лопатками.

Ни черта это был не сон. Он ясно слышал все звуки погрома и чувствовал во сне присутствие чудовища. Демон мог сожрать его в один момент, спящего! Как? Почему он не проснулся? Почему не сработали ловушки? Зачем, черт побери, эта идиотская шутка с крысоловками?!

Аверин нахмурился. Крысоловки. Он хотел убить крыс, а демон подстроил так, чтобы в ловушку попался сам охотник. Тогда почему это существо оставило его в живых? Может быть, потому, что Маргарита пощадила крысу?

Аверин налил себе из чайника кипяченой воды и сел за стол, отодвинув ногой мокрые осколки вазы.

Он был почти уверен, что садист Даниил также стал жертвой этого защитника животных. Остальные, пострадавшие от него, по всей видимости, отделались легким испугом именно потому, что не причинили животным особенного вреда. А вот убийца был убит.

Сам ли демон принимал облик всех животных? Или просто следил? Крысы в доме Аверина точно были обычными крысами.

…Или их много? Дивов в зверином обличье?

Аверин откинулся на кресле и медленно выпил воду из чашки.

Так вот оно что. Вот почему маятник просто зашкаливал в доме баронессы!

Он посмотрел на часы. Было три часа ночи. Что же, завтра с утра нужно будет заняться этими Перовыми вплотную.

Аверин убрал крысоловки, взял мел, обвел кровать кругом и нарисовал символические лучи. Вытащил из кармана пиджака свою серебряную звезду и, забравшись под кровать, положил на середину. Теперь, каким бы хитрым ни был демон, он не сможет перешагнуть через линию. А если сможет, то сам виноват, с места он уже не сдвинется. И только после этого Аверин забрался под одеяло. До звонка будильника оставалось три часа.

Но разбудил его отнюдь не звонок. Вернее, звонок, но не будильника. В коридоре истошно разрывался телефон.

Едва разлепив глаза, Аверин потянулся, встал, осмотрелся по сторонам, надел тапки и пошел в коридор, отчаянно зевая. Вслед ему зазвонил будильник.

Телефон не замолкал. Черт. Ну кто, кто ему может звонить в такую рань?

– Да. Граф Аверин слу…

– Простите, если разбудил, – раздался в трубке голос Виктора.

Сон как рукой сняло.

– Что? Что случилось?

Неужели демон все же убил кого-то ночью? Иначе зачем такой ранний звонок?

– А, да ничего ужасного. – Голос Виктора звучал довольно бодро для такого раннего утра, и в нем слышались нотки нетерпения: – Я же знаю, что вы как раз в это время на пробежку встаете. Решил не ждать, у меня для вас куча интересного.

– О, – Аверин присел на пуфик возле телефонной стойки, – если так срочно, то я весь внимание.

– Так вот, – продолжил Виктор, – из-за этого демона тут полный балаган, все улицы в патрулях, никто понятия не имеет, где он, но все боятся, что перейдет мост.

– Зато я знаю, где он, – хмуро пробормотал Аверин.

– Что? Вы знаете?!

– Точнее, где он был. Эта тварь вломилась в мой дом сегодня ночью.

– Что?! С вами все в порядке?

– Со мной – да. С кухней – не очень.

– Ох… Ну и дела… Как он вас нашел? Что ему было нужно?

– Судя по всему, зефир. Но ладно. Вы хотели сказать что-то важное. Подробности сегодняшней ночи я расскажу вам при встрече.

– А, ну да. Так вот, мне приходится сейчас ночевать в участке, пока не поймаем… этого, у меня тут отличный диван, так что… В общем, Паша вчера запросил документы, про которые вы говорили, и мы ночью их немного поразбирали. И вы не поверите, что мы обнаружили.

– Я уже поверю во что угодно, Виктор. Так что там?

– Сначала по Сомову и его родне. Вы как в воду глядели. Да, причиной смерти обоих – и тестя, и шурина – были несчастные случаи. Тесть утонул во время рыбалки. А шурин выпил в баре, пьяный сел за руль и слетел с моста в Неву, об этом даже газеты писали. Но как вы думаете, что у них общего, кроме утопления?

– Тел не нашли? Та-ак…

– Именно! Помните, вы говорили, что надо искать несчастные случаи, где не нашли тело? Так вот они! Вы понимаете, что это может значить?

Еще бы Аверин не понимал. Дело уже не просто дурно пахло, оно воняло, как огромная выгребная яма. И ничего хорошего это запах не предвещал.

Даже те, кто кормил своих дивов людьми, чтобы увеличить их мощь, очень редко скармливали своим слугам людей благородного происхождения. Потому что в их венах текла кровь, наполненная силой. Если у дворянина и не было способностей к колдовству, все равно эта сила в нем присутствовала. Такой человек мог пользоваться заряженными чародеями артефактами и управлять довольно сильным дивом, если вызвавший и прочитавший заклятие Повиновения колдун привязал к нему жетон.

И сожравший дворянина див становился не только сильнее, он становился неуправляемым. Он получал способности, не свойственные дивам, у него была намного выше сопротивляемость к волшебству и заклятиям. Только очень самоуверенный идиот мог так рисковать.

Или кто-то, кто полностью доверяет своему диву. Или полностью ему подчинен.

– Кто мог их убить? Сомов? Но у него не было прав на приличного дива. Я проверял: жетон владения за ним не зарегистрирован и экзамен он не сдавал. Нанял кого-то? И не заплатил? И почему никто не заметил такого интересного совпадения? Хотя этого вы можете мне не объяснять. Сомова давно пытались прижучить за взятки.

– Погодите, Гермес, это еще не все. Самое интересное впереди.

– О? Куда еще интереснее?

– А вот куда. Это про баронессу нашу, Перову. Про ее фамильяра мне ничего, естественно, узнать не удалось, я только отправил запрос в канцелярию, его дня два рассматривать будут. Но нам это и не нужно.

– М-м?..

– Дело в том, что Анастасия Перова погибла в автокатастрофе шесть лет назад.

– Что?! – Аверин подпрыгнул.

– А вот так. Я по Перовым поискал и вообще ничего не нашел по нашему ведомству, даже скорость никто из них не превышал. Паша, умница, по адресу узнал, что они купили дом и переехали сюда как раз шесть лет назад. Из столицы. Там мы тоже смогли найти их адрес. Я позвонил в местный участок, и мне невероятно повезло – их дежурный тоже не спал, и ему было скучно. И вот от него-то я и узнал, что Перовы попали в ДТП. Женщина умерла на месте, а ее муж и сын попали в больницу в тяжелом состоянии. Он даже вспомнил этот случай. Сразу после этого они и переехали.

– «Они» – это Перов, его сын и?..

– Вот именно «и». Что это за женщина? Лично мне кажется, мы знаем, кто она.

– Да, пожалуй, если, конечно, это не тайная любовница барона Перова. Кстати, а с ним-то что?

– Умер. Полтора года назад. Про его смерть я ничего не нашел, значит, не несчастный случай, не убийство и не суицид. Но я сделаю запрос в судебную экспертизу. Как только там проснутся. Ну что? Сами будем брать демонессу или подключим Управление? Этого, Владимира? – Виктор сделал вид, что прочищает горло.

– И все лавры им? Да? – хмыкнул Аверин. – Послушайте, что-то тут не сходится. Если она див, то она не могла мне врать. А если врала

– она не див. То есть или она не убивала Даниила, или она не… Ну, вы поняли.

– М-да… И? Что вы предлагаете?

Аверин задумался. Да, риск был велик. И действительно, проще и безопаснее было бы воспользоваться помощью Управления. И даже в чем-то правильнее. Но, еще раз прокрутив в памяти разговор с фальшивой баронессой, он понял, что не может так поступить. Да, безопасно, да, правильно, но… несправедливо. Он должен хотя бы попытаться дать им шанс. Всем обитателям этого странного дома. А если он ошибся… Что ж, он предпримет все необходимые меры предосторожности и не будет безоружен. Спустя минуту он ответил:

– Я сам схожу к Перовым. И позвоню вам от них ровно в девять утра. Если не позвоню – тогда берите этого Владимира за шкирку и тащите на Крестовский. И Фетисова с его собачками прихватите, надеюсь, они прочухались уже.

– Гермес… – неуверенно проговорил Виктор. – Если она демон и убийца, это чистейшее самоубийство.

– Не волнуйтесь. Я вроде говорил уже, что могу за себя постоять.

– Да… я помню, – рассеянно пробормотал Виктор. – И – да, вот, кстати. Чуть не забыл. Сомова. И ее лошадь.

– Лошадь?

– Да. Несколько лет назад у нее украли лошадь. Любимую кобылу по кличке Розетта. Знаете, почему я запомнил кличку?

– М-м?

– Она пишет нам письма примерно раз в полгода, спрашивает, как продвигаются поиски Розетты. Их уже целая стопка.

– Я так понимаю, лошадь не нашли… Эх, бедная женщина. Сначала любимая лошадь, потом любимый кот. Сплошные страдания и потери.

– Кот? Какой кот?

– Я потом расскажу. Так, значит, ждете до девяти. Я сейчас выпью кофе и поеду к Перовым. Вместо пробежки.

– Может, вас подстраховать?

– Не стоит. Если ситуация выйдет из-под контроля, то просто добавятся ненужные жертвы.

– Вы тоже забыли, Гермес, что у меня есть пистолет. – В голосе Виктора послышался легкий смешок.

– Да-да, я помню. Не забудьте его, если я не позвоню в девять.

– Ну тогда ни пуха ни пера.

– К черту.

Аверин повесил трубку и пошел в столовую. Сварил кофе, нашел чудом спасшуюся коробку с печеньем, съел этот импровизированный завтрак и занялся экипировкой.

Первым делом забрал из-под кровати звезду. Может пригодиться, и даже вероятнее всего. Потом открыл сейф и внимательно осмотрел свой арсенал.

Огнестрельное оружие он не любил. Не из пафоса, скорее, из-за его слабой эффективности против дивов. Серебро их ранит и причиняет сильную боль, поэтому пуля чаще всего дива высокого уровня только еще больше разозлит. А значит, серебро нужно использовать более рационально. Если догадка неверна, Аверину предстояла схватка с дивом первого класса. Да, наверняка прибор показал, настолько высокий уровень из-за сопутствующего фона, но и сам див, кто бы он ни был, точно не слабак. Так что на «авось» рассчитывать не стоит.

Аверин подумал и взял зеркальный медальон-амулет. Серебряное зеркальце само по себе могло ослепить дива на время, но наложенное на него заклятие усиливало эффект в несколько раз. Он намотал цепочку медальона на руку на манер браслета и спрятал в рукав. Затем сунул за пояс и прикрыл одеждой серебряный кинжал-гарпун. Лезвие его выстреливало при помощи пружины из рукояти и глубоко застревало в теле. Вытащить его довольно сложно, и это сильно отвлечет дива. Если попасть, конечно. Но Аверин сбивал им летящих мух, так что шансы у него были, и довольно неплохие. По крайней мере, этот кинжал уже дважды спасал ему жизнь.

Правда, и дивы были похлипче. Откровенно говоря, не считая учебных тренировок и квалификационного экзамена в Академии, с дивом первого класса до этого всерьез он сражался только один раз. И то ему удалось заманить того в заранее нарисованный алатырь и запустить звезду. Дива унесло в родные края, и все получилось отлично, правда, Аверин провел потом в больнице около месяца.

Так, ладно, это все в прошлом. Настоящее здесь и сейчас.

Аверин добавил к своей экипировке мешочек серебряного порошка и еще один амулет – Триглав. Его он надел на шею и не стал

скрывать. Прикосновение к нему ранит дива и лишает силы. Заклятие, наложенное на амулет, защищает того, кто его носит, делая его, по сути, «неприкосновенным».

Вот только диву, чтобы прикончить колдуна, вовсе не обязательно к нему подходить. Зато Триглав не позволяет сожрать. Что уже довольно большой плюс.

Ну а в остальном Аверин привык полагаться на свою скорость, силу и чутье. Посчитав себя полностью готовым, он оставил записку Маргарите, где сообщил, что завтрак подавать нужно к половине десятого, и попросил вызвать ремонтников, а затем вышел из дома.

Глава 6

Ровно в 8:15 он был у дома фальшивой баронессы Перовой.

Калитку, как и предполагалось, открыл дворецкий. Аверин не стал дожидаться его вопросов, а просто бесцеремонно поболтал маятником перед лицом. Маятник проигнорировал дворецкого и закачался, указывая куда-то ему за спину. Аверин широко улыбнулся:

– Послушай меня, Артемий. Немедленно проводи меня к своей демонессе. Иначе в следующий раз я приду сюда с полицией и никакого разговора уже не будет. Ясно?

Дворецкий мрачно поклонился и отошел в сторону.

Аверин зашел в парк. Маятник он нес в руке открыто и почти сразу понял, что как минимум одна из его догадок была верной – тут было полно дивов. Маятник дергался, указывал то в одну сторону, то в другую, но в основном его тянуло к главному источнику силы – в дом.

Туда Аверин и направился, пропустив дворецкого вперед и тщательно глядя по сторонам – напасть могли в любую секунду.

Но до дверей он добрался благополучно. Что же, уже хорошо, обитатели дома пока не делают глупостей.

«Баронесса» стояла у окна в гостиной, когда они вошли. Она обернулась, и дворецкий Артемий, понурив голову, сказал:

– Он все знает.

– Пойди займи Алешу, – она махнула рукой, – отвези его погулять в парк.

– Да, госпожа, – Артемий поклонился и вышел.

Аверин напрягся. Дело начинало принимать скверный оборот. Но демонесса заботилась о том, чтобы ребенок не пострадал. Что ж. Как раз этим и нужно воспользоваться.

– Как тебя зовут? – спросил он.

– А что, это имеет значение? Это для вас, людей, имена имеют ценность, а для нас это просто набор звуков, которыми вы нас зовете.

– Однако это тебе не помешало столько лет прикрываться человеческим именем.

Она сделала незаметное движение и приблизилась настолько быстро, что Аверин едва успел моргнуть. Но он не двинулся с места.

– А вы смелый. Почему вы пришли один? Я была уверена, что меня придет арестовывать половина полиции Петербурга. С дивами.

– Ну сама подумай, зачем нам столько жертв? И мальчик мог пострадать. Кстати, именно из-за него я и пришел один.

– Из-за Алеши? – она была удивлена. – Но…

– Сядь, – жестко велел он и махнул рукой в сторону кресла. – Поверь мне, разговор со мной в твоих интересах. Твоих и мальчика. И ты сейчас бросишь свои фокусы и будешь паинькой, если хочешь, чтобы все осталось как есть.

– Как будто что-то может остаться как есть после всего этого шума… – горько произнесла она, но послушно села.

Аверин же остался на ногах, подошел к окну и отдернул занавеску.

– А вот это от тебя зависит.

Отлично. Первый раунд остался за ним. Но расслабляться не стоит. Он бросил взгляд на сад с вольерами.

– Это все – демоны? Как и ты?

– Если вы имеете в виду, дивы ли эти животные, то да, многие из них. Но далеко не все. Если бы бедные Вильям и Герда были дивами, то для маленького соседского гаденыша все бы закончилось давным-давно. – Она грустно улыбнулась. – Но вы ошибаетесь, мы не демоны. Мы все принадлежим Алеше. Я перешла к нему по наследству от отца, а на остальных есть документы и жетоны. Эти животные – дивы самого низкого уровня, статус Алеши позволяет таких держать.

– Хм, – Аверин приподнял брови, – тогда где же твой ошейник?

Она рассмеялась и вытянула руку, демонстрируя обручальное кольцо:

– Так вот же он. Или вы, опытный колдун из древнего прославленного рода, да к тому же сыщик, думали, что он может быть только на шее?

Аверин, естественно, знал, что Путы Подчинения можно надеть хоть на ногу, но обычно они надевались на шею. Потому что, кроме обозначения статуса, такой ошейник еще выполнял функцию контроля над дивом.

– М… А ты, я смотрю, навела про меня справки, – вместо ответа проговорил он.

Она кивнула:

– Конечно. И мне очень интересно, как вам удалось выйти на меня. И о чем вы хотите со мной поговорить.

– Тогда – к делу. – Аверин подошел к столу и оперся на него рукой. Теперь позади него оказались диван и торшер, слева – стена. Если она нападет, зайти ему за спину будет затруднительно.

– Расскажи мне все. Без увиливаний. Начиная с гибели Анастасии Перовой.

Повисла пауза. Дива глубоко задумалась, замерла, глядя куда-то в пространство, но Аверин понял, что победил. Сражения не будет. Он выдохнул, немного расслабился, сел на диван, заложив ногу за ногу, и приготовился слушать.

– Тогда так, – начала она. – Я служила Настеньке почти с самого ее рождения, как до этого ее матери, а еще раньше – ее бабушке. Впрочем, это не важно. Когда Настя выходила замуж за барона Николая Перова, ее отец передал меня ему в качестве приданого. И он должен был так же передать меня потом мужу старшей дочери. Но судьба сложилась по-иному. Дочь не успела родиться, Настенька погибла, а Алеша… вы сами видели. Николай Антонович тоже сильно пострадал, ему удалили селезенку, одну почку. Он почти не ходил, только с тросточкой и не дальше парка.

Я ухаживала за ними в больнице, и Алеша, придя, наконец, в сознание, называл меня мамой. Вы знаете наверняка, что мы, фамильяры, со временем становимся похожи на хозяев. Николай Антонович решил, что так тому и быть. Не стоило говорить Алеше о смерти матери, особенно учитывая его состояние. А потом хозяин и сам начал временами забывать, что я не его жена. Мы переехали в Петербург, чтобы избежать лишних вопросов, и я ухаживала за ними обоими, пока Николай Антонович не умер. Артемий помогал мне. Больше никаких слуг в доме не было.

– И… от чего он умер?

– Отказала вторая почка. Он много пил после смерти жены. И отказался от пересадки и даже от гемодиализа: не привлекала его жизнь инвалида. Перед смертью он взял с меня и с Артемия слово, что мы будем всю жизнь заботиться об Алеше.

– Почему он не оставил завещания? Он же прекрасно понимал, что див не может быть опекуном?

Она вздохнула:

– Кто знает. Я же говорю, что со временем он начал путать явь и грезы и забывать, что я не Анастасия.

– А как же тебе удалось пользоваться документами умершей? Ты же совершала все эти сделки, с животными и дивами?

Ее губ коснулась едва заметная улыбка.

– У меня есть некоторые связи, в том числе при дворе. Ну и деньги. Они творят чудеса. Будет беда, если Алеша попадет в руки родни Перовых. Его имущество промотают, а самого сплавят в «пансионат» на всю жизнь. Так что игра стоила свеч, и мне удавалось скрываться, пока вы меня не нашли. И если вы придадите это дело огласке, то… вы сами все понимаете. Так зачем вы выследили меня? Что вы хотите? Денег? Я дам вам столько, сколько нужно, чтобы вы и ваш приятель-пристав ни в чем не нуждались до самой смерти.

Аверин резко встал, вскинул правую руку и медленно поговорил:

– Я – граф Аверин. Если ты еще раз посмеешь предложить мне взятку или оскорбить моего друга, ты очень пожалеешь об этом.

Она тоже вскочила, но тут же села и выставила ладони перед собой:

– Простите, ваше сиятельство. Я давно не имела дела с порядочными людьми. Так… что же вам нужно?

Он не стал садиться, а снова подошел к окну.

– Я же сказал что. Правду. В том числе и о смерти Даниила.

– Что? Даниил мертв?! О-о-о, так вот почему эти люди ломились сегодня ночью ко мне в ворота и угрожали сжечь мой дом! Кто же… – Она осеклась и умоляюще посмотрела на Аверина: – Ваше сиятельство! Я клянусь вам, да вы же знаете, я не могу вам лгать, это не я!

– Я знаю. Поэтому хочу знать все. Твои дивы сделали это? И кто бегает по улицам и пугает мальчишек, стреляющих в галок? Наказывает тех, кто мучает животных? Кто разнес мою кухню?

Она замерла посреди гостиной, прижав ладонь к губам. Ее глаза стали круглыми, как новые серебряные рубли.

– Ты знаешь. Еще раз спрашиваю, это кто-то из твоих «зверей»?

– Клянусь, никто из тех, кто принадлежит Алеше, этого не делал. Помните, что я говорила при первой встрече? Многие держат слабых дивов для развлечения. Колдуны из разорившихся семей не брезгуют их продавать даже в обход закона. Привязывают к поддельным

жетонам, зачарованным такими же нечистыми на руку чародеями, и продают, как игрушку. Вы не представляете, что с ними творят на потеху. Но никто из наших дивов не стал бы ничего делать без разрешения Алеши, он их спаситель и друг. А он никогда бы не позволил никого убивать. Даже Даниила. Да, он ненавидит его, но… вы не поверите, Алеша хочет стать полицейским… смешно, правда? – На ее глазах выступили слезы.

Как же сильно они становятся похожи на людей со временем… Эта дива, вероятно, сама иногда забывает, что она не баронесса Анастасия и вообще не человек.

– Понимаю, – сказал Аверин. – Но… ты ведь знаешь, кто это сделал? Вернее, ты догадываешься? Так?

– Так… – она опустила голову.

– Но говорить не хочешь?

– Нет, – едва слышно прошептала она. – Вы же тогда отправите его в Пустошь…

Аверин улыбнулся:

– А если я пообещаю не отправлять? Если он убил только Даниила, защищая кота…

Внезапно Аверин замер, не договорив. И чуть не стукнул себя по лбу. Ответ все это время не просто лежал на поверхности, он торчал, как горный пик. Надо быть совершенным слепцом, чтобы его не увидеть.

– Я воспользуюсь твоим телефоном? – быстро проговорил он и, не дожидаясь ответа, пошел к столику возле двери гостиной. Достал из кармана записную книжку и нашел телефон жены Сомова. Точнее – теперь точно вдовы.

Женщина моментально взяла трубку, как будто ждала звонка. Да наверняка ждала, но новости, которые ей собирался сообщить Аверин, ее не порадуют. Но сначала нужно подтвердить свою догадку.

– Доброе утро. Надеюсь, что не разбудил. Скажите, пожалуйста, особая примета ваша кота – гетерохромия?

– Что?.. – не поняла Сомова.

– Глаза у него разные? – пояснил Аверин.

– Да! Один голубой, другой зеленый. Он ориентал! Вы… вы нашли Басика? – воскликнула она.

– Почти. А скажите, давно у вас этот кот?

– Восемь лет и пять месяцев, – не задумываясь, сказала она. – Муж подарил мне его, когда пропала Розетта, чтобы я не плакала так сильно. Розетта – это моя…

– Лошадь, я знаю, но…

Она не дала ему договорить:

– Бася меня просто спас тогда. С рук не слезал, мурчал. Но все равно мужа он больше любил. Спал только с ним всегда. Если бы не Бася, я бы не пережила смерть отца… а потом и брата, я даже думала, что проклята! Но когда Бася был рядом, мне казалось, что все мои родные тоже где-то тут, поблизости.

– Хм… еще бы… – пробормотал Аверин, прикрыв рукой трубку.

– Что? Что вы сказали? Так что? Вы знаете, где Басик?

– Возможно. А скажите мне еще. Когда вы зашли в ванную и увидели, что она пуста, вы ничего не заметили странного?

Она задумалась. И наконец проговорила:

– М-м… ничего вроде. Только бритва его на полу валялась. Наверное, уронил, когда его схватили… Я ее назад, в стаканчик поставила. А что? Не надо было трогать?

– Не надо… – Аверин замолчал и, выждав некоторую паузу, наконец сказал: – Прошу прощения, но у меня плохие новости о вашем муже. Боюсь, он мертв.

– Что? – раздался возглас из трубки. – Господи, я так и знала. Это точно проклятие! Что с ним произошло? Кто его убил?

– Нет. Это не проклятие. Простите, я не могу больше говорить сейчас. Что с ним произошло, я расскажу вам при личной встрече. До свидания.

– До… свидания… – растерянно сказала Сомова и положила трубку.

Аверин тоже положил свою.

– Итак… – задумчиво проговорил он, – значит, ты, кроме спасения зверей и слабых дивов, еще и даешь приют демонам, сожравшим своего хозяина?

– Вы не понимаете. – Она отступила на шаг. Пальцы ее нервно теребили кружева манжет.

Вообще не отличить от обычной женщины, если не знать.

– Поймите, он не злой. Вовсе даже наоборот. Эта сволочь, Сомов, заставлял его убивать людей. А он ненавидит убивать!

– Ну да, – Аверин хмыкнул. – Даниил Синицын – не человек.

– Вы уверены, что его тоже убил он?

Аверин шагнул вперед и достал из кармана снимок с оскаленной мордой кота. Молча продемонстрировал.

– Это я нашел в «пыточной».

– Ясно.

Она замолчала.

– Когда демон к тебе пришел?

– Год назад. Но он не был тогда… ну, вы поняли. Мы его встретили в парке, когда гуляли с Алешей и Сарой.

– Сара?

– Лиса. Она дива, совсем слабенькая, у нее только один облик, кроме истинной формы, – чайка. Они играли вместе и подружились. И с Алешей тоже. Он их понимает. Тогда мы и узнали, что Сомов заставляет своего дива делать для него всякие грязные дела. И как это ему противно. Но он див и не может ослушаться приказа. Вы хоть понимаете, что это такое, когда вас заставляют делать всякие мерзости, а вы вынуждены подчиняться? – гневно воскликнула она.

– Значит, и отца Сомовой, и брата тоже он сожрал?

– Да. Сомов приказал изобразить несчастный случай, и чтобы тел не нашли.

Итак, Сомов оказался «тем самым идиотом».

– Понятно. И когда он пришел уже после того, как расправился с хозяином?

– На следующий день. Сказал, что не может смотреть в глаза хозяйке, она добрая женщина. Но он не жил у нас. Приходил только днем, поесть и поспать. А ночью…

– Я знаю, что он делал ночью. Это чья была идея?

– Его… – Мнимая баронесса вздохнула: – Он хотел «искупить зло», защищая беззащитных. Но он никого не собирался убивать! Только пугал!

– Даниила он напугал до смерти.

– А что? А вполне возможно.

Аверин криво усмехнулся.

– Прямо ангел, а не демон.

– Пожалуйста… – Дива подошла к нему совсем близко, даже протянула руку, будто намереваясь взять его за рукав, но отдернула,

поняв, что это неуместно. – Послушайте. Не отправляйте его в Пустошь. Он не любит убивать, он там не выживет. И ему там будет очень плохо. Сдайте его лучше в полицию, пусть его поставят на учет и возьмут на госслужбу. Из него выйдет отличный полицейский див. У него есть облик собаки и даже галки, он может говорить с людьми. Я знаю, это очень ценно. Дайте ему шанс, я умоляю.

– Сначала его надо поймать. Или ты уговоришь его сдаться? А?

Она опять вздохнула.

– Ну да. – Он посмотрел на часы. – Так, мне нужно еще раз позвонить.

Он снова взял трубку и набрал номер участка. На этот раз трубку взял Виктор лично. Ждал звонка.

– Да? – напряженным голосом спросил он.

– Отбой. Со мной все в порядке. Можете оставить ее в покое, она тут ни при чем. И ее звери тоже.

– О, это уже неплохо, с одной стороны. – Виктор явно расслабился. – Но, с другой – мы теперь не знаем, кто это.

– Я знаю. Но расскажу при личной встрече, когда поймаю демона.

– Вы знаете, как его поймать?

– Да, – уверенно произнес Аверин.

– Тогда я вас жду, Гермес.

– Ждите. Вы будете первым, кто все от меня узнает.

Он сбросил вызов и обернулся к диве. Как ее называть? Анастасия? А не все ли равно.

– Вот что, – произнес он, – ты сказала, что Алеша понимает дивов. Может с ними говорить?

– Да.

– Это редкая способность для колдуна. Ты ведь знаешь, что ему нужно учиться?

Она кивнула.

– Для колдуна, умеющего говорить с дивами, вовсе не нужно уметь разговаривать с людьми. А для полицейского колдуна – даже не обязательно уметь ходить. – Он вспомнил Фетисова. – Мечты Алеши могут стать явью, если ты перестанешь держать его взаперти, где мальчик деградирует.

– А что я могу сделать? Я занимаюсь с ним, учу тому, что умею сама. Он читает, немного пишет рабочей рукой. Я учу его языкам. Даю

книги по колдовству. Вы же понимаете, что даже если вы промолчите, ничего больше не сделать. При подаче документов в Академию потребуются и мои. И там точно все вскроется. Семью будущего колдуна или чародея очень серьезно проверяет служба безопасности.

Аверин внимательно посмотрел на нее и прищурил глаза.

– Ты умная, у тебя, говоришь, даже связи при дворе есть. А законы почитать ты не удосужилась. Любой человек, – он подчеркнул это слово, – особенно дворянин с образованием, знает, что последняя воля, высказанная умирающим своему фамильяру, приравнивается к завещанию.

Он улыбнулся, видя, как вытягивается ее лицо, и продолжил:

– Да-да. Твой хозяин назначил опекуном сына своего дворецкого Артемия. О чем тебе и сказал. Разве не так было?

– Так… наверное… – она не договорила и так и осталась стоять с полуоткрытым ртом.

Аверин снова достал записную книжку, вырвал листок и написал на нем номер телефона.

– Так ты доверяешь Артемию?

– Да, безусловно, но…

– Тогда вот, держи, это телефон нашего семейного адвоката. Его гонорары даже моего брата икать заставляют, зато он ни одного дела на моей памяти не проиграл. Но деньги же для тебя не проблема, так?

– Да, – повторила она, – но…

– Что «но»?

– Почему вы мне помогаете? Нам помогаете? Чего вы хотите?

– Потому что я, как ты выразилась, «порядочный человек». Честь имею.

Он приподнял над головой воображаемую шляпу, повернулся и вышел.

Спустился по лестнице и пошел к воротам. Уже открывая калитку, он обернулся. Дива Анастасия стояла возле окна. А на тропинке сидела лиса Сара, провожая его взглядом круглых желтых глаз.

Дома его встретила встревоженная Маргарита.

– С вами все в порядке? Надеюсь, они ничего ценного не украли?

Экономка решила, что в дом забрались воры. Ну и отлично, если бы Маргарита узнала про демона, то перепугалась бы так, что ни одна

крыса с этим не сравнится.

– Нет, я проснулся и спугнул их.

– Ну и ладненько. Вот гады, сразу лезут в кухонный шкаф. Знают, что хозяйки часто хранят деньги и ценности в банках с кофе или крупой. Еще в морозилке, в корзине с грязным бельем, в карманах пальто, – она принялась загибать пальцы, – и даже в сливном бачке!

– Из тебя вышел бы отличный домушник, – рассмеялся Аверин, переодеваясь в домашнее, и направился к столу. Есть хотелось до одурения.

Маргарита пошла следом.

– Ой, опять ваши шутки… Но! – Она подняла палец вверх.

– М-м? – Он сел за стол и откинул крышку. Омлет. Огромный, с сыром и ветчиной. И зеленый горошек сбоку. Просто замечательно.

– Я осмотрела окно, через которое они залезли. И я поняла, чем они подцепили шпингалет!

– О?

– Это были грабли! Грабли для сухих листьев!

– А, вот оно что. Вот сволочи, – пробормотал Аверин с набитым ртом. – Ну, я думаю, их быстро поймают.

Довольная собой Маргарита отправилась на кухню готовить какао, а Аверин, утолив первый голод, откинулся на спинку кресла. Требовалось очень хорошо подумать.

Да, он заверил Виктора в том, что поймает демона. Вот только покривил душой, сказав, что знает как. На самом деле он понятия не имел, что ему делать.

Да, он знал о демоне очень много. Его основные облики, повадки и даже характер. Конечно, можно походить по набережной и попинать собак или кошек, но, во-первых, Аверину не нравилась эта идея, ведь собака или кошка запросто может оказаться совершенно обычным животным, а во-вторых… Почему-то демон заинтересовался колдуном. И начал пакостить по мелочи. Вполне возможно, крыс подбросил тоже он. Что стоит для кота поймать крысу и забросить ее в форточку? Хм… но как он обошел ловушки в саду? Они были нетронуты. И зачем ковырять когтями шпингалет? Если он мог просто заскочить в дом через форточку?

Вопросов было больше, чем ответов. Но самое главное, объектом охоты теперь стал сам Аверин. Возможно, зверюге не понравилась

попытка его поймать и теперь он мстит? Черт знает. Но ловить демона нужно прямо тут, в доме. Это хорошо. Плохо, что непонятно, каким образом.

Вошла Маргарита с подносом. Кроме какао и печенья, на нем лежал свернутый вчетверо лист бумаги.

– Это вам, чуть не забыла, нашла утром на пороге, – она протянула лист.

Аверин его взял и развернул.

«Див меняет не форму, а размер. Именно так он сбежал. В.», – было выведено на листке красивым ровным почерком.

Что же… Див Владимир сдержал свое обещание. Откуда он узнал? Выследил демона и попытался поймать? Не смог? Ничего себе.

Так вот зачем демон тут ошивается! Наглая хитрая морда использует Аверина в качестве прикрытия! Ну кто, кто будет искать демона в доме колдуна?

Аверин вскочил и быстрым шагом вышел на крыльцо. И огляделся по сторонам. Ничего не было видно, только трава, кусты, деревья и низенькие соседские заборы с двух сторон. Как разглядеть полосато-пятнистого кота в траве?

Понятно теперь, почему показания свидетелей насчет видовой принадлежности расходились. Не тигр это и не леопард. Это кот. Огромный котяра. Да, его тело, увеличиваясь, меняло форму согласно законам анатомии хищников, поэтому он и напоминал помесь ягуара с гепардом в итоге. С полосатыми, как у тигра, ногами.

Какой хитрец…

Аверин достал часы. Он всегда держал их при себе. Запустил маятник. Он сильно закачался и показал куда-то влево, в заросли соседских декоративных елочек. Аверин бросился туда, но только едва слышный шорох подсказал ему, что противник тотчас же сменил дислокацию. Проклятие. Все время дьявольский кот за ним наблюдал! И понял, что его раскрыли. Что он предпримет? Сбежит? Или он настолько наглый, что будет продолжать игру в «кошки-мышки»? Точнее, игру «человек-кот». Вот только в этой игре перевес не на стороне человека… Да, он колдун, но и кот обладает почти человеческим разумом и неизвестно еще какими способностями.

На крыльцо вышла Маргарита. Не дождавшись его в гостиной, она решила проверить, чем занят хозяин. Аверин повернулся к ней.

– Как поймать кота? – спросил он, не особенно надеясь на ответ, скорее, разговаривая сам с собой.

– О, вы хотите взять уличного кота? Как благородно, Гермес Аркадьевич. Бродячие коты – отличные крысоловы. Только берите подростка, не котенка и не взрослого. Я назову его Кузей… – мечтательно проговорила она. – В деревне у бабушки был кот Кузя, с во-от такой мордой, – она расставила руки примерно на полметра.

– Отличная идея, Маргарита, да… – рассеянно пробормотал он. – Но все-таки как поймать этого… Кузю…

– А в картонную коробку. Все коты обожают картонные коробки. Если поставить – обязательно залезет, – уверенно сказала она.

Аверин медленно повернулся и посмотрел на Маргариту.

– Хм. А ведь это мысль… – задумчиво проговорил он.

Аверин прошел в гостиную, допил какао и долго сидел в кресле, задумчиво глядя перед собой. Потом встал, оделся и вышел.

В канцелярском магазине он купил костный клей и папиросную бумагу, вернулся домой и заглянул в кладовку. Там он осмотрел стоящие на полках ящики и коробки и снял ту, которая показалась ему наиболее подходящей. В ней еще оставалось три банки маринованных патиссонов. Маргарита заказывала соленья коробками, и их доставлял курьер. И он же ставил их на специально подписанные полки. Аверин подумал, что Маргарита простит ему некоторый беспорядок, и, вытащив банки из коробки, просто поставил их на полку.

А коробку унес в рабочий кабинет. И долго там чертил, измерял и клеил.

Когда уже стемнело, он вышел во двор, прихватив с собой коробку и еще некоторое количество предметов, которые могли сойти за ненужный хлам, и сложил все это в кусты возле калитки. Со стороны эти действия должны были выглядеть так: хозяин вынес из дома мусор, который завтра экономка отнесет до контейнера. Коробку он оставил полуоткрытой.

Вернувшись в дом, он выпил ромашковый чай, тщательно проверил, заперты ли окна и двери, обновил круг вокруг кровати, положил в центр звезду и улегся спать.

Как только прозвонил будильник, Аверин вскочил и, накинув халат, бросился во двор.

Коробка стояла на месте. Он подошел к ней, заглянул и едва не закричал от радости: из коробки на него глядели два круглых глаза, голубой и зеленый.

– Мя-я-я! – возмущенно сказала коробка.

– Не может быть, – восхитился Аверин, – ты такой хитрый и умный и вот так просто попался в такую примитивную ловушку?

Он прикрыл коробку и плотно замотал ее Путами. Да, демон не должен выбраться из нее даже на весу, но кто знает, что может прийти ему в голову.

Принеся коробку в дом, он поставил ее рядом, быстро переоделся и, не удержавшись, убрал Путы и открыл крышку, чтобы как следует рассмотреть добычу.

Кот лежал на дне коробки в лохмотьях порванной папиросной бумаги и утробно рычал. Когда Аверин наклонился над ним – оскалил пасть и зашипел. Аверин улыбнулся:

– Ты прекрасен. И ты мне нужен.

Он снова как следует запаковал коробку Путами, добавил Печать Сдерживания, чтобы кот не трансформировался в какую-нибудь другую свою личину, сел в машину, поставив коробку на соседнее сиденье, и помчался в участок. Надо было успеть раньше, чем прочухается див Владимир.

Глава 7

В участке его встретил заспанный Крысин. Он удивленно захлопал глазами на коробку.

– Что это?

– Не что, а кто. Потом узнаешь, я обещал Виктору Геннадиевичу первому показать. А ты чего опять на дежурстве? Ты вообще отдыхаешь?

– Ага… – Крысин зевнул. – У меня жена на восьмом месяце, деньги вот так нужны, – провел рукой по горлу он.

– Ясно. – Аверин прошел в кабинет Виктора.

Тот спал на диване, прикрывшись пледом в крупную красную клетку. Аверин поставил коробку на стол и довольно бесцеремонно дернул товарища за торчащий из-под пледа локоть.

– А? Что? – Виктор вскочил. – А-а, это вы. – Он сел, зевнул и потер глаза: – Что случилось?

Вместо ответа Аверин взял коробку, свернул Путы, обмотав их вокруг запястья, поднес коробку почти к самому лицу Виктора и открыл.

– Ну как вам? Правда, красавчик? – улыбнулся он.

– Да, хорошенький… вы что, кота решили завести? – непонимающе улыбнулся в ответ Виктор и попытался было поднести руку к коробке. Оттуда раздался утробный рык. Виктор резко отдернул руку, и его глаза округлились. Сон с него слетел окончательно.

– Это?.. Только не говорите мне, что это…

– Да, Виктор, дорогой мой друг, это он. Наш неуловимый демон, – закончил фразу Аверин все с той же довольной улыбкой.

– Ничего себе. – Виктор осторожно отстранился от коробки, отодвинувшись бочком, и опасливо покосился на добычу колдуна: – А он… не выскочит?

– Нет. – Аверин поставил коробку на стол и снова замотал. – Внутри на дне нарисован алатырь. А сверху, на расстоянии сантиметра от дна, я наклеил коричневую папиросную бумагу. Дивы не чувствуют алатырь, пока он не активен, а бумага не позволяла его увидеть. Когда наш демон запрыгнул в коробку, его лапы порвали бумагу и он

коснулся линий. И, как видите, прилип намертво. Изменить облик он не может и увеличиться тоже – ему просто оторвет то, чем он примагнитился. Так что из коробки ему не выбраться. Ну, я надеюсь.

– О-о… – только и смог проговорить Виктор. Он обошел стол, посмотрел на часы. – Ух. Отличная новость. Но, вы уверены… хм, нет, я не сомневаюсь. Вы сказали «увеличиться»? Это как?

– Да вот так. Он не менял форму, он увеличивался или уменьшался в размерах. Это обычный кот, а не ягуар и не тигр. Просто он может быть огромным.

– Стоп, подождите, – Виктор нахмурился, – я видел это существо близко, очень близко. Оно совсем не походило на кота!

– А на кого оно походило? – еще шире улыбнулся Аверин.

– Честно? На самого дьявола!

– Именно. Понимаете, вы видели этого кота таким, каким его видит пойманная мышь. Для нее он ужасное чудовище. Так уж устроен наш мозг, достраивает необходимые детали, чтобы картина совпадала с ощущениями. Когда кот наступил вам на грудь, я увидел, что он стал больше, чем был вначале. Но решил, что у меня разыгралось воображение. Это моя большая ошибка. Но, думаю, мне удалось ее исправить.

– Да, пожалуй что. – Виктор обошел стол в обратном направлении. – Огромное вам спасибо. Скажите, а Даниила Синицына он сожрал или нет?

– Он, он. Более того, и Сомова тоже он. И родню его жены.

– Что? Вы серьезно?! Вы должны немедленно мне все рассказать!

– Обязательно. Но сначала нужно зарегистрировать этого дива на мое имя. И сделать это как можно быстрее, пока див Владимир не примчался сюда и не забрал его в пользу Управления.

– О-о… – удивленно протянул Виктор, – вы что, хотите забрать его себе?

– Да. Сами посмотрите. Он очень силен, сообразителен, наверняка обладает множеством обликов и способностей. В том числе точно – собаки-дворняги и галки. То есть может незаметно следить за кем-то и даже говорить. Вот вы бы отказались от такого? В участке, я имею в виду?

– Хм. Пожалуй, нет. Не отказался бы. И вы правы, Управление немедленно заберет его себе. Но… вы уверены, что… ну, он такой

сильный…

– Конечно. У меня есть право на содержание дива второго класса максимального уровня, можете проверить.

– Да нет, в этом я не сомневаюсь, в вашем праве, разумеется. Но… Он сожрал столько людей…

Аверин склонил голову набок:

– А-а… Вы сомневаетесь во мне? В том, что я смогу его контролировать?

– Кхм… – Виктор оглядел товарища с ног до головы. – Нет. Так, вы правы, надо поторопиться.

Виктор сел в свое кресло, порылся в столе и достал оттуда бланк с большим синим двуглавым орлом. И еще несколько листков, которые протянул Аверину.

– Стандартная форма, заполните ее пока. Я сейчас сделаю свидетельство о постановке на учет и о собственности. Кстати, как вы назовете этого… котика?

– Кузя.

– Кузя?..

Аверин пожал плечами:

– Это Маргарите спасибо скажите, ее идея.

– Она знает?!

– Нет. И не говорите ей никогда, иначе она уволится в тот же день. Для нее это будет обычный кот.

– А, конечно. – Виктор углубился в заполнение бумаг. – А, еще уровень его скажите?

Аверин полез в карман за часами. Но их не было. Вот черт. Похоже, в спешке он оставил их в кармане халата.

– Пишите «двенадцать», – сказал он. В конце концов, очень сомнительно, что этот див слабее.

– Ого, – изумился Виктор. – Значит, пишем: «второй класс, двенадцатый уровень».

– Да, – согласился Аверин. – Если бы этот котик слопал ваших собачек и нас, Управлению пришлось бы ловить уже дива первого класса начального уровня.

– Все хорошо, что хорошо кончается, – пробормотал Виктор, поежился и поставил печать. Взял трубку и нажал кнопку внутренней связи: – Паша, зайди.

Потом посмотрел на Аверина:

– Заполнили все? Тогда распишитесь тут и тут тоже. – Он подвинул бланки.

Аверин расписался.

Зашел Крысин и снова покосился на коробку.

– Демон, – указал на нее Виктор. – Все, можем идти домой отдыхать. Но сначала отнеси эти бумаги в кабинет Фетисова. И позвони ему, скажи, чтобы мчался сюда срочно и, как приедет, немедленно все их подписал. Ясно?

– Так точно, – отчеканил Крысин, забрал бумаги и вышел.

– В кабинет Фетисова Владимир точно не сунется, – пояснил Виктор и с любопытством воззрился на Аверина: – Ну так что? Где подробности?

– Если кратко – идиот Сомов украл у жены кобылу, нанял какого-то колдуна, чтобы тот принес ее в жертву и нелегально вызвал высокоуровневого дива, который Сомову совсем не по рангу. Для охраны и всяких гадких делишек. Приказал диву убить отца и брата жены.

– Ничего себе. Интересно, зачем? Наследство?

– Возможно. Я сейчас отсюда поеду в архив, хочу кое-что уточнить. Так вот. Сомов оказался совсем без мозгов и позволил своему диву сожрать свои жертвы. А может, и сам велел. А потом порезался в ванной, когда брился, и этого хватило. Вероятно, крови при порезе вышло достаточно.

– Понятно… а Даниил Синицын?

– Виктор, друг мой, давайте сделаем так. Я сейчас поеду по делам, а вы – домой. Поспите, отдохните, а часа в два, если хотите, можете составить мне компанию в одном интересном деле. Хочу собрать вместе всех «пострадавших» и побеседовать с ними. Поверьте, эта история того стоит. И вы все увидите и услышите из первых рук.

– Ну вы прямо заинтриговали. – Виктор постучал пальцем по коробке. – А это? Вашего котика надо еще подчинить? Ну или как этот обряд называется?

– Вы не поверите, но он называется «овладение».

Виктор подавил смешок.

– Не я эти названия придумываю. Чтобы подчинить такого зверя, да не на несколько часов, а привязать к себе навсегда, выполняется

очень серьезный обряд. А я ни разу еще его не проводил.

– Неужели? Так вы же вроде пару месяцев назад ездили кого-то подчинять? В Москву, кажется?

– А, – Аверин махнул рукой, – это был первый класс. Для него по протоколу вообще трое колдунов положено, будущий хозяин удерживает дива, а двое привязывают. Но на моей практике всегда хватало двоих: я привязываю, а ассистент просто следит, как бы чего не вышло. Тут другое, мне все одному придется делать, а див силен.

Виктор задумался.

– Хм… может, Фетисова ассистентом прихватите? Заодно, может, и научится чему? – он хмыкнул.

– Да нет, справлюсь. В действительности это немногим сложнее, чем временные узы. А такие я на квалификационном экзамене на время вязал.

– А, ну ладно тогда. Сейчас пойдете?

– Нет, сначала в архив, потом встреча у Синицыных.

– Вы уже договорились с Синицыными?

– Нет. Но что-то мне подсказывает: они найдут для меня время.

Аверин очень торопился домой, чтобы успеть раньше Маргариты. Обряд он планировал провести ночью, когда она уже уйдет, а пока нужно запереть «кота» в специальной клетке, вмонтированной в стену его кабинета. Каждый прутик ее был покрыт серебром и опутан целой сетью заклятий, не позволяющих ни сломать их, ни протиснуться между, даже изменив облик на что-то мелкое, вроде мыши или насекомого.

А на случай, если дива необходимо было отослать обратно в Пустошь, на полу клетки имелся алатырь.

Аверин вырезал в дне коробки дыру, нарушая рисунок, вытряхнул демона в клетку и захлопнул дверцу. Кот пытался подцепить его лапой, но безуспешно. Аверин погрозил ему пальцем:

– Веди себя хорошо. Не шуми, а то мне потом придется объяснять Маргарите, зачем я посадил в клетку такого миленького котика. Будешь хорошо себя вести, куплю тебе колбасы.

Кот ничего не ответил. Поняв, что достать нового хозяина у него не получится, он уселся на пол, задрал лапу и начал демонстративно вылизывать яйца.

– Вот и договорились, – хмыкнул Аверин и сел за стол. Сняв трубку со своего рабочего телефона, он набрал Синицына.

В архиве он провел больше трех часов. Затем зашел в блинную, позавтракал и поехал на Крестовский. Вот теперь все, наконец, встало на свои места. Кроме понимания, как вообще такие идиоты, как Сомов, доживают до весьма почтенного возраста.

Виктор уже ждал возле ворот.

– Туда только что зашла вдова Сомова, – заговорщическим тоном сообщил он.

– Да, я знаю. Это я ее пригласил. Думаю, им всем будет о чем поговорить.

Они прошли в гостиную. В этот раз стол не был накрыт.

Оно и к лучшему – от чая в этом доме могло стошнить. Да и новости, которые принес его обитателям Аверин, к чаепитию совсем не располагали.

Садиться Аверин не стал. Он оглядел собравшихся.

– К большому сожалению, я принес вам дурные вести. Ваш сын мертв. – Он повернулся к Синицыным.

На самом деле он совершенно не сожалел, но приличия следовало соблюсти.

Графиня ахнула и упала на диван, закатив глаза. К ней тут же подбежала горничная и принялась махать платком. Граф Синицын не шелохнулся, только лицо его побагровело.

И лишь Анна Сомова осталась спокойно сидеть на своем стуле в углу.

– Расскажите, что же произошло, – попросила она, – и почему я здесь?

– Да, зачем тут эта женщина? – проговорил Синицын. Губы его задергались.

– Сейчас объясню. – Аверин убедился, что графиня дышит и даже моргает, и продолжил: – Начнем издалека.

Он повернулся к Сомовой:

– Ваш отец, Анна Васильевна, как вы знаете, был колдуном.

Она кивнула.

– После Академии он отслужил положенные два года в полиции, но дальше его карьера не задалась, как у колдуна, разумеется. Но зато

он оказался удачливым торговцем. Но это не имеет к нашему делу отношения. Я не могу сказать, применял ли он свои способности до того, как вы сочетались браком с Сомовым, или нет, но один раз он применил их точно. Дело в том, что ваш отец очень помог деньгами вашему мужу в продвижении по службе, а ваш супруг в свою очередь очень помогал вашему отцу в торговых делах, используя служебное положение. И вот однажды дела повернулись так, что господину коллежскому советнику Сомову понадобилась серьезная защита. И ваш отец предложил свою помощь. Он вызвал дива весьма высокого уровня, но ни он не имел права вызывать такого, ни уж тем более ваш муж – таким владеть. Поэтому обряд был проведен тайно. Жертвой стала ваша лошадь, Розетта.

Слушавшая до этого с непроницаемым лицом Анна Сомова ахнула.

– Вы… Это правда? Мой муж и мой отец убили… Розетту?..

– Ну… – Аверин вздохнул, – технически вашу лошадь убил ваш кот Басик.

Женщина вскочила:

– Что?!

– Увы. В утешение могу сказать только, что это не доставило ему удовольствия. Также ему не понравилось, что сначала господин Сомов приказал ему убить вашего отца, а затем и брата.

– Нет… что это за чушь? Я ничего не понимаю… – Сомова поднесла руки к лицу, ее щеки полыхали алым.

– Кот Бася – облик того самого дива, которого вызвал ваш отец. И этот див вовсе не любил вашего мужа, думаю, он его ненавидел. И ждал удобного момента, чтобы покончить с ним. Такой случай представился: ваш муж порезался во время бритья. Видимо, сильно порезался, раз этой крови хватило. Див был рядом и немедленно его сожрал.

– Поверить не могу… вы уверены?

Аверин достал фотографию и протянул ее Сомовой.

– Это ведь Бася?

Она взяла ее и вскрикнула. Потом вернула.

– Да, это он. Кто его так грубо схватил?

В ее голосе послышалось возмущение.

– А это продолжение нашей истории. Став демоном, див покинул дом Сомовых. И навел переполох в городе. Да-да, именно о нем писали все газеты, это он «ягуар с набережной». Но в личине обычного кота он обладал интересной внешностью, и Даниил Синицын решил поймать его, запытать насмерть и сделать чучело.

– Что?!

– Да как вы смеете?!

Раздались одновременно два возмущенных женских голоса. Похоже, графиня окончательно пришла в себя.

– Да-да, – вклинился в разговор Синицын. – Граф Аверин, что вы себе позволяете?! Вы говорите о моем сыне!

– К сожалению, ничего не могу поделать с тем, что ваш сын садист и психопат. Был.

– Вы! Вы переходите все границы! Если вы не извинитесь немедленно, я буду требовать сатисфакции!

– Полторы тысячи рублей, – раздался негромкий голос из угла. Про Виктора все забыли. А он, облокотившись на рояль, внимательно наблюдал за собравшимися.

– Что?! – повернулся к нему Синицын.

– Штраф за вызов на дуэль. Не такая уж большая сумма для вас, но имейте в виду, вашей вдове все равно придется ее выплатить, когда граф Аверин вас убьет.

Лицо Синицына побагровело. Он метнул в Аверина полный ненависти взгляд.

– Тогда я подам на него в суд за клевету.

Аверин вздохнул:

– Вы наверняка все уже убрали в «мастерской». Но не волнуйтесь, кроме того снимка, который я уже показал, у меня есть еще. Ваша супруга подтвердит. Так мне продолжать?

– Да расскажите же, наконец, как погиб мой сын! – воскликнула графиня. – К черту фотографии!

– Именно это я пытаюсь сделать. Вашему сыну крупно не повезло. Ему попался не соседский крокодил и даже не рысь. Это был див двенадцатого уровня, наивысшего для второго класса. И он совершенно не желал стать чучелом. Поэтому сожрал вашего сына и покинул «мастерскую» через дымоход. Это фото – последнее, которое удалось сделать Даниилу Синицыну.

Сразу две руки протянулись за фотографией. Но Аверин убрал ее в карман.

– Это фото – вещественное доказательство, и оно принадлежит полиции.

Сомова опустила руку. И, посмотрев на Аверина долгим взглядом, спросила с болью в голосе:

– А меня Бася тоже… ненавидел?

– Нет. Вас как раз он любил. Он и сбежал потому, что ему было стыдно смотреть вам в глаза.

– А… – она явно хотела еще что-то спросить, но Синицын ее перебил:

– Гермес Аркадьевич, послушайте, найдите мне эту тварь! Я вас умоляю!

Аверин пожал плечами:

– К сожалению, ничем не могу помочь. Демон пойман сегодня утром, прошел государственную регистрацию и уже принадлежит новому законному хозяину.

– Так найдите мне его!

– Приношу извинения, но это будет нарушение закона.

– Я… я дам вам денег вдвое, втрое больше! Сколько захотите! Я хочу лично разорвать его в клочья, расстрелять серебряной дробью на могиле своего сына.

«Он и есть могила твоего сына», – подумал Аверин, но вслух говорить не стал. Вместо этого заметил:

– Вам должно быть известно, что я не нарушаю закон даже за очень большие деньги.

– Я смотрю, про меня опять забыли, – снова подал голос Виктор, и этот голос звучал насмешливо.

– Тогда я сам найду. Я найду того, кто найдет… – Глаза Синицына налились кровью.

Анна Сомова вскинула голову. Медленно подошла к Синицыну и прошипела:

– Мой отец был колдуном. Я бы тоже им стала, не родись я женщиной. И тогда бы я вколотила эти слова вам глотку, ваше сиятельство граф Синицын.

Она плюнула ему под ноги.

– Что?! – он вытаращился на нее.

И тут с дивана вскочила графиня.

– Ты в своем уме, чокнутая торговка? – заорала она. – Твой мерзкий кот убил моего сына!

– Басенька защищался от вашего выродка!

Аверин медленно стал отходить к двери. И мотнул головой, указывая на нее Виктору. Тот тоже начал двигаться к выходу. В дверях Аверин поклонился и громко сказал:

– Гонорар можете прислать курьером или положить в банк на мое имя.

Все замолчали и повернулись к нему. Аверин еще раз наклонил голову:

– Всего доброго.

И они с Виктором скрылись за дверями.

– У-уф… – выдохнул Виктор, когда они оказались в машине. – Сомову только жалко.

– Ничего, как вы видели, она способна за себя постоять. Я специально пригласил ее, чтобы она могла немного стравить пар.

– Нам бы тоже не помешало… В «Енота»?

– В «Енота», – согласился Аверин.

Пива уже оставалось на донышке. Аверин посмотрел на часы. Он не пил много, ограничился одной кружкой, ведь ночью предстоял обряд. А перед этим было бы неплохо еще пару часов поспать.

Виктор тоже уже допивал. Пора было просить счет. Аверин оглядел полупустые тарелки. Нет, в этом заведении нужно пить. А обедать лучше дома.

– И все-таки, – нарушил молчание Виктор, – эта демонесса. Почему вы решили ей помочь?

– Она не демонесса, технически. Мальчик Алеша – ее хозяин. И он вполне в здравом уме и твердой памяти, для ребенка, конечно. Они к делу отношения не имели.

– Да это понятно, – Виктор поднес свою кружку ко рту, и видно было, что он тоже очень устал. – Но… вы же понимаете, что, даже если опекунство получит дворецкий, в их доме ничего не изменится? Она так же будет всем заправлять. Разве вы не про это говорили, как про большое зло?

– Про это, – Аверин улыбнулся одними губами, – но как бы вам объяснить… Все мы знаем, что частным лицам, даже колдунам, запрещено владеть дивами первого класса. По вполне понятным причинам мало кто может удержать такое существо в подчинении. За одним исключением. Фамильяры. Они есть у многих благородных семей. А вы знаете, как дивы становятся фамильярами?

– Хм… по наследству передаются? Я плохо в этом разбираюсь, сами знаете, я из семьи разночинцев, дворянство получил уже в полку, а нам там про фамильяров не рассказывали.

– Тогда слушайте. – Аверин сделал глоток и посмотрел на кружку. Осталось еще на один. – Для того чтобы передать дива по наследству, а именно – оставить своим прямым потомкам, хозяин сперва должен установить с дивом сильную связь, а потом принести себя ему в жертву.

– Э? В каком смысле «в жертву»? – Виктор нахмурился.

– В прямом. Провести обряд, в результате которого див пожирает хозяина, но становится привязан ко всем носителям его крови. Он принадлежит всем членам семьи, понимаете? И передается по старшинству, сыну, по крови, или мужу дочери, специальным обрядом, как было сделано с Анастасией.

– Погодите. То есть он служит всем? И они могут отдавать ему приказы? И даже дети?

– И дети.

– И… а если ребенок порежется? Его может сожрать фамильяр? Если отец не досмотрел?

– Нет. Как раз наоборот. Все члены семьи в безопасности, так как любой из них является хозяином и может контролировать фамильяра. Но если род вымирает, вот тогда последний член семьи оказывается в опасности. Девочек, например, часто прячут в скитах от фамильяра, пока те не выйдут замуж или не состарятся. Понятно?

– Хм. Вроде бы да. Хотя очень странно. Веет Средневековьем, – Виктор поежился.

– Так вот. Семья Перовых попала в аварию. Все члены семьи получили сильные травмы. Представляете, сколько они потеряли крови? А ведь у настоящей баронессы Анастасии не было близкой родни, только муж и сын, отец давно умер. Теперь понимаете?

– Погодите… она же могла их прямо там и сожрать и освободиться? Так?

Аверин кивнул:

– Именно. Но она этого не сделала. Наоборот, ухаживала за ними в больнице, да так, что бедный ребенок принял ее за родную мать. Да, ему было всего четыре, он получил тяжелые травмы, но тем не менее. И потом, после смерти отца мальчик остался ее единственным хозяином, последним в роду носителем крови матери. Маленький зависимый инвалид. Она могла убить его? Да сколько угодно. Но она заботится о нем и готова защищать любой ценой.

– Хм-м… – Виктор допил пиво и поманил пальцем официанта: – Счет, пожалуйста.

Тот поклонился и ушел.

– Получается, Гермес, не все вы о них знаете. Значит, бывают такие, верные?

– Ну, или ей понравилось быть баронессой, – Аверин пожал плечами и сделал из кружки последний глоток, – но… знаете, есть кое-что, что не дает мне в этой истории покоя.

– И что же?

– Она сказала: «У меня есть связи при дворе». У нее связи. Что это, черт побери, может значить? Я не понимаю. И вот это, Виктор, меня тревожит.

Домой Аверин приехал на такси. Машину от «Енота» он решил забрать завтра, после пробежки. И очень надеялся, что пробежка все-таки состоится. Пропускать тренировки – непозволительная роскошь.

– Маргарита, мне никто не звонил? – спросил он, проходя в гостиную. – И ты не видела мой халат?

– Вот он, – экономка вынесла халат, отдала, но осталась стоять и гипнотизировать взглядом.

Аверин наклонил голову:

– Маргарита? Что-то случилось?

Она пожевала губы.

– Гермес Аркадьевич. Я ни в коем случае не хочу вмешиваться не в свое дело… – Она замолчала.

– Да говори же, не томи.

– Понимаете, я готовила суп. Когда услышала странные звуки из вашего кабинета. Я подошла и прислушалась. Кто-то щелкал замком сейфа! Я подумала, что это воры. Взяла кочергу. Открыла дверь. А там! В клетке! – Она опять замолчала.

Аверин облегченно рассмеялся:

– Это Кузя, Маргарита. Ты же хотела Кузю.

– Кузя?! – Глаза Маргариты стали размером с чайные чашки.

Аверин понял, что-то неладно, и кинулся в кабинет.

И остолбенел прямо на пороге.

В клетке сидел молодой парень лет шестнадцати. Длинные серовато-русые волосы закрывали его плечи. А рука была просунута сквозь решетку. Щелк-щелк, двигались колесики. Парень безуспешно пытался подобрать код.

– Кузя?! – снова повторила Маргарита, тоже появившись в дверях.

Парень повернулся, и его губы растянулись в широченной улыбке, обнажая идеально белые зубы. Аверин сдавленно хихикнул и попытался тоже изобразить подобие улыбки.

– Я… я так пошутил, извини, Маргарита. Каламбур. Дело в том, что этого мальчика и правда зовут Кузьма, Кузя. Он сын моего… троюродного брата.

– Да? – Брови Маргариты поползли вверх. – Но почему он в клетке? И… в таком виде?!

– Он… понимаешь, отбился от рук. Молодежь. – Аверин опять изобразил смешок. – Его прислали сюда учиться, а меня просили присмотреть. Я его нашел в «Русалке» вчера ночью. Вот в таком виде. Или все проиграл, или ограбили. Ничего не соображал, похоже, не только алкоголь, но и другие… вещества. Ну, ты понимаешь. Я его тут запер, чтобы он пришел в себя.

Аверин внимательно смотрел на реакцию Маргариты. Ее лицо расслабилось, и он выдохнул с облегчением. Кажется, его бредовая, выдуманная на ходу «легенда» показалась Маргарите правдоподобной.

– А-а-а, – рассмеялась она и погрозила пареньку пальцем: – А он мне знаете, что говорил? Сказал, что вы его похитили и хотите продать туркам. Выпустить просил. Вещества… Вы уж проследите за ним, правда что. Так-то парень хороший, по глазам вижу. – Она вышла.

Аверин затворил дверь и защелкнул замок. Глаз парня, к слову, видный из-под свисающих на лицо прядей, был только один. Зеленый.

Но Аверин не сомневался, что второй – голубой. Он вытащил из кармана халата, который все еще держал в руках, часы, щелкнул кнопкой, запуская механизм. Короткая стрелка замерла на цифре 1. А минутная остановилась между единицей и двойкой.

Аверин застонал, уронил халат и опустился на пол, прислонившись спиной к стене рядом с клеткой. Посидев немного, тупо глядя на циферблат, он повернулся к своему пленнику:

– Ну? И что мне теперь с тобой делать?

Юноша повернулся и помахал рукой, которой до этого пытался двигать колесики.

– Может, выпустить? А, дяденька?

И он заморгал глазами. Обоими, зеленым и голубым.

Часть вторая
Обручальное кольцо колдуньи

Глава 1

Пахло в этом доме вкусно. Не так, как в мясном магазине, конечно, но тоже довольно приятно. На кухне стоял уже слегка подвыветрившийся запах котлет: видимо, их готовили вчера вечером. Но самих котлет он так и не нашел. Возможно, они были в холодильнике, но дверца не поддавалась кошачьей лапе, а менять размер или облик новый хозяин категорически запретил.

Кот уныло сел посреди кухни и тщательно вымыл лапу, которая так подвела его с холодильником. Потом зашел в гостиную. Прошел в коридор, убедился, что входная дверь заперта, вернулся в гостиную, запрыгнул на стол и понюхал цветы. Фу. И ваза была новая, взамен той, что он разбил в прошлый раз. Может, и эту грохнуть? Нет, не стоит. В окно теперь больше не удрать. Он попытался открыть дверь в спальню, но и она не поддавалась. Вот для чего, интересно, нужно запирать дверь в спальню? Ну что оттуда можно стащить? Наволочку?

Кот немного поскреб дверной косяк и направился к лестнице. Но остановился на полпути. Нет, наверх он не пойдет. Там эта жуткая комната с расчерченным разными знаками полом, и на весь этаж воняет какими-то травами. И еще – его болью и отчаянием. Хм… хватит унывать, нужно что-то придумать, и как можно быстрее. Кот заглянул в ванную и тщательно там все обследовал. Даже лотка нет. И куда он должен справлять нужду, интересно? А?

Зато рядом с зеркалом висела электробритва. Эх… Не то чтобы он надеялся, что с этим человеком может прокатить тот же фокус, что и с дураком Сомовым, но все-таки…

Угораздило же так вляпаться! Попасть к колдуну, да не к какому-нибудь профану, как тот старик, который чуть не окочурился, вызывая его. А к самому настоящему.

Весь дом был пропитан силой колдуна. Еще вчера она не чувствовалась так остро, но сейчас… Он дернул лапой цепочку на шее. Скорее для порядка – она не мешала, ошейник Сомова, точнее его тестя, был толще и давил на горло гораздо сильнее.

Но все равно, когда эта цепочка замкнулась на нем, он взвыл от обиды. Свобода была так коротка…

Кот облизнулся, вспомнив вкус крови нового хозяина. В ней кипела сила, и если бы не эта цепь, он бы впился в протянутую руку и жрал бы, жрал, жрал…

Жрать, да. Ужасно хотелось. От воспоминаний голод начал терзать еще сильнее, тем более что пахнуть котлетами не перестало. Они точно где-то тут…

Кот вернулся на кухню. А если запрыгнуть на холодильник и толкнуть дверцу сверху? Должно сработать.

Почему его нельзя было покормить перед уходом?

Другой запах отвлек от мыслей о холодильнике. Крыса! Вероятно, та самая, которую он притащил сюда. Вернее, он приволок трех, люди так смешно орут, когда видят крысу. Это было очень весело. Эх… ну вот зачем, зачем он полез именно в этот дом?

Вопрос был риторическим. Этот дом стал его спасением, когда див сильнее его в несколько раз шел буквально по пятам. И если бы поймал – наверняка бы сожрал на месте. В отличие от людей, дивы не церемонятся с теми, кто слабее их.

Лучше уж колдун. Он, похоже, совсем не злой человек. Позаботился о тех раненых дивах, что и дало возможность сбежать. Кот ужасно гордился тем, что не сожрал «собак». Он может сдерживать свои порывы. По-настоящему может.

Под раковиной послышался шорох. Кот лег на разделочный столик и замер. Запах крысы усилился. Так. Она не выйдет, пока не почувствует себя в безопасности. Поэтому просто надо ждать и вести себя тихо.

Но как же этот человек умен. С ним будет справиться намного, намного сложнее. Кончики усов дернулись, когда кот вспомнил, как угодил в ловушку. Коробка казалась такой удобной, такой безопасной, он всю ее обнюхал, прежде чем запрыгнуть. И подумал, что поспит, а как услышит будильник человека, сразу убежит и спрячется.

Дверца мойки скрипнула, и показалась крысиная мордочка. Она пошевелила усами, и вскоре из щели выбралась вся крыса.

Кот поднял уши и напряг лапы. Нет, еще рано. Еще немного… пусть отойдет подальше… сейчас.

Тело распрямилось, как пружина, и вот уже в зубах мягкий мех, а между когтями бьется перепуганный серый зверек.

«Пусть ты и выглядишь как зверь, но помни: ты – не зверь».

Да что за черт… да, он не зверь. И поэтому не будет жрать эту крысу, а…

Раздался звук ключа, поворачиваемого в замке. Кот, не выпуская крысу из зубов, рванул в прихожую.

Конечно, это был не хозяин. Судя по запаху, пришла его женщина. Вот! Как же она вовремя! Идеальнее момент даже сложно придумать.

Кот дождался, когда дверь откроется целиком, приосанился и медленно, уверенной походкой, держа уже обмякшую крысу зубами за шкирку, прошествовал мимо женщины. И только услышал за спиной возглас:

– О-о-о-о!

Он юркнул под елку, выплюнул там ошалевшую крысу, которая, полежав немного на боку, подпрыгнула и рванула на соседний участок, и с тем же достоинством вернулся в дом. Он знал, что за этим последует, и был готов.

– Ко-о-о-о-тик! Ой, какой славный малыш! – Теплые мягкие руки схватили его за бока и дернули в воздух. Перед глазами очутилось лицо женщины. – Ты чей, котик? Такой хороший. Ох ты, молодец какой. Ай, Гермес Аркадьевич, ваши шутки, ах, ах… – Женщина поставила его на пол и сняла верхнюю одежду. Потом вытащила из-за зеркала белый прямоугольник сложенной бумаги. Развернула, еще немного поахала, положила лист на столик трюмо и прошла внутрь дома. Кот прыгнул на столик.

«Ма-рга… Маргарита… по-кор-ми ко-та», – прочитал он по слогам. Покорми кота! Про него не забыли!

Он рванул на кухню. И точно, женщина открывала холодильник! Запах котлет усилился.

– Вот, сейчас, подожди, достану тарелочку. – Она загремела посудой, и через пару секунд у его носа появилось блюдце, на котором лежала вожделенная котлета. Кот заурчал и тут же в нее вцепился.

– Вот какой молодец. Крысу поймал! Заслужил, хороший котик!

Он почувствовал, как его гладят по спине. Хотел было угрожающе зарычать, но сдержался. С этой женщиной нужно дружить. У нее еда. А это очень важно. Так, ее зовут Маргарита. И это служанка колдуна. А колдуна зовут Гермес Аркадьевич. Отлично, полезная информация.

Котлета внезапно закончилась. Он поднял голову и требовательно сказал:

– Мя-я-у!

– Ой, – Маргарита всплеснула руками, – уже все съел… какой же ты голодный. И худющий! Сейчас я тебе сметанки…

Она забрала блюдце и тотчас же вернула его с хорошим шматом плотной желтоватой сметаны. Утолив котлетой первый голод, кот начал аккуратно слизывать сметану, растягивая удовольствие. Надо было показать себя с лучшей стороны. Наверняка новый хозяин будет также скрывать от своего окружения, что завел необычного кота.

Доев сметану, он сел и принялся умываться, искоса поглядывая на женщину. Она присела рядом и принялась почесывать его за ухом. Кот тихонько заурчал.

– Ай какой. А глазки какие красивые. Но худющий… кожа да кости. Но ничего. Мы тебя откормим, будет морда во! – Она широко развела руки. Потом еще погладила его по спине и встала. И принялась опять греметь посудой.

Кот некоторое время понаблюдал за ней, потом вышел во двор через оставшуюся приоткрытой дверь. Сделав свои важные дела и тщательно закопав, он лег на крыльце и задремал, пригретый только что появившимся над калиткой солнцем.

Ему снился Сомов. Снилось, что тот жив и ищет его вместе с опасным дивом. И вот они уже видят его и…

Кот задергал лапами и проснулся. И сразу же волна силы обрушилась на него. Хозяин! Он приближался. Запах стоял такой одуряющий, что кот не выдержал и приоткрыл рот, чтобы сильнее его ощутить.

Скрипнула, открываясь, калитка, и появился колдун.

Кот закрыл рот и сел.

– Так. Что ты тут делаешь? Кто тебе разрешал выходить из дома?

Хозяин наклонился над ним. Левая рука его была перевязана бинтом, и от нее пахло сильнее всего.

Кот снова облизнулся и попятился. Формально он ничего не нарушал. Сад тоже был территорией колдуна.

– Гермес Аркадьевич! – послышался из коридора радостный возглас. Кот облегченно вздохнул. Разбор полетов откладывался.

Огромный демонический кот занимал почти все пространство комнаты для вызовов. Он был по-настоящему красив – серебряная

шерсть мерцала и переливалась в такт движениям, по его спине пробегали огненные искры, глаза сияли синим и зеленым, как два драгоценных камня.

У Аверина даже получилось заметить эту красоту, хотя, честно говоря, было совершенно не до любований. Его рука с тремя глубокими порезами, из которых должна была потоком литься кровь, находилась за гранью защитного круга примерно по локоть. Кровь литься не успевала. Стоило ей только выступить из ран, и огромный шершавый, как нестроганое дерево, язык проходился по руке, от кончиков пальцев до самого локтя, и останавливался, только наткнувшись на барьер. Ощущение было таким, будто с руки сдирают кожу.

Но приходилось терпеть. Для краткосрочного подчинения призванного дива достаточно только начертить своей кровью знаки Подчинения и Удержания. Но для того чтобы привязать по-настоящему, необходим полноценный обряд. И чем больше крови ты отдашь диву, тем прочнее будет ваша связь.

Аверину нужна была очень мощная связь. Этот див первого класса. И удержать контроль над таким ой как непросто.

Аверин проводил обряд в одиночку. В нынешних обстоятельствах ему бы действительно не помешал ассистент, но увы. Самому приходилось и удерживать, и привязывать зверя. Поэтому больше, чем красотой демонической формы дива, он любовался тусклым серебром ошейника-цепи, почти скрытым мехом. Но видимым и прочно сомкнутым в самом начале обряда.

Хоть какая-то иллюзия безопасности. Одно неосторожное движение, немного ослабить внимание от боли или потери крови – и зверь втянет его в свой круг или в лучшем случае откусит руку.

Зверь был зол. Ошейник и Путы причиняли ему боль, знаки Подчинения жгли лапы, но запах крови не давал отвлекаться на все эти неудобства. Почуяв кровь колдуна, пленный див перестал биться и рычать и принялся слизывать ее с таким остервенением, что на какой-то миг Аверин перестал чувствовать руку.

Надо завершить обряд раньше, чем он ослабеет от потери крови. Но чем больше раз удастся наложить заклятие, тем послушнее будет див.

Язык уже слушался с трудом, ноги дрожали. Нет, нельзя останавливаться. Пока есть силы. Аверин попытался осторожно сесть на пол, рука с «поводком» дернулась, он на мгновение ослабил Путы, и огромные белоснежные клыки тут же сомкнулись на запястье. Боль пронзила до плеча.

– Нельзя! Назад! – закричал Аверин и сжал руку, поворачивая ее и натягивая «поводок».

По телу дива прошла дрожь. Глаза-звезды впились в Аверина, ослепляя так, что он зажмурился.

И почувствовал, как пасть разжалась. Боль отступила, и вдоль руки вновь словно провели наждачной бумагой.

Он послушался. Див первого класса подчинен.

Почему он на такое решился? Не на ровном месте появился запрет вызывать дива первого класса, что уж говорить о подчинении. Аверин прекрасно понимал, как сильно рискует, но…

Первой и главной причиной стало то, что он очень не хотел подвести Виктора. Доверившись ему, друг совершил серьезное нарушение. Воспользовавшись служебным положением, Виктор оформил документы на дива без освидетельствования участкового колдуна. За это мог последовать строгий выговор. А уж за оформление первого класса как второго… Самое малое, он мог лишиться должности. Или быть осужденным за халатность, а то и за подлог. Нет, этого нельзя допустить. Вечером, когда Аверин с помощью встроенного подъемного механизма перемещал на второй этаж клетку с «мальчиком», идея, пришедшая ему в голову, казалась хорошей. На сыскной работе рано или поздно «Кузя» сожрет кого-то достаточно сильного, и это поможет объяснить скачок его силы и изменение класса. Тогда Аверин оформит его в Управление с чистой совестью.

Но была и вторая причина. Гораздо менее благородная. Ему нравился этот див. Его странное нежелание жрать людей. Его нехарактерное благородство в отношении представителей своего вида. Его связь с загадочной Анастасией. Аверин чувствовал, что столкнулся с чем-то необычным, и это не позволяло ему так просто отдать дива и выпустить тайну из своих рук. Хотя бы пока. Он был уверен, что сможет подчинить и удержать в повиновении настолько сильное существо. Первое ему удалось. Теперь дело за вторым. В конце концов,

в старые времена, еще до введения многочисленных запретов, колдуны нередко держали дивов первого класса.

– Гермес Аркадьевич! Ну что за прелесть вы принесли. Неужто и правда в коробку поймали?

Маргарита стояла в дверях и радостно улыбалась.

– Да, именно так, я его прямо в ней домой и принес.

– О, неужели так крепко заснул? Намаялся малыш. А какой голодный был! Целую котлету умял и сметану. И поймал крысу! Представляете? Вот такую крысу! – Она расставила руки, показав размер крысы таким, что поймать ее мог только небезызвестный Кузя из ее деревни, у которого была «морда».

По крайней мере, Маргариту он смог порадовать. Оставалось решить вопрос с «племянником». Но этим он займется позже.

Аверин отодвинул руку от сосредоточенно нюхавшего ее кота. Тот потянулся следом, и Аверин, покосившись на Маргариту, почесал его за ухом. Что же, дальше сада див не ушел, а значит, приказ он понял и подчинился. Хотя и с некоторыми вариациями. За этим надо будет понаблюдать. У дивов, сожравших людей благородной крови, а в особенности колдунов, часто появляются интересные способности. В частности – возможность довольно вольно интерпретировать приказы. Во время обряда Аверин постарался четко сформулировать основные обязанности. Наивысший приоритет – защищать его жизнь, далее – не причинять вреда, подчиняться любому приказу, озвученному вслух или написанному его почерком, и тому подобные основы.

Умел ли этот Кузя читать? Если нет, нужно будет научить. И писать заодно.

Дел было по горло. Но сначала надо поесть. Эх, жаль, что Аверин не мог, как див, утолив голод, поправить и здоровье. Рука болела немилосердно, а пробежка далась очень тяжело. А сегодня еще лекция.

– Что там с завтраком? Я ужасно голоден. – Он пошел в ванную, принял душ, вышел и перебинтовал руку. После пробежки бинт следовало сменить на чистый. Хоть раны и были зашиты, процедуру он провел очень аккуратно – два разноцветных глаза смотрели на него с любопытством и ожиданием.

– Кыс-кыс-кыс, – раздалось из кухни.

И кот моргнул, развернулся и сорвался с места.

Аверин вздохнул с облегчением. Да, он принял все меры предосторожности, но под этим взглядом было неуютно. Кот, поняв, что рядом с хозяином ему ничего не светит, а на кухне точно будет еда, наконец оставил его в покое. Намотав новый бинт, Аверин оделся в чистое и прошел в гостиную. Из кухонного дверного проема виднелся полосатый хвост. Кажется, коту действительно что-то перепало.

На завтрак оказался поджаренный хлеб с ветчиной и сыром, кот как раз доедал обрезки ветчины. Аверин принялся за еду, иногда косясь на хвост.

Странное дело. Несмотря на ночной обряд, сейчас существо воспринималось как обычный кот. И не расслабляться стоило некоторых усилий.

Нет, прежней жизни уже не будет. К добру это или к худу.

– А что у вас с рукой, Гермес Аркадьевич? – поинтересовалась вошедшая в гостиную с подносом Маргарита.

– А, ерунда, царапина, – отмахнулся он здоровой рукой.

Но Маргариту было не провести. Она смерила подозрительным взглядом вышедшего с кухни облизывающегося кота:

– Это ты сделал? А? Признавайся, разбойник!

Кот поднял голову и протяжно сказал:

– Мя-я-я!

– Ну, точно он, – покачала головой Маргарита, – да?

Аверин вздохнул и согласно кивнул.

Маргарита наклонилась над котом:

– Нельзя царапаться! – Погрозила ему пальцем она. – Счастья своего не понимаешь, бродяга! У Гермеса Аркадьевича как сыр в масле будешь кататься!

– Мя-я-я! – снова сказал кот, обошел Маргариту, совершенно бесцеремонно заскочил на стол и потянулся мордой к тарелке.

– Вон, – коротко бросил Аверин, и кота как ветром сдуло. – Вот что, Маргарита. Пока меня нет, приглядывай за ним. По столам лазать не давай, еду воровать тоже. В спальню не пускай. В общем, приучай к порядку. И никогда не корми со стола.

– Конечно, само собой. А ну иди сюда, негодник! – Она завертела головой, ища кота.

Кот нашелся под креслом. Она выволокла его оттуда за лапы и поднесла к столу.

– Нельзя! – строго сказала она. – Нельзя сюда залазить!

Аверин внимательно посмотрел в глаза зверю:

– Слушайся ее, – сказал он.

Кот моргнул.

Маргарита отпустила кота и погладила по спине:

– Вот, молодец, хороший. Все-все понимает. Как вы его назвали?

– Так Кузя же, – Аверин улыбнулся. – Извини меня за вчерашнюю шутку. Вот тебе Кузя, полосатый и с хвостом, как положено.

– Кузя… вот так Кузя, – рассмеялась Маргарита и направилась на кухню.

Кот, смерив Аверина пристальным взглядом, прошествовал за ней.

Через некоторое время Маргарита появилась снова. В руках у нее была большая сумка.

– Я за продуктами. И надо ему прикупить все необходимое.

Аверин вопросительно приподнял бровь.

– Ну как же? Мисочки, – Маргарита загнула один палец, – лежанка, когтеточка, лоток, ну не будет же он гадить в саду, надо приучить, игрушки…

– Так, так, я все понял, – Аверин поднял руку, – бери все, что нужно.

Дверь за Маргаритой закрылась. Аверин выглянул в окно, убедился, что экономка ушла, повернулся к коту, щелкнул пальцами и скомандовал:

– Человеческая форма.

Тотчас же на месте кота появилась скорчившаяся фигура юноши. Аверин даже моргнуть толком не успел. Весь процесс трансформации выглядел так, будто один кадр заменили на другой.

На самом деле процесс изменения не был мгновенным, просто за его скоростью невозможно уследить обычным человеческим взглядом. Еще в Академии Аверин наблюдал за сменой формы дивов второго класса начальных уровней, у них ее можно было рассмотреть, если не отвлекаться.

Но высшие формы… У них трансформация происходит очень быстро. И совершенно незаметно, даже для колдуна.

Юноша тем временем выпрямился и принялся оглядываться по сторонам.

– А что, миленько тут, – он растянул губы, обнажая зубы, – тетенька добрая. Можно жить.

– Я тоже не злой, если ты будешь послушным. Делай то, что я тебе говорю, и я не буду ни бить тебя, ни наказывать. А «добрая тетенька» будет хорошо кормить. Просто, не правда ли?

– Ага. На стол нельзя, я понял. И воровать еду не буду. А что я делать-то должен? Никогда не служил колдуну. Жрал их только. – Парень облизнул губы и коснулся языком маленьких, но довольно острых и хорошо заметных клыков.

Аверин внутренне поежился. Он вспомнил вдруг, как его буравил взглядом полицейский див Владимир. Тот гораздо лучше контролировал себя, чем мальчишка, но все равно Аверин отлично знал, что див смотрел на него, как он сам смотрит в ресторане на хорошо прожаренный бифштекс. Мысленно оценивая, каким будет его вкус.

Не очеловечивать. Никогда.

– Это тоже не сложно, – невозмутимо ответил он. – Я не просто колдун, я сыщик. А ты будешь мне служить и помогать расследовать преступления.

– Ого! – Глаза парня расширились, и он снова облизал губы. – Сыщик? Вот это круто. Будем ловить бандитов?

– Да, иногда. Твоя задача – в первую очередь защищать меня. Иногда вести слежку и докладывать. В общем, постепенно я тебе все объясню. Но запомни главное. Ты никому и никогда не должен говорить и как-то показывать, что ты див. Для окружающих ты – мой троюродный племянник. Который приехал учиться.

– Но отбился от рук? – Парень снова оскалил зубы.

М-да. С его сомнительной «улыбочкой» придется что-то делать.

Аверин кивнул.

– Все ясно?

– Ага. И зовут меня Кузя, да?

– Именно.

– Лучше, чем Бася… А можно мне пожрать чего-нибудь? У этой формы расход энергии больше.

Аверин нахмурился. Эта просьба застала его врасплох. Он пожал плечами, но внезапно его озарило:

– На кухне возьми что-нибудь. В прошлый раз же нашел. Надеюсь, ты умеешь пользоваться руками.

– А то. – Кузя повернулся и шагнул было в сторону кухни, но Аверин окликнул его:

– Стой.

Нога парня замерла в воздухе. Он повернул голову:

– А?

– Надо тебя одеть.

– Зачем?

Этот вопрос Аверину не понравился. Надо помнить все время, что приказы стоит отдавать в более четкой формулировке.

– Потому что люди не ходят голые даже по дому, – пояснил он и скомандовал: – Иди за мной.

Он зашел в гардеробную и прошелся взглядом по полкам. Обычно одежду ему готовила Маргарита, он просто говорил, что именно ему нужно, и через пару минут костюм уже висел на специальной вешалке. Сейчас на ней находился костюм для похода в Собрание. И все.

Впрочем, Аверин часто одевался сам и неплохо ориентировался в своей гардеробной.

Наверное.

Недолгие поиски привели к нужному результату. Он достал с полки спортивные брюки и льняную рубашку с короткими рукавами. В такой одежде не будет сильно заметно, что она велика подростку.

– Надевай, – он протянул Кузе вещи.

Тот, не мешкая, натянул их на себя. И без проблем справился с пуговицами. Что же, некоторый опыт пребывания в человеческом облике у дива явно имелся. Интересно, какой? И как часто он его принимал? Ведь Сомов не был в курсе. Или был? Очевидно, что в первый класс этот див перешел раньше смерти своего хозяина.

Однако он успеет еще задать все эти вопросы вечером, когда уйдет Маргарита.

– Иди ешь. Быстро. У меня мало времени.

– Ага, – снова сказал Кузя и в мгновение ока скрылся на кухне. Оттуда послышались хлопки шкафов и холодильника.

Аверин сел за стол в гостиной и задумался. Оставить Кузю (а он уже начал привыкать мысленно так и называть дива) постоянно в кошачьем облике не получится, это несомненно. Во-первых,

Маргарита «племянника» уже видела, а во-вторых, помощник в человеческом облике, конечно, пригодится. Для окружающих состоятельный дядюшка просто дает подработать дальнему родственнику мальчиком на побегушках. Не самая плохая идея.

Вот только не будет ли потом проблем со «сдачей» дива в официальные органы?

Но «потом» будет потом. Аверин уже понимал, что даже в будущем Кузю он сдавать не захочет. И идея с подручным ему начинала откровенно нравиться.

Парень нагловатый, но вроде вполне толковый.

«Парень» тем временем вышел из кухни. В одной руке он сжимал батон, от которого откусывал на ходу, в другой у него был круг «краковской» колбасы и бутылка молока. С этим набором он прошел в гостиную и плюхнулся в кресло напротив Аверина.

Да уж. Нахальства ему точно было не занимать.

– Встать, – негромко скомандовал Аверин.

Див вскочил. И откусил от колбасы.

– Я запрещаю тебе есть за моим столом.

– А… а я думал, только на столе нельзя. – Он продолжил жевать как ни в чем не бывало.

– За столом тоже нельзя, – пояснил Аверин. – И прекрати жевать, когда я с тобой разговариваю.

Кузя сделал отчаянное усилие и проглотил все, что у него было во рту.

– Ага. А где мне есть?

– Хм… Вот что. Иди за мной.

Кузя поплелся за Авериным, не расставаясь, однако, с добытым на кухне добром. Они вышли в сад и обошли дом.

За домом была лестница, ведущая на мансарду. В ней предполагалась комната для прислуги, но Аверин держал только приходящую. Точнее, он «держал» Маргариту, а уж она сама нанимала и уборщиц, и садовника, и любой другой необходимый персонал. Поэтому комната для слуг много лет пустовала. Аверин сначала хотел сделать из нее еще одну гостевую спальню, но гости к нему и заходили-то редко, не то что оставались ночевать. Он поднялся по лестнице и толкнул дверь. Она оказалась не заперта. Что не было удивительным – воровать тут решительно нечего. В комнате стояли

кровать, небольшой шкаф, стол и настольная лампа. Все было покрыто слоем пыли. Если здесь и убирали, то довольно редко, скорее всего, только весной, во время генеральной уборки.

Аверин обернулся. Кузя так же послушно топал за ним, прижимая свое «богатство» к груди.

– Вот тут будешь жить. Когда человек. В облике кота можешь свободно ходить по всему дому, кроме тех мест, куда я заходить запретил. Ясно?

– Ага! – Кузя зашел в комнату, принюхался, обошел все углы и плюхнулся на кровать, вздымая клуб пыли.

– Обалдеть. Собственная комната. – Он сморщил нос, чихнул и посмотрел на Аверина жалобным взглядом: – Можно уже есть?

– Да. Как доешь, спускайся вниз.

Он вышел и закрыл за собой дверь. Еще одна проблема была решена.

Появился Кузя спустя десять минут, старательно облизывая пальцы. Волосы были растрепаны, рубашка выбилась из штанов и висела мешком. На шее болтался ошейник – серебряная цепь примерно в мизинец толщиной. Смотрелось ужасно.

Аверин поморщился. Кузя искоса посмотрел на колдуна, потом на себя и принялся запихивать рубашку обратно в штаны.

– Та-а-ак, – протянул Аверин, – руки моют в ванной, с мылом. Умеешь?

– Ага, – подтвердил тот.

– Тогда зачем вылизываешь?

– Так это… колбаса же, пахнет.

– В ванную. Вымоешь руки и иди сюда.

Он посмотрел на часы. До лекции оставалось чуть больше часа.

Аверин читал лекции в Собрании два раза в неделю по два с половиной часа. Слушателями на них были колдуны, желающие повысить квалификацию. Еще примерно полчаса он обычно отвечал на их вопросы… Хм.

Он поднял голову. Кузя вернулся и теперь тщательно, с брезгливым выражением лица вытирал руки о рубашку.

Дивы не любили проточную воду, она лишала их сил. А этот был еще и котом, так что его можно было понять.

– Полотенце? – поинтересовался Аверин.

– Оно ваше. Я его своим запахом помечу, вы потом ругаться будете.

– Резонно. Но и рубашка тоже моя. Ладно. Как раз этот вопрос решить нужно как можно быстрее.

Аверин понимал, что в таком виде показывать Кузю Маргарите нельзя. Но и времени таскать «племянника» по магазинам у него не было.

– Послушай. Если я дам тебе денег, ты сможешь сам купить себе одежду в магазине?

– Ага.

– Подобрать по размеру? Стилю? Ты знаешь, как одеваются люди твоего возраста? Того, на который ты выглядишь?

Интересно, сколько лет на самом деле этому существу? Сто? Пятьсот? Тысяча? Спрашивать о таких вещах было бесполезно, в Пустоши время шло по-другому, а в человеческом мире дивы не обращали на него внимания, если их специально к этому не приучить. Так что возраст дива можно было примерно понять по количеству хозяев, которым он служил, да по особенностям эпох, про которые он мог рассказать.

– Ага, – Кузя снова оскалился, – я сожрал шестерых современных людей, из них одного подростка. Я даже умею машину водить и стрелять.

Да, дивы получают не только облик, но и некоторые навыки и способности своих жертв, а также фрагменты их воспоминаний. Так что не могло быть сомнений, что парень в современном мире должен неплохо ориентироваться.

Но не опасно ли оставлять его без присмотра в людном месте? Хотя… даже будучи демоном, он не нападал на людей, если не считать Даниила. Но Даниил не в счет. Аверин полагал, что, попав в место, пропахшее чужой кровью и болью, демон просто впал в неистовство. И не мог не напасть. Но убив и сожрав обидчика, он быстро успокоился и не причинил вреда ни его семье, ни другим людям в окрестностях.

И, раненый, пошел не на охоту, а в колбасный магазин.

– Вот что. Я отвезу тебя сейчас в торговые ряды. Там ты купишь все, что надо, и дождешься меня. Я тебя заберу. Справишься?

– Ага, – подтвердил Кузя. – А в столовую мне зайти можно будет? Я там ничего не украду, все куплю за деньги.

Аверин внимательно посмотрел на него. Нет, особых проблем быть не должно. Див неплохо понимает, как устроен современный мир.

Оставив Маргарите записку: «Прибери в мансарде, там иногда будет ночевать мой племянник», он надел пальто, дал Кузе свою спортивную куртку, и они вышли из дома.

Когда подъехали к «Галерее», до лекции осталось всего полчаса. Как раз хватит, чтобы добраться. Аверин заехал на подземную парковку и, задумавшись на секунду, начал давать указания:

– Так. Покупаешь все необходимые тебе вещи: нижнее белье, брюки, рубашку, верхнюю одежду. Выбирай такой фасон, чтобы твоя цепь на шее не бросалась в глаза. Сходи в парикмахерскую и приведи в порядок волосы, на твою паклю смотреть страшно. Потом можешь купить себе еды. Никого не пугай, не калечь, не убивай. Даже если придется защищаться. Веди себя как человек. Я приеду примерно через четыре часа. Ожидай меня здесь же, на парковке. Все ясно?

– Ага. – Кузя протянул руку: – Деньги?

– Да. – Аверин дал свой кошелек. В нем было около двухсот рублей, должно хватить.

Див сграбастал кошелек, сунул его в задний карман штанов и направился к входу в торговые ряды. Было видно, что он чувствовал себя вполне уверенно.

Глава 2

Всю лекцию Аверин провел как на иголках. Уже через час он пожалел о том, что оставил дива одного. А вдруг он ошибается в нем? И его слуга, оказавшись без присмотра, все же что-нибудь устроит в людном месте в самом центре города?

Но время шло, и Аверин успокоился. Если бы произошло серьезное ЧП, связанное с дивом, Собрание Колдунов немедленно бы прервали. Но лекция шла своим чередом, и как только вышло отпущенное на нее время, Аверин раскланялся:

– Прошу меня извинить, я плохо себя чувствую, поэтому на ваши вопросы я постараюсь ответить в другой раз.

Он действительно чувствовал себя неважно. Эх, надо было дописать Маргарите в записке, чтобы она приготовила ему на обед говяжью печень. Впрочем, он может заехать по пути в лавку и взять ее сам. И еще кровяной колбасы.

Аверин усмехнулся. Он сам начал превращаться в дива?

Заехав на парковку, он осмотрелся. Никого не было, только возле колонны курил какой-то анархист.

Аверин взглянул на часы. Прошло не четыре часа, а три с половиной, Кузя вполне мог все еще заседать в столовой, поглощая неизвестно какую по счету котлету. Подождать? Или пойти искать?

Аверин поднял было маятник, но внезапно нахмурился. И повернул голову в сторону анархиста. Что-то в нем смущало. На вид это был обычный вычурно одетый парень, с выкрашенными в яркий цвет волосами, с длинной коричневой сигариллой… из которой не шел дым!

Аверин выскочил из машины и быстрым шагом направился к «анархисту».

И точно. Из-под черно-красной челки с оранжевыми и желтыми прядями, которые, по всей видимости, должны были изображать языки пламени, на него слегка насмешливо глядели два блестящих глаза – зеленый и голубой. А «сигарилла» оказалась сырокопченой закусочной колбаской, которую Кузя немедленно вытащил изо рта и сунул в карман длинного кожаного плаща, украшенного цепями. На руках его

красовались черные плотные перчатки с прорезями вдоль тыльной стороны кисти.

– Это что… за маскарад? – только и сумел выдавить из себя Аверин.

Кузя показал клыки:

– Все как приказано. Брюки. – Он похлопал себя по бесформенным штанам из плотной черной ткани, с кучей карманов, украшенных нашивками, причем одна из них – стилизованный алатырь.

– Рубашка. – Он указал на шелковый балахон, поверх которого болталась черная кожаная жилетка с яркими красными пуговицами. Ворот ее был распахнут, и из-под него выглядывала цепь, которая, однако, на фоне остального великолепия в глаза не бросалась и смотрелась довольно органично.

– Верхняя одежда, – закончил он, подняв полу плаща.

– Ты серьгу в ухо не забыл? – Да, формально приказ был выполнен, но… это выглядело как вызов. – Кошмар, – вынес вердикт Аверин.

И тут оскал-улыбка дива стала еще шире:

– А по-моему, отбившийся от рук племянник должен выглядеть примерно так. А что, тебе что-то не нравится, дяденька колдун? – Последнюю фразу он сказал каким-то особенно мерзким писклявым голосом.

Разноцветные глаза уставились прямо на Аверина. Зрачки их стали вертикальными.

А вот это точно был вызов. Откровенный и неприкрытый. Аверин медленно огляделся по сторонам – больше на парковке никого не было.

Он поднял правую руку, повернул кисть и дернул на себя.

Улыбка исчезла с лица дива. Он вздрогнул, захрипел и рухнул на колени. Руки в черных перчатках потянулись к горлу и заскребли по вороту шелковой рубашки.

Аверин подошел поближе и слегка наклонился:

– Я предупреждал тебя. Внимательно слушай и запоминай. Обращаться ко мне прилюдно следует «Гермес Аркадьевич» или «ваше сиятельство». Наедине можешь говорить «хозяин». Никаких «ты» и прочего панибратства я не потерплю. Ясно? – Он опустил руку.

Кузя закашлялся и принялся тереть горло.

– Ага, – наконец хрипло проговорил он. – Обалдеть вы сильный. Ваше сиятельство, – добавил он и опять показал клыки.

– Ты сомневался?

Кузя поднял руку и показал небольшое расстояние между большим и указательным пальцами.

– Но не мог не проверить, да? – Аверин подошел к машине, сел за руль, показав Кузе на место рядом.

– Ну, почти. Я больше хотел посмотреть, что вы будете делать. Ну, когда разозлитесь.

– Ах вот оно что, – усмехнулся Аверин. – Ты проверял, не выйду ли я из себя и не потеряю ли контроль?

– Ага, – с довольным выражением лица подтвердил див.

Казалось, что произошедшее скорее порадовало его, чем огорчило. До чего странный тип. С ним точно нужно держать ухо востро. Что-то подсказывало Аверину, что это далеко не последняя проверка.

– А так, вообще, ну ведь согласитесь, хорошая маскировка? – Кузя похлопал себя по груди.

Аверин подумал немного и вынужден был согласиться. Такой внешний вид легко объяснит почти все странности поведения дива. Например, полное отсутствие у него каких-либо манер.

И с цепью тоже неплохо вышло, да. Вот только…

– Хм. Твои глаза. Если Маргарита их увидит…

– Обижаете, ваше сиятельство, вот!

Он достал из нагрудного кармана и показал маленькие круглые темные очки.

Аверин только покачал головой. И напомнил себе, что этот див не так давно убил двух человек, виртуозно представив убийства как несчастные случаи.

Он может стать очень опасным. Или очень полезным.

Они выехали на проспект. Аверин перестроился в соседний ряд и повернулся к диву:

– Кстати, а чьим таким противным голоском ты говорил?

– Даниила. «А ну-ка, иди ко мне, киса», – так же мерзотно просюсюкал он.

– Значит, ты умеешь копировать голоса своих жертв, не только принимая личину. Интересно…

– Ага, – подтвердил див, – и поведение.

– Хм… – Аверин повернул на Невский. – А что же, Даниил всегда таким голоском говорил?

Кузя пожал плечами:

– Понятия не имею. Я с ним недолго был знаком.

– А его память? Она должна была сохраниться.

– Фу-у, – Кузя дернул верхней губой. – Она была такая мерзкая, что я от нее сразу избавился. От всей, ничего оставлять не стал. Да и не было там ничего интересного.

Хм. Он может выбирать, от чего избавляться, и оставлять только то, что считает нужным. Черт, сколько важных вещей может узнать владелец дива первого класса, когда тот рассказывает все, что интересует хозяина, без утайки. Стало даже как-то обидно, что фамильяр Авериных не был особенно разговорчив. Да, про способности и возможности дивов написаны сотни книг. Но живое общение – это совсем другое. Аверин из уважения к брату не трогал и не допрашивал Анонимуса. А собственно, почему нет? Пока что младший сын для него такой же хозяин, что бы там фамильяр себе ни думал.

Да и не нужно это больше. Кузя – не обычный див. И не фамильяр, про которых было известно довольно много. А значит, просто кладезь новой информации и отличный объект для изучения. Ничего. Вечером Аверин вытащит из него все, что его интересовало. По крайней мере, по делу Сомова и Даниила.

– А все-таки зачем ты его сожрал? Ты же крепко подставил Анастасию, или как вы там у себя ее называете?

– Анастасию? – Кузя вздрогнул. – Так… вы, что же, все знаете? Как, как вы на нее вышли? Я же даже после ранения к ней не пошел, чтобы хвостов не привести! А про Даниила она не догадывалась даже. И все фото я сжег. Как вы вообще все это связали, я не понимаю.

– Я сыщик, – усмехнулся Аверин. – Погоди. Ты сжег фото, каким образом?

– Я… – начал было Кузя, но внезапно осекся и вытаращил глаза.

Аверин проследил за его взглядом и с не меньшим удивлением нажал на тормоз. На тротуаре стояла Анна Сомова и махала рукой, прося остановиться. Заметив краем глаза, как Кузя судорожно напяливает очки, он притормозил у поребрика и вышел из машины.

– Вы? – удивленно спросил он. – Зачем вы здесь?

– Я, понимаете ли, искала вас, – объяснила она и принялась пихать ему в руки увесистую сумку.

– Меня? Здесь? Но, позвольте, как?

– Да я ведь знаю расписание ваших лекций, я на них хожу иногда, уж извините. Использую звезду отца. Я уже старуха, подозрений не вызывает. Хотела к вам прямо там подойти, но решила, что слишком опасно. Вдруг за вами следят! – громким шепотом закончила она.

– Следят? Кто?

– Ну, Синицын. Он же грозился. И я решила, что вы точно тут поедете, здесь светофор, вы наверняка меня заметите.

– Ясно. Так что вы хотели?

– Вот, – она указала на сумку и продолжила тем же шепотом: – Я знаю, что вы знаете нового хозяина Баси. Передайте ему. Тут мисочки и любимые игрушки. И костюмчик, я сама вязала, зимой ходить. Бася очень мерзнет зимой.

Она внезапно всхлипнула. Аверин так растерялся, что взялся за ручку сумки.

– Вот замечательно, я знала, что вы поймете, вы очень благородный человек! Храни вас Бог! – Анна Сомова перекрестила его и скрылась так быстро, что Аверин едва успел проводить ее ошарашенным взглядом. После чего пожал плечами и вернулся в машину.

Кузя шумно задышал, принюхиваясь, и всем телом подался к сумке.

– Ах да… это твое. Кажется. Костюмчик, вязаный, – Аверин с трудом сдержал смешок. Но сама ситуация была не такой комической, как казалась. Эта женщина права. Синицын своей мести так просто не оставит. И если она все поняла…

– Можно?.. – Кузя осторожно коснулся сумки.

– Да, бери. – Аверин снова выехал на дорогу.

Кузя сцапал сумку и крепко прижал ее к груди.

– Маргарита уже наверняка купила все новое, – покосился на него Аверин.

– Ну и что. Это мое, – упрямо пробормотал див и добавил тихо и неуверенно: – Она все знает, да? Ну, что я…

– Да. И видишь, совершенно тебя не винит.

– И… про Розетту?

– И про Розетту. Но тут ты вообще не виноват. Устоять перед жертвой во время вызова див физически не может.

– А вдруг может… – едва слышно прошептал Кузя.

Аверин нахмурился:

– Вот что. Синицын будет искать тебя. Если увидишь его или кого-то подозрительного, не нападай и не убивай. Если на тебя нападут, постарайся взять живым. Я хочу, чтобы этого человека судили. Наверняка его сын – продукт воспитания, а не просто жертва психической болезни.

– И что же? Суд и тюрьма хуже смерти, а? – Верхняя губа дива опять поползла вверх.

– Без сомнений. Один миг страха ничто по сравнению с годами позора.

Они проехали мост и свернули на Петроградку. Аверин уже настолько хотел домой, что чуть не забыл заехать в мясную лавку. Остановив машину, он велел Кузе сидеть и ждать внутри.

Но дива-кота было не обмануть.

– Вы же за колбасой, да? – Кузя облизнулся.

Пришлось подтвердить.

– А мне возьмете? Вы обещали.

Аверин попытался вспомнить, когда это он обещал. Ах да.

– А ты уверен, что хорошо себя вел?

Кузя заморгал.

– Ага. За мой проступок вы меня уже наказали. А в остальном я все сделал хорошо и правильно.

– Ладно. – Аверин закрыл дверцу, зашел, взял три круга кровяной колбасы, полкило говяжьей печени и два кольца «краковской». И понял, что готов прямо сейчас все это съесть.

Нет, нужно срочно домой. Там на столе уже стоит его обед.

Маргарита встретила их на пороге.

– Гермес Аркадьевич, вы Кузеньку не видели? А то я ему и еды положила, и зову, зову… Ой… а это что за чудо-юдо? – она смерила Кузю взглядом с ног до головы.

– Так это Кузьма, наш Кузя номер два. Я его решил взять к себе на подработку, пусть сам на жизнь зарабатывает, а не у отца деньги

выкачивает, там и так семеро по лавкам. Ну или номер один, если хронологически, – рассмеялся Аверин, – и его тоже неплохо было бы покормить. Ты приготовила комнату?

– Да, там только пыль нужно было смахнуть, покрывала выбить да постель постелить. А что оно ест-то? Хоть человечью еду?

– Да брось, Маргарита, а то ты современную молодежь не знаешь.

– Да вот знаю, в том-то и дело, что знаю… где же настоящий Кузя-то… неужто сбежал…

– Это котик ваш, что ли? – вмешался в разговор Кузя, старательно глядя на Маргариту. – Полосатый такой?

– Да, он!

– Так на козырьке сидел, когда подъезжали. Может, меня испугался.

Аверин вздохнул. Врать в присутствии колдуна у дива получалось виртуозно. Это была известная техника – див постоянно сосредоточен на том, что разговаривает совсем с другим человеком. «Баронесса Анастасия» так и поступила при их первом разговоре, отвечая Виктору, а не колдуну. Этот, значит, тоже умеет.

Зато Маргарита обрадовалась, и ее взгляд потеплел.

– Ладно, проходи на кухню. Положу что-нибудь. А вас, Гермес Аркадьевич, попрошу в столовую.

– А, да, – Аверин протянул ей большой бумажный пакет, – вот.

– Это для котика? О, да не стоило беспокоиться, я все купила ему: и требухи куриной, и почек, и обрезков.

– Нет, это мне, – он улыбнулся. – Приготовь на ужин, пожалуйста.

– С гречей?

– С гречей, – согласился он. И направился к столу.

Едва он успел доесть суп, как из кухни появился довольный Кузя. Его накормили до отвала, а с собой дали грандиозных размеров бутерброд.

– Ну, я пойду к себе, – он немного потоптался посреди гостиной.

– Иди, отдыхай, – разрешил Аверин.

– Увидишь Кузю-младшего – гони домой, пусть поест, гулена.

– Ага. Спасибо, тетя Марго! – И див скрылся в прихожей вместе с бутербродом.

Маргарита вышла из кухни и посмотрела ему вслед:

– Я же говорю, хороший парень. Выучился бы только…

После обеда начало немилосердно клонить в сон. Аверин пробовал почитать, но буквы расплывались. Скрипнула дверь – вернулся Кузя в облике кота и сразу же кинулся на кухню к миске. Маргарита только радостно всплеснула руками.

Было неловко ее обманывать. Но, в конце концов, это обычная практика – выдавать своих дивов за слуг или домашних животных.

Вот еще бы само пребывание Кузи тут было законным…

Аверин посмотрел на хвост, высовывающийся из кухни. И подумал, что, возможно, главной проблемой станет этого дива прокормить.

Потом зевнул и встал.

– Вот что, Маргарита. Пойду я посплю. Не буди меня, просто оставь ужин на столе, если я не встану.

– А Кузя? Не сопрет?

– Надеюсь, что нет. – Он снова зевнул и направился в спальню.

Проснулся Аверин от странного ощущения тяжести и тепла. Чувство не было неприятным. Его словно укрыли толстым теплым одеялом, из-под которого так тяжело вылезать холодным зимним утром.

Он открыл глаза – два огонька блеснули в подступающих сумерках.

Кот лежал у него на груди. Он тоже сонно щурил глаза и даже потянулся, когда заметил, что Аверин на него смотрит.

– Провались я в Пустошь!.. А ну-ка вон! – Аверин вскочил и только успел заметить, как мелькнул в дверном проеме длинный хвост.

Что это за чертовщина? Как он посмел сюда зайти?!

Надев халат, Аверин вышел из спальни. Включил свет, зашел в ванную, тщательно умылся, прогоняя сонную одурь, и посмотрел на часы. Половина девятого. Ничего себе поспал… Вероятно, Маргарита уже ушла, но ужин еще не остыл. Аверин переоделся из халата в домашнее и огляделся в поисках дива.

Кот сидел под тем же креслом, где прятался в первый раз.

– Выходи. И я хочу услышать объяснения. Я же запретил тебе заходить в спальню.

– Мя-я-я, – ответил кот. Но из-под кресла вылез.

Аверин подошел к столу. Ужин был еще горячим, под салфеткой обнаружились гречневая каша, щедро политая соусом из сметаны, и несколько ломтей печенки.

В животе заурчало. Он сел за стол.

– Так, – обратился он к коту, – иди к себе и прими человеческий облик. У меня к тебе огромное количество вопросов.

Кот понюхал воздух, печально посмотрел на тарелки и выскочил в форточку.

Хм. И про это тоже надо не забыть спросить.

Не успела тарелка опустеть даже на четверть, как появился Кузя во всем своем великолепии.

– А мне поесть можно? Тетя Марго и мне оставила, я чувствую.

– Сначала ответь на один вопрос. Какого черта ты делал в моей спальне?

Див посмотрел на него с некоторым удивлением:

– Я охранял ваш сон. Ваша защита – наивысший приоритет, вы сами так постановили.

– Хм. Но я же ясно сказал тебе, чтобы ты не заходил в спальню.

– Защита – наивысший приоритет, – повторил Кузя.

– Так, прекрасно. Значит, необходимость моей защиты отменяет любой другой мой приказ, я правильно понял? – Аверин отложил вилку.

– Ага.

– Тогда объясни мне, от чего и от кого ты меня так ревностно защищал в моей собственной спальне?

– Так от всех. Вы, когда спите, уязвимы. Я запросто мог что угодно с вами сделать, когда пришел сюда в первый раз. Ваши ловушки отлично видно, щит вы во сне долго держать не сможете, а без него ваш алатырь вокруг кровати преодолевается одним прыжком, когда я в форме кота.

– И из всего этого ты заключил, что во сне я в опасности? И взялся меня охранять?

– Ага, – подтвердил див.

Итак. Он видит ловушки. Вероятно, это оттого, что он сожрал колдуна. И приказ об охране истолковывает так, как ему самому хочется. Что же, чего-то подобного Аверин и опасался.

– Кстати, – поинтересовался он, – а зачем было все это устраивать? Этот цирк с когтями на окне, например. Ты же легко запрыгиваешь в форточку.

– Это чтобы сбить вас со следа, – Кузя покосился на кухонную дверь, – чтобы вы не связали кота у Синицыных и опасного демона с набережной. Я даже дверцы холодильника в мясной лавке лапой открывал, чтобы вы не догадались. Но вы все равно связали. И догадались.

– А крысы? Крысоловки, мой разоренный буфет? Что ты вообще делал у меня дома?

– Прятался от того полицейского дива. Он бы меня сожрал.

– Хороший у тебя способ прятаться.

– Ну… – протянул Кузя, – я хотел посмотреть, что вы будете делать. Как отреагируете.

– Зачем?! – Аверин снова взялся за вилку.

– Потому что мне понравился ваш стиль. Ну… когда вы залезли на березу.

Аверин закатил глаза.

– Так, ладно. Иди уже ешь, у меня к тебе еще море вопросов.

Кузя мгновенно метнулся на кухню.

Какое странное у него выражение симпатии. Хотя Аверин склонен был думать, что, если бы «его стиль» диву не понравился, он бы его убил. А так – просто невинно пошутил.

Или проверял? Но зачем? Ведь Аверин тогда не был его хозяином.

Он встал и включил телевизор. Какая-то женщина громко кричала на мужчину и методично била посуду об пол. Что же, неплохой фон для того, чтобы спокойно доесть и ни о чем не думать. Чем он и занялся. Внезапно скрежет и скрип отвлекли его. Кузя, заинтересованный тем, что происходит на экране, подъехал на стуле к дверному проему и теперь выглядывал из-за него с тарелкой в руках. Аверин вздохнул. И вот этого балбеса ему сейчас допрашивать о том, скольких человек он убил и каким образом.

На веранде было прохладно. Аверин сидел в кресле с кружкой горячего чая, закутавшись в плед, и задумчиво смотрел, как мошки бьются о стекло фонаря. Кузя примостился на полу возле стены, хотя Аверин предложил ему табурет.

– Ну, – сказал наконец он, – теперь рассказывай.

– О чем именно? – Див наклонил голову и смотрел исподлобья.

– В первую очередь о колдуне. Отце Анны. Его ты убил первым?

Див отрицательно помотал головой. В свете фонаря пряди его волос и правда напоминали огонь.

– Нет. До него я сожрал еще двоих. Они чем-то угрожали Сомову. Но с ними было просто. Никто бы не связал их с моим тогдашним хозяином, поэтому мне просто приказали их убить. Сожрал я их по собственной инициативе. Ну а что? Не пропадать же добру? А вот с колдуном пришлось повозиться. Он был слабак, но его охранял сильный див, Карат. На тот момент сильнее меня. Колдун вызывал слабых дивов и кормил Карата ими, так и повысил мощь. Ну и еще собаками.

– Собаками? – удивился Аверин. – Но зачем?

– А, – засмеялся Кузя. Смех был несколько странноватым, но в целом вполне человеческим. – У Карата был истинный облик собаки. Но обычной дворняги. А этот тип хотел, чтобы тот выглядел как породистый. Ирландских сеттеров любил. Ну как любил… скармливал их Карату, пока тот не перенял эту личину.

– И?

– Ну и вот. Я же говорю, пришлось повозиться. Но эта породистая личина и навела меня на мысль. Ну и еще Карат считал себе невероятно крутым. Жалко его, но у меня выбора не было, – Кузя вздохнул.

– Кхм… Так что ты сделал? – Аверин просто сгорал от любопытства.

– А, ну тот колдун любил на рыбалку с собой в лодку Карата брать, он всегда его с собой таскал, боялся, видать. Ну я и давай над Каратом глумиться, что так себе он защитник: если вдруг лодка перевернется, он первый же и потонет. Карат сначала чуть в драку не полез. Но я на дерево забрался и продолжал оттуда дразнить. А у него не было ни одной крылатой формы и дистанционной атаки. Тогда он завелся и решил мне доказать, что его сил хватит даже Неву переплыть.

– Так… – Аверин уже догадался, что будет дальше, но хотел услышать окончание истории. – И?..

– …И переплыл. А я ждал его на берегу, ослабевшего, сожрать его не было никакой проблемы. Хотя, говорю, жалко его. И собаку жалко, мне же еще и собаку пришлось… А потом под личиной рыжего сеттера поехал с колдуном на рыбалку. Где спокойно его и сожрал.

– Понятно… – Похоже, именно тогда этот див совершил скачок из одного класса в другой. Объем энергии за короткий период был колоссальный.

– И тогда ты понял, что можешь становиться человеком? – уточнил Аверин.

И Кузя подтвердил его догадку:

– Прямо в лодке и понял. Думал, лететь придется, а лодку бросить. Этого достаточно было, половина деревни видела, как колдун в лодку с собакой садился. А там течение. Но увидев, что у меня руки, и рассмотрев отражение в воде, я подогнал лодку поближе к порогам и только тогда улетел. Так еще лучше вышло.

– Да уж… – задумчиво проговорил Аверин, – очень заметно, что животных и своих соплеменников ты жалеешь больше, чем людей…

– Вот и нет! – возмущенно воскликнул Кузя. – Это был плохой человек! Вы бы видели, как Анна Сомова убивалась по Розетте! Каждый вечер выходила на крыльцо, ждала. Везде объявления висели: «кто увидит, тому награда» или что-то в этом роде. С фото. А вызывать бедных дивов, покупать несчастных добрых собак, чтобы кормить ими своего охранника чисто ради красивой внешности, это не подло, по-вашему?

– Ты тоже съел собаку ради внешности, и, скорее всего, не одну.

Кузя опустил голову:

– Одну… Я быстро перенимаю личины. Но все равно это был плохой поступок, да. Но ничего лучше я не смог придумать. А этот… он мог хотя бы лошадь на скотобойне купить, раз так надо было. Но нет, выбрал любимую лошадь дочери. Он был плохим человеком, – настойчиво повторил див.

– Любимую лошадь он выбрал не случайно, – пояснил Аверин, – в такой жертве гораздо больше силы из-за привязанности хозяйки. Так, значит, ты считаешь, что убивать плохих людей можно?

Кузя кивнул.

– И Даниила ты убил, потому что он был плохой?

Кузя довольно долго не отвечал. Потом негромко проговорил:

– Ага.

Оба замолчали.

Кузя задвигал ногами и подполз поближе. И заглянул Аверину в глаза:

– Его нельзя жалеть. Он был чудовищем. У него мечта была – научиться делать чучела из людей.

Аверин ничего не ответил. У этого дива, получается, есть мораль. Немного странная и перекошенная, но выглядит вполне человеческой. Сам ли он до этого дошел? Или кто-то научил его такому мировосприятию? Анастасия? Нет, он держал от нее в секрете свою расправу над Даниилом.

– И ты специально заманил его в ловушку? Дал себя поймать? – Аверин наконец нарушил молчание.

– Ну… не совсем. Если честно, не собирался я его убивать. Думал припугнуть просто. Алеша мне рассказал, как эта гадина убила его зверей почти у него на глазах. А тут я сижу, а он идет и глаз с меня не сводит. Ну я и давай ему попадаться везде. И его прислужникам. Один из них меня поймал и ему прямо домой принес. Уродец и не выдержал. Я же говорю: я его напугать хотел, проучить. Но когда меня принесли в это место… я уже не помнил себя от ярости. Там чувствовалось столько крови и боли. Поэтому за Даниила Синицына мне ни капельки не стыдно. А вот за Гошу… я до сих пор Анне в глаза смотреть не могу, а первые дни просто прятался. И поклялся, что прикончу Сомова любой ценой.

– Гоша – это, я так понимаю, брат Анны?

Кузя опустил голову и замолчал.

– Как ты его убил?

– Убил и убил. Ну какая разница? Он хорошим человеком был, постоянно мне приносил что-то вкусное. Гладил. Подарил мышку из меха.

– Мне нужно знать подробности. Видишь ли, множество людей видело, как он, сидя за рулем своего автомобиля, выехал на мост. И что он был пьян. Это на самом деле был ты?

– Я… – Кузя опустил голову, словно вжав ее в плечи, и тихо продолжил: – Он выпил в кабаке. Машину на стоянке оставил, сам такси вызвал. Вот когда он в туалет пошел, я его и подкараулил. Потом

сел в машину, выехал на мост и сбросил. Сам улетел. Вот и все. Анна рыдала сутками.

Он внезапно поднял голову:

– А знаете, я бы хотел вернуть Сомова обратно и посадить в тюрьму. На целую вечность. Если бы мог.

Вот с этим Аверин был полностью согласен. Хотя посадить Сомова в тюрьму хотели многие, так что, может, оно все и к лучшему. Однако удивительно, как такой тупой человек столько лет мог безнаказанно обстряпывать свои делишки? Надо обладать мозгом окуня, чтобы даже не поинтересоваться, как именно твой подручный див провернул номер с автомобилем и мостом.

Хотя нет. Дело тут было не в тупости. Возможно, Сомов был просто крайне самоуверен. И ни на секунду не сомневался в силе своего дива. Возможно, именно власть над таким могущественным существом и ударила ему в голову. Это в итоге его и погубило.

Аверин нахмурился.

– Хм. Погоди-ка… То, что случилось в ванной, не случайность, ведь так? Обычной безопасной бритвой сложно так серьезно порезаться.

– Ага. – К Кузе вернулся прежний настрой, и он с нотками гордости в голосе продолжил: – Это я все подстроил. Он вообще понятия не имел, что я могу в человека превращаться. Ну и вот. Я заранее под ванной спрятался. Он зашел, дверь закрыл, а как бриться начал, я принял личину Гоши. Подошел к нему сзади и спросил: «Ты зачем меня убил?»

Ну он себе полщеки и располосовал.

Аверин отставил кружку на столик и внимательно посмотрел на дива:

– Серьезно? Ты так сделал?

– Ага, – подтвердил Кузя и улыбнулся своей очаровательной улыбочкой.

Аверин даже пожалел, что он не глава какой-нибудь преступной группировки. Или не наемный убийца. Кузя был бы идеальным подручным: у этого дива настоящий криминальный талант. И очень своеобразное чувство юмора. Черт. Аверин вспомнил еще кое-что, и мысль совершенно ему не понравилась.

– А вот скажи мне еще. Ты ведь к Сомову спать приходил. Тоже «защищал», а?

Кузя улыбнулся еще шире и показал клыки:

– Не-а. У него с давлением проблемы были, врач иногда приходил. Я думал, вдруг у него ночью носом кровь пойдет, – он рассмеялся.

– Ну, у меня давление в порядке, не надейся, – усмехнулся Аверин, – можешь не стараться.

– Я по-честному вас защищаю! – обиделся Кузя.

– Разумеется. Еще скажи, что не хочешь меня сожрать.

– Конечно, хочу! – Кузя поднял голову и уставился ему прямо в глаза. – Но вы не понимаете: это совсем другое!

Аверин не выдержал и расхохотался. Простодушная наивность в этом существе соседствовала с такой же дьявольской хитростью. Нет, все-таки он сделал правильный выбор. Див был настолько интересным экземпляром, что определенно стоило рискнуть. Тем более что Аверин не подвергал опасности никого, кроме себя. Ведь этот див убивал «только плохих людей».

– Да, кстати, чуть не забыл. Фотографии. Ты так и не сказал, как именно их сжег.

Кузя пристально посмотрел, потом задрал голову и открыл рот. И из него вырвался столб пламени, на мгновение осветив сад, дом и часть улицы.

Перед сном Аверин закрыл форточку на шпингалет и трижды повернул механизм ручки, тщательно запирая дверь. И не успел он коснуться головой подушки, как услышал под дверью шкрябанье и истошный мяв. Но к этому он был готов. Засунув в уши беруши, он прикрылся подушкой и, несмотря на то что до этого проспал почти полдня, мгновенно провалился в сон. Он очень надеялся, что услышит будильник и сумеет встать на пробежку.

Но проснулся он не от звонка будильника. То же самое чувство теплой тяжести заставило его приоткрыть глаза. Чтобы увидеть два огонька: отражение уличного фонаря в кошачьих зрачках. Сквозь сон он подумал, что ощущает не только материальную форму дива: вся тяжесть демонического облика давит на него. Но мысль о том, чтобы проснуться, а тем более встать и что-то сделать, показалась настолько

ужасающей, что Аверин, сонно пробормотав: «Брысь!» – вновь провалился в сон.

В следующий раз его разбудил будильник. Он открыл глаза, чтобы увидеть кончик хвоста, скрывающийся за приоткрытой дверью спальни.

Как этот нахал справился с замком? Принимать человеческий облик без приказа в доме ему было запрещено. Даже если бы он и тут использовал «приоритет», то открыть дверь с обратной стороны без ключа невозможно.

Аверин зевнул и решил, что разберется с этой тайной позже. А пока умылся и направился варить кофе. Хвостатого засранца не было видно: вероятно, он прятался, не желая получить взбучку.

Но стоило только хлопнуть дверью холодильника, чтобы достать сливки, как за спиной раздалось настойчивое:

– Мя-я-я-а.

– Вот оставить бы тебя без завтрака, – Аверин повернулся и посмотрел на кота.

Тот старательно изображал невинность. Уши торчали в разные стороны, отчего вид у него был слегка придурковатый. Казалось, он говорил: «Хозяин, да я ж не со зла, ну дай колбаски».

Аверин, понимая, что делает первый шаг к тому, что наглый див усядется ему на шею, вздохнул, отломил большой кусок «краковской» и кинул коту. Тот поймал колбасу в полете и, утробно заурчав, удрал под кухонный стол.

Аверин налил в кофе сливок и ушел в гостиную. То, что рассказал вчера Кузя, нужно было как следует обдумать. И разработать стратегию взаимодействия с этим существом. Недооценивать его точно нельзя, иначе запросто можно пасть жертвой собственного самомнения, как случилось с Сомовым. В том, что див ведет с ним какую-то игру, Аверин ни на секунду не сомневался.

Он допил кофе, переоделся и отправился на пробежку, надеясь, что в его отсутствие Кузя не выкинет какой-нибудь фокус. А на обратном пути зашел в уже открывшийся хозяйственный магазин и купил там дверной засов, отвертку и шурупы.

Дома он застал совершенно мирную картину. Завтрак, прикрытый салфетками, остывал на столе, а с кухни доносился голос Маргариты, делящейся с котом подробностями какого-то сериала, судя по часто

повторяющемуся слову «труп» – детективного. Услышав открывающуюся дверь, Маргарита выглянула из кухни.

– Доброе утро, Гермес Аркадьевич, а Кузя наш опять крысу поймал. Я прихожу, вижу, несет. Показал мне и убежал. Думаю, скоро не будет у нас и следа этой пакости. Накормила его от пуза.

Аверин заглянул на кухню. Пузо на худом Кузином тельце и впрямь выделялось. Сам кот валялся на подоконнике и едва повернул голову, услышав Аверина.

– Да ты обнаглел, полосатый, – поругал его Аверин. – А кто будет хозяина встречать?

Кот слетел с подоконника и принялся тереться об его ноги, отчаянно мурча.

– Какой же он у нас умненький, – умилилась Маргарита.

Нет, сердиться на кота совершенно не получалось. Может быть, дождаться, когда уйдет Маргарита, приказать диву принять человеческий облик и навешать оплеух за ночную выходку?

С этой мыслью Аверин вернулся в гостиную. Покончив с завтраком и выпив какао, он достал инструменты и засов и принялся прилаживать его к двери с внутренней стороны спальни. В одном меховой хулиган был прав: держать щит всю ночь точно не получится.

Шурупы никак не хотели вкручиваться в дверь. Они скользили по дереву, выпадали из рук, стоило только коснуться их отверткой, и постоянно закатывались куда-то, где Аверин не мог их найти или достать. Хорошо, что он догадался купить полную коробку. Чертыхнувшись в очередной раз, он оглянулся и увидел, что посреди гостиной стоят Маргарита и Кузя и сосредоточено на него смотрят. Причем у Маргариты было удивленное выражение лица, а у Кузи… Аверин мог бы поклясться, что морда кота выражала сочувствие.

– Может, рабочего вызвать? – проговорила Маргарита, увидев, что хозяин обернулся.

– Нет. Нет-нет. Я сам. Тут всего-то четыре шурупа вкрутить, – не очень уверенно сказал он.

– А… зачем вам засов? – осторожно поинтересовалась она.

Аверин неловко улыбнулся и развел руками:

– Да вот, понимаешь, кот. Ломится в спальню, я дверь запирал, так он ее как-то умудряется открыть.

Маргарита всплеснула руками и рассмеялась:

– А что же вы хотели? Это кот. Коты, они же жидкость, куда угодно просочатся. Не уверена, что даже засов вам поможет, Гермес Аркадьевич.

– Ох… А что поможет? – В этот раз Аверин спрашивал всерьез. В конце концов, ее совет с коробкой ему здорово помог.

Но не успела Маргарита ответить, как зазвонил телефон. Экономка направилась к аппарату.

– Это вас, – сказала она, выслушав звонившего.

Аверин прошел в прихожую и взял трубку.

– Гера, – сказала трубка голосом брата, – Гера, приезжай срочно. Бабушка умирает.

Глава 3

«Матриарху» семьи, Галине Игнатьевне Авериной, в этом году должно было исполниться девяносто шесть лет. По крайней мере, Аверин точно помнил, что с девяностопятилетним юбилеем он поздравлял ее в прошлом году. По телефону. После эпизода с несостоявшейся женитьбой, случившегося больше двадцати лет назад, лично он старался общаться с бабушкой только в исключительных случаях. Потому что ни на какую другую тему, кроме брака, бабушка с ним разговаривать категорически не желала. В этой связи семейные торжества он почти не посещал и в родовом гнезде был в последний раз пять лет назад, на крестинах племянника Миши.

Что же, рано или поздно это должно было произойти, но брат Василь, похоже, считал старушку бессмертной, в его голосе чувствовалось настоящее потрясение. Несмотря на то что бабушка, уже давно став настоятельницей Заладожского скита, делами семьи почти не занималась, брат все равно продолжал отчитываться перед ней и каждое ее слово почитал законом. В заведенный порядок Аверин не вмешивался. У него была своя жизнь, и даже бабушка с этим фактом смирилась. Правда, со значительным опозданием.

В любом случае в поместье надо ехать. Аверин был многим обязан и бабушке, и в целом своей семье, да и поддержать брата в тяжелой ситуации просто необходимо.

Сборы много времени не заняли: он забросил в багажник сумку с вещами, а на заднее сиденье поставил корзинку с заботливо приготовленной Маргаритой снедью. Припасов было столько, будто ему предстояло ехать не меньше суток, хотя от его дома до Коркина, где находилось поместье, езды примерно час. Но убедить Маргариту, что там, в диких загородных джунглях, тоже есть еда, ему так и не удалось.

Аверин похлопал по сиденью, призывая Кузю, но кот, подбежав, повертелся у дверцы и помчался в сторону лестницы, ведущей на мансарду.

– Ну что тебе там? – удивился Аверин, но за котом пошел. Не одежду же он хочет забрать? Показывать «племянника» семье в планы

Аверина точно не входило.

Они поднялись наверх, и кот принялся с мявом носиться по комнате.

Увиденное заставило Аверина шумно вздохнуть: возле стола в углу аккуратно стояли две мисочки. А на спинке кровати висел вязаный комбинезон.

– Что? – спросил Аверин.

Кот подошел и потрогал лапой одну из мисочек.

– Это просто невозможно, – пробормотал Аверин. – Ты что, тоже думаешь, что там глухая тайга? И не найдется ни одной кошачьей миски?

Тем не менее миску он поднял. Но Кузя на этом не успокоился. Он заскочил на кровать и начал теребить подушку.

Аверин поднял ее и еле подавил смешок. Под ней лежали меховая мышь, кольцо с перьями и маленький резиновый мячик со следами зубов.

– Серьезно? Ты вот за этим меня сюда притащил?

– Мя-я-я-я! – ответил кот.

Аверин еще раз вздохнул. Сгреб все Кузино богатство, спрятал в другой карман и спустился к машине. Нет, этот кот не на шею метит. Сразу на голову.

Брат встречал прямо у ворот. Аверин открыл дверцу, выпуская кота, которого по дороге тщательно проинструктировал, и тот, задрав хвост, тут же скрылся в кустах. Василь на него даже внимания не обратил.

– Ты знаешь, мне кажется, ей лучше, она спит сейчас, – громким шепотом сообщил брат, будто его голос со двора мог донестись до спальни в западном крыле. – С ней доктор. Сказал, что давление в норме и кардиограмма не такая уж плохая.

– Ясно, – тихо проговорил Аверин. Информация не проясняла ровном счетом ничего. Она в равной степени могла означать, что Василь выдает желаемое за действительное, а доктор ему потакает, так и то, что бабушка симулирует, чтобы заставить приехать младшего внука. Что же, учитывая ее возраст, лучше все-таки пойти на поводу. Но только в этом вопросе.

– Надеюсь, она знает, что никакую «последнюю волю» я выполнять не буду?

Василь вздохнул.

– Опять ты… не понимаю я тебя. Ты же до сих пор не женат. Я бы даже подумал, что у тебя… э-э… проблемы со здоровьем, если бы лично не знал о той истории с Валентиной Кир… Кар…

– А давай не будем это обсуждать? – попросил Аверин. Он терпеть не мог журналистов, а попасть на первые полосы газет ему хотелось меньше всего. Но эта модная поэтесса демонстративно пыталась покончить с собой в прямом эфире, куда ее пригласили читать стихи, «из-за их разрыва». Так она объяснила свою выходку. К счастью, ей не удалось совладать с ножом, поэтому новость продержалась всего неделю. Самым примечательным в истории было то, что Аверин и сам узнал о «разрыве» из новостей. Как и вообще о том, что они встречались. В действительности он всего лишь раз сходил с ней на «Цирюльника» и после – в ресторан.

Зато потом месяца три желающие воспользоваться его услугами обрывали телефон.

Но он бы предпочел обойтись без подобной рекламы и навсегда зарекся пересекаться с представителями творческой богемы. Поэтому сейчас, нигде этого не афишируя, встречался с актрисой из популярной «мистической» передачи, которой абсолютно точно от него были нужны только деньги и некоторое количество знаний, чтобы более правдоподобно играть свою роль.

– Так что с ней? – спросил Аверин, в том числе и для того, чтобы перевести тему.

– Аритмия. Какая-то там, я в этом не разбираюсь. Но было уже несколько приступов, каждый тяжелее предыдущего. Ну и она сама сказала, что «чувствует». И выглядит очень плохо. Руки дрожат, сама с трудом сидит, – с тоской проговорил брат.

– Ты же сказал, вроде лучше ей? – Аверин попытался его обнадежить.

– Да, доктор ей какие-то новые лекарства дал. Говорит, последние разработки.

«Ну ты же понимаешь, что это все равно вопрос года-двух», – хотел сказать Аверин, но промолчал.

– Пойдем, Гера, я тебе кое-что покажу, пока бабушка спит.

Тон Василя сменился с трагического на горделивый, и Аверин понял, что` сейчас ему предстоит увидеть, но послушно поплелся за братом на задний двор. Что же, может быть, демонстрация нового детища его отвлечет.

Они зашли в просторный гараж, и Василь жестом фокусника сдернул покрывало-чехол с машины.

– «Ладога-Гермес», – представил он.

Аверин чуть не поперхнулся и сдавленным голосом спросил:

– Что?

Брат улыбнулся:

– Красавица, правда?

Машина была неплоха. Длинная, как сигара с обрезанными с двух сторон кончиками, и с хищноватой мордой, она мерцала темным серебром в свете фонарей гаража. И, чего греха таить, даже в столице новая «Ладога» смотрелась бы весьма эффектно.

Наверняка и будет. Аверин выдавил улыбку:

– Ну… да, хорошая.

– Ты еще главного не знаешь. – Василь открыл дверцу и похлопал по рулю. Точнее – по его центру, почему-то заполненному почти целиком пластиком и металлом.

– Что это за… конструкция? – больше из вежливости поинтересовался Аверин.

– Это подушка безопасности, – его брат поднял указательный палец. – Исследования показали, что больше всего травм при аварии водитель получает от удара головой о руль или лобовое стекло. Теперь этому не бывать.

Он погладил поверхность руля:

– Вот отсюда вылетает такой специальный пузырь. И он защищает голову водителя от удара. Новое слово в безопасности.

– Да, Василь, я знаю, что такое подушка безопасности. Форд ее использовал еще в семьдесят первом.

Брат похлопал по дверце машины:

– Так то была экспериментальная партия. И с того времени технология претерпела много усовершенствований. Поверь мне, скоро без этих подушек вообще перестанут машины выпускать. Век

скоростей, надо успеть за ним, и желательно не получить за это по лбу. Поэтому оставь свой скептицизм.

– Да я и не думал, – миролюбиво проговорил Аверин. – Я вообще в этом не разбираюсь, это ты у нас профи. Вот только…

– Что? – Василь помрачнел. – Не нравится машина? Цвет? Вообще, я думал, что она выглядит несколько агрессивно, но многим людям такое придется по вкусу.

– Да нет, выглядит она отлично.

Василь просиял.

– …Но вот название… – Аверин сделал нарочитую паузу.

– Я так и знал… – обиделся брат. – Я, между прочим, хотел сделать тебе приятное. Ты ни разу не принял ни одного моего подарка, так и ездишь на своей облезлой птичке. Небось из ремонта не вылезаешь.

– Я привык, – Аверин невозмутимо пожал плечами. – Нет, я очень тронут, правда. Только звучит не слишком красиво: «Ладога-Гермес». Понятно, что ты имел в виду скорость посланника богов, когда выбирал название. И это будет ясно всем. Но подумай. «Ладога-Меркурий» будет намного элегантнее. При этом суть останется та же. Зато появится еще и отсылка к космосу, а это сейчас очень модно.

– Хм… – Василь наморщил лоб, – что-то в этом есть, конечно, но… Подожди-ка, – он посмотрел куда-то за спину Аверина.

Аверин обернулся. К ним спешил Анонимус. Приблизившись, он поклонился с совершенно каменным лицом и обратился к Василю:

– Ваше сиятельство, ее сиятельство вдовствующая графиня проснулась и хотела бы видеть младшего внука.

– С этим могут возникнуть проблемы, да, Анонимус? Я ведь невидимый, – в упор глядя на фамильяра, сказал Аверин.

– Прошу извинить мою бестактность, – с таким же каменным лицом произнес див, – ее сиятельство желает видеть вас. Извольте пройти.

Анонимус вел себя вызывающе. Но Аверин решил не акцентировать на этом внимание. С бабушкой стоит встретиться как можно быстрее. Как минимум оценить ее состояние.

Он огляделся по сторонам. Кузи нигде не было видно. Ладно. Главное, чтобы он не столкнулся с Анонимусом. Аверин был уверен, что ничего хорошего из этой встречи не выйдет.

Бабушка выглядела не слишком хорошо. Впрочем, Аверин давно ее не видел, а старость никого не щадит. Было заметно, как сильно сдала графиня. Тем не менее принимала она, сидя в кресле, а не на подушках в постели, как он ожидал, и почти при полном параде. Не в вечернем платье, разумеется, но одетая в модный шелковый халат с китайским драконом. Возможно, сейчас в таком виде было прилично показываться не только своим внукам. Если под халатом и была ночная сорочка, Аверин этого не заметил.

– Я рад, что вам лучше. – Аверин присел рядом на софу.

Бабушка протянула ему руку, он взял ее и коснулся губами тонких пальцев. Рука была почти невесомой.

– А я рада, что ты приехал, Гера. Думала, так и помру, не повидав тебя. Ты уже видел Мишеньку? Он так вырос…

– Нет, узнав, что вы ждете меня, я поспешил сюда. Что с вами? Если нужно, я распоряжусь насчет врача, у меня есть хорошие связи.

– Не нужно, – махнула рукой она. – Я привезла с собой своего лекаря. Он пользует меня уже двадцать лет, и не в моем возрасте менять что-то. И он мне дал какие-то ваши современные пилюли. Видишь, мне сразу стало лучше. Так что, возможно, я зря тебя побеспокоила. И ты будешь думать, что старуха специально притворялась, чтобы заманить тебя сюда.

– Нет, что вы. Я ни на мгновение так не подумал, – соврал Аверин.

Бабушка только печально улыбнулась:

– Все равно ты должен понимать, что, скорее всего, видишь меня в последний раз. При следующем приступе я могу сюда уже не доехать. А я так хотела взглянуть на тебя. – Она провела рукой по его волосам. – А еще больше я бы хотела увидеть твоего сына… или маленькую дочку…

– Прошу вас, не надо поднимать эту тему, – попросил Аверин. – Василь сполна отработал за нас обоих, сделал целых двух юных графинь и одного наследника рода Авериных. Мне за ним уже все равно не угнаться.

– Фу, как грубо, Гера! Тебе не идет на пользу общение со всеми этим ворами и ищейками! Ты же был лучшим учеником в Академии! Подавал столько надежд!

– Хм… И как это связано с моей репродуктивной функцией и семейным положением?

Бабушка смерила его холодным взглядом, но спустя мгновение он потеплел.

– Гера, ты же понимаешь. Твою кровь просто необходимо передать. Так уж получилось, что сильная кровь досталась тебе, а не старшему брату, и попусту разбрасываться таким даром… И не только о детях я сейчас говорю, но и том, что ты мог бы сейчас жить в столице и вполне дослужиться до министра! А ты прозябаешь в этой глуши.

– Но разве вы сами не выбрали еще бóльшую глушь? Вместо того чтобы блистать при дворе? – Он прищурился, и его губы тронула улыбка.

– Ты не понимаешь, что такое сила…

– А вы не понимаете, что такое свобода, бабушка.

– У тебя есть долг!

– У меня есть старший брат. И он как раз не против отрабатывать семейные долги. И Миша, насколько я знаю, успешно прошел все тесты и поступит в Академию через семь лет.

Старая графиня вздернула подбородок, словно желая сказать что-то резкое, но внезапно передумала. Она снова протянула руку и коснулась лица Аверина.

– Ах, Гера, – еле слышно прошептала она, – почему ты младший… ты так похож на Аркадия…

Она убрала руку и, словно застеснявшись своего порыва, отвернулась. Взяла маленький серебряный колокольчик и позвонила.

Дверь тут же открылась, и на пороге возник несомненно дежуривший за ней Анонимус.

– Принеси нам с Герой по рюмочке водки и огурцы. Быстро.

Див исчез и через несколько мгновений появился с подносом, на котором стояли две рюмки и блюдечко с любимыми бабушкиными огурцами. Однозначно, все было готово заранее. От запаха хрена у Аверина защипало в глазах.

Всю жизнь, сколько он себя помнил, бабушка обожала эти чертовы огурцы. Они готовились по какому-то особому рецепту, который ее кухарка получила в наследство от своей прабабушки. Хотя сам Аверин считал, что весь секрет этих огурцов заключается в том,

что один огурец кладется на бочку хрена. У него было свое мнение, насколько вообще следует позволять бабушке в ее состоянии пить водку, да еще и закусывать этим кошмаром. Но он не представлял, чтобы кто-то в этом доме рискнул ей что-то запретить. Тем не менее он решил попытаться.

– Бабушка, а вы уверены… – начал было он, но она пресекла все его попытки воззвать к ее здравому смыслу.

– Ты, может быть, в последний раз со мной пьешь. Поэтому не прекословь, а возьми свою рюмку.

Аверин взял рюмку, она была холодной. Интересно, у Анонимуса холодильник с собой или ведерко со льдом?

– За единство нашей семьи! – подняла тост бабушка и опрокинула рюмку. И тут же бодро захрустела огурцом.

Аверин тоже выпил водку, но к огурцам, естественно, притрагиваться не стал. Да никто в семье не рискнул бы их есть. Даже, наверное, Анонимус. Все же у бабули железное здоровье.

Но не успел он об этом подумать, как лицо бабушки застыло.

– Бабушка?! – Аверин потянулся к ней.

И тут она резко закашлялась и схватилась за грудь. Все ее тело затряслось, как в припадке, она начала заваливаться на бок.

– Доктора! – рявкнул Аверин, подхватил бабушку на руки и перенес на кровать.

Пока он шел, ее вырвало.

Врач вбежал меньше чем через минуту.

– О господи, – только и сумел проговорить он и, покосившись на рюмки, добавил: – Я же просил госпожу… – Он бросился к кровати, ловким движением руки вытаскивая из-за красной китайской ширмы стойку с капельницей.

Аверин, чтобы не мешать, попятился и вышел за дверь, тихо притворив ее за собой.

А в коридоре уже собралась вся семья. Старшая племянница, Любава, держала за руку пухлощекого светловолосого мальчишку, видимо, Мишу. Вера, вторая дочь брата, с любопытством высовывалась из-за двери гостиной. Сколько ей лет? Одиннадцать? Само собой, появились Василь с женой Марией. У обоих лица бледные и напуганные.

И Марина. Сестра-близнец Марии.

Марина почти не изменилась с их последней встречи. Зачесанные на ровный пробор волосы, скромно выглядывающие из-под кружевного чепчика, словно на дворе девятнадцатый век и она воспитанница Смольного института, платье под стать чепчику, из светло-зеленого шелка с ручной вышивкой. И глаза. Все те же глаза, напоминавшие Аверину взгляд мертвой лягушки, которых он препарировал на занятиях в Академии. Когда-то давно восемнадцатилетний Гера заявил, что, скорее, женится на настоящей жабе, чем на этой девушке.

Она так и продолжала жить с его семьей. С другой стороны, а куда ей было деваться? Обратно в скит?

Аверин хорошо помнил тот день, когда в первый раз увидел обеих сестер. Бабушка привезла их в его отсутствие. Он приехал домой на каникулы, которые в Академии были мало того что короткими, но и предшествовали экзаменам. По сути, это было время на подготовку, и Гера надеялся, что в поместье его никто не потревожит и он позанимается в тишине и покое.

Но его встретил совершенно счастливый Василь. С Марией. Они были неразлучны, и Гера был очень рад за брата, но тут же узнал, что и для него приготовлена еще одна точно такая же невеста. И ладно бы такая же… Василю досталась розовощекая кареглазая хохотушка, а ему бабушка сосватала бледную тень с манерами снулой рыбы. Разговаривала она, исключительно глядя в пол и так тихо, что приходилось прислушиваться. Бабушка пояснила, что сестер взяли в скит, чтобы защитить от фамильяра. Все их близкие родственники умерли, и девочки остались одинокими сиротами. Однако у обеих были очень высокие показатели владения силой, поэтому бабушка решила, что они станут отличной партией для ее внуков.

А вот Гере эта идея с селекцией пришлась совершенно не по душе. Тем более что «скромница» была настолько не в его вкусе, что даже от мысли о том, что к ней придется прикасаться, юноше делалось не по себе. В Академии молодые люди легко знакомились с чародейками с параллельного курса, и у Геры было много подруг. Но ни одна из них не вызывала такого чувства, как выбранная бабушкой невеста. Было в ней что-то отталкивающее и неестественное.

Да и «скромницей» невеста тоже оказалась липовой. Не успел Гера озвучить ей свой первый, вполне вежливый, отказ, как той же

ночью, когда он, устав от тренировок с еще совершенно не слушающейся его Плетью, с отбитыми до синяков ногами, наконец-то лег спать, девушка проникла к нему в спальню.

Вот тогда-то он и разглядел ее по-настоящему. И странно горящие жабьи глаза, и бледную в лунном свете и даже на вид холодную кожу. Больше всего она была похожа на утопленницу. Казалось, от нее даже пахнет тиной и болотом.

Он выпроводил ее, рыдающую, из комнаты и, не сдержавшись, сказал ту ужасную фразу про жабу. Позднее он принес извинения, а за грубость ему было стыдно по сей день. Но тогда, прямо утром, после тяжелого разговора с бабушкой, он вернулся в кампус. И больше на каникулы в поместье не приезжал.

Сейчас Марина выглядела вполне приличной, хотя и очень старомодной дамой и уже не прятала глаз. Впрочем, как раз они приятнее не стали.

Марина шагнула было к нему, намереваясь что-то спросить, и Аверин ощутил легкий запах. Но теперь он знал, что так пахнут травы, которыми девушки привыкли мыться в ските.

И тут Аверин услышал за спиной детский голос:

– Дядюшка, что с бабушкой?

Он удивился такому странному обращению, но все же обернулся. И остолбенел. Миша, а это был его голос, обращался не к нему. Он обращался к Анонимусу.

А тот как ни в чем не бывало присел на корточки рядом с мальчиком и начал ему что-то шептать.

– Любава, Маша, уведите, пожалуйста, детей, – негромко попросил Василь и направился к Аверину.

– Что произошло? Опять приступ? – На брата было больно смотреть. Казалось, больше всего он боится услышать «она умерла» или что-то в этом роде. Вопросы насчет фамильяра сейчас, определенно, задавать не к месту. Аверин постарался придать лицу максимально спокойное и уверенное выражение.

– Ничего страшного. Она выпила водки, и ей стало хуже. Врач ей запретил категорически. Ты можешь проследить за тем, чтобы она соблюдала рекомендации?

Василь опустил глаза:

– Я пытаюсь. Я много раз с ней говорил. Но она считает, что дожила до своих лет исключительно благодаря «рюмочке с хорошей закуской», и переубедить ее… сам знаешь.

– Да-да. «Хорошая закуска» – это ее термоядерные огурцы, от которых и здоровый человек запросто может отдать концы. Но больше никаких огурцов, водки и прочего. И вообще, ничего из того, что запрещает доктор.

Аверин обвел взглядом всех, кто остался в коридоре, и переспросил:

– Понятно?

В коридоре были только Василь, Марина и Анонимус. Брат и… – как назвать эту женщину? Кто она им? Ладно, пусть будет тетя – кивнули. Анонимус сделал вид, что не слышит. Див и раньше вел себя с младшим отпрыском семьи весьма холодно, но настолько пренебрежительного отношения к себе не позволял. Вероятно, в доме назревала проблема.

Что же, этого следовало ожидать. Василь обладал довольно мягким характером. Никогда не спорил с бабушкой, всегда уступал младшему брату, даже женился по указке. Хотя тут ему повезло, они с Марией жили все эти годы душа в душу. Было даже удивительно, как слабохарактерный брат смог построить один из самых прибыльных автозаводов в России. Впрочем, Василь был весьма умен, знал свои слабости и очень грамотно подбирал управляющих.

Но его мягкотелостью воспользовался фамильяр. И это было очень неприятно обнаружить. В детстве Аверин ничего подобного за Анонимусом не помнил. Да, див особенно выделял Василя и всячески подчеркивал, что именно тот является его хозяином, но такое поведение можно было считать верным. Бабушка держала Анонимуса в узде. А сейчас он почуял свободу и начал перехватывать бразды правления в доме.

«Дядюшка». Подумать только. Крепостные дядьки-воспитатели остались в далеком прошлом. Значило ли это обращение, что Миша считает дива своим родственником?

С Анонимусом придется побеседовать, и Аверин не сомневался, что этот разговор не понравится им обоим.

Наконец дверь открылась, и вышел доктор. Он подошел к собравшимся и, устало вздохнув, проговорил:

– Я поставил графине капельницу, сейчас ее состояние более-менее стабильно, пульс выровнялся. Надеюсь, скоро ей станет легче. И… – он обвел взглядом всех присутствующих. – Прошу простить меня, но если я еще раз увижу, что госпоже приносят водку… я уеду в тот же день. Разве вы не понимаете, что этим убиваете ее?

Аверин шагнул вперед. Ему было необходимо заручиться поддержкой врача.

– Так вы хотите сказать, что ее аритмия связана с употреблением алкоголя?

Доктор вздохнул:

– У меня нет другого объяснения. Полгода назад ей делали ЭхоКГ, и ее сердце было в хорошем состоянии, для ее возраста, конечно. Нет особых причин для таких внезапных резких приступов. И тем более – для судорог и рвоты. Но организм ее сиятельства очень сильно изношен, весь. Я думаю, сердце, сосуды, печень, почки и прочее просто уже не справляются с… гхм… ее привычками. Алкоголь, жареное, острое… Вы же понимаете. Тем более что ей становится плохо почти всегда именно после принятия ее любимой «ежедневной стопки». Я запретил пить коньяк. И вот посмотрите… теперь это водка!

– Значит… если бабушка откажется от алкоголя, она поправится?

Доктор развел руками:

– Старость не лечится, к сожалению. Но еще пару лет, а может, и все пять госпожа вполне бодро осилит.

Аверин повернулся к брату и поймал его взгляд. Тот на секунду отвел глаза в сторону. Но, замешкавшись на мгновение, все же заговорил:

– Анонимус, я запрещаю давать бабушке какой-либо алкоголь.

Див поклонился:

– Как прикажете, хозяин.

Аверин мысленно поставил фамильяру плюсик. По крайней мере, прямой его хозяин до сих пор для него авторитет. Возможно, удастся мирно поговорить с дивом и ограничиться простым внушением.

Аверин сидел в беседке в широком плетеном кресле и наблюдал, как Любава играет с младшими детьми. Из девушки, определенно, со временем выйдет хорошая мать. Неподалеку на скамейке сидела

Марина и, судя по всему, то ли вязала, то ли вышивала. Марии не было видно, она руководила подготовкой к ужину.

Из дома вышел Василь и, на ходу доставая папиросу, направился к беседке. Уселся в соседнее кресло и закурил.

– Эх, все-таки я рад, что ты приехал, Гера. Пусть и повод нехорош. Мы все тут скучали по тебе.

Аверин усмехнулся с некоторым сомнением:

– Ну-ну. Особенно твой сын, который меня не знает, твоя средняя дочь, которая меня не помнит, и твоя жена, которая меня терпеть не может.

– А ты сам виноват, что не знают! – воскликнул Василь. – Ладно бы ты в столице жил, так ведь ехать всего ничего! Приезжал бы хоть на выходные. На рыбалку бы сходили или уток пострелять.

Аверин не представлял, как подобные занятия могут доставлять кому-то удовольствие. Зачем ползать по болоту, чтобы подстрелить и потом мужественно жевать жесткую невкусную утку? Тем более если можно заказать у мясника отличную откормленную индейку. А рыбалка – это натурально бессмысленное убийство времени.

А Василь тем временем продолжал:

– А на Марию ты не обижайся. Она до сих пор не может простить того, как ты обидел ее сестру.

Аверин вздохнул и пожал плечами:

– Да, я был груб.

– Очень груб, – добавил Василь.

– Очень груб. Но я же извинился.

– Через три года, – заметил брат, – и все равно так и не женился на бедной девочке.

– Ну вот за это я точно извиняться не собираюсь. Сам бы брал и женился на ней. Но ты почему-то выбрал Марию.

Василь наклонился поближе, обдав ароматом хорошего табака:

– Если честно, я их до сих пор очень плохо различаю. Они даже стареют одинаково, несмотря на то что Маша троих родила, а Марина до сих пор в девицах.

Аверин оглянулся на Марину. Не различает? Да они же совершенно разные!

– А почему ты ее обратно в скит не отошлешь? – поинтересовался он.

– Ну… – Василь сделал глубокую затяжку и затушил окурок в глубокой серебряной пепельнице. – Разве это жизнь, в ските? Бедная девочка не виновата, что ты ее отверг. Да и с детьми она Маше очень помогает.

– А бабушке в ските нравится больше, чем с вами, – заметил Аверин. – Марина бы, может, карьеру сделала. У нее же сила есть, как и у Марии. Их же поэтому бабушка притащила сюда.

Василь развел руками:

– Если она захочет, я отвезу, конечно. Но ей тут определенно нравится больше. Дамы же не заперты в поместье. Я часто вожу их в оперу или даже на аттракционы.

Аверин продолжал смотреть на Марину. Интересно, а где фамильяр, от которого девочек так тщательно прятали? В ските сестер, насколько знал Аверин, не удочеряли, а значит, к скиту фамильяр не перешел. Тогда почему Василь не получил его после свадьбы? Что с ним? Заперт? Или его отправили в Пустошь? Хотя это вряд ли. Бабушка бы не стала лишать внуков такого хорошего наследства. Надо будет спросить у нее, если ей станет лучше.

На крыльцо вышла Мария. Она улыбалась.

– О, полагаю, пора ужинать, – обрадовался Василь и, потянувшись, поднялся с кресла.

Глава 4

В столовой ничего не изменилось. Все тот же стол, тщательно накрахмаленная скатерть, столовые приборы из серебра, помнящие, наверное, самого Петра Первого. Вся семья очень ценила этот старинный сервиз. Все остальное серебро было отдано на переплавку во время войны.

Возле кресла во главе стола приборов сервировано не было. Ну конечно, кто бы решился сесть на бабушкино место в ее отсутствие. И хоть сам Аверин считал, что во главе стола должен сидеть его брат, но и это мнение он решил держать при себе. Для него и для Василя с супругой были подготовлены места по правую сторону стола, напротив окна. А слева находились места для Марины и детей. Высокий стульчик рядом с пустым креслом – очевидно, для Миши. А…

Стоп. Аверин пересчитал приборы и нахмурился. Один был лишний. Его взгляд помрачнел, но он сел на свое место и принялся ждать.

Предчувствие его не обмануло. Отодвинув стулья и усадив детей, Анонимус, обойдя Марину, уселся за стол.

Нет, ошарашен таким поворотом Аверин не был. С самого его приезда ситуация развивалась как по учебнику. Сейчас перед его глазами предстала вторая стадия подчинения семьи фамильяром. Сперва к диву начинают относиться как к обычному слуге-человеку. По-хорошему, по-доброму, часто предоставляя гораздо больше свободы, чем следует. Потом – как к другу или родственнику. Сначала дальнему, не включенному в круг родных. Но чем дальше, тем влиятельнее становится фамильяр. Постепенно его власть растет, и он превращается в главу семьи, принимающего все решения. А позже – казнящего и милующего домочадцев. Легенды о вампирах родились из историй таких подчиненных родов. Набравший огромную силу фамильяр, если был умен, не сжирал свою семью быстро, а годами пил кровь и разводил домочадцев как скот. А члены семьи добровольно приносили себя ему в жертву, почитая это за великую честь и совершенно забыв, что див их защищает только потому, что когда-то давно их предок его подчинил и поставил на службу. В прежние

времена даже существовали колдуны, занимающиеся поиском и уничтожением таких фамильяров. Самым известным из них стал Абрахам Ван Хелсинг, оставивший после себя множество ставших классикой трудов. Все юные колдуны обязательно изучали его работы в Академии.

Аверин с громким стуком положил вилку на стол и посмотрел в сторону брата. Но тот сделал вид, что ничего особенного не происходит. Этим Василь тоже отличался: он великолепно умел делать хорошую мину при плохой игре и начисто игнорировал неприятные и неудобные ему вопросы или события. Зато Мария повернулась и смерила Аверина оценивающим взглядом. Скорее всего, она поняла, что неприятный родственник собирается что-то выкинуть, и не ждала ничего хорошего.

Аверин усмехнулся. Он ценил фамильяра и помнил, что див служил его роду чуть ли не с его основания. Несколько раз в смутные времена семья выживала только благодаря Анонимусу. Но сейчас не до сантиментов. Семье грозит опасность. И с ней необходимо решительно разобраться. В конце концов, его собственный наглый див понял, где следует принимать пищу. Хм.

Внезапно Аверин осознал, что, огорошенный быстро сменяющейся чередой событий, он совершенно забыл о Кузе. Где, интересно, шляется кот и, главное, чем он занят?..

Мария продолжала выжидающе смотреть. Что же, она ждет реакции, она ее получит.

– Я прошу прощения, – он огляделся по сторонам, – меня давно тут не было, и я не знаю новых правил. Мы теперь сами ходим на кухню с тарелками? Или, может быть, мы едим ложками из общего котла? Но я не вижу его на столе. Мне сходить за котлом?

– Гера, – укоризненно посмотрел на него Василь, – не будь таким нетерпеливым. Сейчас мы закончим с молитвой, и всё подадут.

Он опять сделал вид, что не понял намеков брата, сложил руки перед собой и начал произносить слова молитвы. Все остальные домочадцы последовали его примеру.

Аверин тоже сложил руки и повернул голову к пустому месту во главе стола. Интересно, сколько пройдет времени, прежде чем в это кресло усядется Анонимус? Кто посадит его туда? Миша, выросший

при таких порядках и привыкший именовать фамильяра дядюшкой? Или еще сам Василь?

Молитва закончилась, и появились две молодые горничные.

Неужели их заставят обслуживать Анонимуса?

Аверин принялся наблюдать.

Когда девушка поднесла ему супницу, он поблагодарил ее кивком головы и стал ждать, что она будет делать, когда дойдет до дива. И он не ошибся. Диву она тоже протянула супницу, но с таким выражением лица, как будто давит таракана.

Интересно. Ей кажется странным прислуживать за хозяйским столом дворецкому или прислуга в этом доме знает, что дворецкий – фамильяр? Обычно подобную тайну знали только старые, проверенные слуги. Слишком много суеверий было связанно с фамильярами. Что и не удивительно – Анонимус в давние времена вовсе не брезговал закусить такими вот горничными.

Хотя… какие-то плюсы в поедании горничных были. Когда твой див жрет слуг, сложнее забыть о его природе.

Аверин с невозмутимым видом приступил к еде. Прежде чем предпринимать какие-либо действия, надо понять, насколько далеко все зашло.

Ужин проходил в странной напряженной тишине. Не смеялись и не разговаривали даже дети. И было не совсем понятно, вызвано это напряжение волнением за бабушку или причиной был сам Аверин.

Когда подали горячее, дверь в столовую внезапно открылась. На пороге появилась старая экономка Аксинья, едва ли не ровесница бабушки. Аверин всегда помнил ее бодрой старушкой. Аксинья довольно шустро посеменила к столу и наклонилась к Анонимусу, что-то зашептав ему на ухо. После чего юрко удалилась.

Див встал. Глубоко поклонился и обратился к хозяину дома:

– Ее сиятельству вдовствующей графине стало намного лучше, и она желает ужинать.

Лицо Василя просветлело, и на нем отразилось облегчение. Дети тут же загомонили. Похоже, все-таки все переживали за бабушку.

– Анонимус, как она? Она в состоянии сесть за общий стол?

Если бы бабушка вернулась на свое место, див бы моментально вылетел не только из-за стола, но и из семейного круга. Но…

– Увы, пока, к моему огромному сожалению, нет. С позволения вашего сиятельства, я немедленно соберу и отнесу ей ужин.

– Конечно, займись этим. Но помни, никакой водки!

– Конечно, ваше сиятельство, как вы могли подумать, что я забуду! – Анонимус снова поклонился, вышел из-за стола и направился на кухню.

Аверин проводил его взглядом. Сейчас фамильяр вел себя абсолютно нормально. Что же тут происходит?

Не прошло и пары минут, как Анонимус снова появился на пороге столовой. В его руках был поднос, накрытый крышкой. С невозмутимым выражением лица он направился через зал к противоположному выходу.

Аверин отложил вилку.

– А ну-ка постой, Анонимус, покажи, что ты несешь.

Див остановился. Обернулся, поколебался немного, но потом с явной неохотой поднял крышку. Что же, прямые приказы он пока выполняет.

На подносе стояли тарелка с супом, еще одна с вареной картошкой и, ну естественно, блюдце с огурцами.

– Анонимус, – спокойным тоном сказал Аверин, – огурцы оставь здесь.

Но див демонстративно вернул крышку на место и отвернулся, чтобы продолжить свой путь.

– Ее сиятельство вдовствующая графиня велела их принести, – холодно пояснил он.

– А я велю тебе их оставить здесь, – не изменяя тона, ответил Аверин. – И тебе не кажется, что невежливо разговаривать, стоя спиной к собеседнику?

Вместо ответа див сделал шаг к выходу из столовой.

– Остановись, Анонимус. – Аверин постарался сказать это по-прежнему спокойно. – Это приказ хозяина.

– Вы мне не хозяин, – не оборачиваясь, бросил див.

Не успело отзвучать последнее слово, как Аверин уже был на ногах. Он вскинул правую руку, крутанул кистью, и гибкий искрящийся язык Плети выплеснулся из его развернутой ладони. Он сжал ее, раздались гудение, легкий свист, и пиджак на спине Анонимуса с треском лопнул. Вместе с кожей. В открывшейся ране

показались кровоточащие края плоти. Кто-то вскрикнул за его спиной – кто-то из женщин. Аверин знал, что еще немного, и он рассек бы и ребра, поэтому, снизив мощь Плети, следующим ударом подсек дива под коленями и, захлестнув его щиколотки, резко дернул на себя.

Анонимус упал, потеряв равновесие, поднос со звоном выпал у него из рук, тарелки раскатились в стороны.

– Дядюшка Анонимус! – закричал Миша.

– Гера! – перекрыл его голос возмущенный вопль Василя.

Аверин убрал Плеть, молча, игнорируя крики, обошел фамильяра и остановился в полушаге от его лица. Тот стоял на четвереньках, опираясь на левую руку, – его подколенные связки еще не успели восстановиться, и по-другому в таком положении ему было не удержаться. Див поднял голову и посмотрел Аверину прямо в глаза.

И в его взгляде не было ни вызова, ни агрессии. Только какая-то почти детская обида.

– Никогда, ты слышишь, никогда не смей так разговаривать ни с кем из членов этой семьи. Ни со мной, ни с Мишей, ни с девочками. Ясно? Иначе я лично вышвырну тебя в Пустошь.

– Да, ваше сиятельство, – див наклонил голову, – прошу простить мою дерзость.

– Гера! – снова раздался возмущенный голос брата. – Что ты творишь? При детях!

– Я? – переспросил Аверин. – А знаешь, очень хорошо, что дети здесь. Пусть посмотрят.

Он отошел на несколько шагов и скомандовал:

– Анонимус, высвободи свой демонический облик.

И сам едва сумел устоять на ногах, когда его окатило настоящее цунами силы. Все мышцы свело судорогой, он стиснул зубы, чтобы подавить крик. Он знал, что через несколько секунд это состояние пройдет, но эти секунды были невыносимы. У Анонимуса был шестой уровень, и, по-хорошему, при его трансформации стоило бы отойти намного дальше. Лопнули и обвалились оконные стекла и лампы в люстре, с треском разрушился оказавшийся рядом старинный комод, а на месте дворецкого раскинул свои кольца гигантский фиолетовый удав.

Вскрикнув, рухнула в обморок горничная, как раз в это время заходившая в столовую с подносом. Еще один набор тарелок со звоном

раскатился по полу.

Громко заревел Миша. Испуганно закричала Вера, Любава застыла, закрыв рот ладонями.

Аверин шагнул к столу:

– Надо же. Я не ошибся. Никто из вас никогда не видел этого? – он указал на удава. – А было бы полезно. Видите, дети? Вот так на самом деле выглядит ваш «дядюшка». Он не человек и никогда им не станет. А если вы забудете об этом, то однажды он вас сожрет.

Всхлипывания Миши превратились в визг. А вот с лица Веры страх исчез. И она смотрела на фамильяра, скорее, с любопытством, чем с ужасом или отвращением. С демонстрацией надо было заканчивать. Мише было плохо. Да что там, если сам Аверин едва сдерживал дрожь…

– Анони… – начал он.

Но его прервал хриплый низкий голос брата:

– Гера, замолчи.

Аверин повернулся к нему. Василь вышел из-за стола. Губы и щеки его побелели, руки были сжаты в кулаки. Аверин никогда не видел брата в такой ярости.

– Не смей наводить в моем доме свои колдовские порядки! – рявкнул он и повернулся к фамильяру: – Анонимус! Приведи себя в приличный вид и отнеси, наконец, бабушке чертов ужин! Без огурцов!

Миг, и на месте раскачивающегося удава снова материализовался дворецкий. Он поспешно вскочил на ноги и принялся собирать с пола посуду. В дыре на пиджаке виднелась гладкая кожа.

Миша перестал плакать, как по волшебству. И в гостиной на несколько минут повисла тишина, нарушаемая только звоном тарелок.

Внезапно тишину прорезал женский крик.

Присутствующие, до этого завороженно наблюдавшие за Анонимусом, резко обернулись. Кричала Мария. Ее взгляд был направлен на Верочку, на голове которой сидел огромный полосатый шершень. Видимо, залетел в разбившееся окно.

Девочка непонимающе хлопала глазами, удивленная таким внезапным вниманием.

Где-то сбоку Аверин услышал гудение и треск. Скосив глаза, он увидел Анонимуса, в руке которого мерцала и искрилась шаровая молния. Но что с ней делать, див не знал. Оружие, способное

уничтожить средних размеров танк, в данном случае было абсолютно бесполезно.

Аверин выпустил тонкую нить Пут. Прицелился. У него гораздо меньше шансов навредить девочке, чем у Анонимуса, но все равно, если он промахнется, шершень ужалит Веру. А укус этой твари в голову – крайне опасная вещь, особенно для ребенка.

– Верочка, доченька, не шевелись, – раздался сдавленный голос Василя.

Девочка продолжала хлопать глазами, на ее лице появился испуг.

И тут из окна выстрелила серая молния. Миг, хруст, и только крылья шершня спланировали на стол. А на коленях у Веры облизывался совершенно довольный Кузя.

– Ки-и-са! – воскликнула Вера и подхватила Кузю под мышки. – Мама, это же просто котик, ты чего так кричишь?

Она так и не поняла, что произошло.

– Котик?.. – Василь медленно начал приближаться к дочери. – Вера, отпусти его… отойди.

– Папа…

Аверин одобрительно хмыкнул. Все же Василь еще не погрузился в мир добрых фей и понимал, что обычный кот на такие фокусы не способен. Да и Анонимус свое оружие убирать не торопился. Див прекрасно видел то, что недоступно обычному человеческому глазу.

– Это мой котик, Верочка. – Аверин убрал Путы и показал Василю жестом, что все в порядке.

Молния исчезла из рук Анонимуса, и он вернулся к тарелкам как ни в чем не бывало.

– Ваш? Гермес Аркадьевич, а как его зовут? Такой хорошенький! Миша, смотри, какой милый котик! – Вера протянула Кузю брату.

Миша шмыгнул носом, вытер рукавом мокрое лицо и заулыбался. Кузя послушно висел, как игрушечный, и совершенно спокойно дал мальчику себя схватить.

Аверин подошел к детям и присел рядом на корточки.

– Котика зовут Кузя. На тебе, Верочка, сидел шершень, а Кузя поймал его и съел. Поэтому твоя мама кричала: она боялась, что шершень тебя укусит. Теперь бояться нечего.

– Так, выходит, Кузечка меня спас? – Девочка наклонилась к коту, которого все еще прижимал к себе Миша, и чмокнула в нос. – Спасибо

тебе, котик! А можно с ним поиграть?

– Конечно, сколько хотите. Я для этого его сюда и привез.

Кузя повернул голову и внимательно посмотрел хозяину в глаза. Его зрачки превратились в две щелочки. Аверин улыбнулся самой добродушной своей улыбкой и добавил:

– Он очень любит играть с детьми. Правда, Кузя?

– Ура! – воскликнула Верочка.

– А что он кушает? – деловито осведомился Миша.

И Кузя на его руках довольно замурчал.

– Все, – вздохнул Аверин, – даже людей.

Дети звонко рассмеялись, а Василь смерил брата таким взглядом, что Аверин поспешил добавить:

– Но на самом деле он любит «краковскую» колбасу.

– Дядю… – Вера смутилась, не зная, как теперь обращаться к дворецкому, – …шка Анонимус, принеси нам колбаски для котика!

– Сию минуту, только распоряжусь насчет ужина для графини. – Анонимус погрузил посуду на поднос и зашагал на кухню. Возле лестницы он на миг склонился над лежащей горничной, потом поднялся и пошел дальше.

Тут и Аверин вспомнил про девушку. Она до сих пор пребывала в обмороке.

– Она хоть жива? – поинтересовался он у брата.

– Конечно, иначе Анонимус сказал бы нам.

– А ты не хочешь ей помочь?

– Пусть полежит, – с неожиданной злостью ответил Василь, – будет ей уроком.

Судя по всему, дети очень быстро забыли о происшествии в столовой. Кузя полностью занял их внимание. Аверин наблюдал, как они носятся по парку, играя с Кузей в прятки, и радостно верещат, все трое, даже Любава, которой уже было пора заводить собственных детей, и недоумевал, почему Василь до сих пор не подарил детям если не пару собак, то хотя бы кошку. Да, бабушка не любила животных, но сколько лет она уже не жила с семьей.

Но касается ли это Аверина? Здесь уже давно не его дом.

Да и был ли его?

В двенадцать лет он поступил в Академию. С тех пор бывал в поместье только на каникулах и на больших праздниках типа Рождества или Пасхи. И, чего греха таить, всегда чувствовал себя здесь неуютно. Слишком много правил. Слишком много внимания подающему надежды колдуну. Бабушка старалась контролировать все. Постоянно расспрашивала о самых мельчайших подробностях его учебы, тщательно изучала табель с оценками, хотя в нем почти по всем предметам стояло «отлично». Но никогда не хвалила. А ему и не надо было. Гере настолько нравилось учиться, что он дни считал до того момента, когда начнется семестр и он снова сможет вернуться в Академию. Заняться в поместье было решительно нечем. Отцовскую библиотеку он перечитал чуть ли не трижды. Кто знает, может, останься он тут, попал бы под влияние бабушки так же, как и брат.

Между тем Кузя выскочил из кустов, в которых скрывался уже пару минут, и напрыгнул на Мишу. Тот радостно взвизгнул и опять принялся тискать кота. Потом выпустил, и кот, задрав хвост, помчался к фонтану. Миша и Вера кинулись за ним.

Кузя будто и сам получал от возни искреннее удовольствие. Аверин откинулся в плетеном кресле и внезапно нахмурился – по дорожке к нему шла Мария.

Зайдя в беседку, она некоторое время наблюдала за детьми, а потом сказала негромко:

– Будет лучше, Гермес Аркадьевич, если вы уедете.

– М-м? – Аверин вскинул брови. – Уеду? Прямо сейчас?

Она кивнула:

– Мой супруг очень зол на вас. Не думаю, что он захочет вас видеть в ближайшее время. Ваша выходка во время ужина была отвратительной.

– Вы так считаете? – Аверин усмехнулся. – По сравнению с тем, что вы посадили Анонимуса за семейный стол, мало что может выглядеть отвратительным. Зачем это было сделано? Очень сомневаюсь, что для того, чтобы меня разозлить. Такое ведь происходит не первый раз?

Она смерила его взглядом:

– А вы знаете, Анонимус ночами сидел у кроватки, когда Миша болел. Кормил его с ложечки. Когда Вера сломала ногу, он, почувствовав это, бросился в парк из гардеробной, где готовил нам

одежду к выходу, и успел подхватить ее до того, как она упала на землю. Он давно уже нам всем как близкий родственник. В отличие от вас. Вы приносите в этот дом только беды. Ваш визит всегда заканчивается каким-нибудь скандалом. Так что, поверьте, всем будет лучше, если вы уедете прямо сейчас.

– И отниму у детей кота?

Неприязнь с Марией у них была обоюдной. Эта женщина никогда не упускала возможности продемонстрировать свое отношение, но, надо отдать ей должное, брата против не настраивала.

– Не подумайте, я благодарна вашему… животному за то, что он защитил Веру. Но, может быть, на этой хорошей ноте и стоит распрощаться?

– Давайте так, – Аверин встал. – Я сейчас пойду и поговорю с Василем. И если он мне скажет уезжать, немедленно исчезну из вашей жизни, навсегда.

Ее лицо исказила гримаса то ли гнева, то ли страдания.

– Перестаньте его мучить! Вы что, не видите, как ваш брат пытается заслужить хотя бы хорошее ваше отношение, я уже не говорю о любви! Прежде чем утвердить выпуск каждой новой модели автомобиля, он долго изучает чертежи и фото и обсуждает со мной, понравится ли эта машина вам! А вы… вы хоть раз приняли его подарок? Он пять, пять раз дарил вам новейшие модели своего завода! А вы продолжаете упорно ездить на убогом «РуссоБалте»! Последнюю модель он даже назвал вашим именем. Но, я уверена, вы уже успели наговорить ему гадостей по этому поводу. Зачем вы вообще приехали? Вы же вдовствующую графиню на дух не переносите.

– Вот что, – Аверин еле сдержался, чтобы не сказать какую-нибудь резкость, – вы не вмешивались прежде в мои отношения с семьей. И я был бы очень признателен, если бы вы и впредь придерживались того же правила. – Он наклонил голову в знак того, что разговор окончен, и направился в курительную комнату. Он точно знал: брат сейчас там. Наверняка сидит и пьет в одиночестве коньяк.

В курительной комнате, несмотря на открытые настежь окна, дым сизыми клубами висел под потолком.

Аверин зашел, притворил за собой дверь и сел в кресло напротив массивного дубового стола.

Василь скользнул по вошедшему взглядом, сделал глубокую затяжку и выпустил в воздух очередную струю дыма. Потом налил себе коньяк в инкрустированный серебром снифтер, покачал его в ладони и указал глазами:

– Будешь?

Аверин встал, достал с полки еще один такой же бокал и протянул брату. Тот молча налил, и Аверин вернулся в свое кресло. Они посидели в тишине еще немного. Первым молчание нарушил Василь:

– Я так понимаю, извинений не будет. – Он снова покачал коньяк в бокале, затем поднес его к носу, вдохнул, а после затянулся папиросой.

Аверин встретился с ним взглядом:

– Мне не за что извиняться. Анонимус не просто так вел себя вызывающе, разве ты не понимаешь? В этой семье у меня больше всего силы. И он бросил мне вызов, хотел проверить, не уступлю ли я. Нельзя было спустить это ему с рук, особенно после того… – Он замолчал.

– Ну-ну, говори. Особенно после чего?

– После того как ты усадил его с нами ужинать. Если уж говорить об извинениях, ты отлично знал, как я отношусь к подобному.

– А что, ты тоже веришь, что это вызывает бесплодие? А еще импотенцию и чирьи? – с удивлением спросил брат, и Аверин не понял, было оно искренним или поддельным.

Подумав, что лицезрение Анонимуса за столом и правда может вызвать несварение желудка, он хмыкнул.

– А ты зря смеешься, Гера. Глупые суеверия и тебя касаются. Вот ты знал, что если колдун коснется готовящейся еды, то в ней немедленно заведутся опарыши? Какой разумный человек в такое поверит? От тебя я этого точно не ожидал. Ты же учился столько лет. У тебя какая категория?

– Высшая.

– Вот. А ты упорно держишься за всю эту средневековую чушь и предрассудки.

– Суеверий и предрассудков действительно предостаточно. Про чирьи, так точно. Но это не отменяет реальную опасность.

– Ладно, погоди. Ты хоть знаешь, почему я посадил Анонимуса с нами за стол? – Василь снова понюхал коньяк. Он никогда не пил

сразу. Сначала долго исполнял этот ритуал. Аверин тоже не торопился.

– Знаю, Василь. Потому что он уже давно член семьи, в отличие от меня. Послушай, – увидев, что Василь хочет что-то сказать, он поднял руку, – я не буду извиняться, я сделал то, что должен был, но ты прав, я не имею права наводить свои порядки в твоем доме. Ты взрослый человек и глава семьи. Поэтому, если ты скажешь, я немедленно уеду.

– Так, – Василь хлопнул по столу, – давай сначала выпьем.

Они с легким звоном соприкоснулись бокалами и сделали по глотку.

– Ну вот. Сегодня ты уже точно не уедешь, – брат рассмеялся, хотя и немного натянуто. – Ты не представляешь, Гера, насколько легче была бы жизнь, если бы ты умел слушать кого-то, кроме себя.

Аверин улыбнулся. Коньяк был хорош, поэтому он сделал еще глоток и поднял бокал:

– У окружающих – может быть. Но точно не у меня. Василь, – он слегка подался вперед, – ты верно заметил, у меня высшая категория. Может быть, тебе стоит прислушаться? Ты подпустил Анонимуса к себе и своим детям непозволительно близко. При этом ни ты, ни они совершенно не понимаете его природы. Я могу тебе рассказать тысячу историй, где такое отношение закончилось трагически.

– Гера, – внезапно совершенно серьезно проговорил Василь, – ты его совсем не знаешь.

– Это ты его не знаешь! – Аверин поставил бокал на стол. – Ты понимаешь, что напоминаешь человека, который завел дома льва и возится с ним, как с обычным домашним котом. Да, до какого-то времени лев будет послушен. Но только пока его инстинкты не возьмут верх. Это не домашний кот, это дикий зверь.

– Хм. Однако ты завел себе домашнего кота, я смотрю, – Василь сделал еще глоток и закурил новую папиросу, предыдущая истлела в пепельнице, – и что-то я сильно сомневаюсь в его безобидности. Уж не тот ли это зверь, что давеча пугал весь Петербург? В сегодняшней газете как раз написали, что известный сыщик и колдун Гермес Аверин поймал опасного демона и спас город. Не этот ли демон сейчас скачет по моему двору, задрав хвост?

Да… ума Василю всегда было не занимать. Аверин поднял бокал, покачал в руке и осушил до дна.

– Я держу его в узде, Василь. И, поверь, не позволяю лишнего. Потому что я отлично осознаю, что это за существо. Наши дивы все про нас знают, понимаешь? Они не читают наши мысли, но чувствуют все наши эмоции. Наши страхи, наши радости и беды, наша боль – им все известно. Все наши слабости. Мы для них – открытая книга. И это было бы полбеды, если бы они не были сильнее нас. Настолько сильнее, насколько мы сильнее той самой домашней кошки. Ты видел сегодня мое оружие. Поверь, оно очень мощное. Но если бы Анонимус не был связан заклятием нашим предком, которого он, кстати, сожрал, если ты вдруг забыл… так вот, если бы он не был связан этим заклятием, он бы мокрого места от меня не оставил.

– Сдается мне, что ты немного прибедняешься, – улыбнулся Василь и снова разлил коньяк в бокалы, – я все-таки не полный невежда в этом вопросе, в библиотеке полно отцовских книг. Ты слишком преувеличиваешь опасность. Профдеформация, кажется, так это называется? Когда-то предки домашних собак были волками. Но сейчас собаки верны, послушны и дружелюбны.

Он поднял бокал:

– Ну, за дружелюбие?

Они снова чокнулись и выпили. Аверин вздохнул:

– Василь… в действительности это называется «профессионализм». Ты привел плохой пример с собаками. Тебе любой кинолог скажет, что даже болонку надо обучать и воспитывать. А дивы… с ними еще хуже. Они ощущают наши эмоции, но своих чувств у них нет. Они не способны любить, привязываться, сострадать. Див не может быть другом и любимым. Все, что он хочет, глядя на тебя, – это жрать. И если бы мы не удерживали их мощными заклятиями, они бы давно сожрали всех нас. Так что ты можешь сколь угодно тепло относиться к Анонимусу, это похвально, очень. Поверь, я презираю и осуждаю тех, кто издевается над своими дивами, насилует их, играет в барина или заставляет совершать всякие мерзости. Но див четко должен помнить, кто в вашей связке главный. Кто хозяин. Это не исключает доброго отношения, но это важно.

– А ты уверен, что у них нет чувств? – тихо спросил Василь.

Скрипнула дверь. Появилась Марина. На этот раз платье на ней было темно-синее, а волосы убраны в замысловатую прическу. Она

несла поднос с чайником и чашками. Аромат, доносившийся от них, был весьма приятным.

– О, отлично, вот и наш чай. Марина заваривает отличный чай, я не знаю, что бы я без нее делал. Пришлось бы пить этот, как его?..

– Пуэр? – подсказал Аверин.

– О, точно! Ты тоже его пил, да? Фу-у… А еще есть такой… как же там… «Се-но»! Ну натурально сено! А сколько пафосу: «Китай», «Япония».

– Нам, жителям северных болот, не понять тонкой восточной души, – рассмеялся Аверин. Марина смущенно улыбнулась и поставила чашки и чайник на стол.

– Иди, Мариночка, мы сами, – махнул рукой Василь, – тут ужасно накурено.

Марина еще раз улыбнулась и послушно скрылась за дверью.

Аверин в который раз убедился, что правильно не женился на ней. Слишком уж она тихая и покладистая. Да и вообще, жить с человеком, к которому ты не испытываешь не то что любви, даже симпатии, не полезно для обоих. Пусть Марине будет хорошо здесь, в доме брата.

Аверин попробовал чай, и он оказался выше всяких похвал. Черный, терпкий, с нотками каких-то трав и легким ореховым привкусом. Да, то, что надо сейчас. Он налил себе еще, насладился ароматом и снова выпил. А Василь тем временем разлил коньяк.

Аверин указал на закрывшуюся дверь:

– Почему ты ее замуж не выдашь? Неужто она до сих пор по мне сохнет? Вот не поверю. Вы же выходите в свет, разве никто не ухаживал? Она так… ничего.

– Да она красавица, как моя Маша. Не ухаживал, ха! Ты бы видел, как за ней ухлестывал майор Волобуев!

– Волобуев? Тот самый? Который на спор перевернул твою «Ласточку»? За Мариной? – Аверин, успевший снова пригубить чай, чуть не поперхнулся.

– Да-да, именно он. Ты представляешь? Однажды в театре так раздухарился, что бедная девочка пряталась от него в уборной и за портьерой.

– Зря пряталась, вышла бы отличная пара.

Оба рассмеялись.

Но Василь тут же снова стал серьезен.

– Гера, я все же хочу, чтобы ты понял. Сегодня ты не Анонимусу «его место» указал, ты унизил меня при моих детях. Поставив под сомнение мое решение и мои приказы. Я уже помолчу о том, что ты напугал Мишу. Он теперь будет бояться собственного фамильяра.

Аверин глотнул еще коньяка и внимательно посмотрел на брата:

– А вот за это извини. Серьезно. Я не подумал.

Он снова налил себе чаю. Тот был просто потрясающе вкусным. В голове немного шумело от выпитого коньяка.

– О-о! – Василь в свою очередь плеснул коньяка и поднял бокал: – Выпьем за крайне редкое явление: Гермес Аверин извиняется! И не через три года!

Аверин только пожал плечами, выпил полбокала и понял, что ему хватит.

– Но! – Он поднял палец. – Насчет Миши я не согласен. Он должен бояться. Иначе он даже до первого экзамена не доживет. Вот объясни мне, почему ты не показывал детям демонический облик их фамильяра? А личины? Они их-то видели?

– Слушай, ты видел этот облик. Я сам в первый раз жутко перепугался. И можно подумать, ты – нет. Да, насчет Миши согласен, затянул. Я собирался показать через полгода-год. А девочкам это зачем? Они знают, что он див. Они видели его «в действии» и отлично понимают, насколько его способности отличаются от человеческих. Я не понимаю, для чего вообще кого-то пугать? В конце концов, не вина Анонимуса, что он не выглядит в звериной форме таким милым, как твой кот.

– Нет, я не испугался. Меня тогда вырвало не от страха. А потому, что я ощутил его силу. Мне тогда еще и четырех не было. Но да, с Мишей я погорячился. Надо было отправить Анонимуса во двор.

Василь провел ладонью по лицу.

– Ничего ты не понял, Гера. Ты так ничего и не понял.

Аверин протянул руку, чтобы налить еще чая, но понял, что промахнулся мимо чайника.

– Вот черт… – тихо выругался он. Для колдуна настолько потерять координацию было недопустимым.

– Помочь? – участливо спросил Василь.

– А? – Аверин поднял голову. В глазах двоилось. – Да… я сейчас еще чаю выпью и пойду, наверное. Очень у тебя забористый коньяк.

Василь рассмеялся и налил ему чай. Осушив несколькими глотками чашку, Аверин поднялся на ноги. Его шатало.

Василь тоже встал и потянулся:

– И то верно, пора спать. Тяжелый был день.

Они вышли из курительной комнаты.

В коридоре в голове немного прояснилось. Аверин огляделся по сторонам и, протянув руку, коснулся барельефа на стене, изображавшего то ли цветы, то ли шишки.

Все-таки это его дом. И в этом доме не так уж и плохо.

Послышался шум и детский смех. В коридор вбежали дети. Вера тащила Кузю, перекинув его через плечо. Увидев дядю, она взяла кота под мышки и протянула:

– Гермес Аркадьевич, вот ваш кот!

– Спасибо, – Аверин улыбнулся и взял Кузю на руки. И понял, что чувствует себя как-то странно. Он пожелал всем спокойной ночи и направился в свою спальню. Да, Василь прав. День действительно выдался не самый легкий. А у Аверина такой нелегкой была вся прошедшая неделя.

Глава 5

Теплый душ немного освежил, но все равно он едва добрался до постели. Как будто вся усталость нелегкой недели разом обрушилась ему на плечи.

Зато постельное белье оказалось таким мягким и приятным, как будто было сделано из нежнейшего шелка, а когда Аверин накрылся одеялом, то чуть не застонал от удовольствия. Он ожидал, что немедленно провалится в сон.

Однако сон не шел. Почему-то вспомнились «баронесса Анастасия» и ее «сын». Так ли уж сильно ошибается Василь? Ведь вот же он, пример. Как ни крути, а дива каким-то образом привязалась к мальчику. И то, что она смогла справиться со своей жаждой крови… В начальных классах Академии первым делом учили, что див теряет рассудок, ощутив запах крови хозяина. Но у этого правила все же были исключения. Дивы высоких уровней контролируют себя гораздо лучше и могут какое-то время сдерживать свои инстинкты, если на то есть веская причина. Когда нападать опасно или невыгодно, сильный див может удержаться. И разум, и стремление к самосохранению у них есть, и чем выше уровень дива, тем сильнее они выражены. Возможно, дивы не испытывают чувств, но некоторые эмоции им точно доступны. Страх, гнев, удовольствие, любопытство.

Аверин перевернулся на бок. Усталость сменилась каким-то странным возбуждением. По телу начала разливаться истома. Он вытянул ногу и наткнулся пальцами на меховой бок. Хотел было уже спихнуть нахала с кровати, но мех был такой теплый, такой мягкий, что он погрузил в него пальцы, а потом и прижался всей стопой. Надо же, какая нежная и шелковистая у этого кота шерстка.

Аверин подтянул вторую ногу, помял немного кота пальцами и почувствовал под ними легкую вибрацию.

Восхитительно! Ощущения оказались настолько приятными, что он не выдержал. Откинув одеяло, он подтащил к себе кота и принялся гладить и мять его. Кузя в ответ замурчал совершенно оглушительно и, обхватив лапами его руку, принялся легонько выпускать когти.

Аверин перевернул кота и начал гладить его пузо и шею. Кот ткнулся ему в ладонь мокрым носом, что привело Аверина в настоящий экстаз. Какой у него холодненький приятный носик! Ужасно захотелось его поцеловать, и Аверин, подняв кота, поднес его к лицу. Шершавый язык скользнул по его губам, и внезапно острые кошачьи зубы вонзились в нос. Резкая боль ударила по вискам.

Он отшвырнул кота и мгновенно выставил щит. Схватился за нос, провел по нему и поднес ладонь к лицу. Крови не было. Зато в голове на мгновение прояснилось. «Защита в приоритете!»

Аверин вскочил с кровати и метнулся в ванную. Больно ударился локтем о дверной косяк, но это только еще больше протрезвило его. Наклонившись над ванной, он просунул пальцы себе в горло, вызывая рвоту. Стало чуть полегче. Он выпрямился, но тут же почувствовал, что снова «плывет». Внезапно перед его лицом появился прозрачный кувшин с водой. Он схватил его и принялся жадно глотать. И почти сразу же вода изверглась из него водопадом: она была отвратительно соленой. Голова закружилась, и он схватился за край ванной. И ощутил, как цепкие сильные пальцы сжались на его плече, не давая упасть. Он с трудом повернулся:

– Что это… за дрянь?

– Вода с солью, – невозмутимо ответил Кузя и добавил, видимо для ясности: – Вас отравили.

– Скорее, опоили. – Аверин вытер губы и снова взялся за кувшин. Вода. С солью. Как раз то, что сейчас надо. Но…

– Где ты взял соль?

– Там, – див указал на шкафчик с шампунями и прочими ванными принадлежностями, – шарик, зеленый такой. На нем было написано «соль».

– Отлично, – пробормотал Аверин.

Впрочем, соль для ванн все же была лучше, чем ничего. Он снова поднес кувшин к губам и начал старательно глотать омерзительную жидкость. По крайней мере, с тем, чтобы очистить желудок, проблем не возникнет.

Наконец кувшин опустел. Аверин сунул голову под кран с водой, отряхнулся и бессильно сел на пол. Проклятье. Он был на волосок от того, чтобы потерять контроль. Что это за гадость такая? И главное, кто? Чем? Зачем?..

– Вам помочь дойти до кровати? – участливо поинтересовался Кузя.

Аверин мотнул головой:

– Нет, не нужно… спасибо…

Он снова схватился за край ванны и поднялся. Еле передвигая ноги, он добрался до кровати и сел на нее, держась за спинку рукой. И опять почувствовал в теле легкое томление. Он изо всех сил сжал раненую руку, усилив на всякий случай знак замыкания крови, и понадеялся, что швы хорошо держат. Боль ударила в плечо, и по телу прошла дрожь. Вот так-то лучше. Провел рукой по мокрым волосам и попытался восстановить дыхание. Кузя стоял рядом, как каменное изваяние. Аверин нащупал простыню и кинул ему:

– Прикройся.

Тот послушно накинул на себя простыню и стал еще больше похож на древнегреческую статую. Ну, если бы кто-то покрасил ей волосы в разные цвета.

– Кто тебе разрешил менять облик? – больше для порядка спросил он, хотя уже знал ответ.

– Защита…

– Да-да, я помню.

Опять ужасно захотелось спать. Может, стоит лечь и приказать Кузе охранять? А если вместе с отравителем явится Анонимус? Кузя даже мяукнуть не успеет. Аверин сжал голову руками. Проклятье. Его опоил кто-то из домашних. Но с какой целью? Что с ним хотели делать потом? Это ведь точно не яд. Скорее, какой-то наркотик. Чай! Что-то было в чае… Мысли путались, в сон клонило все сильнее. Чтобы как-то отвлечься, он спросил:

– Ты про соль откуда знаешь?

Кузя пожал плечами и почесал себя за ухом.

– Просто знаю. Наверно, видел где-то.

«Или так делал кто-то, кого ты сожрал», – подумал Аверин, а вслух спросил:

– А вот скажи, шершня ты подкинул?

Кузя посмотрел настороженно, потом быстро кивнул.

– Ладно, не бойся, наказывать не буду. Хотя стоило бы – ты сильно рисковал. Шершень мог укусить Веру.

– Нет, – уверенно заявил Кузя, – не мог. Я ему жало откусил.

То ли еще действовал наркотик, то ли нервная система так отреагировала на потрясения ночи, но Аверину вдруг стало очень смешно. Он спросил, прикрыв рот ладонью:

– Анонимусу ты бы тоже что-то откусил? Он ведь никогда тебя не видел. Если бы он атаковал тебя во время прыжка, я бы ничего никому объяснить не успел.

Кузя снова пожал плечами:

– Я прыгнул так, чтобы на протяжении всей траектории полета между мной и им находился кто-то из членов семьи. А когда я оказался в зоне, пригодной для атаки, он уже должен был увидеть, что я съел шершня и защищаю девочку. И заметить мой ошейник, он должен знать вашу силу, он же ваш фамильяр.

Аверин поднял голову и долго пристально смотрел на Кузю.

– Откуда ты такой взялся? – наконец произнес он.

Вместо ответа Кузя приложил палец к губам.

– Сюда кто-то идет, – едва слышно проговорил он.

И в это же мгновение простыня осела на пол. И Аверин только заметил, как кончик хвоста мелькнул и скрылся под кроватью.

Сам он тоже решил спрятаться. Неизвестно, с какими намерениями сюда идет незваный гость. Но точно не с хорошими.

Он зашел в ванну и прикрыл за собой дверь. И принялся ждать.

Ожидание оказалось недолгим. Меньше чем через минуту дверь скрипнула, и в комнату проскользнула темная тень. Аверин приоткрыл дверь, нити Пут метнулись к незваному гостю, раздался сдавленный женский крик.

Аверин выскочил и нажал выключатель. Свет залил спальню. Посреди комнаты, спеленатая как мумия, стояла Марина. Все в том же синем платье.

Аверин расхохотался. Он смеялся долго, пока не выступили слезы. Потом снял Путы и схватил женщину за руку.

– Я не понимаю, на что ты рассчитывала? Что я на тебе женюсь потом? Тогда, двадцать лет назад, ты понадеялась на мою молодость и свои девичьи прелести, а теперь, значит, травы и чары в ход пошли? На что ты рассчитывала, я тебя спрашиваю? – Он легонько тряхнул ее и наклонился, буравя взглядом.

– Я… я… ребеночка… – слезы из ее глаз хлынули фонтаном, – только ребеночка…

– «Ребеночка», значит. – Смеяться больше не хотелось, и Аверин ощутил, как к горлу поднимается злость. – Зачем? Тебя и так из нашей семьи никто не гонит. Хочешь детей – выходи замуж, да хоть за Волобуева, и рожай от него. Что ты в меня вцепилась, как клещ?!

Марина зарыдала в голос.

– Я не хочу! Не хочу делать зла! – внезапно закричала она, вырвала руку и, закрыв лицо, вылетела за дверь. После нее остался только все тот же странный запах болотных трав. Аверин принюхался. Хм…

«Надо сосредоточиться», – напомнил он себе и негромко позвал:

– Кузя.

Кот вылез из-под кровати.

– Понюхай-ка, что это, по-твоему? Странный запах.

Кот приоткрыл рот и высунул язык. Потом попятился и громко мявкнул.

– Можно, да, – разрешил Аверин, и на месте кота возник парень.

Он потянулся к кровати, взял простыню и накинул ее на плечи. Аверин одобрительно покачал головой:

– Ну?

– Запах? Вас волнует запах? Да она вся в заклятиях, как новогодняя елка в гирляндах. Я даже не сразу понял, что она человек. Не очень-то много там осталось человеческого.

– Не человек? – Аверин от неожиданности опять ухватился за спинку кровати. Потом осторожно сел. Адреналин схлынул, и на него снова навалилась усталость.

– А кто же она?

– Ну, не див, точно. Я же говорю, человек. Но там столько заклятий и чар, что самой человеческой сущности не ощущается почти.

– Так, подожди. А вот скажи мне, ты эту женщину видел в столовой? Обратил внимание? Это она же?

Див немного подумал, потом наклонил голову:

– Думаю, да. Я к ней не присматривался, но теперь, если вспомнить… Трудно сказать. Почти у всех в вашей семье есть сила. У мальчика и девочки колдовская, а девушка чародейка. Только у вашего брата никакой силы нет.

– Хм. А Мария?

Кузя провел языком по губам и чуть высунул его.

– Тоже колдовская. Наверное. Я плохо помню.

– Но она человек?

– Да, она человек, – уверенно проговорил Кузя.

Глаза слипались, и Аверин принялся тереть их руками. Вероятнее всего, Марина не вернется.

Или…

Голова не соображала совсем. Все же стоит дождаться утра и как следует все обдумать.

Он с трудом встал и натянул возле двери ловушку. И повернулся к Кузе:

– Возвращайся в звероформу. Ложись возле двери и охраняй. Если услышишь или почуешь что-то, приближающееся к комнате, – ничего не предпринимай, сразу меня буди.

– Как скажете, ваше сиятельство! – Кузя отсалютовал рукой, и простыня снова, колыхаясь, опала на пол.

Проснулся Аверин от истошного вопля:

– Мя-а-а!

Открыв глаза, он увидел прямо над собой распахнутую пасть, полную зубов, и длинный розовый язык. И в ту же секунду раздался громкий стук в дверь.

Аверин встал и накинул халат. Если бы на него хотели напасть, точно в дверь стучать бы не стали.

Да уж, дожили. Он ожидает нападения в своем родном доме.

Он открыл дверь. В коридоре, едва освещенном слабым утренним светом, стоял Анонимус.

– Ваше сиятельство, – проговорил он, – ее сиятельство графиня при смерти. Доктор велел позвать всех родных, чтобы попрощаться.

– Да… я сейчас.

Он закрыл дверь и, быстро одевшись, выбежал в коридор. Где-то на полпути к спальне бабушки он нагнал Василя и крепко сжал его плечо. Так они и вошли в спальню.

У постели бабушки уже сидел священник. Аверин сразу узнал его – это был настоятель местной церкви имени Святого Иоанна Кронштадтского. Именно он крестил Мишу. Вероятно, доктор позвонил ему первому. Увидев их, священник повернулся:

– Гермес Аркадьевич, матушка Галина Игнатьевна не изволит исповедаться, пока не поговорит с вами.

Аверин подошел к кровати. Бабушка выглядела очень плохо. Ее лицо осунулось, губы посинели. Узловатые пальцы, лежащие поверх одеяла, странно подергивались. Аверин вопросительно посмотрел на стоящего поодаль доктора. Тот подошел ближе.

– Ночью был тяжелый приступ. Очень сильный. Сердце уже не справляется. Когда ее немного отпустило, она сама велела пригласить священника.

В это время бабушка махнула рукой, как бы отгоняя кого-то, и прошептала:

– Гера…

Доктор и священник отошли в сторону. Аверин, наоборот, подошел ближе, и бабушка пошевелила пальцами, показывая, чтобы он нагнулся.

– Гера, – снова повторила она, – мне… нужно… душу…

Он нагнулся еще ниже, чтобы расслышать ее слова. И внезапно почувствовал запах хрена, исходящий от ее губ. Он резко выпрямился и метнул озадаченный и гневный взгляд на домочадцев, столпившихся у дверей. А там собрались все. И Василь с Марией, и девочки, и даже Марина. За их спинами возвышался Анонимус, держа Мишу на руках. Судя по всему, мальчик не очень-то сильно испугался своего фамильяра. А между ног Веры торчала мордочка Кузи.

Нет. Никто из них после вчерашней наглядной демонстрации не мог осмелиться накормить бабушку огурцами. Аверин вдруг вспомнил, как ночью кот лизал его губы, и снова наклонился над лицом бабушки, понюхал еще раз, быстро начертил знак, определяющий яд, и провел пальцем по ее губам. Потом лизнул. И сморщился от ужасной горечи. Расширив глаза, он быстро начертил еще несколько знаков – на руках и лбу бабушки засветились легким сиреневым цветом знаки здоровья и долголетия. Их было еле видно – собственных сил для их поддержки у бабушки уже не хватало. А они – единственное, что сейчас может помочь ее продержаться.

– Анонимус, сюда, – скомандовал он.

Тот не заставил себя ждать. Бережно передав Мишу отцу, он мгновенно появился у постели. И тут же, ничего не спрашивая,

опустился на колени, взял осторожно руку бабушки и, нагнув голову, почти касаясь лбом края кровати, положил ее себе на затылок.

– Доктор, – быстро проговорил Аверин, – ее отравили аконитом. Делайте, что должны.

Кто-то ахнул. Но Аверин не обратил на это внимания.

Он принялся чертить символы, сопровождая каждый заклинанием и постепенно связывая жизненные центры бабушки и фамильяра между собой. От груди дива протянулась тонкая, но яркая нить, концы ее разделились и словно вросли в лоб, грудь и запястья бабушки. Сила Анонимуса поможет восстановить мощь знаков здоровья. И они еще некоторое время сохранят в бабушкином теле жизнь и сознание. До тех пор, пока доктор не найдет способ вывести из ее организма яд. И звать нужно сейчас не священника, а чародея. Колдун не мог ни чертить сильные знаки, ни восстанавливать их, и сам Аверин ходил к чародею раз в полгода, чтобы обновить знак замыкания крови, призванный усиливать ее свертывание, самый важный знак для колдуна. Но поддерживать и напитывать чародейские знаки силой он умел. Ему регулярно приходилось ослаблять знак крови, иначе очень трудно было бы вызывать дивов и уж тем более подчинять их себе.

Знаки на лбу и руках бабушки начали светиться ярче. Доктор, слегка отодвинув Аверина, воткнул ей в руку иглу капельницы и, наклонившись, вколол что-то в плечо.

Бабушка открыла глаза и проговорила чуть более твердым голосом:

– Гера… что ты делаешь?

– Спасаю вам жизнь, бабушка.

– Что здесь происходит? – раздался недоуменный голос Василя.

Аверин обернулся к нему:

– Мне бы тоже очень хотелось это знать.

Аверин с Василем сидели в беседке, закутавшись в пледы: утро было довольно прохладным. Аверин приказал Анонимусу не отходить от кровати бабушки. Смешно, учитывая случившиеся накануне события, но выходило так, что сейчас фамильяр был единственным, кому Аверин мог доверять. Василь курил одну папиросу за другой и молчал. Аверин тоже не произнес ни слова. Он думал. И понимал, что у него огромное количество вопросов и к самому брату, и к остальной

семье. Особенно много вопросов было к Марине. Кто она? Что вообще здесь делает? Да и Марина ли это или какая-то чужая женщина проникла в дом под ее личиной? Что это за заклятия такие, что колдун совершенно их не ощущает?

Или…

Аверин потер переносицу.

…может быть, этот странный неприятный запах – оно и есть? И именно так он и чувствует заклятия? Но это значит, что Марина уже приехала к ним такой. Кто и зачем опутал ее?

Надо хорошо допросить Анонимуса. Вполне возможно, фамильяр что-то знает о том, что эта женщина из себя представляет.

Но действовать надо очень осторожно. В доме убийца. И от этой мысли по спине Аверина поползли мурашки. Василь, Мария, Марина, Любава. Черт побери, кто из них?! Или это доктор?.. А ему-то зачем?

Впрочем, смерть бабушки никому из домочадцев выгодна не была. Она почти не появлялась в поместье. Наоборот, это внуков часто возили к ней в скит, не столько за душевным покоем, сколько ради шикарной карельской природы и Ладоги. Да, Ладога всегда была холодной, но недалеко от скита было отличное чистое и прозрачное озеро. Аверин прежде сам бывал в ските, и ему нравилось купаться там.

Кто-то тайно ненавидит бабушку? Но кто? И за что? Марина? Может, именно бабушка наложила на нее эти непонятные заклятия?

Тихо подошла Мария и принесла кофе. Аверин, совершенно не скрываясь, начертил над ним знак яда.

Интересно, как ощущал себя брат вчера вечером? Он ведь тоже пил чай, хотя и намного меньше. Что же, возможно, просто провел приятную ночь с женой.

– Да что же это такое! – закричал, наконец, Василь и резким движением затушил папиросу. – Теперь что же, в моем доме ни попить, ни поесть без страха нельзя?

– Мария, уйдите, пожалуйста, – тихо и вежливо попросил Аверин.

Женщина пристально посмотрела на него, но потом молча повернулась и направилась к дому. Она выглядела испуганной.

– Нельзя. По крайней мере, пока я не выясню, кто это сделал. Тебе повезло, Василь, твой брат – один из лучших сыщиков этого города. А может, и всей страны. Да еще и колдун.

Он попытался пошутить, но Василю явно было не до смеха.

– Гера, – почти застонал он и поднес чашку ко рту, но остановился и спросил жалобно: – Это можно пить?

Аверин попробовал свой кофе. Никакой горечи, кроме кофейной, он не почувствовал.

– Можно, – вынес вердикт он.

Василь осушил чашечку в два глотка и со стуком поставил ее на стол.

– Ты понимаешь, что самое страшное, да? Вот ты узнаешь, кто отравил бабушку. И что? Это же кто-то из нас! Ты понимаешь это?

– Прекрасно понимаю. Это можешь быть даже ты.

– Нет, – покачал головой Василь, – я точно нет. Но вот ты… Ладно, без шуток. Как ее отравили? Ты знаешь? Как ты вообще догадался?

Аверин глотнул кофе. Тот был неплох. Печально обвел взглядом парк – пробежку устроить вряд ли получится. Одна из причин, почему Аверин так редко приезжал в поместье, заключалась в том, что тут у него сбивался режим. А придерживаться жесткого режима было необходимо. Жизнь и здоровье колдуна напрямую были связаны со скоростью и выносливостью. Да, человек никогда не сравнится с дивом ни в скорости, ни в силе, и многие колдуны именно поэтому предпочитали во всем полагаться на дивов. Но Аверин не считал это правильным. Какая бы ни была власть колдуна над дивом, но по-настоящему можно рассчитывать только на себя.

Хотя Кузя за весьма короткий срок неоднократно уже доказал свою полезность.

Но он не очень-то обычный див.

– Запах, – наконец ответил он. – Запах аконита похож на запах хрена. Я думаю, отраву добавляли в огурцы, чтобы замаскировать. Ну и бабушка ими закусывает всегда. Даже коньяк. Поэтому и доктора обмануть смогли, он списывал приступы на алкоголь.

– Погоди. – Василь покопался в пустой пачке и вытащил новую. – То есть эти приступы… это из-за яда? Она не болеет?

– Скорее всего, нет. – Аверин потянулся. Может, все-таки удастся немного пробежаться? Иначе до обеда не проснуться.

– Но… Гера, это же отличные новости! – Василь так обрадовался, что убрал обратно в пачку уже вытащенную было папиросу.

– Да, то, что она не болеет, это очень хорошо. Если, конечно, получится восстановить ее здоровье после того, как ее длительное время травили, чтобы имитировать болезнь.

– Да! – воскликнул Василь. – Точно! Ее травили длительное время! А значит…

– …еще в ските, – закончил его мысль Аверин. – Я думал об этом. Надо поточнее узнать у доктора, когда началась «болезнь».

– Ну вот! – Василь схватил его за руку. – Слушай, если отрава в огурцах была, то ведь она их с собой из скита привезла, мы такое не едим. Что, если отравили все огурцы в бочонке? Там, в ските? Значит, наши ни при чем!

– Да, все так бы и было, но… – Аверин вздохнул, – если бы не сегодняшний приступ. Ты вчера запретил давать бабушке огурцы. И никто их ей не давал, я надеюсь. Но от нее пахло хреном, точнее – аконитом, и яд был на ее губах. Значит, ночью кто-то ей его дал. Здесь, у нас. И дал довольно много. Чтобы она точно умерла сегодня. И она бы умерла, если бы не сильные знаки с заклятиями на ее теле.

– Черт! – Василь так стукнул по столу, что чашки подпрыгнули. И достал-таки папиросу. Закурил, выпустил дым и нагнулся к Аверину:

– Слушай, а вдруг это случайно вышло? Ну, кто-то не послушался и принес ей огурцы? Дети, может… или прислуга. Давай всех расспросим, а?

– Конечно. – Аверин посмотрел на дом.

Из окна коридора выглянула Любава и немедленно скрылась.

– Василь, а почему твоя старшая дочь не учится? У нее же чародейская сила, – спросил он.

На лице брата появилось изумление:

– Гера, ты меня иногда поражаешь, честное слово. Нет, серьезно. Я вот даже не представляю, что на это сказать. Ты не знаешь?

– Нет, – слегка растерянно проговорил Аверин. Он был не в курсе многого, что происходило в семье.

– Ну ты даешь… – протянул Василь и осекся.

Прямо перед их столом из кустов вылетел Кузя и зашипел. И в тот же миг рядом материализовался Анонимус. Кузя выгнул спину и зарычал.

Анонимус не обратил на кота никакого внимания.

– Госпожа Любава приказала мне пропустить ее в комнату. Я не мог ослушаться.

Он быстро поклонился и исчез. Кузя проводил его взглядом и улегся под столом.

– Смотри-ка, твой кот защищает тебя от твоего же фамильяра, – засмеялся Василь, – а Анонимус молодец, бдит.

– Зачем она туда пошла? – нахмурился Аверин.

– Думаю, стоит сходить и выяснить. – Василь поднялся. – Заодно спросим про огурцы.

Они зашли в дом и прошли по коридору: дверь спальни бабушки была приоткрыта. Аверин заглянул внутрь. Анонимус стоял возле кровати по стойке смирно, а на коленях перед кроватью стояла Любава, положив руки на грудь бабушки. Голова ее была запрокинута вверх, губы шевелилась. Бабушка полулежала на куче подушек и одной рукой легонько поглаживала правнучку по волосам.

Любава тем временем подняла руки и принялась складывать из пальцев замысловатые фигуры. И тут Аверин понял, что делает девушка. Он узнал некоторые из этих фигур. И мысленно дал себе по лбу. Ну конечно! Любава обновляла знаки здоровья и долголетия! Будто услышав его мысли, а скорее, просто закончив работу, Любава опустила руки и повернулась:

– Анонимус очень сильный. Контуры знаков с трудом выдерживают его мощь. Я поправила.

– Она закончила Академию два года назад, – зашептал Василь ему в ухо, – ты хоть знаешь, сколько лет твоей племяннице?

Аверин уговорил Василя не присутствовать при беседе с бабушкой, чтобы не смущать ее, а опросить в это время домашних. Но на самом деле мотив отослать брата был иным. И бабушка сполна подтвердила все опасения. На вопросы она отвечала только отрицательно. Нет, она не ела огурцы. И не помнит, что пила и кто ей приносил питье. Вода, стоявшая на столике возле кровати, ничем подозрительным не пахла, да и не могла бабушка не заметить горький привкус в чистой воде, если бы туда подлили яд. А это могло означить только одно. Бабушка знает, кто ее отравил. И покрывает его. Это, вне всяких сомнений, был кто-то близкий. Настолько близкий, что даже угроза смерти отошла на второй план.

Хотя… смерти бабушка никогда не боялась. А еще была чертовски упрямой. Когда Аверин попытался надавить на нее, сказав, что она подвергает опасности других членов семьи, ей немедленно «стало плохо». А когда доктор отошел, сообщив, что давление и пульс в норме для человека, ночью бывшего при смерти, заявила, что хочет подышать свежим воздухом, и велела Анонимусу отнести ее в сад. Аверин вздохнул и тоже направился в сад, где встретил Василя. Брату с опросом также не повезло. И дети, и жена с сестрой, и прислуга в один голос твердили, что не давали ничего старой графине и не видели никого подозрительного.

Гадать Аверин не любил. Его интересовали только факты, а чтобы их получить, нужно было собрать как можно больше информации, даже самой незначительной.

Аверин забрал у детей Кузю и унес в комнату.

– Слушай меня внимательно, – сказал он коту. – Сейчас ты мои глаза и уши в этом доме. Следи за каждым членом семьи, особенно за Мариной и Любавой. И еще – за доктором. Он единственный, кто был в ските и присутствует здесь. Его могли подкупить. Обследуй весь дом, я не знаю, что нужно искать, но если ты, например, заметишь запах или следы присутствия кого-то постороннего, немедленно сообщи мне. И вот еще. Ты помнишь запах того чая, которым меня опоили?

Кот мявкнул.

– Отлично. Попробуй найти его ингредиенты. Мне нужно знать состав. Есть у меня одно подозрение. Иди.

– Мя-я-я-я! – сказал кот и выскочил в окно.

А Аверин, переодевшись, вышел из дома. До завтрака оставалось около часа, и он решил все-таки пробежаться до озера.

Глава 6

Какой это был огромный дом! Два этажа и бесчисленное множество комнат. Часть из них Кузя обследовал еще вчера, а некоторые были закрыты, но все равно работы предстояло много.

Служить колдуну – совсем не то же самое, что какому-то там продажному чиновнику. Отравления, расследования, тайны. Тайны Кузя очень любил.

Так, нельзя отвлекаться, можно пропустить что-то важное. Кот обошел весь дом, обнюхав пол и стены: он чувствовал не только запахи, но и отпечатки силы этого места. Но везде нашлись только следы тех людей, которых он и так видел в доме. И фамильяра. Весь дом был буквально пропитан его силой, казалось, что дом и он сам – это что-то общее, целое. И это совсем не удивительно. Этот очень сильный див обитал тут не первое столетие.

Интересно, каково быть фамильяром? Когда у тебя связь не с одним человеком, а сразу с целой семьей? Что чувствуешь, когда твой хозяин добровольно приносит себя в жертву? Это наверняка совершенно не похоже на то, как если ты подкараулил и убил его в ванной. И тот даже не был колдуном. Кузя подумал, что уже почти не помнит Сомова. От его памяти он избавился сразу же, как и от памяти Даниила. Ничего стоящего в ней не было. А сейчас сила нового хозяина заглушала все прошлые впечатления. Кот поймал себя на том, что, бродя по дому, невольно везде отыскивает его следы. Он чуял даже те, что были оставлены давно, несколько лет назад, когда хозяин, вероятно, был здесь в прошлый раз.

Кузя обследовал второй этаж. Спальня странной женщины, которая приходила ночью, оказалась заперта. В комнатах детей не нашлось ничего интересного, только в тумбочке маленького колдуна лежала жестяная коробка с печеньем. Он понюхал ее, но трогать не стал.

А между тем есть хотелось основательно. Девочка утром накормила его сыром и вареными яйцами, но это были такие мелочи. Ночью ему пришлось поддерживать человеческую форму, и чтобы

восполнить потраченную силу, поесть тоже было бы неплохо по-человечески.

Кузя спустился по лестнице вниз и направился в столовую. Оттуда шла лестница еще ниже, на цокольный этаж, где располагались всякие технические помещения, кухня и кладовая. Ведь у него важное задание: разузнать про травы. А где могут быть баночки с травами для чая? Правильно, на кухне. Где же им еще быть?

Из кухни пахло свежеприготовленным завтраком и немного дымом. Кузя дождался, пока кухарка выйдет, и прошмыгнул внутрь.

Обойдя кухню, он понюхал все травы, которые стояли в банках, но ничего подходящего не нашел. Только чихнул несколько раз. Эти приправы были не для чая, а для супа или мяса. Некоторые из них он узнал по запаху. Где люди могут хранить чай? Скорее всего, там же, где и кофе. Кофейный запах был сильным, кофе варили недавно. Кот пошел по его следу, и след привел его в небольшую кладовую. Там стояли коробки с печеньем, конфетами и несколько пачек с кофе. И вот оно! На верхней полке он почувствовал травы.

Кузя запрыгнул наверх и принялся обнюхивать баночки, пытаясь узнать запах.

Этот или нет? Он специально лизнул губы хозяина, чтобы запомнить след отравы, но не так-то просто было выделить отдельные ее составляющие. Хм… вот это! Он прочитал надпись на банке: «Мята перечная». Да, сильный запах, ни с чем не спутать. Плохо то, что он забивал остальные. Кот понюхал еще две банки и нашел второй запах. «Корень солодки». И внезапно вернулся к первой. Точно! Обе банки, кроме самой травы, несли на себе след ночной гостьи. Она брала их совсем недавно. Кузя прошел по полке и вскоре обнаружил еще пять банок с травами, которые она трогала. Это было не сложно. Даже на стекле банок она оставила частички заклятий, которыми была опутана. Кузя сел на полку и начал тщательно вылизывать хвост – это помогало ему думать. Что-то в этих заклятиях было знакомое. Надо только вспомнить… А!

Срочно рассказать хозяину. Он соскочил с полки на какую-то коробку и собрался было спрыгнуть на пол, но тут почувствовал запах, исходящий из нее.

Зефир! Ванильный зефир.

Кот обнюхал коробку. Она была заклеена, но с краю уголок отходил. Что же, если он съест пару зефирок, ни от кого не убудет, коробка вон какая огромная, тут этого зефира, наверное, пачек десять.

Он потянул зубами за уголок. Тот легко отошел, открыв дырку, в которую отлично пролезала кошачья голова. Ее он туда и просунул, ухватив зубами за край пачки из тонкого картона, который моментально поддался. Кузя просунул в коробку лапу и выудил вожделенный зефир. И принялся с наслаждением его жевать.

За первой зефиркой последовала вторая. Потом третья. Четвертую он успел вытащить, но даже не укусил. Волна силы буквально смела его. Сжав в зубах последнюю зефирину, он юркнул за коробку и выглянул из-за своего укрытия. В дверях кладовой стоял фамильяр. Выражение лица у него было таким, будто Кузя совершил какое-то немыслимое святотатство.

– Как ты посмел?! – прошипел он.

Кузя посмотрел по сторонам – окон тут не было, прошмыгнуть между ног разъяренного дива, сильнее эдак раз в пять, шансов точно никаких. Поэтому он, не выпуская зефир, запрыгнул обратно на коробку и поинтересовался:

– А что тут делаешь ты? Ты же должен охранять отравленную старушку.

Ментальная связь давалась очень тяжело. Тем более что фамильяр совершенно не заботился о комфорте собеседника, просто-напросто врезавшись с размаху своим сознанием в его разум. Но приходилось терпеть. Во-первых, говорить на человеческом языке Кузя сейчас не мог как из-за строения кошачьей пасти, так и из-за того, что в этой пасти по-прежнему находился зефир. А во-вторых, этот див не отпускал его, вцепившись в мозг, будто клещами. И очень хорошо чувствовалось, что он сильно зол.

Так себе история.

– Кто ты такой, чтобы я отчитывался тебе? – еще больше взбеленился фамильяр.

Кузя понял, что дальше дразнить его не стоит.

– Я выполняю важное задание хозяина, его сиятельства Гермеса Аркадьевича! – ответил он, постаравшись вложить в свои мысли побольше пафоса.

Это произвело нужный эффект. Ярость фамильяра приутихла.

– Это он приказал тебе украсть зефир? – с насмешкой спросил Анонимус.

– Нет. Но я ничего не крал. Я лишь решил проверить, не отравлена ли еда. Мой хозяин доверяет мне и не связывает жесткими приказами.

На самом деле приказ не таскать еду без разрешения у Кузи был. Но это было в другом доме. Формально большое поместье не являлось личной территорией колдуна. Поэтому можно было себе позволить некоторые вольности.

С другой стороны, поместье точно было территорией хозяина этого дива. И территорию он защищал.

Фамильяр шагнул вперед. Кузя подумал было, что придется драться, но нет. Тот наклонился и проговорил:

– Отвратительно. Ты погранец. А ведешь себя как самое настоящее животное. Я немедленно доложу о твоем поведении его сиятельству. Уверен, он примерно тебя накажет.

С этими словами ментальная связь ослабла. Таким образом фамильяр дал понять, что считает разговор законченным. Он отвернулся к противоположной стене и потянулся за банкой с джемом. Кузя, воспользовавшись тем, что проход освободился, и крепко сжав в зубах зефир, бросился через кухню в какой-то коридор. Кто его знает, вдруг див передумает и решит наказать его сам?

Забившись в угол под шкаф, Кузя слегка поежился. Он видел, что сделало оружие хозяина с фамильяром. Самому Кузе такой удар разнес бы ребра или вообще вырвал бы позвоночник. Что, если его накажут? Нет, этого нельзя допустить. Надо выполнить задание хорошо и принести что-то действительно важное. Тогда хозяин простит украденный зефир.

Он в два укуса проглотил зефирку и запрыгнул на подоконник небольшого окна. Отсюда были видны кусок парка и старушка, сидящая в кресле. Возле нее стояли хозяин и его брат и о чем-то говорили. Так вот почему фамильяр ошивается в кладовке. Они отпустили его приготовить бабуле завтрак. Ведь див точно ее не отравит. Как же это все не вовремя!

Но нет худа без добра. Этот коридор Кузя еще не изучал. Он соскочил с окна и прошел вперед.

Почти все двери были закрыты. Но по запаху из щелей под ними можно было легко понять, что находится за дверью. Вот тут хранилось белье. А здесь – всякие моющие принадлежности. Дверь в прачечную открылась легко, ее не запирали, и Кузя тщательно обнюхал грязное белье, но ничего примечательного не нашел.

Он дошел до конца коридора и уперся в большую дубовую дверь. Из-под нее отчетливо пахло травами и еще чем-то резким и острым. И главное, разило колдовством и чарами. Как из комнаты для вызовов в доме его хозяина. Вот это находка! Впрочем, а что тут удивительного? В этой семье владели силой все, кроме ее непосредственного главы.

Кузя поскреб дверь лапой. Она не поддавалась. Плохо. Дверь заперта. Может, стоит вернуться к хозяину и попросить открыть?

Он вспомнил про Плеть. Найденных улик пока мало, к хозяину возвращаться нельзя. Надо попробовать самому как-то попасть внутрь.

Он вернулся по коридору к открытому окну. В колдовской комнате тоже должно быть окно. Или вентиляция. Может, через них удастся забраться?

Он выпрыгнул наружу и пробежал вдоль стены за угол. И попал в небольшой внутренний дворик с садом. Отлично. Окна колдовской комнаты как раз выходят в этот садик. Кузя потрусил вдоль дома, нюхая воздух. Если есть какая-то дыра или окно, ведущее в ту комнату, он почувствует запах. О, вот оно! Примерно в полуметре над землей он обнаружил узкое длинное окошко. И какое счастье, форточка была открыта! Он уже приготовился проникнуть в комнату, как вдруг услышал сбоку над головой скрип. Мгновенно спрятавшись в клумбе с какими-то вонючими цветами, Кузя притаился и посмотрел наверх.

Одно из окон первого этажа открылось, и из него выпрыгнула женщина. Поправив юбку, она пошла в противоположную от Кузи сторону. Но ему не нужно было видеть ее лицо, чтобы понять, кто она. Именно ее он видел в спальне хозяина сегодня ночью. Именно за ней ему велели следить.

Отлично! Понятно же, что просто так люди из окон не выпрыгивают. Обычно они проходят через дверь.

Кузя крадучись двинулся за женщиной. Она обогнула угол дома, остановилась, глядя на одно из окон первого этажа. Оно располагалось достаточно высоко. И залезть в него было затруднительно.

А именно это женщина и хотела сделать. Благо окно было открыто настежь. И по запаху Кузя понял, что это спальня старой графини. Ничего себе!

Женщина осмотрелась, неожиданно ловко и высоко подпрыгнула и зацепилась пальцами за подоконник. Сгибая локти, она подтянулась и влезла-таки в окно. Ого. Кузя, подивившись ее силе и сноровке, одним прыжком приземлился на карниз, тянувшийся вокруг дома, и осторожно заглянул в окошко.

Женщина огляделась по сторонам, убедилась, что в комнате никого нет, потом быстро выдвинула ящик комода и начала там что-то искать. Через некоторое время она вытащила большую черную шкатулку, открыла ее и начала выкладывать содержимое на комод.

Драгоценности! Кузя знал, что это такое, драгоценностей было полно у Анны Сомовой и довольно много у Анастасии. Кузя часто видел, как женщины доставали такие шкатулки и украшали себя всеми этим блестящими штуками. Вот оно что… эта женщина ворует драгоценности у графини! Зачем? Неужели она думает, что станет красивее и наконец сможет соблазнить хозяина?

Но не похоже, чтобы она что-то собиралась брать. Вывалив содержимое шкатулки, она немного порылась в куче драгоценностей и принялась складывать их обратно. Захлопнула шкатулку и стала выдвигать ящики.

– Да где же оно… где же оно… – начала она бормотать себе под нос. Потом к бормотанию добавились всхлипывания. Наконец, не найдя искомое, женщина в сердцах хлопнула руками по комоду и воскликнула: – Она что же, носит его с собой?!. – И тут же зажала себе рот ладонью.

По ее лицу заструились слезы. Она вернула шкатулку на место, отерла лицо рукавом и шагнула к окну. Кузя немедленно спрыгнул и притаился за кустом.

Женщина выбралась из комнаты, вернулась к тому окну, из которого выпрыгнула, и, схватившись за карниз, забралась обратно. К счастью, оно было значительно ниже окна спальни старой графини.

Кузя немедленно запрыгнул следом. Это оказалась спальня хозяина дома и его жены. Женщина не задержалась там надолго. Она выглянула в коридор, выяснила, что там никого нет, и быстро прошла до лестницы, ведущей на второй этаж. Кузя последовал за ней.

Женщина дошла до своей комнаты, зашла, захлопнула дверь. Из-за двери тут же донеслись скрип кровати и уже ничем не сдерживаемые рыдания.

Вот это да. Интересных сведений теперь было достаточно, и призрак Плети перестал маячить перед внутренним взором.

Но в колдовскую комнату все равно следовало заглянуть. Кот пробежал тем же путем, мимо кухни, благо фамильяра там больше не было, и выбрался во дворик. Легко запрыгнул в узкое окошко и очутился в просторной полутемной комнате. Каменный пол был исчерчен знаками и символами, посередине находился ровный круг алатыря. Стараясь не наступить на него, Кузя обошел комнату вдоль стены и прикрыл глаза. И тут же погрузился в мир ощущений и запахов.

Судя по всему, в колдовской комнате давно никого не вызывали. Следы последнего вызова ощущались очень слабо, кровь с символов стерлась и почти не пахла. Но все равно Кузя запах узнал. Последний раз тут кого-то вызывал его хозяин. Очень, очень давно. Интересно, фамильяра призывали в этом доме? И обряд привязывания к семье тоже прошел здесь? Жаль, уже не узнать. Разве что Анонимус сам расскажет, если согласится поговорить.

Вокруг стоял стойкий запах чародейства. И не удивительно, вероятнее всего, этой комнатой чаще всего и пользовалась девушка-чародейка. Конечно же, большинство склянок, бутылочек и пузырьков на полках принадлежали ей.

Кузя прошелся по полкам, вдыхая незнакомые запахи и вполне привычные ароматы. Колдуны редко пользовались снадобьями, но некоторые он все-таки узнал. Такие были и в доме его хозяина. Но наличие снадобий ни о чем не говорило. И так известно, что в доме живет чародейка. И тут она работает.

Внезапно один из запахов заставил Кузю остановиться. Он поднял голову, принюхался и запрыгнул на полку выше. Там стояла бутыль с прозрачной жидкостью, от которой пахло… совсем как от тех огурцов, которые стали причиной раздора в столовой вчера вечером. Огурцы рассыпались по всему полу, и Кузя отлично запомнил их запах. На бутылке была этикетка. «Борец», – прочитал Кузя. Надпись ничего не прояснила, но он надеялся, что хозяин знает, что это значит. Он обошел

бутыль и тщательно обнюхал. Но, как ни старался, никаких следов, кроме следов чародейки, не обнаружил.

Где она, кстати? За ней тоже было приказано следить. Кузя выбрался из комнаты и отправился искать девушку. И нашел ее в столовой, где уже собрались все обитатели дома. На столе стояли приборы, и из кухни снизу доносились просто головокружительные запахи.

Кузя незаметно подошел к младшей девочке.

– Мя-а-а! – громко сказал он.

– Ой, Кузенька! Нагулялся! Проголодался небось, – проговорила она золотые слова.

Завтрак прошел в тяжелом молчании. Анонимуса на этот раз за столом не было, он не отходил от бабушки ни на шаг, а если и отлучался, то только когда видел рядом Василя или Аверина. Вероятно, фамильяр тоже решил, что только им и может доверять. Интересно, что он будет делать, если увидит убийцу? Если тот попробует напасть в открытую? На чью сторону он встанет? Скорее всего, будет защищать бабушку, стараясь не причинить вреда убийце. Надо будет сказать ему, чтобы просто схватил и держал. Нет, пусть ему лучше это прикажет Василь.

Аверин никак не мог дождаться конца завтрака. Кузя несколько раз потерся о его ноги, показывая, что нашел что-то стоящее.

Ну или боялся получить выволочку за краденый зефир. Анонимус был так возмущен, что Аверину пришлось лично спуститься в кладовку и осмотреть поруганную коробку. Сложнее всего при этом было сохранить серьезное и даже суровое выражение лица.

Аверина мало волновал зефир. Если Кузя узнал что-то важное, он ему эту коробку целиком подарит.

Кузя тем временем завтракал сразу из трех мисок. В одну и даже в две не помещалось то, что натащили ему дети. Аверин сначала было хотел отправить кота на кухню, но Вера сделала такие глаза, что пришлось уступить. И так у всех настроение отвратительное. Пусть хоть дети порадуются.

Наконец, допив какао, Аверин поднялся из-за стола.

– Прошу простить, у меня много дел, – сказал он и направился к выходу.

Проходя мимо Кузи, махнул рукой, приказывая следовать за собой. Тот, с сожалением посмотрев на недоеденные остатки пиршества, схватил в зубы кусок колбасы и бодро потрусил за хозяином, вызвав приступ смеха у Веры и Миши. Интересно, дети уже поняли, что это не настоящий кот?

Когда дверь спальни закрылась, Аверин взял со спинки кровати свой халат и, кинув его Кузе, тихо скомандовал:

– Меняй форму.

Не успел халат упасть на пол, как внутри него появился человек. Аверин даже успел заметить, как из рукавов выскользнули руки. Кузя запахнул халат и улыбнулся:

– А почему, кстати, обязательно нужно одеваться? Котом я бегаю голым, и это никого не смущает.

– Потому что я так сказал. Надеюсь, этого довольно?

Аверин присел на край кровати и махнул нетерпеливо рукой:

– Давай рассказывай, что узнал. Только тихо, чтобы из коридора нас не услышали.

Чем больше рассказывал Кузя, тем больше мрачнел колдун. А услышав про настойку аконита в комнате для вызовов, он изо всех сил сжал руками подбородок.

– Стой. Ты хорошо проверил, там точно больше не было ничьих следов?

Кузя мотнул головой:

– Точно. Я все вокруг обнюхал.

– А если бы бутыль брали в перчатках?

– Я бы почуял запах перчаток. К ней прикасалась только чародейка, ваша племянница.

– Ясно. Так, а давай-ка ты мне скажешь названия трав в баночках. – Он открыл ящик комода и достал оттуда блокнот и ручку. И принялся записывать.

– Ты ничего не перепутал? Откуда ты вообще знаешь, как они называются?

– Да я не знаю. Там просто написано было, на банках. И все их потрогала эта тетя.

– Откуда ты читать умеешь?

– Меня Алеша учил. – Див широко улыбнулся, показывая зубы, но в этот раз вышло не настолько агрессивно, как раньше. Тренируется

он, что ли?

– А писать? Писать ты не умеешь, я правильно понимаю?

– Ага. Как бы я писал? У меня лапки. Ну, были. – Он поболтал в воздухе кистями рук. – И, это. Мне вам важное еще сказать надо. Про ту тетю. Которая в заклятиях.

– Конечно, что еще?

Еще что-то важное про Марину? У Аверина и так голова шла кругом. Что она искала в спальне бабушки? Почему так рыдала, не найдя? Он бы понял, если бы она попыталась украсть драгоценности и бежать. Будучи виновной. Но нет. Бабушка прячет какую-то ценную для Марины вещь? Что это может быть?

– Про заклятия как раз. Я понял, что мне одно из них напоминает. Оно самое сильное, поэтому я его почуял, но не сразу узнал. Это заклятие изменения формы. Ну, знаете, так колдуны создают оборотней. Оно дает эффект, похожий на личину у дива.

О да, Аверин знал. Чародеи могли создавать иллюзии для маскировки, придающие одному существу облик кого-то другого, но это была лишь иллюзия. Просто потрогав рукой, можно было на ощупь определить, что под ней скрывается. Но заклятие изменения формы – это совсем другое. Для такого заклятия нужны были совместные силы колдуна и чародея. И оно полностью, по-настоящему меняло вид и форму человека. Да, это было похоже на изменение формы дива. С давних времен люди владели дивами, но чувствовали себя слишком слабыми и легко уязвимыми по сравнению с ними. И всегда стремились обрести не только власть, но и мощь, скорость и способности дивов к восстановлению. Заклятие хоть и не полностью, но приближало людей к вожделенным способностям. Но загвоздка была в том, что живые существа крайне редко переживали трансформацию. Слишком серьезным изменениям должно было подвергнуться слабое человеческое тело. Люди, лишенные колдовской силы, поголовно умирали, колдунам случалось выживать, но большинство из них навсегда впадало в агрессивное безумие. Именно из попыток с помощью заклятий овладеть силой, схожей с личинами дивов, родились легенды о страшных оборотнях, пожирающих людей.

Конечно же, заклятие было внесено в список запретных. За его применение и колдун, и чародей моментально лишались всех прав и направлялись на каторгу.

– Ничего себе… – пробормотал Аверин. – Ты точно уверен? Откуда ты вообще знаешь про это заклятие?

– Ну… я… – внезапно замялся Кузя.

– Ах да. Ты съел колдуна, я помню. Хотя зачем тестю Сомова интересоваться такими вещами? Жуть. Ну и семейка у них была, продажный чиновник-убийца и нечистый на руку колдун. Повезло тебе, что ты ко мне попал.

– Ага, – радостно подтвердил Кузя.

Аверин подозрительно на него посмотрел. С чего это такой энтузиазм? И тут вспомнил.

– Хм. Кстати. Я хотел поговорить о зефире. Ты, как я заметил, очень любишь ванильный зефир?

Кузя заметно сник.

– Нажаловался, да? Я случайно.

– Я понял. – Аверин слегка улыбнулся. – Коробка твоя. Я скажу, чтобы ее сюда принесли.

– Обалдеть! – Глаза Кузи загорелись, он раскрыл рот, облизывая губы и клыки, вдохнул и спросил: – А, вот еще. Ваш фамильяр назвал меня «погранец». Это что?

– Твой колдун не знал? Ну, вообще это так в Академии говорили. Местный жаргон. Это значит, что див по силе уже перешел границу двенадцатого уровня второго класса, но в первый еще не вышел. Например, не ел людей. Или еще почему-то. И достаточно одного незначительного толчка для такого перехода.

– А-а-а-а… – протянул Кузя, – выходит, ваш фамильяр меня чуть не раскусил. Наверное, ему просто трудно представить, что кто-то может иметь человеческий облик и бегать котом, да?

– Да, – согласился Аверин, и у него отлегло от сердца. Если Анонимус не смог распознать в Кузе первый класс, значит, вряд ли кто-нибудь из дивов это сможет.

Все-таки свой див – это очень удобно. Его чутье заменяет самые точные колдовские приборы. Колдуну, чтобы обнаружить на Марине заклятие, понадобилось бы задействовать и маятник, и чувствительные талисманы, и знаки опознавания. А див, имеющий представление о подобных заклятиях, распознал его почти сразу.

Конечно, это не значит, что кормить дивов колдунами хорошая идея. Аверин смерил Кузю пристальным взглядом:

– А ты можешь использовать заклинания?

Див пожал плечами:

– Не-а. Никогда не пробовал.

Аверин видел дивов высоких уровней, которые владели несколькими человеческими заклинаниями. Но это были дивы из Академии, да и сводилось их умение в основном к использованию знаков. Но в случае с Кузей вполне могут быть сюрпризы, а сюрпризов Аверин не любил.

– Ладно. Вот что, у меня для тебя еще одно важное задание. Марина искала что-то. Вероятно, это драгоценность или что-то подобное, и принадлежит она самой Марине. Попробуй отыскать эту вещь. Поищи в спальне бабушки. Ты в нее очень легко проникнешь, бабушка решила продолжить прогулку после завтрака. Возможно, получится найти по запаху или по следу заклятий. Если не найдешь в спальне, можешь искать в других местах.

– Ага. Ну, в смысле, будет сделано.

Халат упал на пол. Из его рукава выскочил кот и привычно покинул спальню через открытое окно. А Аверин взял блокнот и отправился на поиски Любавы.

Племянницу он нашел в парке, в компании бабушки и Анонимуса. Подошел, поинтересовался здоровьем, согласился, что свежий воздух на пользу, и предложил Любаве прогуляться по аллее. Девушка встала, пожелала бабушке хорошего дня, и они двинулись к аккуратно посаженным вдоль дорожки липам.

Аверин достал блокнот.

– Мне нужна небольшая консультация чародея, – улыбнувшись, проговорил он.

– О… серьезно? Вы считаете, что я могу знать что-то, чего не знаете вы? – Любава выглядела польщенной.

Аверин остановился и раскрыл блокнот.

– Вот, посмотри. Что можно приготовить из этих трав?

Любава глянула мельком и хихикнула:

– Так это же русалочий отвар. Очень сильный афродизиак.

– Ох, – Аверин сделал вид, что удивлен. – А скажи мне, правильно сварить его может только чародей? Какие нужны заклинания? Вот я, например, смогу?

– Ну конечно, сможете, он очень простой, – рассмеялась Любава. – Только если женщине его давать будете – заранее предупредите. Иначе она может на вас заявить. Это будет считаться изнасилованием с применением колдовства или чародейства.

Внезапно она посерьезнела:

– Или вы… себе? Если нужно, я вам напишу, как готовить.

– Да нет, – он постарался беззаботно рассмеяться. – Я все же не в таком плачевном состоянии. Женщины меня пока любят без всяких отваров. Это я так, для общего развития. А еще один вопрос. У тебя же есть настойка аконита?

– Да, а что? – нахмурилась она. – О-о, неужели вы думаете, что ею…

– Нет, я не думаю. Но все же ты можешь сказать, не брал ли ее кто-то? У кого еще есть ключ от комнаты вызовов?

– У Анонимуса. Еще был у бабушки. Сейчас не знаю.

– Так, значит, никто не брал?

– Нет, никто, – уверенно сказала девушка.

И это Аверину не очень понравилось. Она не сказала, что посмотрит. Не проверила, на месте ли ее ключ. Конечно, она могла проверить сразу, еще утром, когда узнала про отравление аконитом. Но тогда зачем она разыграла удивление?

Однако пока все слишком натянуто. И ключ… а не ключ ли от комнаты искала у бабушки Марина. Нет, такие вещи не держат в шкатулках, но и эту версию исключать нельзя.

– Ладно, возьму ключ у Анонимуса, – как можно беспечнее сказал он. – Мне нужен аконит, чтобы построить заклятие, которое само будет выявлять яд в еде и питье.

– А-а-а, – на лице Любавы отчетливо прочиталось облегчение. Нет, она точно что-то знает. Или подозревает.

– Расскажи про Академию. Я давно там не был, наверняка все изменилось. Преподает ли еще старая кикимора Инесса?

– Ну конечно, – девушка разулыбалась. – Что ей сделается, она же див. А ей правда тысяча лет?

– Нет, не думаю. – Аверин пошел вперед по дорожке, предлагая Любаве следовать за ним. – Уверен, что много больше. Наверняка среди ее личин есть даже неандертальцы.

Аверин надеялся, что ему удалось отвлечь Любаву от первых вопросов. Напряженной она больше не выглядела. Они прогулялись вдоль аллеи, рассказывая друг другую старые и свежие байки из жизни Академии в разных ее блоках – колдовском и чародейском, и уже возвращались к дому, когда окрестности огласил громкий кошачий вопль.

Аверин бросился вперед. И, выбежав к площадке возле фонтана, увидел невероятную картину.

Возле беседки, где сидела бабушка, прыгал и махал руками Анонимус, а Кузя вцепился ему в рукав и истошно орал. Когда Аверин приблизился, фамильяр уже понял, что стряхнуть впившегося всеми когтями кота не получится, и попытался схватить его. Но кот извернулся, рванул вверх, пробежал по плечам фамильяра и забрался ему под пиджак. Орать при этом Кузя не переставал.

Анонимус скинул пиджак, оставшись в жилете, и принялся обеими руками отдирать кота от своей груди. И это ему, наконец, удалось. Он поднял Кузю за шкирку и двинулся прямо к Аверину, брезгливо держа кота двумя пальцами на вытянутой руке.

Подойдя поближе, он протянул Кузю. Его глаза полыхали гневом. Прежде чем заговорить, он глубоко вдохнул и медленно выдохнул. Как будто человек, пытающийся взять себя в руки.

– Ваше сиятельство. Я нижайше прошу вас призвать к порядку ваше… животное.

Аверин прикусил губу, взял кота руками за подмышки и посмотрел на него. Выражение морды Кузи было самым невинным.

– Что произошло? – поинтересовался он.

– Это существо посмело запрыгнуть ее сиятельству на колени! Я немедленно схватил его, но это невоспитанное создание вырвалось и вцепилось мне в одежду! Ваше сиятельство, я старался сдерживаться и сделал все, чтобы не навредить, но если я все же сломал ему пару костей, прошу меня простить.

Аверин повертел Кузю. Тот свисал, как тряпочка, но выглядел вполне целым. Что же, Анонимус действительно обошелся с ним аккуратно.

– Спасибо, Анонимус. Я разберусь.

Он выпустил Кузю и подошел к бабушке.

– Прошу, не обижайтесь на моего кота. Он всего лишь хотел ласки. Он не знал, что вы не любите кошек.

– Я нормально отношусь к кошкам, когда они ловят мышей в подвале и на кухне. Но не волнуйся, твой зверек, скорее, развеселил меня. Особенно тем, как скакал по Анонимусу. – Старая графиня рассмеялась дребезжащим смехом. – Не наказывай его сильно.

– Хорошо, бабушка. Но я все равно с ним поговорю. Кузя, за мной, – скомандовал он коту, и Кузя послушно поскакал за ним.

Когда они зашли в комнату, Аверин тщательно закрыл дверь.

– Меняйся, – сказал он, а когда обернулся, Кузя уже стоял в халате.

– Оно у Анонимуса! – возбужденно воскликнул он.

– А, так вот к чему был этот цирк! Говори по существу.

– Ну да. Вот. Я пошел в комнату. Все облазил, той женщиной пахло только то, что она трогала в прошлый раз, когда я ее видел. Я вспомнил, что она говорила про «носит его с собой», и подумал, что, может, вещь у бабули. Выбежал во двор, заскочил к ней на колени, замурчал и потерся об нее. Той женщиной от нее не пахло. И тут ваш фамильяр меня схватил. Я не успел увернуться и убежать, но вдруг подумал, а что, если бабуля хранит эту вещь у фамильяра? И начал вырываться и бегать по нему. Из-за его мощи сложно что-то почуять сразу, но он боялся нечаянно прибить меня, поэтому не хватал слишком сильно. И я сумел его хорошо обследовать. Эта вещь у него! На ней такое же заклятие, как на той женщине.

– Изменения формы?

– Нет, другое. – Кузя задумался. – Что-то знакомое, но не смог разобрать. Меня там за шкирку хватали, если что.

– Ясно. Ладно, иди отдохни. Можешь поиграть с детьми. Но все равно держи ухо востро. Если что-то увидишь или услышишь – сразу ко мне.

– Ага. А зефир? – Кузя оскалился.

– Ах да, сейчас принесут. – И Аверин вышел из комнаты.

Надо поговорить с Василем. И попробовать забрать у Анонимуса «эту вещь» так, чтобы об этом не узнала бабушка. Как бы странно это ни звучало, она в этом деле замешана больше всех.

Василь оказался в курительной комнате. Несмотря на утро, брат пил коньяк.

– Хочешь? – предложил он Аверину.

– Нет, не стоит. И тебе тоже не следовало бы.

– Да я буквально полбокала. Голова кругом. Что там за вопли были?

– А, – Аверин усмехнулся, – Кузя с Анонимусом не поделили бабушку.

Василь повернулся к окну.

– Слушай, тебе не кажется, что твой див специально дразнит Анонимуса?

– Не исключено. – Аверин посмотрел на коньяк Василя. Сам бы он сейчас выпил крепкого чаю, но кому тут можно доверить его заварить?

– Кузя пока, как бы это сказать…

– …невоспитан? – Василь с невинным видом пригубил коньяк.

– И это тоже. Но я имел в виду, что у него немного свои взгляды на порядок. И они радикально расходятся с взглядами Анонимуса.

– Да уж. Ты узнал что-то новое?

– Кое-что. – Аверин сел напротив брата. – И мне нужна твоя помощь. Ты должен забрать у Анонимуса одну вещь.

– Какую? И почему ты не можешь сделать это сам?

– Потому что мне он не отдаст.

– Даже так? – поднял бровь Василь. – Ты меня заинтриговал. Что это за вещь? И почему не отдаст?

– Потому что бабушка велела ему хранить ее. А что это за вещь, я понятия не имею. Но очень хочу узнать.

– А-а. – Василь понюхал коньяк. – Я должен забрать у Анонимуса нечто, что ему велела хранить бабушка? А зачем тебе? Это как-то укажет на отравителя?

– Думаю, да. – Аверин снова посмотрел на бокал в руке брата. – Слушай, а ты не хочешь перебраться с коньяком к бабушке в беседку? Я бы тогда Анонимуса отправил заварить мне чай.

Василь удивленно посмотрел на него:

– А почему ты не хочешь, чтобы чай принесла Марина? Или… ты ее подозреваешь?

Аверин вздохнул. О ночном происшествии рассказывать не хотелось.

– Я всех подозреваю, кроме Миши, Веры и Анонимуса. Хотя если отравитель ты, то фамильяр тоже попадает под подозрение.

– А если ты – то мне ведь не стоит давать тебе то, что прячет бабушка? Возможно, именно это тебе и нужно, а? – Василь улыбнулся, но как-то не очень весело.

– Тогда бы я дал ей умереть. А потом просто забрал вещь у Анонимуса. Ты, скорее всего, даже не узнал бы ничего. И потом, как бы я травил ее в ските?

– Резонно, – согласился Василь, – но, с другой стороны, ты мог послать туда какого-нибудь дива, чтобы тот пробрался, отравил огурцы, вынудил бабушку приехать сюда и отдать Анонимусу ту вещь. Из всех нас тебе это было сделать проще всего. Но ты прав, звучит дико.

Он поднялся:

– Пойдем-ка в парк, и правда что. Чего я тут прячусь, как сыч?

– И самое главное, – добавил Аверин, пока они шли, – скажи Анонимусу, чтобы молчал и бабушке ничего не говорил. По крайней мере, пока я точно не разберусь в этом деле. Она может наделать глупостей.

– Ты думаешь, ее хотят убить из-за этой вещи?

– Не исключаю… Так, я сейчас отвлеку бабушку, а ты отведешь Анонимуса подальше, чтобы она не слышала ваш разговор, а после прикажешь принести мне чай. Если не доверяешь – можешь мне вещь даже не отдавать. Я просто хочу знать, что это.

– Я тебе доверяю, Гера, не говори глупостей. Надеюсь, ты мне тоже.

Аверин пристально на него посмотрел:

– Я тебе доверяю. Иначе не просил бы мне помогать. И насчет нашего вчерашнего разговора про дивов… не так-то ты уж и не прав.

Бабушке Аверин рассказал свежие городские новости, выслушал пару историй из детства отца и, дождавшись, когда Анонимус принесет чай, забрал его вместе с подносом и отправился в библиотеку. Он не помнил, была ли в ней нужная ему книга, но надеялся, что была.

Он давно не бывал в библиотеке. Со времен Академии, наверное. Но и тут ничего не изменилось. На самой видной полке стояли труды отца. И те, что были изданы до войны, и те, что отдали в печать уже после его гибели. Гера начал читать книги, написанные отцом, еще в детстве, и это сильно помогло ему в Академии, ведь остальные студенты получили их только на старших курсах. Здесь были тома по заклятиям, по личному оружию колдуна и, самое главное, по анатомии и физиологии дивов, которую отец очень тщательно изучал. Он дружил с известным академиком Павловым, чей Физиологический институт с лабораториями располагался совсем недалеко от поместья Авериных. Хотя академик больше занимался обычными животными и людьми, это сотрудничество принесло обоим много пользы. Ведь важнее всего были не общие черты, а отличие дивов от животных и людей. Дивы довольно точно копировали тела, но отличия все же имелись, и весьма существенные.

Аверин провел рукой по стеклянной витрине, где хранились серебряные хирургические инструменты. Сам он никогда ими не пользовался, у него была другая специализация, но сохранил как память. А огромный дубовый, обитый листовым железом хирургический стол бабушка приказала выбросить, чтобы освободить в комнате вызовов место для занятий внука. Там же, на витрине, лежали бобины с записями лекций отца и его старая печатная машинка.

Но искал Аверин не это. Он прошел в глубь комнаты, где стояли книги по естественным наукам. И почти сразу увидел ее. «Чудь и Навь Северного Приладожья».

Взяв книгу, он расположился в кресле, налил себе чаю и погрузился в чтение.

Внезапно дверь в библиотеку распахнулась, ударившись о стену, и в комнату ворвался Василь.

– Гера, объясни, что это значит?! – подбегая, закричал он и выставил перед собой кулак. Затем разжал его и сунул ладонь почти под нос Аверину. На ладони лежало массивное золотое кольцо. Круглое, украшенное маленькими плоскими синими сапфирами – красивое и не дешевое обручальное кольцо. Брови Аверина поползли вверх. На безымянном пальце его брата красовалось точно такое же.

– Можно взглянуть? – попросил Аверин.

– Конечно. Я в полном недоумении.

Аверин взял кольцо двумя пальцами левой руки, а правой начертил защитный знак. И такой же – на ладони Василя, на всякий случай.

– Закрой дверь, пожалуйста, я не хочу, чтобы нас кто-то подслушал, – проговорил он. Василь закрыл дверь, а когда вернулся, Аверин положил кольцо на столик и указал на то, что было на брате.

– Это твое венчальное кольцо?

– Ну да. Только не говори, что первый раз его видишь.

Аверин не стал говорить. Он никогда не обращал внимания на то, какие кольца носит его брат.

– Ваши с Марией кольца заказывала бабушка, насколько я понимаю?

– Ну да. Она вообще всей свадьбой занималась. А я… ну… В общем, нам не до этого было.

– Да? И почему же?

– Ну… – Василь смутился, – Маша уже носила под сердцем Любаву.

– Ах вот оно что. – Аверин был на свадьбе, но не заметил, что невеста беременна. Он на нее вообще не смотрел. – А сними-ка свое.

Василь послушно начал стягивать кольцо с пальца. Не сразу, но оно поддалось. Аверин указал на место рядом с первым кольцом. Кольца оказались почти идентичны, разве что второе чуть побольше и со следами длительной носки. Оба кольца однозначно были сделаны на мужскую руку.

– А у Марии? Какое у нее кольцо?

– Такое же. Только в нем розовые рубины. Ну и оно меньше, конечно.

– Ясно…

Перед глазами Аверина мелькнула рука дивы Анастасии, украшенная «обручальным кольцом». Он некоторое время внимательно смотрел на кольца, потом перевел взгляд на Василя.

– Я думаю, это мое кольцо.

– Твое? В каком смысле? – озадаченно спросил брат.

– Бабушка заранее заказала две пары колец. На две свадьбы, тебе и Марии и нам с Мариной. Она даже мысли не допускала, что я откажусь.

– Но я не понимаю, зачем она его прячет! – Василь удивленно смотрел на кольцо.

– Я тоже.

«А особенно – зачем Марина его ищет».

Кольцо нужно было тщательно обследовать. И лишний раз прикасаться к нему Аверин совершенно не хотел. Даже с защитой – он как будто чувствовал исходящую от кольца опасность. Да и Кузя говорил о заклятии.

Аверин прислушался к своим ощущениям: нет, никаких «как будто». От кольца исходил едва ощутимый, но явный холодок.

– Мне можно надеть мое? – спросил Василь.

Аверин кивнул. Если за все эти годы кольцо не причинило Василю вреда, то вряд ли сделает это сейчас. А уже вскоре Аверин надеялся докопаться до истины. Он встал, открыл витрину с отцовскими инструментами и бесцеремонно вытряхнул скальпели из узкого серебряного футляра.

– Ты что делаешь? – Глаза у Василя стали размером с кофейные чашки.

– Не бойся, отец не будет нас ругать. – Аверин взял зажим, подошел к столу, подцепил им кольцо и сложил в футляр, который в свою очередь сунул в карман, а потом двинулся к выходу, приглашая брата следовать за собой.

– Попроси прислать кого-то, чтобы прибрались здесь, – сказал он уже в дверях.

Обед прошел оживленнее, чем было принято последнее время. Анонимус усадил бабушку в ее кресло во главе стола. Аверин удивился, но когда фамильяр уселся за стол, бабушка не сказала ни слова и как будто даже не заметила. Ела она немного, но для человека, который несколько часов назад чуть не умер, выглядела просто превосходно. Вероятно, чародейские знаки на ней были весьма сильны, а сила Анонимуса не давала им угаснуть.

Еду подавали все те же две горничные. Правда, одна из них, та, что видела Анонимуса в демонической форме, постоянно вздрагивала и, проходя мимо него, чуть было не уронила поднос. Глаза ее были красными, вероятно, девушка долго плакала. Нужно спросить у брата, что все это значит. Кто знает, может, бабушку пыталась отравить обиженная прислуга?

Хотя Аверин уже собрал изрядную часть мозаики. Оставалось только разместить все части на свои места.

Он взглянул на Марину. Женщина все утро избегала его, но это как раз не было удивительным. Как минимум ей должно быть стыдно за вчерашнюю выходку.

– А где же Кузя? – внезапно спросила Вера.

Аверин хотел было пояснить девочке, что кот вряд ли придет обедать. В коробке, которую отнесли ему в комнату, зефира было столько, что можно было досыта накормить человек десять. Но в этот момент Кузя появился сам. Он степенно зашел в столовую, буквально волоча за собой раздувшееся пузо, в зубах он нес большую белую зефирину.

Анонимус метнул взгляд на Кузю и замер с вилкой в руках, глаза его округлились, а рот слегка приоткрылся. Он перевел ошарашенный взгляд на Аверина, потом на Василя. Кузя тем временем прошел через всю столовую и остановился возле окна, намереваясь на него запрыгнуть.

– Ой! Он кушает зефир! Какой смешной! – заливисто рассмеялся Миша и захлопал в ладоши.

Взгляд Анонимуса тут же изменился и как будто потеплел.

– Я ему дал, он любит, – Аверин улыбнулся детям.

А Кузя, поняв, что все планируемое впечатление он произвел, грузно выскочил в окно.

Глава 7

День был удивительно теплым. После обеда все семейство высыпало на лужайку перед домом. Только бабушка заявила, что устала, и отправилась спать, но пока с ней был Анонимус, Аверин за ее здоровье не волновался.

Зато Кузе пришлось несладко. Он попытался вздремнуть на клумбе после сытного обеда, но его нашли дети. И за съеденный зефир ему пришлось расплачиваться сполна. Василь курил в беседке, Любава на скамейке под липами читала книгу, Мария с сестрой о чем-то сосредоточенно беседовали на качелях.

На первый взгляд – семейная идиллия. Но кто-то из этих людей – убийца.

Аверину очень хотелось выяснить, о чем говорят сестры. Но Кузя был занят, да и послать его подслушивать не получилось бы: женщины знают, что кот – это див, а вокруг качелей остриженный газон, незаметно не подберешься. И Аверин пошел в беседку к брату.

– Василь, – начал он, – я бы хотел с тобой еще кое о чем поговорить.

– Если ты опять про Анонимуса, – улыбнулся Василь, – то я тоже имею кое-что сказать. Ты не мог бы запретить своему диву дразнить моего? Это уже ни в какие рамки. Ты ему специально зефир дал? Я бы даже подумал, что ты сам заставляешь его это делать, но я тебя знаю. Так что…

Аверин сел:

– Нет, конечно. Не скрою, у меня было желание подразнить Анонимуса, но оно прошло примерно лет в десять.

Они рассмеялись.

– А зефиром я его премировал за то, что он добыл важную информацию.

– О… ничего себе, – протянул Василь.

– Видишь, я тебе действительно доверяю. Да, Кузя тут не просто так бегает.

– Это я как раз давно уже понял. Я имел в виду, что ты балуешь своего дива, который у тебя без году неделя, награждаешь его за

выполнение заданий, а мне выговариваешь за доброе отношение к фамильяру, которого я знаю всю жизнь?

– Я ничего не говорил про доброе отношение, Василь, как раз наоборот. А, ладно. Давай ты мне лучше расскажешь, что за странная история с этой горничной? Она же до истерики боится Анонимуса. Зачем ты ее мучаешь?

– А-а… – Василь затушил папиросу. – Ты все-таки спросил. Тогда, я надеюсь, ты хоть в этот раз дослушаешь меня до конца.

– Конечно. – Аверин наклонил голову в знак того, что готов слушать.

– Как ты знаешь, бóльшая часть моего персонала приходящая. Живут в окрестных деревнях. Естественно, почти никто не знает о сущности Анонимуса, мы стараемся при посторонних этого не афишировать. Зимой пришли две новые горничные. Девочки из соседней деревни Колтуши, я знаю их семью, пару лет назад у них дом сгорел, весь приход им деньги собирал. А ты сам знаешь, как тут с работой. Либо арендовать землю и работать фермером, либо идти в поместья. В общем, я их взял. Старательные девочки, неленивые. В целом послушные. Были, до поры до времени. Весной Верочка ногу сломала. Все в порядке, если тебе интересно, уже не хромает даже. Но Анонимус вылетел к ней и на руки подхватил. Ты знаешь, как это выглядит. Не было никого – и вдруг раз, и вот он.

Это Аверин прекрасно знал. Скорость дива шестого уровня была такой, что обычный человеческий взгляд не был способен увидеть его в движении.

– Анфиса, это та горничная, одна из сестер, увидела это и все поняла. Это я потом узнал. Пока моя дочь ходила в гипсе, эта девица баламутила мне персонал. На пару со своей сестрой. И две недели назад мне тут устроили бунт. Как ты помнишь, Анонимус всегда ел либо на кухне с остальными, либо в своей комнате. И тут все приходящие работники заявили, что больше не сядут с ним за один стол. Помнишь, я говорил тебе про бесплодие и чирьи? Так вот, это еще не весь список «бед», которые способен принести див. Я поговорил с бунтовщиками и разобрался, откуда ноги растут.

– Почему ты просто их обеих не рассчитал?

– Я их выгнал в тот же день. – Василь снова закурил, огляделся по сторонам, заметил жену и Марину и помахал им рукой: – Родная,

сделай нам, пожалуйста, кофе!

Аверин проводил взглядом немедленно направившуюся в дом Марию и снова повернулся к Василю:

– И?

– А на следующий день пришла их мать. Плакала, заверяла, что оттаскала дур за косы. У них еще пятеро детей.

– Просила взять обратно?

– Ну да. Я подумал и взял. Все равно с этой забастовкой надо было что-то делать. И мы с Машей подумали и придумали посадить Анонимуса за наш стол. В качестве борьбы с суевериями. А сестрам этим пришлось прислуживать ему за обедом.

– Василь, – укоризненно проговорил Аверин, – почему ты мне не сказал?

– Не сказал? А ты слушал? – Василь подался вперед. – Ты бываешь дома раз в десять лет! И тут же начинаешь свои порядки наводить.

– Ах вот оно что, – прищурился Аверин. – Так ты решил двух зайцев разом убить? И горничных на место поставить, и меня заодно?

– Знаешь, – Василь напустил на себя серьезности, – если хочешь быть тут хозяином, так и живи тут. Если нет…

– Подожди, – перебил его Аверин, – так, значит, дерзить мне ты Анонимусу приказал?

– Нет. Вот это нет. Я сам удивился. Кто знает, может, ты и прав, и он от моего великодушия берега потерял. Не ожидал от него.

Аверин хмыкнул:

– А чего ты хотел? Твои дети зовут его дядюшкой, ты сажаешь его за свой стол. Может, он решил, что он вам роднее, чем я? А?

– А может, он просто обижен на тебя? Ты вон даже не знал, что Любава в Академии училась! Это просто не смешно.

– Обижен? Да он меня никогда не замечал даже, о чем ты говоришь?

Василь посмотрел на брата долгим пристальным взглядом.

– Гера… вот скажи, ты что, правда слепой? За все эти годы ты так и не понял главного…

– Прошу прощения, что перебиваю. – На пороге беседки появилась Мария с подносом.

Кофе пах восхитительно. Аверин посмотрел на Марию и улыбнулся:

– Спасибо.

– Не за что. Можете проверить, он не отравлен.

– Не обижайтесь. – Аверин посмотрел Марии прямо в глаза. – Я теперь все проверяю. Со вчерашнего вечера.

Она смутилась. Очевидно, Марина ей все рассказала или… Но выводы делать пока рано. Он начертил над чашками знак и поднес свою к губам. Кофе был хорош. Аверин не привык пить кофе так поздно, но что делать – ему сейчас нужна ясность мыслей.

– Вот что, – проговорил он, когда Мария ушла, – давай к делу. У меня к тебе еще одна просьба.

– Конечно. – Василь отпил кофе и закурил.

– Я хочу, чтобы ты поговорил с Любавой. Она что-то знает или подозревает. Но сказать боится. Ты все-таки ее отец. Думаю, тебе она доверяет больше, чем мне.

Василь отвернулся и долго смотрел куда-то вдаль. На его папиросе начал скапливаться пепел. Брат дернул рукой, и пепел упал на землю.

– Я знаю, – медленно проговорил он, – кого ты подозреваешь. Но я поговорю с Любавой. И обещаю: не буду ничего от тебя скрывать.

– Василь, – Аверин тронул его за плечо, – еще раз, пожалуйста, запомни. Я никого не подозреваю. Я не так работаю. Сейчас я просто собираю информацию. И та, которая есть у Любавы, для меня очень важна. Мы все не хотим знать правду. Но ее необходимо раскопать. Понимаешь?

– Да понимаю. – Василь встал. – Я поговорю. С этим надо заканчивать.

Аверин остался один в беседке. Наедине с чашкой кофе у него было время подумать.

Он посидел немного, глядя на темную жидкость, потом одним глотком осушил чашку, оставив только гущу. Самое время погадать. Он улыбнулся и направился к дому и краем глаза отметил, что Кузя, отвязавшись, наконец, от детей, шмыгнул в густые кусты смородины.

Дойдя до спальни бабушки, он осторожно приоткрыл дверь. Она спала, а Анонимус стоял у изголовья ее кровати как изваяние. Аверин жестом велел ему выйти.

Тот, поколебавшись немного, покинул комнату.

– Мне нужно поговорить с тобой, – закрыв дверь, негромко произнес Аверин. – Не волнуйся, мы не отойдем далеко, никто не войдет в эту комнату мимо тебя.

– Окно открыто, – произнес Анонимус.

– Закрой и возвращайся, – разрешил Аверин.

Див исчез. Через несколько секунд дверь слегка скрипнула, и он появился снова.

– Я слушаю. – Лицо его было каменным. Кузю с зефиром он однозначно не простил.

Но переживания фамильяра интересовали Аверина сейчас меньше всего.

– Скажи мне, кто приказал тебе вести себя вызывающе?

Взгляд Анонимуса на миг стал растерянным, и Аверин понял, что попал в точку.

– Я не буду повторять дважды. Ты нарочно мне дерзил. Кто тебе приказал и зачем?

Див молчал. Только сверлил его немигающим взглядом.

Аверин вздохнул:

– Анонимус, давай не будем терять твое и мое время. Ты отлично знаешь, что, если ты мне не ответишь, я попрошу Василя заставить тебя говорить. Ты мешаешь защищать бабушку. Которую я люблю, несмотря на ее ужасный характер.

– Госпожа Мария Николаевна, – ответил див и снова замолчал.

– Не вынуждай меня вытягивать из тебя слова клещами. Зачем? Она это как-то объяснила?

Див медленно наклонил голову:

– Она сказала, что ваше сиятельство причиняет много боли его сиятельству Вазилису Аркадьевичу. И для всех будет лучше, если вы больше не появитесь в этом доме. Если я спровоцирую ваше сиятельство, то хозяин поймет, наконец, каково ваше истинное лицо и не захочет вас более видеть.

Аверин прикрыл глаза. Потом снова посмотрел на фамильяра.

– А «его сиятельство Вазилиса Аркадьевича» ты спрашивать не пробовал?

– Когда ваше сиятельство изволили отослать его подарок два года назад, хозяин три дня не выходил из курительной комнаты даже к

обеду. Уходил только спать и с утра снова возвращался обратно.

Этого Аверин не знал. И к сведению принял. Но выслушивать нравоучения от фамильяра не собирался.

– Анонимус, – прервал он дива, – я думаю, с Василем мы сами как-нибудь разберемся. А ты сейчас должен нам помочь найти того, кто пытается убить члена нашей семьи. И это точно не я и не Василь. Ты это понимаешь?

– Да, ваше сиятельство, – поклонился див, – готов служить всеми своими силами.

– Отлично. Тогда дай мне ключ от комнаты вызовов.

Див достал из кармана связку ключей, отцепил нужный и протянул Аверину.

– Спасибо. Можешь идти.

Глаза Анонимуса внезапно широко распахнулись.

– Всегда к вашим услугам. – Он низко поклонился и скрылся за дверью.

Теперь было бы неплохо найти Кузю. Не то чтобы Аверин был не в силах без него обойтись, но див мог заметить то, чего не увидит колдун. Аверин огляделся, но Кузи поблизости не наблюдалось, поэтому он решил начать сам с выяснения, какие на кольце заклятия.

Он спустился вниз, дошел до комнаты вызовов и открыл дверь.

Эта комната, в отличие от остальных, заметно изменилась с тех пор, как он был тут в последний раз.

Первое, что бросалось в глаза, – ею пользовался чародей, а не колдун.

Алатырь и прочие начерченные на полу знаки оказались наполовину закрыты толстым ковром и давно не обновлялись. На полках располагались всякие настойки, травяные порошки и множество различных свечей. Колдуны используют подобные вещи очень редко. Возле окна стоял стол, на котором находилось несколько приборов, о назначении которых Аверин лишь догадывался. Что ж. Они не помогут, но и не помешают. Места вполне достаточно.

Он взял из стопки листов бумаги один, нашел карандаш и принялся чертить. Закончив, вынул футляр, вытряхнул из него кольцо и осторожно подвинул его карандашом в центр листа. Полез было за часами, и тут прямо на стол приземлился Кузя.

– Мя-я-а! – сказал он и вдруг заметил кольцо. Ткнулся в него носом и принялся старательно обнюхивать. Потом отшатнулся, чуть не сверзнулся со стола и снова завопил: – Мя-я-а!

Аверин закрыл окно и задвинул занавеску.

– Давай рассказывай, – разрешил он.

Кузя обратился в человека и тут же кинулся к столу. Ткнул пальцем в кольцо, потом передумал и возбужденно зашептал:

– Я такое нашел! А кольцо это…

– Так, – перебил его Аверин, – давай по порядку. Что ты нашел? А потом про кольцо.

– Я нашел еще одну бутылку вот этого! – Он ткнул пальцем в бутыль с настойкой аконита. – Только она гораздо меньше.

– Где?

– В спальне вашего брата. Она там в шкафу стоит.

– Ты смог туда забраться и посмотреть, кто брал бутылку?

– Ага, – подтвердил див, – ваш брат, его жена, ее сестра и чародейка.

– Хм… – Аверин поскреб нос, – это нам мало что дает. Но все равно молодец. Теперь давай про кольцо. Что ты там унюхал?

– Вашу кровь! – возбужденно воскликнул Кузя и тут же зажал рот обеими руками. – Ой, – он снова перешел на громкий шепот, – надеюсь, никто не слышал.

– Я тоже.

Аверин наклонился над кольцом.

– Моя кровь, говоришь? Интересно.

– Ага. На ней построено то заклятие, я говорил про него. Оно… похоже на то, которым вы привязали меня.

– Подожди, – Аверин нахмурился, – ты хочешь сказать, что это кольцо – жетон владения, к которому привязывают дивов?

– Не-а, – замотал головой Кузя, – похоже на ту штуку, к которой меня привязали для Сомова. Но все равно не то. Не понимаю, что это. Никогда не видел. Можно взять? – Он указал на кольцо.

Аверин кивнул. Кузя поднял кольцо, еще раз тщательно обнюхал, лизнул и попробовал на зуб.

– Не увлекайся.

– Ага. Нет, никакого дива я не чувствую. Это не жетон. Тут только запах вашей крови. Еще – той женщины, бабули и вашего фамильяра.

Но это потому, что он его долго на себе таскал.

– Так, ясно. Положи кольцо и отойди.

Все же Кузя появился как нельзя вовремя. Про кровь Аверин ни за что бы не догадался. Кто использовал его кровь для заклятия? Бабушка? Когда кольцо появилось на свет, Аверин много тренировался в этой самой комнате, готовился к экзамену по вызовам, и добыть его кровь не составляло труда. Но при чем тут Марина? Может быть, это какая-то колдовская версия приворота?

Ничего, сейчас посмотрим, что это за заклятие.

Он вынул часы, перевел их в режим «солярного круга» и начал медленно раскручивать, тихо произнося заклинание. Знаки под кольцом засветились, и над ним стали проявляться буквы, постепенно складывающиеся в слова. И чем дальше их читал Аверин, тем мрачнее становился. М-да… Он знал, что бабушка – очень своеобразный человек, но это даже для нее было чересчур.

В дверь комнаты постучали.

– Гера! Ты тут? – послышался голос брата.

Кузя вытаращил глаза и зажал рот.

– Давай, – тихо проговорил Аверин и добавил громко: – Да-да, сейчас открою.

Он направился к двери и впустил Василя. Лицо брата аж светилось от радости. Он схватил Аверина за руку и затряс ее:

– Все прояснилось с Любавой. Бедная девочка. Почему ты мне не сказал, что этот твой аконит – это обычный борец?

– Хм. Не думал, что ты не знаешь. Так что там с Любавой? Она его давала кому-то?

– Да, конечно. Она его Маше давала, примерно с месяц назад. И испугалась, бедная, что ты будешь теперь Машу подозревать. А Маша его мне брала!

– Тебе? То есть Мария брала настойку аконита для тебя? – уточнил Аверин.

– Да! – воскликнул Василь, в его голосе слышалось облегчение. – У меня зуб разболелся, сил никаких не было. Она и взяла мне полоскать. Я полночи мучился, не знаю даже, что хуже, зубная боль или эта гадость. Полстакана воды и три ложки… фу-у. Да эта бутылка у нас до сих пор стоит в шкафу, наверное. Давай сходим проверим.

Аверин внимательно посмотрел на брата. Получается, Кузя принес чрезвычайно важную информацию.

– Месяц назад, говоришь? И как, зуб-то вылечил?

– А, да. Утром поехал. Во!

Василь открыл рот и показал золотой зуб.

– Ладно, пойдем посмотрим, на месте ли твоя отрава.

Не стоило брату знать, что Кузя уже побывал у него в спальне. И из комнаты вызовов Василя надо побыстрее увести. Если он заметит манипуляции с кольцом, то начнет задавать вопросы. А Аверин еще не был готов на них отвечать.

Они поднялись наверх и прошли в спальню.

– Вот, вот она, – Василь распахнул шкафчик и показал небольшую бутылочку. – Надо ее, правда что, отнести обратно в колдунскую. А то я не знал, что это такая жуткая отрава, вдруг нечаянно выпьет кто.

– Да, такие вещи лучше держать под замком, – согласился Аверин.

– Точно. А то кто-нибудь из персонала решит поправить здоровье и подумает, что у меня тут хреновуха стоит, – Василь рассмеялся.

Аверину очень не хотелось портить хорошее настроение брата, но выбора не было. Чем быстрее удастся раскопать эту крайне неприятную историю, тем меньше шансов, что пострадает кто-то еще.

– А скажи мне, как часто вы собираетесь за столом всей семьей? Завтрак, обед и ужин? – задал он вопрос.

– Обед и ужин. За завтраком не всегда. Я люблю поспать, знаешь ли. Так что часто Маша с детьми завтракают без меня.

– А Марина?

– Тоже с ними, обычно.

– Хорошо. А не было такого, чтобы кто-то из семьи не выходил к обеду или к ужину? Примерно в середине лета.

– Ты думаешь, не мог ли кто-то съездить в скит и подложить отраву? Я тоже об этом думал. Но тут мало не выйти к ужину или к обеду. Смотри, поезд до Сортавалы идет восемь часов. Там еще на катере часа полтора. А сперва надо добраться до вокзала. Да и не ходят по ночам катера. Разве что кого из рыбаков нанять. Но на это еще больше времени нужно. Ну и бочку с огурцами точно на причал не вынесут, надо как-то пробраться в погреб скита незаметно. Получается не меньше суток. Так надолго точно никто не пропадал.

– Но все-таки? Попробуй вспомнить.

Василь присел на край кровати и задумался.

– Ну… Извини, не помню.

– Ладно. Тогда вот еще. А может быть, примерно в то время кто-то вызывал такси? Или просил Анонимуса куда-то отвезти?

– А! – Лицо Василя просветлело. – Точно! Вспомнил. Марина такси вызывала, я еще удивился, почему не сказала Анонимусу. В июле, кажется. Или в июне…

– Куда она ездила и когда вернулась?

– В город. Там то ли молебен был какой-то, то ли мощи привезли. Ты же знаешь, я не особенно этими вещами интересуюсь.

– Ясно. Она одна поехала? А вернулась когда?

Василь наморщил лоб:

– А не помню. Вечером, наверное. Но вот, кстати, на следующий, по-моему, день она действительно опоздала на обед. Ходила на озеро наше с утра купаться. Она туда часто ходит. Но она точно на озере была. У нее еще волосы не высохли, когда она вернулась.

– А число ты совсем не помнишь?

Василь покачал головой:

– Нет, не помню. Да ты Анонимуса спроси, ты же знаешь, какая у него память. Он ворота открывал. Думаешь, это важно? Я же говорю, за такое время добраться до скита и вернуться просто нереально.

– Я знаю. Но ты очень помог, спасибо.

– Да о чем ты? Это же наша общая бабушка, вообще-то, – Василь хлопнул брата по руке.

От Василя Аверин сразу направился к бабушке. Она уже проснулась и читала книгу. Для ее возраста у бабушки было удивительно хорошее зрение, она даже не пользовалась очками.

Пожелав бабушке доброго вечера, он справился о ее здоровье и еще немного поболтал о разных пустяках. Он ждал, когда бабушка сядет на своего любимого конька.

– Ну а все-таки расскажи мне, ты хоть с кем-то встречаешься? – наконец спросила она.

Аверин улыбнулся. Именно это ему и было нужно.

– Да, у меня есть подруга. Мы встречаемся довольно регулярно.

– Как хорошо. Из какого она рода? Сильна ли ее кровь? Она чародейка?

– Ну… она ясновидящая, в некотором смысле.

Аверин не стал добавлять, что ясновидящей она была только на экране телевизора. И про «ее род» он даже не спрашивал, потому что не было там никакого рода, да и не планировал он с этой актрисой создавать семью.

– Это неплохо. Почему ты не привез ее с собой? Я бы хотела с ней познакомиться. Жаль, конечно, что ты отверг Мариночку, но не судьба. Даст Бог, мне полегчает, заберу ее в скит.

Вот оно.

– А кстати, – как бы невзначай спросил Аверин, – помнится, у Озерковых был фамильяр. От него еще девочек прятали. Где он сейчас? Почему Василь не получил его в качестве приданого?

Бабушка заметно смутилась. Но быстро взяла себя в руки.

– Пришлось отправить его в Пустошь. Он оказался очень нестабильным, никто не смог справиться с ним.

– Неужели? Как жаль, что в ските, полном могущественных колдуний, не нашлось никого, кто бы смог обуздать дива, – полным сожаления голосом произнес Аверин.

Бабушка тут же попыталась перевести тему:

– А ты знаешь, у меня недавно была настоятельница одного монастыря под Омском. Так вот, ее сын аж заместитель министра в Министерстве порядка колдовских и чародейский дел. Я рассказывала о тебе, она может посодействовать, замолвить пару словечек.

– Бабушка. Я столько раз говорил, что не хочу в столицу. Вы могли бы и запомнить.

– Я помню, Гера. Но тут такая возможность. Твой отец был бы рад за тебя. Я рассказывала, что он был близок с Императором Владимиром Александровичем?

– Да, бабушка. Много раз. И даже показывали фотографии. А теперь извините меня. Вы напомнили мне об одном важном деле. Мне нужно срочно позвонить.

Он поцеловал бабушку в лоб и вышел из спальни, сделав знак Анонимусу следовать за собой.

Когда они оказались в коридоре, Аверин спросил:

– В июле или в июне Марина вызывала такси. Ты можешь назвать число?

– Пятнадцатого июля, – моментально ответил див.

– Спасибо, Анонимус. Можешь идти. Не стоит оставлять бабушку надолго, особенно сейчас.

Аверин спустился вниз и подошел к телефону. Убедившись, что вокруг никого нет, взял со столика записную книжку с номерами. Службу такси, которой пользовались брат и остальные члены семьи, он нашел на второй странице. И тут же набрал номер.

– Здравствуйте, – сказал он девушке-диспетчеру, – вас беспокоит граф Аверин. Не могли бы вы мне помочь?

Дождавшись «да-да, я вас слушаю», он продолжил:

– Пятнадцатого июля моя супруга заказала у вас машину в поместье Коркино. Подскажите, пожалуйста, куда именно она ездила? Если сомневаетесь в моей личности, можете проверить на станции номер телефона, с которого я звоню. Это домашний номер.

Пусть думает, что он ревнивец или рогоносец.

– Хорошо, я посмотрю по книге, – ответила девушка.

– Спасибо огромное, вы меня очень выручили. Когда можно будет позвонить и узнать?

– Через полчаса, максимум через час, если будет много заказов.

– Отлично. Я перезвоню через час. Скажите, пожалуйста, ваше имя.

Девушка назвалась. Аверин еще раз поблагодарил и повесил трубку. Огляделся. И увидел Кузю.

– Ты очень вовремя. Следи, чтобы никто меня не подслушал.

Он снова снял трубку и принялся набирать номер.

– Але, – раздался в трубке голос Крысина, – участок…

– Это граф Аверин, – перебил его колдун, – мне нужен Виктор Геннадьевич.

– Слушаюсь, сейчас передам.

Через минуту в трубке раздался голос Виктора:

– Привет. Как там ваша бабушка?

– Жива. И даже почти здорова. Я потом все расскажу.

– О, а есть что рассказывать?

– Конечно. Вы же знаете, вокруг меня всегда тайны и заговоры.

Из трубки раздался смех.

– Так что, вы по делу? – отсмеявшись, спросил Виктор.

– Да. Послушайте, не в службу, а в дружбу, вы не могли бы сделать запрос по двум людям? Сестры Озерковы, Мария и Марина

Николаевны, дата рождения восьмое сентября сорок третьего года. Мария Озеркова сейчас Аверина. Мне нужны все данные по их личности, кто родители, где жили и прочее. Сможете?

– Стоп. Вы говорите о супруге вашего брата?

– Да.

– Хм… ладно, я надеюсь, вы мне расскажете эту историю.

– Конечно. Когда вы сможете все узнать?

– Ну, сейчас вечер уже. Я направлю запрос. Так что не раньше завтрашнего утра.

– Огромное спасибо.

– Спасибо, Гермес, в рюмку не нальешь. С вас ужин в «Еноте».

– Конечно. Только мне сейчас много пить нельзя, у меня кот, – он покосился на Кузю.

– Как же так?! Сдайте этого кота в участок немедленно!

– Нет уж. И не мечтайте, он очень полезный. До завтра.

– До завтра, – ответил Виктор и повесил трубку.

Кузя подошел и потерся об его ногу.

Аверин хотел было наклониться и погладить, но вовремя себя одернул. Все же прав Василь. Внешность кота очень обманчива. Вот с Анонимусом сложно забыть, кто он такой. А когда твой див бóльшую часть времени выглядит милым и безобидным, бдительность потерять очень легко.

Ужин прошел во вполне непринужденной обстановке, несмотря на то что Аверин перед началом трапезы проверил всю еду. Присутствующие как будто старались забыть о том, что происходит в доме. Впрочем, так, наверное, даже лучше.

После ужина Аверин снова вернулся к телефону и позвонил в службу такси. Когда к телефону подошла нужная ему диспетчер, он представился и спросил:

– Ну как, вы узнали, куда ездила моя жена?

– Да, конечно, ничего сложного, у нас все записывается. Она ездила в Дубровку.

– А обратно? Когда она поехала обратно?

– Вообще не поехала. Обратно водитель взял другой вызов.

– Ясно. Огромное вам спасибо.

Он повесил трубку. Подумал и решил прогуляться до озера. Ему нужно было время, чтобы уложить в голове полученную информацию.

Кузя неспешно трусил следом, иногда отвлекаясь на птиц и скрываясь в кустах.

Коркинское озеро было очень красивым в это время суток. Солнце уже садилось, стоял полный штиль, и вода напоминала зеркало, в котором отражались сосны. На пляже никого не было. Аверин разделся, зашел в воду и поплыл.

Вода была довольно прохладной, и это бодрило. Проплыв пару раз до противоположного берега и обратно, Аверин вышел из воды.

– Мя-а-а! – возмущенно завопил Кузя.

Аверин мог понять его недовольство – ведь в воде див не мог следовать за ним.

– Видишь? Никто меня не съел, все тебе достанется, – пошутил он и принялся одеваться.

Кузя в ответ еще раз возмущенно мявкнул.

К дому они подошли уже в сумерках. Идти к парадному входу не хотелось, поэтому Аверин, вспомнив, где находится задняя калитка, направился к ней. Она уже была заперта на ночь, но Аверин знал секрет. Он подергал один из прутьев, и тот легко вышел из своего гнезда. Этот проход он устроил в четырнадцать лет, чтобы беспрепятственно уходить из дома по ночам. Надо же, до сих пор его секретный лаз никто не заметил. Он пролез в образовавшуюся щель и вернул прут на место. Кузя запрыгнул следом и внезапно замер, прислушиваясь. Потом медленно, крадучись, двинулся вдоль забора.

Аверин, стараясь не шуметь, пошел за ним. Они прошли мимо аллеи и вышли в дальнюю часть парка, где располагался семейный склеп.

Аверин остановился. Он увидел возле склепа скорченную фигуру. Сделав знак Кузе отойти подальше, он тихо двинулся вперед и, зайдя за полукруглое здание, остановился. В вечерней тишине он услышал голос Анонимуса:

– …Я сделаю все, все что угодно, чтобы этого никогда не случилось…

Внезапно фамильяр замолчал, скорее всего, почувствовав ауру колдуна. И Аверин, понимая, что скрываться бессмысленно, вышел из-за склепа. Анонимус мгновенно поднялся с колен. Взгляд его был растерянным.

– Что ты тут делаешь? Почему ты не с бабушкой?

– Ее сиятельство отослала меня. Она устала и хочет побыть одна.

– Почему ты не доложил Василю?

– Я доложил. Но он велел мне сделать так, как она просит. Я закрыл окно и запер дверь. Хотел остаться за дверью, но ее сиятельство приказала мне убираться прочь.

– Да что за семейка такая! – Аверин с досадой стукнул себя кулаком по бедру. – Иди за мной. – Он зашагал к дому.

– Ваше сиятельство, вы можете подождать минутку? Мне нужно сказать вам что-то очень важное.

– Да? – Аверин остановился. – Это связано с отравлением бабушки?

– Нет.

– Тогда может это подождать?

– Да, то есть… я бы хотел сказать сейчас. Это про вашего отца.

– В таком случае…

Внезапно Анонимус исчез, а откуда-то из-за кустов раздался истошный вопль Кузи. Аверин, не разбирая дороги, ринулся на звук и услышал хлопанье огромных крыльев. В небе на мгновение мелькнул силуэт какой-то крупной птицы и тут же пропал, а к ногам Аверина упала взъерошенная галка.

– Див, – каркающим голосом доложила она, – сильнее вашего.

– Что?! – воскликнул Аверин. – Анонимус, где он?

– В дом, защищать, – каркнула галка.

– К дому, – скомандовал Аверин и помчался по аллее.

Кузя в образе галки летел над его плечом. Проклятье. Неужели все выводы про отравление неверны? И его организовал кто-то со стороны?

В доме было тихо. Он бросился к спальне бабушки, но Анонимуса там не увидел. Зато под дверью сидела Марина и плакала навзрыд. Аверин остановился. В том, что он не нашел тут Анонимуса, ничего удивительного не было: вероятно, тот бросился защищать Василя или, скорее даже, Мишу.

– Ты что тут делаешь? – Он подошел к Марине, которая подняла к нему мокрое от слез лицо.

– Ненавижу. Всю вашу чертову семейку ненавижу! – прохрипела она, медленно встала и, слегка пошатываясь, двинулась к лестнице наверх.

– Кузя, ломай дверь, – скомандовал Аверин.

На месте галки немедленно появился кот размером примерно по пояс, когтистая лапа вонзилась в дерево, и дверь с треском распахнулась. На пол упал кусок дверного косяка.

Бабушка, стоявшая за дверью, отшатнулась и едва не упала, но Аверин ее подхватил.

Уложив бабушку в кровать, он сел в кресло напротив.

– Может быть, скажете правду? Совсем недавно вы хотели исповедаться. Не настало ли время облегчить душу?

Бабушка молчала, поджав губы. Минуты две стояла напряженная тишина, а потом в дверях появился Василь в домашнем халате. Вероятно, он принимал вечерний душ и теперь с изумлением смотрел сначала на искореженную дверь, потом на брата. Аверин только развел руками:

– Ты тут сетовал намедни, что я никого не слушаю. И вот я, готов.

В дверях появился Анонимус с Мишей на руках. Значит, насчет объекта защиты Аверин не ошибся. Посмотрев на фамильяра, Аверин прикоснулся пальцем к губам. Тот в ответ едва заметно кивнул.

– Так… что случилось? Гера? Бабушка? – Василь продолжал с недоумением осматривать комнату.

– Мне бы тоже хотелось это услышать. Но вот беда, бабушка не желает говорить.

– Ух ты, – воскликнул Миша, – а кто сломал дверь?

Аверин мельком взглянул на Кузю – тот уже принял облик нормального кота.

– Вы все, – надтреснутым голосом вдруг заговорила бабушка, – оставьте меня, наконец, в покое. Выйдите из моей комнаты!

Анонимус немедленно перешагнул порог, но остался стоять в коридоре.

– Но, бабушка… – начал было Василь, но потом махнул рукой и тоже вышел.

– Гера, подожди. – Бабушка подняла ладонь.

Аверин подошел к кровати.

– Гера, я прошу тебя, оставь это дело, – взяв его за руку и сжав ее, попросила она. – Если мне суждено умереть, я умру. А ты сломаешь жизнь тем, кого любишь. Ты ведь любишь свою семью, Гера.

– Да, бабушка. Я люблю свою семью. Но я не хочу, чтобы моя семья и дальше жила в этом кошмаре. И если кто и ломает чужие жизни, то это точно не я.

Она вздохнула и отпустила его, и Аверин тоже вышел из спальни.

– Василь, иди к себе, – устало произнес он, – и Мишу забери. Пусть они с Кузей поиграют. Мы тут сами разберемся.

Кто бы ни прятался в парке, если бы он хотел напасть, то уже бы это сделал. Но бдительность нужно сохранять в любом случае.

Анонимус нехотя отпустил Мишу, и тот, схватив в охапку кота, последовал за отцом.

– Рассказывай, только быстро, кто это был.

– Див. Сильнее меня на уровень или два. Он прятался под маскировкой и следил. Кот, вероятно, учуял его запах. Ваш див мог погибнуть мгновенно, но все равно поднял тревогу. – В голосе Анонимуса послышались нотки чего-то, похожего на уважение.

– Так. И что сделал ты?

– Он быстрее меня, я бы не смог его поймать. Поэтому я бросился к дому, чтобы защитить… его жителей. Сейчас я настроился не только на дом, но и на весь парк. Пока не чувствую никого постороннего.

– Хорошо. Маскировка, говоришь. Хорошая?

– Очень. Он был в нескольких метрах от меня, но я ничего не почувствовал.

– А сейчас? Может ли он проникнуть в парк?

Анонимус замер, словно прислушиваясь к чему-то.

– Думаю, нет. Теперь я настороже.

– Отлично. Вот что, послушай меня, Анонимус. Я знаю, что не очень тебе нравлюсь. Но скажи, ты доверяешь мне?

Фамильяр склонил голову, не раздумывая.

– Тогда я не буду приказывать, я тебя прошу. Будь здесь и охраняй бабушку. Я помню, что бабушка сказала тебе убираться, а Василь подтвердил. Но речь идет о защите. И ты отлично знаешь, как работают приоритеты.

Анонимус молча кивнул. И, подумав немного, добавил:

– А кто будет защищать Мишу? Ваш див храбрый, но очень слабый.

– Я, – пожал плечами Аверин. – Не буду спать сегодня и в придачу поставлю свои ловушки. Давай сделаем так. Ты расположишься на

первом этаже, а я на втором, рядом со спальней Миши. У меня больше шансов защитить его, потому что тебе придется сразу вступить в бой, один на один, а я могу поднять щит и продержаться до твоего появления. А втроем мы точно справимся.

«По крайней мере, я на это надеюсь», – подумал Аверин. Этот неизвестный див спутал все карты. Или он, Аверин, ошибся, или…

Или див не имеет никакого отношения к истории с отравлением. В самом деле, странно было бы травить кого-то при помощи дива седьмого или восьмого уровня.

– Да, кстати, – вспомнил он, – Анонимус, ты хотел сказать мне что-то важное.

Лицо Анонимуса изменилось. Он как будто смутился и уставился в пол. И вроде даже покраснел. Аверин никогда не видел его таким.

– Вы правы, – пробормотал он, – потом. Сейчас не стоит об этом.

– Так. Я опять должен тянуть клещами?

– Ваше сиятельство, – взмолился Анонимус, и на его лице отразился то ли страх, то ли что-то очень похожее, губы задрожали. – Я клянусь, это не имеет никакого отношения к ее сиятельству. Это… дело очень давних дней. Я вам обязательно расскажу. Но… позже.

– Ясно, – Аверин вздохнул. Ему начали уже надоедать все эти семейные тайны. – Оставайся тут. Я пойду поставлю сигнализацию.

Он повернулся, чтобы уйти.

– Ваше сиятельство, – остановил его тихий голос фамильяра.

Он оглянулся.

– Простите, что не смог защитить Аркадия Филипповича и Елену Ивановну… – едва слышно проговорил Анонимус.

– Я… простил. – Он запнулся. – Давно уже простил.

Аверин направился к выходу. Ночь предстояла нелегкая.

Расставив ловушки, он зашел в библиотеку. «Чудь и Навь» нашлась на своем прежнем месте, и Аверин взял ее. Он уже успел освежить в памяти то, что ему было нужно, но предстоит бессонная ночь. Конечно, запросто может оказаться, что вторгшийся к ним див – просто бабушкин шпион или защитник из скита. За долгие годы в скит передали множество фамильяров, и все они формально подчинялись бабушке, но рассчитывать на это не стоило. Аверин вышел из библиотеки, прошел мимо Анонимуса, помахав ему. Тот поклонился.

Наверху возле окна между кадками с декоративными деревьями стояли кресло и столик. Тут-то Аверин и устроился с книжкой. Кузя походил вокруг деревьев, потом запрыгнул в одну из кадок и свернулся там калачиком.

Дом постепенно погрузился в сон. Из комнаты Миши вышла Любава, видимо, она читала мальчику книжку. От чародейки в деле охраны пользы мало, но она хотя бы сможет оказать помощь, если кого-то ранят.

Как быстро успокоились домочадцы. Возможно, под защитой фамильяра они настолько привыкли чувствовать себя в безопасности, что даже не думают, что на них кто-то может напасть. И лучше им оставаться в неведении.

Негромко заскрипела лестница: на второй этаж поднялась Марина. В руках ее был поднос с кофейником и чашкой, который она, подойдя, поставила на столик. Кроме кофе там лежала плитка шоколада.

– Простите меня, Гермес Аркадьевич… Я вовсе не ненавижу вас. И… – Она перевела взгляд на кофе. – Можете проверить, тут ничего, кроме кофе, нет. Это вам, вы же всю ночь сидеть собираетесь, мне Анонимус сказал.

– Спасибо. – Он обмакнул палец в кофе и протянул Кузе.

Тот вытянул мордочку и лизнул палец длинным розовым языком. Потом снова свернулся клубком, показывая, что все в порядке. Аверин сделал глоток. Да, кофе пригодится.

– Зачем ты здесь? Если хочешь мне что-то рассказать – говори. Я готов тебя выслушать и помочь.

– Помогите мне, умоляю. – Марина принялась теребить подол платья. – Гермес Аркадьевич, мне уже почти сорок. Это мой последний шанс родить ребенка. Вы ведь хороший человек. А я не такая уж уродина.

Аверин поднялся и посмотрел на нее сверху вниз. Женщина подняла голову, с надеждой глядя ему в глаза. Он взял ее за руку и сильно сжал.

– Марина, – медленно проговорил он, – почему я? Ты можешь мне объяснить, почему отцом твоего ребенка должен стать именно я?

Она вся как-то сжалась, будто он ударил ее, и опустила голову, уставившись куда-то на носки его ботинок. И не ответила.

– Марина, – еще раз повторил он, – я же сказал, что хочу тебе помочь. Расскажи мне все.

Она отшатнулась.

– Я не могу, – зашептала она, – понимаете, не могу, не могу, не могу… – Она развернулась и побежала, скрывшись за поворотом коридора.

Нет, не может быть никакой ошибки.

Аверин вздохнул и снова погрузился в чтение.

Глава 8

Ночь прошла спокойно. Под утро Аверин немного задремал и не заметил, как Кузя перебрался из кадки ему на колени. Стряхнув кота, он потянулся. Все же див прибыл из скита? А добрая бабушка наградила внука, в придачу ко всему, еще и бессонной ночью…

Дверь Мишиной спальни хлопнула, и оттуда высунулось любопытное личико мальчика. Он увидел потягивающегося Кузю.

– Вот ты где! – завопил он и кинулся к коту. – Пойдем кушать.

И, заметив Аверина, поприветствовал:

– Доброе утро, Гермес Аркадьевич!

Для пяти лет у мальчика была удивительно хорошая дикция.

– Доброе утро, – зевнул Аверин.

Миша постучал в комнату Веры:

– А мы с Кузей идем завтракать, – сообщил он, и Вера появилась на пороге, уже одетая и причесанная. Похоже, одевалась она без посторонней помощи. Девочка вежливо поздоровалась.

– Вы с нами? – спросил Миша и, не дождавшись ответа, подхватил кота и помчался по лестнице. Кузя не сопротивлялся. Завтракать он был согласен всегда. Вера последовала за братом.

Снизу донеслось:

– Доброе утро, дядюшка Анонимус!

И послышался негромкий голос Веры:

– А ты еще покажешь, как превращаешься в огромную страшную змею?

– Не надо! – пискнул Миша.

Раздался тихий голос Анонимуса. Он что-то объяснял детям, но что именно, Аверин не расслышал.

Он встал, спустился вниз и, увидев Анонимуса, спросил:

– Все в порядке?

– Я подходил к комнате ее сиятельства час назад, – ответил фамильяр. – Она дышит, и сердце бьется ровно.

– Хорошо. А еще лучше будет, если ты сейчас пойдешь и приготовишь мне кофе.

Вскоре к детям присоединилась Любава. Чародейка тоже встала рано.

Наконец появился Анонимус с подносом. Аверин аж залюбовался этой уже давно не виданной им картиной. Он вспомнил, как так же рано утром фамильяр выносил завтрак им с Василем – бабушка любила поспать подольше. А они, дети, не понимали, как можно спать, когда солнце уже светит вовсю и хочется есть, бегать, играть.

Он взял кофейную чашку, пару бутербродов с сыром и яйцо. Анонимус налил ему кофе и разложил еду детям. После чего отошел в сторону и встал у окна.

Миша повернулся к нему и махнул рукой:

– Чего ты там, дядюшка? Иди, поешь с нами!

Анонимус вздрогнул. Его взгляд метнулся от Миши к Аверину. Колдун понимал, насколько див сейчас голоден – контроль территории отнимал у него много энергии. Дивы и так едят больше, чем люди, чтобы поддерживать в форме свое физическое тело, а при повышенном расходе силы компенсация должна быть еще больше. Но Аверин точно знал, что, готовя завтрак, Анонимус не съел ни крошки. Нужно было помочь фамильяру, поэтому Аверин строго сказал:

– Ты не слышал, что тебе велел твой хозяин?

Анонимус медленно подошел к столу. Отодвинув стул, сел и замер.

– Та-а-ак, – Аверин продолжил пристально на него смотреть.

Тот протянул руку, взял хлеб и принялся сосредоточенно жевать.

Внезапно зазвонил телефон. Анонимус, сорвавшись с места, понесся к нему. Кузя с куском колбасы в пасти высунулся из-под стола. Через несколько секунд Анонимус вернулся.

– Ваше сиятельство, это вас.

Аверин поднялся. Он знал, кто звонит. И от этого звонка зависело очень многое.

– Доброе утро, Виктор. Я вас внимательно слушаю.

– Только что курьер принес. И знаете, боюсь, что у меня для вас плохие новости.

– Не тяните.

– Я так понимаю, Мария Озеркова выдавала себя за дворянку, иначе как бы она вышла замуж за вашего брата? Действительно, род

Озерковых существовал и недавно прервался. Но боюсь, дочери Марии в нем не было. Эта женщина – аферистка.

– Понял. Расскажите мне все, что вы узнали.

Он внимательно выслушал Виктора, поблагодарил и положил трубку. Все оказалось именно так, как он и предполагал. Что же. Бабушка права. Жизнь его семьи теперь полностью изменится.

Аверин молча вышел на улицу и пошел в парк, где долго бродил, вспоминая, какими были эти деревья, когда маленький Гера со старшим братом играл между ними в прятки. Как бабушка ругала его за то, что он купался в пруду. Как Василь, схватив его за руки, с восторгом рассказывал, какая хорошая Мария и как она его любит. Как брат был счастлив, когда родился Миша.

И он навсегда все разрушит. Может быть, стоит промолчать?

Нет. Ничего хорошего из этого не выйдет.

В задумчивости он сел на лавочку, закрыл глаза и не заметил, как провалился в сон.

Ему снился отец. Он стоял в воротах, весь залитый солнцем, и махал рукой, улыбаясь. Маленький Гера сморщился от солнца и чихнул, закрыв глаза. А когда открыл, в воротах стоял Анонимус. На его плече лежал большой черный гроб с серебряной окантовкой. Гера закричал и…

Аверин открыл глаза. Рядом на скамейке сидел Кузя.

Сколько он проспал?

Он вскочил и пошел к дому. Подходя, в беседке увидел Василя.

– О, – обрадовался брат, – а мы тебя уже потеряли. Бабушка отлично себя чувствует и сама спустится к завтраку. Ты будешь завтракать? Миша сказал, что ты ел утром.

– Да, пожалуй, я уже проголодался.

По всему выходило, что проспал он часа два.

«Надо дать всем возможность спокойно поесть», – решил он.

За завтраком царила добрая семейная атмосфера. Василь постоянно шутил, дети смеялись, даже бабушка несколько раз настороженно улыбнулась. Соберется ли эта семья вместе еще когда-нибудь? Тем же составом – точно нет.

Внутри противно ныло и обдавало холодом. Но тем не менее, убедившись, что все поели, Аверин поднялся:

– Анонимус, уведи детей, – велел он.

– Что? Зачем? – спросил Василь и тут же осекся. – Ты все выяснил?

– Да.

Повисла тишина.

– Миша, Вера, пойдемте в парк, – позвал Анонимус.

– А Кузя?

– И Кузя пойдет с нами.

Кузя, как бы подтверждая его слова, вышел из-под стола и направился к дверям. Дети выбрались со своих мест и помчались за ним. Когда они скрылись за дверями, оставшиеся повернулись к Аверину.

– Ты знаешь, кто пытался отравить бабушку? – спросил Василь. Губы у него побелели.

– Да. Теперь знаю.

– И кто же? Не тяни!

– Прости, но мне придется начать издалека. Потому что события, ставшие отправной точкой этой истории, случились очень давно. Но сперва я хочу кое-что всем показать. Мой див недавно видел нечто очень интересное. Один человек в вашей, бабушка, спальне что-то искал. Не подскажете, что?

– Не имею не малейшего понятия, – бабушка поджала губы и смотрела куда-то в сторону.

– Тогда я покажу.

Он достал из кармана кольцо.

– Вот эту вещь искали в спальне. И именно из-за нее и пытались отравить Галину Игнатьевну Аверину, матушку-настоятельницу Заладожского скита.

Марина вскрикнула. Бабушка повернулась и протянула руку:

– Гера, умоляю, молчи!

– Нет, бабушка, довольно. У вас была масса возможностей исправить если не все, то хотя бы часть совершенного вами, но вы ею не воспользовались. Поэтому просто посидите и послушайте.

Он поднял книгу.

– А теперь я хочу кое-что вам прочитать.

Он открыл нужную страницу и начал:

«Все мы с детства знаем истории о русалках и кикиморах. Родители запрещают нам купаться по ночам, а также в местах, где растет высокая трава. Многие представляют русалок как прекрасных дев с рыбьими хвостами, но это не так. На самом деле…»

Он закрыл книгу.

– На самом деле, конечно, никаких хвостов у русалок нет и никогда не было. И, несмотря на то что автор этой книги относит их к чуди, на самом деле русалки – люди. Просто результат очередной попытки колдунов и чародеев заполучить способности дивов. Впрочем, я уверен, что вся известная «чудь и навь» – результаты похожих экспериментов.

Я не знаю, кто и когда начал первые опыты над наделенными колдовской силой женщинами, поэтому я просто расскажу, что о русалках известно сейчас.

– Подожди, Гера. – Василь встал. – Какие русалки? При чем здесь вообще какие-то русалки?

– А ты взгляни на бабушку и все поймешь.

Бабушка выглядела ужасно. Бледная настолько, что кожа ее приобрела синеватый оттенок, она сидела прямо, будто кол проглотила, взгляд ее был устремлен куда-то в пустоту.

– Если можно, я продолжу. Потерпи, просто без этих пояснений ничего не будет понятно. Так вот. Русалки – это старинное сообщество раскольниц, они живут в глуши, замкнутыми общинами. Это женщины, но не простые, они наделены колдовской силой. Как так получается? А очень просто. Они завлекают в свою общину мужчин, обладающих силой, опаивают их, да-да, тем самым «русалочьим отваром», и рожают от них детей. Потом беременная русалка и ее плод опутываются целой сеткой сложных, созданных за века заклятий. Если плод лишен силы, то случается выкидыш. А если русалка все же рожает ребенка без силы, то его просто топят. Со всеми мальчиками поступают так же. Такой вот отбор. После рождения девочки ее продолжают опутывать заклятиями. Одно из них – так называемое «заклятие изменения формы». Люди, даже наделенные силой, от него умирают или становятся безумными. Но тела русалок, уже сильно изменившиеся за поколения отбора, нередко выдерживают. Хоть и не без последствий. Нет, хвост у них не отрастает. Просто девушка получает некоторые способности, например долго, больше двух часов,

находиться под водой, а также нечеловеческую силу и скорость. Но не все так просто. Во время беременности нити многих заклятий ослабевают, а при родах и вовсе рвутся, и после родов их необходимо обновлять. Если этого не сделать, то постепенно русалка станет почти обычной женщиной с колдовской силой. И, конечно же, у заклятия изменения формы есть последствия. Если русалка не ослабит это заклятие рождением ребенка, то со временем она обратится в кикимору. Страшную, потерявшую разум старуху. Кикимор терзает боль, их тело ломает и корежит. Поэтому они нередко нападают на людей, топят лодки с рыбаками.

– Я согласен, ужасно, но… – начал было Василь, но внезапно посмотрел на жену.

Мария сидела, сжав руками скатерть, и дрожала.

– Родная… что с тобой?

Аверин прикрыл глаза. Нет. Он должен с этим покончить.

– А теперь к делу, – продолжил он. – Я не могу сказать точно, что именно произошло, пусть об этом расскажет бабушка. Но однажды в скит попали две девочки-русалки. Подростки, уже с полной сетью наложенных на них заклятий. Может, их выловили в Ладоге, а может, они сами сбежали из своей общины где-нибудь на островах. Так или иначе, сестры попали в скит. Там их приютили и оформили над ними опекунство. С умыслом или без записали их Озерковыми, а отчество дали, думаю, в честь Николая Чудотворца, покровителя сирот. Я вчера запросил документы. Там все написано.

– Да как же это… Маша, ты что же – русалка? – Василь засмеялся странным сдавленным смехом.

Вместо Марии ответил Аверин:

– Да, Василь. Можно и так сказать. Вернее – была ею в юности. У Марии трое детей. Вряд ли на ней удержалось хоть одно заклятие. Но, к сожалению, это не конец истории, а только ее начало. Наша бабушка никогда не скрывала, что одержима идеей получить от нас сильное потомство. Уровень силы сирот был очень велик, что не удивительно, поэтому, несмотря на их происхождение, бабушка решила, что это идеальные невесты для ее внуков. Но девочки оказались своенравными и не захотели выходить замуж за тех, на кого им укажут, так что бабушка изготовила вот это, – он показал кольцо. – Я не знаю, сама она разработала эту вещь или в скитах такое практикуют давно.

Это некий аналог жетона Владения, к которому привязывают дивов. Только привязан к нему человек. И подчиняется он тому, кто наденет колечко. А заклятие на нем – на нашей с Василем крови. Конкретно это кольцо предназначалось для меня. Чтобы я надел его на венчании с Мариной и получил на всю жизнь покорную и безропотную жену.

Аверин перевел дух и продолжил:

– Как вы знаете, я отказался, и весь план бабушки пошел наперекосяк. Вместо того чтобы просто снять с Марины заклятие и отпустить ее на волю, бабушка велела ей жить в этом доме и искать способ женить меня на себе. Но годы шли: стало понятно, что ничего из этой затеи не выйдет. Марина не молодела. И если она не родит в ближайшие несколько лет, знаете, что произойдет? Правильно, она превратится в кикимору.

Марина всхлипнула и потянулась за платком, но Аверин не собирался останавливаться:

– А дальше я могу только гадать, к сожалению. Но мне кажется, что было так: Василь, ты плохо различаешь сестер, если тебя опоить «русалочьим отваром», ты вряд ли отличишь Марину от своей супруги. И если Марине удастся забеременеть, половина проблемы будет решена. Я не знаю, что сестры собирались делать потом. Может, отправить куда-то Марину под благовидным предлогом. А может быть, Мария сама изобразила бы беременность, а потом легла в больницу, ведь женщины-колдуньи тяжело рожают детей, особенно наделенных силой. А тут еще и возраст. Но была одна проблема. Бабушка.

Все присутствующие уставились на старую графиню, но та так и продолжала сидеть, глядя в пространство пустым взглядом.

Аверин кивнул:

– Так вот, бабушка. Она могла помешать любому из этих планов, ведь она до сих пор не оставила своей надежды получить потомство от меня. И она бы точно раскусила обман, поэтому ее решили отравить. Я звонил в службу такси: пятнадцатого июля Марина уехала не в город, она уехала в Дубровку. Там отпустила машину и дошла до берега Невы. Скорость русалки примерно шестьдесят километров в час, она отдыхала, все же переплыть Ладогу – не самое простое дело, но, думаю, часа за четыре добралась до скита. Была уже глубокая ночь, и никто из людей ее не заметил. А местные дивы, вероятно, хорошо ее знали и ничего не заподозрили. Положив отраву в бочонок, Марина

вернулась домой, опоздав к обеду. Волосы ее были мокрыми, что совершенно не удивительно. Думаю, настойку аконита ей дала Мария, предварительно взяв у дочери. Возможно, именно благодаря больному зубу Василя у них появился такой план. Но бабушка заболела, а не умерла, и приехал я, что еще больше осложняло задачу. От меня было решено избавиться, поссорив с братом. Для этого Мария попросила Анонимуса спровоцировать меня, чтобы Василь меня выгнал. А после спокойно доделать дело с бабушкой…

– Нет! Это все неправда! – Марина вскочила, отбросив в сторону стул. – Я расскажу, я все расскажу! Я…

– Молчи! – прикрикнула бабушка.

Марина замолкла на полуслове и, едва сдерживая рыдания, рухнула на колени.

Аверин посмотрел на бабушку. Та отвернулась. Потом взглянул на Марину:

– Так. Мне все это уже надоело.

Он надел кольцо на палец и сжал кулак.

– Марина, встань и расскажи все, что хотела.

Марина поднялась с пола неуклюже, как марионетка.

– Это кольцо… Меня сейчас стошнит, – сдавленно проговорил Василь и зажал рот ладонью.

– Маша тут ни при чем. Ни при чем! – проговорила Марина, захлебываясь слезами. – Это я… это все я.

Она шмыгала носом, пытаясь взять себя в руки, а потом заговорила:

– Я не хотела, честное слово, я не хотела никого убивать. Я просто хотела сбежать и стать свободной. Я столько раз умоляла матушку отпустить меня! Но она сказала, что отпустит, как только возьмет на руки своего внука. Внука! Понимаете? Не важно, кто будет отцом! Я уже тогда задумалась, но было слишком страшно, если бы матушка прознала… Поэтому я решила украсть кольцо, и несколько лет назад мне это удалось. Мы с сестрой нашли колдуна, который оказывал всякие… ну, услуги. Я хотела отнести ему кольцо, может, он смог бы снять с меня заклятие. Но он взял и утонул на рыбалке. А матушка хватилась кольца и отняла его у меня. И после этого всегда носила с собой. Никакой настойки мне Маша не давала, аконита я нарвала на берегу и просто накрошила в бочку. Я не хотела убивать, я хотела,

чтобы матушка заболела и приехала сюда прощаться, с кольцом. Здесь его было легче украсть, чем в ските. Тем более если бы она болела. Когда она приехала, я снова стояла перед ней на коленях, умоляла отпустить меня. Но она свой приказ не изменила. А потом приехали вы, и я попыталась вас опоить. А когда поняла, что ничего не вышло, от отчаяния решилась на страшное. Взяла настойку в комнате Маши и принесла ее матушке утром, сказав, что это хреновуха. Она выпила настойку, и ей сразу стало плохо. Я убежала через окно. Я думала, когда… когда она умрет, кольцо найдется. И я смогу убежать. Смогу найти колдуна, чтобы он освободил меня. Не стала бы я опаивать Вазилиса Аркадьевича! Я бы ушла навсегда. Я не могу уже больше жить среди людей!

– Бабушка, это правда? – воскликнул Василь. – Маша? Гера?!

Бабушка медленно повернулась.

– Мне и правда следовало умереть, – тихо сказала она.

Василь отшвырнул от себя тарелку, она со звоном грохнулась на пол.

– А знаешь, Гера, Маша была права. Ты приносишь только беды.

Он выскочил в коридор. Где-то хлопнула дверь.

– Надеюсь, теперь ты доволен, – покачала головой бабушка.

А Мария уронила голову на стол и зарыдала.

– Ка-ар-р, – послышалось с улицы.

Аверин оглянулся – на карнизе открытого окна сидела галка. Вероятно, Кузе удалось удрать от детей и он подслушал разговор. Что же, не стоило его за это осуждать, див принял живейшее участие в расследовании и наверняка побыстрее хотел узнать, что произошло.

Но внимание он привлек не поэтому. Аверин подошел к окну и увидел, что во двор дома въезжает машина.

Когда она остановилась, с водительского места вышел человек в рясе – священник из местного храма, который на днях исповедовал бабушку. Анонимус придержал дверцу, помогая ему.

Из противоположной двери выбралась монашка. Фамильяр не только не помог ей, но и отошел на пару шагов, как будто не хотел соприкасаться.

«Див. Из скита», – догадался Аверин. И вопросительно посмотрел на бабушку:

– Кто это и зачем здесь?

Бабушка поднялась со своего кресла:

– Та, кто будет защищать этот дом, когда ты его покинешь. Я вызвала ее сегодня утром, сразу как встала.

– Она одна здесь? И с чего вы взяли, что дому вообще нужна защита? – поинтересовался Аверин.

– Вы с Анонимусом орали рядом с моей комнатой так, что невозможно было не услышать. И – нет. Кто бы ни был тот див, который прятался в парке, я не имею к нему отношения. А то знаю я, ты сейчас начнешь всех собак вешать на меня.

Она удалилась, прошествовав мимо Аверина с высоко поднятой головой.

Аверин посмотрел на Кузю.

– Ну что же. Мне пора уехать отсюда. Кузя, иди за мной. И, – он повернулся к Марине, – ты тоже собирайся. У тебя есть немного времени, чтобы попрощаться с детьми и сестрой.

– Мне какие вещи брать? Теплые? – шмыгнув носом, спросила Марина.

– Не надо ничего. Я буду ждать тебя у машины.

Он пошел к выходу из столовой.

– Подождите. Да подождите же! – Мария выскочила из-за стола, догнала его и вцепилась в руку: – Мне нужно поговорить с вами. Сказать вам кое-что. Важное.

– Хорошо. Тогда пойдемте в мою комнату.

Когда он закрыл дверь, Мария некоторое время молча смотрела в окно на играющих детей, потом повернулась и медленно проговорила:

– Я должна вам рассказать…

– Подождите, – перебил ее Аверин, – сначала ответьте мне на вопрос. Вы любите моего брата?

– Да, конечно, но…

– Никаких «но». – Он поднял руку. – Я хочу точно знать, любите ли вы его искренне или просто верны ему под действием заклятия.

– Я люблю Василя! У нас трое замечательных детей! И я… я полюбила его еще до свадьбы. Ваш брат – самый добрый и благородный человек на свете. Еще тогда я уже носила ребенка…

– Я знаю. Поэтому я не почувствовал в вас того, что ощутил в Марине. Честно скажу, это ощущение, именно оно отвратило меня от

нее. Но речь не обо мне. Если вы любите брата и не хотите ломать ему жизнь, просто молчите. Я не желаю знать того, что вы хотите мне рассказать.

Она шагнула к нему и внезапно опустилась на колени, заламывая руки:

– Гермес Аркадьевич! Марина не должна попасть в тюрьму! Она умрет там! Лучше уж я, я просто женщина!

– …И жена моего брата. Вот чего нам только не хватало, так это скандала и позора. Ради детей и своего мужа – не играйте в благородство и не делайте глупостей. Просто доверьтесь мне.

На ее лице засветилась надежда.

– Я… вам верю. – Она поднялась и направилась к двери. – Простите меня. Я должна поговорить с мужем.

Аверин проводил ее взглядом. Потом обернулся к Кузе:

– Монашка не представляет опасности. И котом ты мне нравишься больше.

– Мя-а-а, – ответил Кузя, возвращаясь в облик кота.

– А теперь давай собираться. Сейчас мне следует побыстрее убраться отсюда.

Он собрал вещи, взял чемодан и корзину и вышел во двор.

– Ой, вы уже уезжаете? – подбежала к нему Вера. – И Кузя? Может, оставите Кузю с нами еще на пару деньков?

– Да, оставьте, – присоединился Миша, – мы его хорошо кормить будем!

– Чтобы у него была морда «во»? – улыбнулся Аверин и расставил руки. Эх. Хоть кого-то в этом доме расстроил его отъезд.

Он присел на корточки, обнял по очереди племянников, подхватил вещи и зашагал на задний двор, где стояла машина. Осталось только дождаться Марину.

– Приезжайте еще! – услышал он за спиной. И оглянулся. Дети махали ему или, скорее, Кузе руками. А чуть поодаль замер Анонимус и не сводил с него немигающего взгляда. Аверин поднял руку и помахал ему тоже.

Дойдя до машины, он закинул чемодан с корзиной в багажник.

– Стой! – услышал он за спиной и обернулся. К нему нетвердо, но размашисто шагал Василь. В руках брата была на треть пустая бутылка коньяка.

Аверин выпрямился и оперся рукой на крышку багажника.

– Стой, Гера. – Брат подошел к нему и со стуком захлопнул крышку. – Ты что же, правда считаешь, что можешь вот так вот взять и уехать? Ну уж нет.

– Василь… – начал он, но брат схватил его за плечо:

– Пойдем, – он сжал его руку и буквально потащил за собой.

Аверин не стал сопротивляться.

Они вернулись в парк и добрались до беседки. Василь стукнул бутылкой по столу, ставя ее, и закурил, после чего с размаху плюхнулся в кресло. Аверин сел в свое.

– Прости меня, Гера. Прости, что наорал и гадостей наговорил. Понятно, что не ты в этом виноват. Хочешь коньяка?

– Нет. Мне же ехать еще.

Василь наклонился вперед:

– Никуда ты не поедешь, Гера. Это бабушка сейчас соберет свои вещи и отправится обратно в скит. И монашку свою заберет, от нее вон даже Анонимус шарахается. Ты скажи, что мне делать теперь с Машей, а? Разводиться?

Аверин покачал головой:

– Василь, ты же понимаешь, что именно наша семья сильно виновата перед сестрами. Они лишь пытались защититься, как могли. И если по совести, то бабушку нашу отправить надо не в скит, а в острог.

– Но вместо нее туда поедет Марина, да? Ч-черт! – Василь ударил кулаком по столу. – Поверить не могу, что я двадцать лет держал в рабстве собственную жену!

Он сорвал кольцо с пальца и брезгливо кинул его на стол. И вдруг посмотрел на Аверина с надеждой:

– Ты… ты ведь можешь эту дрянь снять, правда?

– Думаю, да. Потребуется некоторое время. И твоя кровь.

Василь задрал рукав рубашки:

– Бери сколько надо! – Он схватил второй рукой бутылку и хотел было отхлебнуть прямо из горла, но внезапно отвел руку: – Ой. А ничего, что я пьян?

– Ничего, – Аверин улыбнулся, – но больше пить не стоит. Тогда я смогу провести обряд через час. Но ты понимаешь ведь, что после этого все изменится? Может быть, очень сильно.

Василь вздохнул:

– Конечно. Знаешь, пусть даже Маша подаст на развод. Пусть даже дети захотят уехать с ней…

– Ты что, Анонимус Мишу ни за что не отпустит.

Василь горько улыбнулся:

– И то правда…

– Василь, – серьезно сказал Аверин, – я думаю, Маша тебя любит. Вам надо поговорить и попробовать начать все заново. Без бабушки, заклятий и прочего.

– Ты прав. Ты чертовски прав, Гера, – воскликнул Василь. – Сейчас же пойду и скажу бабушке, чтобы немедленно покинула мой дом!

– Погоди, – Аверин тронул брата за руку. – Боюсь, тебе еще немного придется ее потерпеть. Эта монашка не просто так приехала сюда. Она – див, которого бабушка вызвала для защиты.

– Для защиты? От кого? Тут, в доме, только одно чудовище!

– Увы. Все не так просто.

И Аверин рассказал брату о вечернем визите неизвестного дива.

Василь только покачал головой:

– Вот это да… Но он же убрался отсюда, разве нет?

– Да, но кто знает, не вернется ли. А Анонимус шарахается от этой монашки, потому что взял территорию под свой контроль. По сути – раскинул на дом, сад и парк свою демоническую форму. И ему очень неприятно присутствие в этой ауре сильного дива. Поверь мне, монашке тоже не очень комфортно.

– Как же все сложно, – покачал головой Василь, – бедняга Анонимус. Я слышал от детей, что ты его накормил.

Аверин усмехнулся:

– Было дело. А кстати. Ты не знаешь, случайно, что за тайну он мне хотел раскрыть? Про нашего отца?

Василь глубоко вздохнул:

– Не рассказал, значит… Тогда не пытай его. Он расскажет. Просто еще не готов.

– Та-ак. И ты, выходит, тоже знаешь? Может, хватит тайн? И так совершенно неясно, что еще тут творится.

Василь замотал головой:

– Нет, нет, это точно никак не связано. Просто, понимаешь, это личное. Очень, очень для него личное.

– Очень личное для дива… м-да… – Аверин потер подбородок, – ну и дела. Я смотрю, вы с ним действительно весьма близки. Думаю, раз он сорок лет молчал, помолчит еще сорок. А там я помру, и вопрос отпадет сам собой.

Василь внимательно посмотрел на брата:

– Гера, ты что, обиделся?

– Я? Нет, – Аверин пожал плечами. – Просто я постоянно слышу от всех, что я веду себя как чужой. А ты скажи, я вообще когда-нибудь был в этом доме своим? Я уехал в двенадцать лет, и…

– Гера, – перебил его Василь. Он выглядел потрясенным. – Ты мне скажи, дорогой мой колдун, ты что, действительно слепой?

– Я не понимаю тебя.

– А что тут понимать? – Василь так наклонился к нему, что чуть не опрокинул стол, и проговорил тихим голосом: – Ты что же, не понимаешь, что причина всех бед нашей семьи вовсе не ты, а я?

– Чего? – Аверин сдвинул брови. – О чем ты?

Василь выпрямился и выставил руки перед собой.

– Ты только представь, Гера, только представь. В семье потомственных колдунов родился наследник, лишенный силы. И не переиграешь. Разве что убить.

– Василь, да что ты такое говоришь? – возмутился Аверин и убрал со стола бутылку с коньяком. – Все, тебе точно сегодня пить больше не нужно.

– Может, и так, – послушно ответил брат, – может, и так.

Он замолчал. Потом посмотрел на свои руки, сложил их на колени и заговорил снова:

– Отец всегда был для меня «занят». Наверное, сначала я считал, что это нормально, ведь отец бóльшую часть времени проводил в рабочем кабинете. Но я не помню ни разу, чтобы он хотя бы взял меня на руки. Может, я просто забыл. Но, понимаешь… я не знаю, зачем и что на него нашло, но однажды, мне было примерно четыре года, он решил показать мне Анонимуса в демоническом облике. Я испугался до икоты. Это одно из первых моих воспоминаний. Человек, который гулял со мной, кормил меня и укладывал спать, внезапно превратился в ужасное чудовище прямо у меня на глазах. Я понятия не имел, что

такое «див». Да и кто бы мне это объяснил? Я в ужасе убежал к себе в комнату, забился под кровать и рыдал там полночи. И знаешь, кто пришел меня утешать? Не отец, нет. Он после этого окончательно понял, что я безнадежен.

– Мама?

На лице Василя появилась печальная усмешка:

– Мама лежала в больнице, ты родился менее чем через месяц. Утешать меня пришел Анонимус. Да, не смотри на меня так. Он стоял под дверью и почти до утра рассказывал мне, что его ужасный облик – чтобы защищать меня. И пугать моих обидчиков и врагов. И только утром я его впустил.

– И тогда-то он тебя и сожрал… – не удержался Аверин, но тут же смутился: – Извини.

Василь откинулся в кресле и расхохотался.

– Ох, Гера… да как ты не понимаешь, все в этом доме всегда любили тебя! И отец, и бабушка! Когда ты родился, отец был так счастлив и полон надежд. А уж когда ты прошел первые тесты… для тебя он никогда не был занят. Он читал тебе колдовские книжки, когда ты и говорить-то толком не умел.

– Ну… На самом деле, я думаю, дело было в другом. Шла война, и он опасался, что не успеет меня выучить. Так и получилось в итоге. – Аверин положил руку на стол. – Василь…

– Да нет, – отмахнулся брат, – не думай, что я ревную, это не так. Я и сам многие годы был уверен, что ты необыкновенный, волшебный. Я всегда так ждал тебя на каникулы. Но больше всех тебя ждал Анонимус.

– Ты сейчас серьезно? – Аверин недоверчиво посмотрел на брата.

– Ну конечно. Ты разве не понимаешь, что самым сильным его желанием было, чтобы его хозяином стал именно ты?

– Я? – Теперь Аверин по-настоящему удивился. – Да он никогда не заговаривал со мной первым. И при любом удобном случае подчеркивал, что его хозяин – ты. Порой на грани приличий. Если я сам задавал ему вопросы, он что-то неохотно цедил сквозь зубы.

– Правильно. Он изо всех сил старался держаться отстраненно и соблюдать дистанцию. Ты же знаешь, Гера, какая связь образуется между колдуном и дивом. А наследник-то я, понимаешь?

– А, вот ты о чем. Но, Василь, это просто инстинкты. Связь питает дивов почище обычной пищи, лечит и даже может вызвать эйфорию. Да, не спорю, ему бы, наверное, хотелось, чтобы его непосредственным хозяином был колдун, но…

– Но? А вот скажи мне, что бы было, если бы между вами и правда возникла эта самая связь? Я обычный человек, Гера. Право на фамильяра мне дает только мое старшинство, и больше ничего. Анонимус признал меня своим хозяином исключительно потому, что считал, что так правильно.

– Откуда ты знаешь?

– Он сам мне это говорил. Только порядочность заставляла его избегать тебя. Подумай об этом!

– Значит, ты ведешь задушевные разговоры с фамильяром… – начал было Аверин, но тут же прикусил язык. Он понял, что не хочет больше убеждать брата. Возможно, Анонимус в чем-то заменил Василю погибшего отца. И если брату хочется считать, что фамильяр его любит, то зачем его переубеждать? В конце концов, Василю вообще не нужно знать обо всех тонкостях взаимоотношений с дивами. Если Анонимус начнет зарываться, это задача колдуна – поставить фамильяра на место.

Аверин посмотрел на брата, и ему стало стыдно. Он ведь бросил Василя. И все эти годы убеждал себя в том, что совершенно ему не нужен.

– А знаешь, – улыбнулся он, – я тебе сейчас одну историю расскажу. Про диву, которая так привязалась к сыну своей хозяйки, что после ее смерти натурально стала ему матерью. Возможно, мы действительно знаем о них далеко не все.

Глава 9

Снятие заклятия с кольца заняло больше двух часов. Аверин взял кровь у Василя, и брат немедленно ушел. Оставалось надеяться, что не за коньяком. Впрочем, Василь всегда был очень разумным, а сейчас совсем не подходящее время заливать горе вином.

Сидя в одиночестве, Аверин раздумывал, как же вышло, что он настолько отдалился от своей семьи. Сначала ему не нравился контроль бабушки. Даже в Академии, несмотря на строжайший режим, было намного свободнее. Потом бабушка полностью подмяла под себя Василя, и брат начал плясать под ее дудку. Да и фамильяр постоянно подчеркивал, что младший сын в этом доме никто. Но что, если дело действительно в порядочности Анонимуса? И он боялся обидеть Василя своим вниманием к брату-колдуну? Вон как носится фамильяр с Мишей, даже не пытаясь скрывать свою привязанность. С маленьким колдуном совершенно правильно устанавливать связь, именно Миша – его следующий хозяин.

Эх… Все же выходило, что Мария права. Он раскрыл столько преступлений, помог стольким чужим людям и даже не подумал о своих родных. Ведь если бы он хоть сколько-то интересовался их делами, то давным-давно разобрался бы во всей этой русалочьей истории. И его брат, и Мария, и даже Марина могли бы быть счастливы и не брать грех на душу.

Наконец с кольцом было покончено. На руке лежал совершенно безвредный золотой ободок.

Аверин вышел из комнаты, прошел по коридору и поднялся наверх.

В окно было видно беседку, в ней сидели Василь и Мария, брат держал жену за руки. Аверин направился к ним. Глаза Марии были красными, от нее пахло коньяком.

Он положил кольцо на столик.

– Вот и все. Теперь вы оба свободны. Оставить его тебе?

– Нет… хотя… отвезу его в нашу церковь, пожертвую на приют. Нам с Машей я закажу другие кольца.

– Отлично. Тогда я, с вашего разрешения, все же вас покину.

– Подожди, я тебя провожу.

Они направились на задний двор. Возле автомобиля уже замерла в ожидании Марина. На капоте восседал Кузя.

Аверин собирался сесть за руль, когда его окликнули:

– Ваше сиятельство!

Он оглянулся. К нему шагал Анонимус, держа за руку Мишу, который едва за ним поспевал. В руке у дива была большая квадратная коробка.

– Это вашему коту, – сказал Анонимус и протянул коробку.

– Это зефир! – пояснил Миша. – Кузя обожает зефир!

Аверин взглянул на дива и племянника и, поблагодарив легким поклоном, взял коробку, решив, что по приезде нужно будет обязательно зайти к диве Анастасии. Накопилось слишком много вопросов, а Аверин терпеть не мог, когда чего-то не понимал.

Затем открыл багажник, чтобы положить туда зефир, и тут понял, что его вещей в нем нет.

Он вопросительно посмотрел на Василя.

Тот усмехнулся:

– Гера, отказы не принимаются. Эту рухлядь я лично отправлю на металлолом. Хотя я согласен, мы лучше назовем новую модель «Меркурий».

Новая машина оказалась выше всяких похвал. Шла ровно, очень тихо, а чтобы крутить руль, не требовалось никаких усилий. Аверин вспомнил автомобили своей юности – ему тогда казалось, что нормально ими управлять могут только дивы.

Марина в дороге не проронила ни слова. Только бросила удивленный взгляд, когда он свернул с Мурманского шоссе.

Зато Кузя сновал туда-сюда по машине, то высовывая морду в приоткрытые окна, то смотрел вперед, упираясь лапами в переднюю панель.

Наконец они доехали до Дубровки. Аверин остановил машину и открыл дверь, приглашая Марину выйти. Кузя выпрыгнул следом.

– Зачем мы приехали сюда? – нарушила молчание Марина. – Я думала, вы везете меня в город.

– В полицию? Нет. Иди за мной.

Он двинулся по тропинке к Неве.

На берегу никого не было. Марина остановилась и смотрела с недоумением.

– Ты отсюда плыла?

Она покачала головой:

– Не совсем. Чуть дальше. Там кусты, можно было спрятать одежду.

– Что же, больше тебе прятать одежду не придется.

Он поднял руку, на которой блестело кольцо, а второй начертил в воздухе знак Свободы.

– Отпускаю.

Удивление на лице Марины сменилось потрясением. Она сжала ткань своей юбки так, что у нее побелели пальцы.

– Вы… освобождаете меня?!

– Конечно. Я освободил твою сестру, теперь тебя. К счастью, в твоем случае это сделать очень просто.

Он снял с руки кольцо и с брезгливым выражением выкинул его в реку.

– Вот и все.

– Но… почему тут? Почему не там, дома?..

– Я дал тебе время попрощаться с сестрой. Если бы я освободил тебя дома, Мария уговорила бы тебя остаться. А здесь… ты чувствуешь этот запах?

Марина кивнула.

– Здесь ты вольна выбрать сама. Если решишь вернуться к людям – я отвезу тебя, куда скажешь. Хоть обратно в поместье. А можешь… – он указал рукой на реку.

Она медленно повернула голову туда, куда он указал. И долго смотрела вдаль.

А потом решительно стянула блузку через голову. Через мгновение за ней последовала юбка.

Некоторое время Марина стояла в неглиже, словно смущаясь, а потом и нижнее белье легло в кучу вещей. Она прошла к воде и вошла в реку по щиколотку.

И обернулась.

Аверин вздрогнул. В этих глазах, темно-серых, как грозовое небо, больше не было и следа неуверенности и покорности. Да и весь ее облик изменился: волосы разметал ветер, плечи расправились, она

стала как будто выше ростом. На него дохнуло запахом еловых веток, воды и прибрежной травы.

– А знаете, – тихо проговорила она, – жаль, что вы не смогли меня полюбить.

И Марина, изящно выгнувшись в воздухе, исчезла в волнах.

А Аверин, глядя ей вслед, подумал, что, если бы встретил Марину такой, все могло выйти по-другому.

– Мя-а-а! – раздалось сзади. Аверин огляделся по сторонам. Людей на берегу по-прежнему не было.

– Ну, что ты хочешь сказать?

– Я вижу, вы сегодня добрый, Гермес Аркадьевич. – Кузя потянулся, выпрямляясь в полный рост. – Может, тогда и меня заодно отпустите?

Он нагнулся, поднял юбку и натянул на себя. Аверин только покачал головой:

– Русалки, Кузя, не едят людей. Как правило. А ты съел шесть человек. Поэтому, увы.

– Я ж не нарочно… – Кузя почесал нос тыльной стороной ладони.

– Ты это хотел сказать?

– Не. А вот скажите, вы Марину отпустили, потому что знаете, что она не виновата?

Аверин посмотрел на Кузю с интересом:

– А кто виноват?

– Так сестра ее.

– И? Как же, по-твоему, все было на самом деле?

– Ну, я думаю, русалка не врет. Она хотела сбежать. А вот жена вашего брата хотела, чтобы она осталась. И это она придумала убить бабулю. И даже брата вашего хотела опоить. Так что я уверен, что вы не ошиблись насчет ее плана. Просто они так и не договорились. Вот и попались обе. Вы ведь это знаете, да?

– Знаю.

– Тогда почему вы всех отпустили?

– Потому что у сестер не было другого выбора. Они много лет находились в плену, под заклятием, и никак по-другому не могли освободиться. Даже их последнюю надежду, нечистого на руку колдуна, кто-то съел, как мне кажется. Представляешь, какие бывают совпадения?

Эту фразу Кузя пропустил мимо ушей. Он некоторое время рассматривал пальцы на ногах, а потом поднял голову и уставился Аверину прямо в глаза.

– Так, значит, если я вас убью, чтобы освободиться, вы не обидитесь?

Аверин чуть наклонил голову:

– Конечно нет. Ты вправе желать свободы. Да и как я обижусь, если буду мертв? – Он махнул рукой. – Пойдем, ехать еще долго, а я с утра ничего не ел и ужасно хочу спать.

– Я могу повести машину, – предложил Кузя, – я умею.

– Нет, спасибо.

– Ладно. А можно я тогда поеду не котом?

– Нет. Если ты не заметил, ты голый. В таком виде по городу не ездят.

– Так я ж оденусь! – Он приподнял юбку и указал пальцем на остальную одежду Марины.

Аверин представил, что подумают патрульные полицейские, если остановят его и увидят в машине крашенного в разные цвета мальчишку в женском платье.

– В кота! – скомандовал он и пошел обратно к машине.

Кузя обиженно мявкнул и побежал за ним.

Дома, как обычно, вкусно пахло. Маргарита встретила их на пороге и немедленно принялась тискать Кузю:

– Ишь, исхудал как, не кормили тебя там, что ли?

– Кормили, даже с собой дали, – рассмеялся Аверин, вручая Маргарите коробку с зефиром.

Она выпустила кота и искоса посмотрела на Аверина.

– Хм… что-то случилось?

– Сюда приходила дама, – сообщила экономка.

– О, – Аверин поднял одну бровь, – и чего же она хотела?

– Она просила передать, что бросает вас! – изрекла Маргарита.

– Так… значит, Яна приходила сюда.

– Именно! Сюда приходила звезда передачи «Битва ясновидящих» Яна Островская! – воскликнула Маргарита. – И заявила, что бросает вас! А я даже не знала, что вы встречаетесь.

– Ну… – неопределенно протянул Аверин, – и что ты сделала?

– Взяла автограф, дала ей конверт, который вы держите на такой случай. Предложила чай или кофе, но она отказалась и ушла.

– А… она как-то объяснила причину нашего разрыва?

– Да! Сказала, что вы пропустили обед в прошлую субботу и даже не предупредили ее! И не звонили целую неделю!

– Надо же… совсем забыл. Но я вообще-то был занят очень важными делами. И у меня бабушка была при смерти. Могла бы войти в положение… – пробормотал Аверин.

– И откуда она должна была это узнать, вы же ей не звонили?

– Ну, она же ясновидящая… А, не важно. Я зверски голоден, Маргарита, спасай меня немедленно.

– Сейчас, конечно, проходите.

Аверин переоделся и уселся за стол в любимое кресло. На полке возле стола все еще стояла «Чудь и Навь». Он протянул руку и полистал книгу. Кто мог знать, что именно она окажется ключом к разгадке семейной тайны? Только ясновидящий. Хотя будущего не видят даже подлинные и умелые ясновидящие. Только настоящее и прошлое. А будущее – оно, скорее всего, просто не существует.

Маргарита принесла поднос с едой и принялась расставлять по столу. Аверин одобрительно посмотрел на суп из белых грибов и блины с семгой и взялся за вилку.

– О, Гермес Аркадьевич. Конечно, это не за обедом, который уже почти ужин, но… вы сказали про свою бабушку, что она была при смерти. Значит ли это, что ей стало лучше?

Аверин кивнул. Ответить он не мог, потому что только что засунул в рот полную ложку.

– О, какое счастье, как я рада! – совершенно искренне обрадовалась Маргарита и снова пошла на кухню. Но в дверях остановилась: – А что же вы так надолго задержались? Вы никогда не ездили в поместье дольше чем на день.

Аверин проглотил суп.

– Я отдавал кое-какие семейные долги, Маргарита. И, надеюсь, справился с этим.

Когда Маргарита отбыла домой, Аверин вышел на веранду с чашкой какао, сел и прикрыл глаза. Пожалуй, сейчас он допьет, примет душ и пойдет спать, а с утра отправится на пробежку. Он изрядно устал от треволнений последних дней. Завтра еще вести лекцию. Хотя

больше всего хотелось просто посидеть дома пару-тройку дней, давая отдых и телу, и душе, почитать что-нибудь легкое и расслабляющее. Может, устроить себе пару выходных?

– Мя-а-а! – раздалось над ухом. Аверин нехотя открыл глаза: Кузя сидел на толстой ветке черемухи, нависающей почти над головой. Аверин махнул рукой:

– Давай иди наверх и оденься. Тебе надо привыкать быть человеком.

Кузя спустился минут через пять. Аверин уже и забыл о прекрасном костюме юного анархиста. Он усмехнулся и указал на стул:

– Садись. На полу люди не сидят.

– Ага, – согласился Кузя и сел на стул, оседлав его и уткнувшись подбородком в спинку. Некоторое время они молчали. Аверин наслаждался покоем и какао, а Кузя, скорее всего, вечерним воздухом.

– Гермес Аркадьевич, – нарушил тишину Кузя, – у меня к вам очень большая просьба. Огромная просто.

– М-м? – с подозрением спросил Аверин.

– Отпустите меня на ночь, пожалуйста. Не насовсем, просто разрешите уйти. По личному делу.

– По личному? – удивился Аверин. – Это какие у дива могут быть личные дела?

– Ну… – замялся Кузя, – я тоже хочу отдать один долг…

– Так. Давай рассказывай, а я подумаю.

Выслушав дива, Аверин произнес:

– Одобряю. Но уйдешь, когда я лягу в постель, и чтобы утром я увидел тебя возле калитки. На этот отрезок времени я тебе разрешаю менять обличье.

– Ура! – Кузя подпрыгнул вместе со стулом, а Аверин вздохнул. По крайней мере, эту ночь он проведет без кота, спящего у него на груди.

Анна Сомова после всех потрясений очень плохо спала по ночам. Она даже перебралась из города на дачу, но это слабо помогло. Доктор выписал настойку пиона, но она совершенно не действовала, надо будет сходить и попросить что-то посерьезнее. А пока Анна стала брать в спальню какую-нибудь ужасно скучную книгу. С ней она

ложилась в постель и читала примерно до полуночи, после чего засыпала, чтобы проснуться с рассветом.

Она уже пролистнула пять или шесть страниц, как в окно постучали. Как-то странно, словно толкая раму снаружи.

Анна нахмурилась, встала и подошла к окну. Что это за шутки?

За окном никого не было. Анна открыла раму и отшатнулась: в оконный проем просунулась лошадиная морда.

– Розетта! – выдохнула Анна и, кинувшись к кобыле, принялась обнимать и гладить мягкий лошадиный нос. Странное возбуждение охватило ее, такой мандраж она чувствовала лишь накануне какого-то важного события. Руки ее затряслись и как будто даже онемели.

– Розетта! Подожди! Я сейчас выйду!

Она, как была, в пижаме, накинув сверху халат, бросилась на улицу.

Кобыла уже стояла у дверей. Увидев Анну, она фыркнула и ткнулась ей в плечо.

– Розетта, милая моя Розетта… – Женщина обняла горячую шершавую шею и прижалась к ней лицом. В глазах защипало, из них покатились слезы.

Некоторое время они так и стояли, женщина и лошадь, а потом Розетта, опять фыркнув, отодвинулась и пошла вперед, словно приглашая Анну следовать за собой. Анна положила руку на холку лошади, и они пошли по дорожке. Дорожка привела их на конюшню. Никаких других лошадей Анна так и не завела и вообще запретила трогать все, что принадлежало Розетте. Сначала она надеялась, что лошадь найдется, а потом… она приходила сюда, чтобы поплакать, когда в ее жизни случалась очередная беда.

И вот… Розетта…

Лошадь тихонько заржала.

– Я понимаю, ты хочешь побегать, – размазывая по лицу слезы, тихо проговорила Анна. – Сейчас.

Она принесла амуницию и быстро оседлала Розетту. За годы, оказывается, она не утратила этого навыка. Анна всегда сама ухаживала за кобылой, не доверяя Розетту никому.

Поставив ногу в стремя, она, задрав подол пижамы, вскочила в седло. Сперва шагом, потом рысью Розетта двинулась по ночной дороге к полям.

Когда на горизонте стала светлеть полоска неба, Розетта повернула и поскакала к дому. Анна похлопала ее по холке и прошептала:

– Как бы мне хотелось, чтобы эта ночь не кончалась никогда.

Они вернулись на конюшню. Анна расседлала кобылу и еще раз обняла ее.

– Бася, я знаю, что это ты. Спасибо тебе. Возвращайся домой. – Она поцеловала лошадь в нос и, плача и улыбаясь одновременно, направилась к дому. Вслед ей донеслось негромкое ржание, но когда Анна обернулась, во дворе уже никого не было.

Аверин даже не думал, что его может так обрадовать привычный звонок будильника. Он сел, потянулся и понял, что отлично выспался.

Умывшись и выпив кофе, он переоделся для пробежки и спустился во двор. Кузи не было видно. Интересно, как прошла ночная «отдача долга» и не опоздает ли див, увлекшись.

Аверин открыл калитку, вышел. И тут же мощный удар сшиб его с ног. Прогремел выстрел. Падая навзничь, он успел выставить руку, закрывая горло и одновременно активируя щит. На мгновение он увидел огромные полосатые лапы и белые острые клыки почти у самого своего лица. Потом из пасти зверя на него обрушился поток крови.

Проклятье!

Развернув щит так, чтобы он закрывал и его, и Кузю, он отполз в сторону и вскочил на ноги, призывая Плеть.

Раздалось хлопанье тяжелых крыльев. Крупная птица поднялась в небо – и исчезла.

– А это было больно, – сбоку прозвучал то ли хрип, то ли рык. Аверин повернулся.

Кузя в человеческом облике стоял, упираясь рукой и одним коленом в землю. Кровь запачкала его губы и подбородок.

Почти в человеческом. Из пальцев свободной руки сантиметра на три торчали когти. Еще раз зарычав, Кузя погрузил пальцы себе в грудь, разрывая когтями плоть, и резко дернул. Изо рта снова хлынула кровь, а на землю с негромким стуком упал темно-бордовый сгусток.

Голова Кузи повернулась в сторону, куда улетела птица. В глазах полыхнул огонь. На миг показались клыки, потом он съежился, и вот

уже галка черной молнией взвилась в небо.

«Див сильнее вашего фамильяра», – всплыло у Аверина в памяти. Это он. Тот самый див. И пришел он по душу колдуна.

– Назад! – что есть мочи заорал Аверин. – Не преследовать!

И негромко добавил:

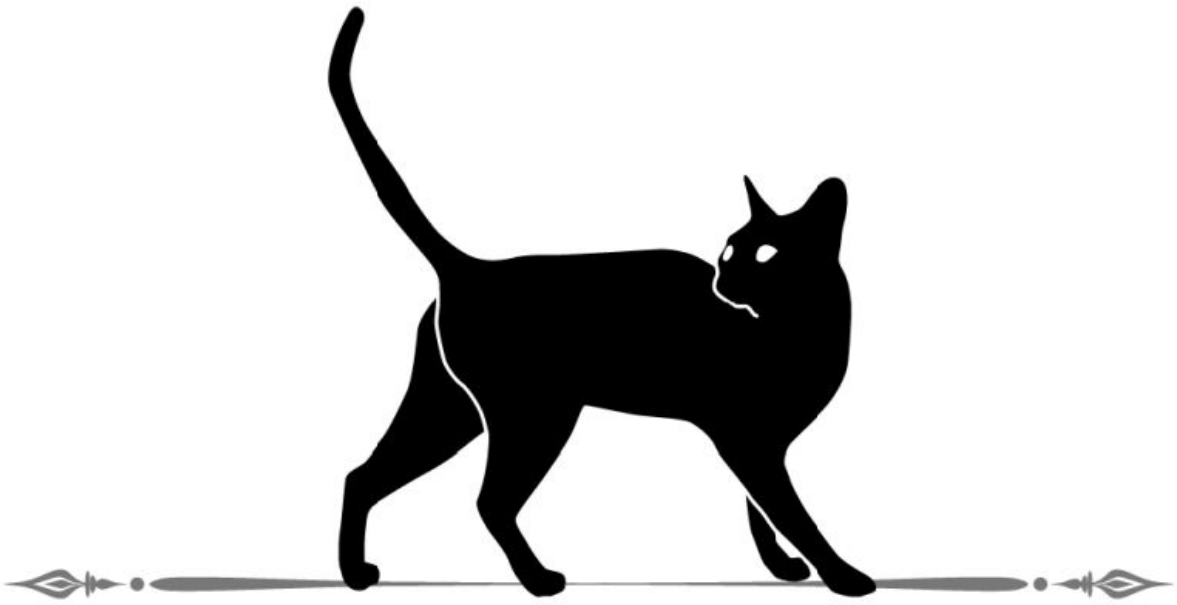
– Ты же ему на один зуб…

Галка опустилась на землю и тут же превратилась в кота. Который направился было к хозяину, но лапы его вдруг подломились, и кот завалился на бок.

– Мя-я-я… – жалобно сказал он. Под левой лопаткой у него зияла огромная круглая рана.

Аверин подхватил Кузю с земли и бросился в дом. Див, оказавшись у него на руках, едва слышно замурчал.

Часть третья
Демон и анархист



Глава 1

Троюродного племянника графа Аверина Виктор до сегодняшнего дня не видел ни разу. Зато уже дважды слышал от Маргариты историю его появления в доме. Парнишка загулял, и Гермес нашел его в притоне, избитого и ограбленного. Правда, по первой версии, рассказанной Маргаритой, Гермес притащил бедового племянника домой за ухо, а по второй – подгоняя подзатыльниками. Но, так или иначе, друг взял шефство над юношей, и тут уже не забалуешь. И польза от этого оказалась немалая – парень иногда ночевал у дядюшки и как раз в то утро видел все, что произошло возле дома.

Ранним утром три дня назад в полицию поступило несколько тревожных звонков. Люди слышали что-то похожее на выстрел и громкий крик. А старушка, встающая очень рано, заметила «анархиста». Узнав адрес, Виктор немедленно выехал на место, а позже забрал дело себе. По горячим следам был найден охотничий карабин. Полицейские опросили свидетелей. Была проведена экспертиза оружия и установлен владелец. Теперь настало время допросить «анархиста».

Виктор представлял себе нагловатого хлыща, но на стуле в гостиной сидел симпатичный парнишка чуть старше его собственного сына, в модной среди подростков синей косоворотке с вышивкой на высоком вороте. Это называлось толстовкой. Правда, волосы парня были выкрашены в разные цвета и на носу красовались нелепые круглые очки, но это было единственным, что выдавало в нем бунтарство. Кузьма, а именно так звали племянника, при виде полицейского поднялся, поклонился и вежливо поздоровался.

Второго «Кузи» видно не было. Имя это, опять же по словам Маргариты, «кот» обрел как раз благодаря племяннику. Это Гермес так пошутил, сказав домработнице, что нашел ей «Кузю», когда она просила завести кота. Впрочем, и кота экономка в итоге получила, и насчет племянника, судя по всему, внакладе не осталась. Гермес кормил парня и платил какие-то деньги за помощь, а Маргарита совершенно не гнушалась нагружать его домашней работой. А вот о «личности» кота говорить Маргарите было нельзя. Виктор отлично это

понимал. Чего греха таить, даже у него, несмотря на дружбу с колдуном, хватало суеверий по поводу дивов.

– А где же наш герой? – поинтересовался Виктор, садясь за стол. Было уже накрыто, но сначала нужно поговорить с Кузьмой.

– Следит за женой одного чиновника, – Гермес развел руками.

– О, вы теперь беретесь за слежку? – удивился Виктор.

– Да, я решил немного отдохнуть.

Из кухни вышла Маргарита с большой корзиной в руке.

– Уж вы поймайте этого живодера, Виктор Геннадиевич, – попросила она. – У нас в соседнем доме у Меньшовых собачку вот так же застрелили, прямо на глазах у детей, и так и не поймали никого. А Кузя хороший кот, курей не воровал, да и не держат тут курей.

– Ты шла на рынок, – напомнил Гермес.

– Да-да, ухожу-ухожу, никому не мешаю, – подхватилась Маргарита и направилась к двери.

О том, что произошло на самом деле, Маргарите знать не стоило. Оно и понятно.

Виктор проводил экономку взглядом и начал непростой разговор:

– К моему глубочайшему сожалению, графа Синицына пришлось отпустить. Да, карабин, брошенный на месте преступления, принадлежит ему. И отпечатки пальцев на нем тоже его. Но жена утверждает, что подозреваемый провел всю ночь с ней и уехал на службу в восемь. Да и вы с Кузьмой в один голос говорите, что видели дива.

Он повернулся и посмотрел на паренька:

– Ведь так?

– Не совсем, – сказал Кузьма, устремив темные стекла очков прямо Виктору в глаза, – я видел птицу. Очень большую, серую.

– Ты можешь ее описать? Стоп, нет. Давай ты мне подробно расскажешь, что именно ты видел.

Кузьма на минуту задумался.

– Я проснулся, когда Гермес Аркадьевич собирался на пробежку. Дверь хлопнула, я встал и вышел на улицу, на угол, где елки, подышать свежим воздухом.

– …покурить… – уточнил Гермес.

Кузьма, до этого неотрывно смотревший в лицо Виктору, резко повернулся:

– Я не курю! – возмущенно воскликнул он.

– Ладно, верю, – Гермес усмехнулся.

Воспитание племянника шло полным ходом. Вообще, в возрасте Гермеса пора было воспитывать собственных детей, но товарищу не везло с женщинами. Виктор понимал, что мириться с таким образом жизни, как у следователей и сыщиков, женщинам непросто. Это его Алена святая.

– Продолжай, – попросил он Кузьму.

Тот снова повернулся к полицейскому и вперил в него круглые стекла очков.

– Так вот. Потом Гермес Аркадьевич вышел за калитку, и див в форме кота больших размеров сбил его с ног, накрывая своим телом. Гермес Аркадьевич выставил щит и призвал Плеть.

– Так, подожди, как ты понял, что он выставил щит?

Юноша поднял руку и изобразил позу, которую, по всей видимости, принял Гермес.

– Вот. Вот так делают, когда держат щит.

– Учите его, что ли? – удивился Виктор.

– Немного, – подтвердил Гермес. – Небольшие способности у него есть. Колдун уже не выйдет, а вот помощник в самый раз.

Виктор даже немного посочувствовал Кузе. От Гермеса он знал, что не все мальчики с силой колдуна поступали в Академию. Многие были слишком слабы, чтобы сдать вступительные экзамены. А многих, даже поступивших, немилосердно отчисляли на младших курсах. Хотя, по слухам, в старые времена неуспевающие юные колдуны десятками гибли во время экзаменов. Так что в чем-то этому Кузьме повезло. Колдуном он не станет, зато будет жив, и если не заленится, Гермес устроит племяннику неплохое будущее.

И все-таки было в парне что-то странное. Вот этот прямой взгляд, например. Подростки не любят смотреть в лицо, особенно представителям закона. Может быть, дело в очках? Глаз самого парня не видно.

– Рассказывай дальше, – сказал он.

– Так вот. Див Гермеса Аркадьевича повернулся и рыкнул на кусты. Потом зашатался, из-за ранения. Я на кусты посмотрел и увидел огромную серую птицу.

Виктор нахмурился:

– Погоди, – с сомнением проговорил он, – если тот див стрелял в человеческой форме, а в другой он не мог, а потом обратился птицей и улетел, то как ты смог его разглядеть? Гермес говорил, что див не ниже седьмого уровня. Разве человеческий глаз такое видит?

Кузьма на секунду задумался, не сводя с полицейского взгляда, а потом уверенно сказал:

– Я видел птицу. Она расправила крылья и поднялась в небо. А потом да, исчезла.

Виктор посмотрел на Гермеса. Тот кивнул. Вероятно, в момент взлета птица не торопилась. Но это надо узнать точно, подростки любят приврать, давая показания, и потому, что фантазия у них бурная, и чтобы преувеличить свою значимость. Но, видимо, этот парень говорил правду.

– Хорошо. А потом?

– Наш див превратился в галку и за тем, серым. А Гермес Аркадьевич как закричит: «Назад, назад». А потом схватил его и в дом побежал. Ну и я зашел.

– Вот как, значит. Большая серая птица… И это не личина, так?

– Не личина, – вмешался в разговор Гермес, – смену истинной формы на личину я бы заметил. Это звериная форма того дива.

– Так… это нам почти ничего не дает. «Серых птиц» среди дивов первого класса может оказаться немало. И это если нам предоставят доступ к личным данным хотя бы городских фамильяров. А если это кто-то пришлый… Но надо будет поискать. Вы уверены, что Синицын не мог никого нанять, чтобы расправиться с вами и Кузей, который младший?

Хотя дива Кузю, конечно, стоило бы считать старшим, но сейчас это не имело значения.

– Уверен. Синицын псих, возможно, но не идиот. Я бы не удивился, если бы он сам пытался меня застрелить. Но нанять кого-то с сильным дивом, а потом зачем-то дать ему свой карабин – это слишком глупо и бессмысленно. Да и зачем такому диву карабин? Он бы разорвал нас обоих без особого труда. Я был совершенно не готов к нападению. Что, признаю, было моей большой ошибкой.

– Тогда почему он вообще стрелял?

– Думаю, именно для того, чтобы в моей смерти обвинили человека.

– Синицына?

– Да, его. У нас с ним был конфликт, он вызывал меня на дуэль. Почему бы и нет?

– Но план провалился.

– Да. – Гермес откинулся на кресле. – На самом деле, если бы не Кузя, я сейчас был бы мертв. Но тот, кто придумал этот план, совершил серьезную ошибку. Он не учел Кузю в своих расчетах.

– Значит, тот, кто подстроил все это, знал о вашем конфликте с Синицыным, но не знал, что вас защищает сильный див? Это маловероятно.

– Разумеется, – согласился Гермес, – тот, кто строил этот план, знал про Кузю. Но не учел его некоторых особенностей. Дело в том, что Кузя не совсем обычный див.

– Ну, это я уже понял.

– Именно. Он не агрессивен. Вы, кстати, знаете, почему на колдунов охотятся с серебряными пулями?

Виктор покачал головой. Ему это тоже показалось странным. Таким калибром можно было завалить медведя. А серебро означало, что убить хотели дива, притом не слабого. Но он списал эти факты на то, что убийца знал о защищающем Гермеса диве.

– Серебро нейтрализует и блокирует колдовство и чары. Поэтому оно так сильно ранит дивов, обычная пуля или отскочила бы от шкуры Кузи, или прошла бы насквозь, а рана закрылась через секунду. Но и колдуны в подавляющем большинстве защищены. Кто-то чарами, кто-то колдовскими знаками. Но не от серебра. Даже мой щит можно при желании прострелить серебром. Хотя нужно что-то помощнее карабина. Так вот. На мне тоже есть знаки, но их защиту пуля бы точно пробила и ранила меня. Серьезно ранила. И тогда Кузя из спасителя превратился бы в моего убийцу.

– Ого, – выдохнул Виктор, – ничего себе. Кто мог придумать такой дьявольский план…

– Див. Я думаю, его придумал див-исполнитель. Обычно тот, кто поручает диву убийство, не утруждает себя инструкциями. Тот же Кузя сам обставлял убийства как несчастные случаи, никто и не заподозрил.

– Да уж… интересно, сколько несчастных случаев вот так подстроено… – задумался вслух Виктор.

– Вот уж не знаю. Но то, что это нападение планировал див, – точно. Дело в том, что дивы по своей природе – агрессивные хищники. Их инстинкт – атаковать. Когда див защищает хозяина, он бросается на нападающего. В крайнем случае, если боится, стоит рядом и угрожающе себя ведет, не вступая в драку. Вы помните, именно так и поступили ваши собачки.

– Да, еще бы не помнить.

– Так вот. Самопожертвование совершенно не свойственно дивам. Поймать своим телом пулю, предназначавшуюся хозяину, да еще и повалить его при этом на землю и прикрыть собой, – такое поведение слишком сложно даже для дивов высоких уровней. Их этому надо специально учить. Невозможно было предвидеть, что так сделает див «звериного» класса, который у меня без году неделя. Стрелявший был уверен, что Кузя или кинется на него и будет сожран, или рванет жрать раненого меня. А он бросит карабин и улетит, и все подозрения падут на Синицына, у которого алиби – только жена.

– Подумать только… вот видите. Вы не успели завести себе дива, а он уже спас вашу жизнь. Да еще и таким образом… и как додумался только? Он сильно пострадал? Я видел на нем бинты, когда заходил сразу после происшествия.

– Это для Маргариты. На самом деле я сразу же начал лечить его, и вскоре рана закрылась. А потом сбегал в мясную лавку и взял зараз пятнадцать килограммов шеи. Надеюсь, мясник не будет об этом болтать, – Аверин усмехнулся.

– Эм-м… извините, – вклинился в разговор Кузьма, до это сидевший молча и слушавший с явным удовольствием, – мне заниматься надо. Можно я пойду уже?

– Вы все узнали? – спросил Гермес.

– Да. Иди, занимайся.

– Можешь идти к себе, – отпустил племянника Гермес.

Тот встал, прошел на кухню и тут же вышел, держа в руке тарелку, накрытую салфеткой. В другой руке у него был батон и кольцо «краковской». Виктор проводил его одобрительным взглядом: этот юноша не хотел мешать взрослым. Его собственный сын сидел бы и грел уши до последнего.

– А давайте-ка приступим к обеду, – проговорил Виктор и взял в руки вилку.

Некоторое время они ели. Наконец Виктор снова заговорил:

– Гермес, я понимаю, Кузя спас вам жизнь, он герой. Но… тот див, которого наняли вас убить, он же намного сильнее. Не пора ли запросить защиту в Управлении?

– Чтобы мне прислали Владимира? – Гермес насмешливо прищурился.

– Да хотя бы его. Это не шутки. И Владимир действительно хорошо знает свою работу.

– Ну, думаю, у Управления хватает других дел.

– А вот нет, – возразил Виктор, – это их работа. Прямая. Мы отпустили Синицына. Если в деле будет официально написано, что на вас совершил покушение див высокого уровня, то я однозначно запрашиваю помощь Управления, хотите вы или нет.

Гермес вздохнул.

Дверь с улицы открылась, и в дом зашел кот. То, что он был ранен, выдавал лишь небольшой круглый шрам на боку, уже начинающий порастать шерстью.

– О, а вот и ваш спаситель, – заулыбался Виктор. Он отломил половину одной из своих котлет и протянул коту.

– Можно? – спросил он у колдуна.

Тот подтвердил, и котлета почти мгновенно исчезла в пасти кота.

Когда Виктор ушел, Аверин направился наверх, в комнату Кузи. Тот побежал следом.

Закрыв дверь, Аверин скомандовал:

– Превращайся.

Кузя выпрямился и, не успел Аверин моргнуть, облачился в свою новую одежду.

– Я просил купить что-нибудь пристойное, – недовольно сказал Аверин.

– Так это и есть! – воскликнул див, и Аверин приложил палец к губам:

– Тс-с. Маргарита может прийти в любую минуту.

– Ага, – намного тише произнес Кузя, – это и есть пристойная одежда. Очень модно сейчас носить такие рубашки. Среди молодежи. Это называется «толстовка», в честь…

– Я знаю, в честь кого она называется, – заверил его Аверин. – Да что тебя все время тянет то в анархизм, то в толстовство…

– Это правда модно! Спросите вон у вашего друга. И вот, горло закрывает!

– Ладно, ладно. Пусть будет толстовка. Ты слышал, что этот самый друг сказал?

– Угу, – уныло подтвердил Кузя.

– Ты должен быть предельно осторожен. Владимир, или кого там отрядит Управление, не должен увидеть тебя в человеческой форме. По крайней мере, пока. Потом я что-нибудь придумаю… И нам с тобой нужно начать учиться работать в паре. Кто бы ни был этот див, по отдельности он нас порвет. Но если мы научимся атаковать и защищаться как команда, справиться с нами будет непросто. И тогда мне не будет нужна никакая защита Управления.

– Ага, – согласился див, – а как мы это будем делать? Ну, учиться.

– А для этого мы сейчас поедем в одно место.

– Человеком? – обрадовался Кузя, но Аверин его осадил:

– Нет. Котом, естественно. Там полно людей, и большинство из них отлично меня знает. Хотя лучше тебе, наверное, побыть собакой. Мне придется вести тебя на поводке.

– Зачем?! И почему нельзя водить на поводке кота?

Аверин видел, как люди выгуливают котов на поводке, и это всегда привлекало много внимания. Хотя…

– Ладно. Кот так кот, – легко согласился он. Мысли его были не об этом. Надо как-то замаскировать Кузю. Вечно прятать его все равно не получится. Рано или поздно Кузя-человек столкнется с кем-то вроде Владимира. И тогда… полетят головы.

Прятавшийся в саду родового поместья див прибег к маскировке. Официально считалось, что талисманы маскировки не изготавливают и не используют со времен войны. Такие талисманы блокировали силу того, кто их носит. Но и понять, что обладатель талисмана – див или колдун, было практически невозможно. Див в звериной форме мог учуять запах. Но для слежки и шпионажа среди высших дивов такой талисман был незаменим, и чтобы скрыть Кузю от дотошного взгляда Управления, тоже вполне подошел бы. И тут Аверина осенило. Он знал, где взять такой талисман!

– Я не вижу кота, – поторопил он Кузю.

Тот залез с ногами на кровать и спрыгнул уже котом. Вещи остались лежать на кровати, видимо, Кузя просто не хотел бросать их на полу. Бедняга до сих пор был расстроен из-за своего прекрасного черного костюма, пришедшего в негодность после его прыжка. Услышав щелчок затвора, он изменил форму так быстро, что не успел выскочить из одежды и попросту разорвал ее.

– Все, поехали.

Глава 2

На тренировочной площадке Аверин не был давно. Непозволительно давно. И никогда не был на ней в паре с собственным дивом.

Огромный трехъярусный стадион находился в очень красивом месте – с одной его стороны был большой лесопарк, а с другой – Финский залив. Со времен Петра Первого в этой, тогда еще пустынной, местности тренировались колдуны. Постепенно огромная площадка достраивалась и превратилась в современный комплекс с полосами препятствий, залами для одиночной работы и совместных занятий с дивами, площадками для тренировочных боев и тренажерами для боевых колдунов.

Аверин отправился на нижний ярус. В здание почти все заходили с собаками: именно в этих личинах дивы передвигались по городу. Но как только они переступали порог, все немедленно менялось – дальше шли уже леопарды, носороги, ползли змеи и скакали обезьяны. Дивы первого класса бывали тут редко, а фамильяры прошли все свои тренировки еще в древности.

Аверин увидел несколько знакомых лиц. На него смотрели с удивлением – точнее, не столько на него, сколько на кота на поводке. Все знали, что граф Аверин работает в одиночку и не имеет постоянного дива. Что ж. Времена меняются.

Один из знакомых колдунов, Эдвард Шевцов, подошел к нему. Он часто бывал у Аверина на лекциях, да и здесь они нередко встречались. Шевцов поздоровался и, не разводя лишних политесов, указал на Кузю:

– Решились все-таки, Гермес Аркадьевич?

– Да. Старею вот. Должен же кто-то мне в старости поднести стакан воды.

Шевцов рассмеялся в ответ на шутку, но как-то не особенно искренне. Он и сам был немолод и уже понимал, что выше своей средней категории не поднимется никогда.

Старость нередко страшила колдунов. Особенно боевых. И многие готовили дивов к тому времени, когда их собственное дряхлое

тело станет непригодно для боя.

Но Аверин об этом пока не думал – сейчас главное было сработаться с Кузей. А в том, что у них получится отличный тандем, он не сомневался.

Они прошли мимо иллюзорного зала, где тренировались боевые колдуны: образы монстров были взяты из реальной истории – дивы иногда обладали весьма причудливой внешностью. Иллюзии создавали чародеи, и монстры были сделаны весьма натурально. Они плевались огнем, причем довольно жгучим, кислотой, струями ледяных осколков, оставляющих вполне болезненные царапины.

Кузя с восхищением уставился на монстров, но Аверин пошел дальше, в зал для новичков.

Когда они заняли свое место, Аверин огляделся и указал Кузе на здоровенного крокодила неподалеку:

– Смотри, видишь вон того дива?

Крокодил двигался с удивительным проворством, перехватывая пастью тяжелые ледяные шары, которые швырял в него колдун. Шары раскалывались и разваливались на маленькие осколки.

Кузя повернулся. И в этот момент на его спину обрушилась Плеть.

Кот перевернулся в воздухе и принял боевую стойку. Размер он при этом не изменил.

– Увидел? Так вот, ты должен делать то же самое. Не пропускать мои атаки. Что размер не увеличил – правильно. Попасть труднее. Но… – Он снова взмахнул Плетью, и на этот раз Кузя почти увернулся. Почти. Обиженно поджимая лапу, он опять крутанулся в воздухе и, едва коснувшись земли, сначала замер, потом, придя в движение, начал хаотично перемещаться вокруг хозяина.

Аверин улыбался и не шевелился. И внезапно кончик Плети словно бы выстрелил из его руки и, извернувшись змеей, метнулся к Кузе. Кот превратился в живую молнию, казалось, он находится в нескольких местах одновременно. Конец Плети пролетел мимо. А Кузя со всего размаху врезался спиной в петлю где-то посередине.

После этого он остановился, быстро облизал то место, куда пришелся удар, и замер, уставившись на Аверина.

– Мя-я-а! – сказал он.

– Ага, – усмехнулся Аверин, – я вижу, ты готов слушать. И хочешь знать, в чем твоя ошибка.

– Мя-а! – согласился див.

– Я тебе расскажу. Но учти, сейчас Плеть у меня на минимальной поражающей силе. С каждой твоей ошибкой я буду наращивать мощь. А если ты успеваешь – уменьшать. По-моему, честно. И именно так нас учила Инесса.

Кот продолжал на него смотреть, ожидая продолжения.

– Так вот. Твоя ошибка в том, что ты просто уворачиваешься. Да, ты двигаешься быстро, но Плеть быстрее. Я сдал экзамен на владение оружием Инессе, а она – див десятого уровня. Разумеется, она дралась не в полную силу, но даже при этом сломала мне руку, и мне пришлось левой рукой управлять Плетью. С тех пор я тренирую обе руки. И поверь, наработал приличную скорость, даже по сравнению с той, что у меня была на экзамене. Но тебе не надо соревноваться со мною в скорости. Ты должен использовать нашу связь и избегать удара за счет того, что ты понимаешь и чувствуешь, куда я собираюсь его нанести. Да, обучая тебя подобным образом, я сильно ослабляю свою защиту перед тобой, но зато, эффективно действуя в паре, мы станем во много раз сильнее.

Плеть снова свистнула, рассекая воздух. На этот раз Кузя оставался на месте до последнего, и только когда она почти коснулась его спины, упал и откатился в сторону. Плеть лишь едва задела его ухо.

– Неплохо. Но я тебя задел, поэтому следующий удар будет больнее. Соберись. Ты должен двигаться не против моего оружия, а вместе с ним.

Было интересно наблюдать за Кузей. Он полностью сменил тактику, перестал прыгать и уворачиваться и бóльшую часть времени почти не двигался, пытаясь совместить свои ощущения и движения Плети. А пару раз даже нарочно подставился под удар. Это было удивительно. Обычно дивы, особенно недавно подчиненные колдуном, агрессивны, упорно пытаются вырваться на свободу или ранить хозяина, и чтобы заставить их слушаться и выполнять приказы, нужно приложить немало усилий. И только когда связь между дивом и колдуном крепнет, дивы становятся послушными. Многие своих дивов бьют и жестоко наказывают за попытки непослушания и саботаж, но Аверин не считал такой подход правильным. Ни в отношении животных, тех же собак и лошадей, ни в отношении дивов. С дивами

надо работать, умело используя их инстинкты, а не прибегать к грубой силе.

С Кузей все оказалось по-другому. Послушным его назвать было сложно, он постоянно искал лазейки в приказах, проверял хозяина на прочность, провоцировал. Аверин видел, что див его изучает. Но любую поставленную задачу Кузя выполнял с большим энтузиазмом, казалось, им движет искренний интерес. А его «защита»? Он вел себя не как див, который обязан драться за хозяина, потому что находится под властью заклятия и не может убежать или напасть на него, а как… верный оруженосец, именно такое сравнение пришло Аверину в голову.

Кузя не просто защищал – он помогал. Да, определить, что хозяин отравлен, и подать ему об этом сигнал – с натяжкой, но входило в рамки, диктуемые заклятием, но развести соль в воде? А эпизод с шершнем… Кузя не получал никаких инструкций, но запустил насекомое в дом, а сам выступил в роли спасителя с вполне конкретной целью – остановить начинающийся серьезный конфликт. А то, что он закрыл хозяина своим телом, вообще не укладывалось в рамки поведения дивов. Да, так вполне мог поступить Анонимус, фамильяр, оберегающий семью уже несколько столетий, но не только что пойманный дичок…

«Мне нравится ваш стиль». Складывалось впечатление, что див каким-то образом сам выбрал себе хозяина. Но зачем?..

Вот и сейчас Кузя чрезвычайно быстро уловил, как работает связь, когда колдун атакует. Уже после четвертого попадания он ушел от удара, причем в самую последнюю секунду, и было заметно, что это не случайность. А потом начал делать что-то совершенно невообразимое. Он начал двигаться вместе с Плетью. Совершенно не заботясь, попадает он под удар или нет, он пытался поймать ритм движений.

Нет, даже не Плети. Движений руки. Аверин не мог поверить своим глазам. У него не было опыта синхронизации связи, но его коллеги в этом самом зале рассказывали, что для достижения подобного эффекта уходит около трех месяцев постоянных тренировок. Что это может значить? Див старается изо всех сил не за страх, а за интерес? Или… он чувствует эмоции и намерения своего хозяина гораздо лучше, чем обычные дивы?

«Что же ты за зверь такой, Кузя?»

Аверин убрал Плеть и поднял руку:

– Все, довольно. Пойдем в другое место.

Они направились к иллюзиям. Аверин осмотрел те, что были свободны, и указал на химеру с головой ящерицы и павлиньим хвостом:

– Поймай мне ее. Но не убивай, приведи живой и невредимой.

Это было легкое задание. Как раз, чтобы дать Кузе отдохнуть и развлечься. Сам же Аверин устроился у стены и стал наблюдать.

Кот правильно понял задачу. Увеличившись до размера рыси, он начал «играть» с «добычей», постепенно загоняя ее поближе к хозяину. Да, Кузя абсолютно точно хорошо его чувствует. Опасно ли это? Не то слово! Но, с другой стороны, это открывает множество возможностей.

Какое-то движение отвлекло Аверина от Кузи. Он повернул голову. И удивленно округлил глаза – прямо к нему шел див Владимир. За ним еле поспевал молодой человек в хорошем костюме и со значком Управления на лацкане пиджака.

Они подошли ближе, и Владимир слегка посторонился, пропуская своего сопровождающего вперед. Тот наклонил голову:

– Добрый день, ваше сиятельство. Мое имя Сергей Мончинский.

– Очень приятно, – поприветствовал его Аверин и повернулся к Владимиру. Ворот рубашки дива был расстегнут, и ошейник с печатью в виде золотого двуглавого орла блестел в солнечном свете, проникавшем через большие окна. Это было правило, принятое здесь. Ошейник на диве любого класса и уровня должен быть виден и ничем не прикрыт. Див поклонился и проговорил:

– Рад приветствовать ваше сиятельство.

– Не думал увидеть тебя здесь. Что же тебя привело?

– Не «что», а «кто», – вежливо поправил его Владимир, – у меня новый хозяин. – Он кивнул на молодого мужчину из Управления.

Мончинский… Аверин знал одного Мончинского. Может быть, это его сын?

– А старого ты съел? – не удержавшись, пошутил он и тут же пожалел об этом. Мончинский вздрогнул, и на лице его появилось такое выражение, будто Аверин попал в точку. И колдун понял вдруг, что этот симпатичный, хорошо одетый «хозяин» до дрожи боится своего дива.

– Никак нет, – Владимир изобразил на лице улыбку, давая понять, что он оценил шутку. – Вам, конечно, известно, что диву моего уровня положено менять хозяина раз в год.

– Да, я знаю. Значит, время пришло. Ну что же, я надеюсь, вы хорошо сработаетесь.

Аверин снова посмотрел на Сергея Мончинского. Совсем молодой колдун. Может, пару лет как из Академии, после практики в полиции перешел в Управление, и сразу ему такой подарочек.

Владение сильным государственным дивом совершенно не было синекурой. По сути, само владение было чистой формальностью. Да, див подчинялся и выполнял приказы, но в высших приоритетах у него числилась не защита хозяина, как практиковалось обычно, а служение Российской империи и непосредственно императору. То есть обязанностей и рисков у колдуна было много, а пользы практически никакой. Использовать в личных целях дива было невозможно, даже если приказать ему что-то сделать и молчать, то через год он расскажет все следующему хозяину, а прежний отправится на каторгу. Именно так каралось злоупотребление властью в отношении государственного дива.

Если сейчас Аверин решит напасть на Сергея Мончинского, Владимир запросто может вообще не отреагировать. А если и вмешается, то исключительно потому, что нападать на госслужащего противозаконно. Как и на любого гражданина. А если вдруг в тренировочном центре случится пожар или вырвется из-под контроля сильный див, Владимир бросится спасать тех, кто находится поблизости. И его хозяин не будет не только одним из первых. Возможно, не будет даже последним, ведь он тоже на государственной службе и спасать людей – его работа. Зато если придет приказ об аресте хозяина – его див первым наденет на него наручники.

А самое печальное: если Мончинского ранят, Владимир немедленно его сожрет. Так что Аверин даже слегка посочувствовал молодому колдуну. Слегка, потому что – а как иначе он хотел строить карьеру колдуна на государственной службе?

Внезапно рядом пролетел орущий во всю глотку ящеропавлин. Следом за ним стрелой пронесся Кузя, оба заложили крутой вираж, иллюзорный див с громогласным воплем метнулся под ноги Аверина, и Кузя, издав победный мяв, придавил его обеими передними лапами.

– Очень хорошо, – похвалил кота Аверин. – Отпусти.

Кузя убрал лапы, и иллюзия рассеялась, чтобы снова собраться на стенде.

Владимир с любопытством посмотрел на Кузю:

– Это ведь демон с набережной?

Кузя выгнул спину и зашипел. Ну еще бы, он хорошо помнил то время, когда этот див собирался его сожрать. Но Аверин сомневался в подобных намерениях Владимира. Тот наверняка неплохо контролировал свои инстинкты. И если какую-нибудь мелочь он и правда сожрал бы, не задумываясь, то «погранца» однозначно доставил бы в Управление. Там бы ему скормили какого-нибудь приговоренного к смертной казни бедолагу и надели ошейник с орлом.

– Да, это он, – подтвердил Аверин, а Кузя, пошипев еще немного, сел и принялся тщательно вылизываться.

– Ловко вы нас обвели вокруг пальца, – снова улыбнулся Владимир, – когда я и мой прежний, – он подчеркнул это слово, – хозяин прибыли в участок, господин участковый пристав Смирнов показал нам уже подписанные вами, им и господином участковым колдуном Фетисовым бумаги.

– Давай воздержимся от громких высказываний, – холодно ответил Аверин. – Я имел полное право оформить в собственность пойманного мною дива. И, само собой, я попытался сделать это как можно быстрее, мне ведь еще необходимо было провести обряд. Ты видишь в этом что-то противозаконное?

Этот разговор совершенно не нравился Аверину. Чего хочет Владимир? Он что-то подозревает? Вполне возможно.

– Нет, все совершенно законно, – согласился див, – но вот его сиятельство граф Синицын так не считает. Он написал на вас жалобу, что, мол, вы преступно укрываете убийцу его сына. И даже ссылался на законы Соединенного Королевства, где дива принято карать, даже если он действовал по приказу хозяина. Вместе с хозяином, разумеется. – Улыбка не сходила с лица Владимира. А вот глаза его оставались совершенно серьезными, без какого-либо намека на эмоции. Что же. Этот точно не дает забыть о своей сути.

– У нас не Соединенное Королевство, – заметил Аверин.

– Безусловно. Я думаю, именно такой ответ и получил граф Синицын на свою жалобу. Но, уверен, он на этом не остановится.

– О, так ты подошел меня предупредить? Как мило. Особенно в связи с покушением на мою жизнь. Но это не Синицын. И я уверен, ты это тоже уже знаешь.

– Безусловно, – согласился Владимир. Его хозяин за все это время не проронил ни слова. – Но я подошел взглянуть на вашего дива. И… – Он повернулся к Мончинскому и многозначительно посмотрел на него.

– А, да… – Тот приложил руку ко рту, сделав вид, что откашливается. – Не окажете ли вы мне любезность выйти с нами на тренировочный бой? Вы с вашим дивом, а я со своим.

М-да. Это была очень хорошая мина при крайне плохой игре. Кто в этой паре настоящий хозяин, было видно невооруженным глазом. Аверин улыбнулся:

– Мы занимаемся с моим дивом первый день, и он существенно уступает вашему. Может быть, вам стоит поискать более подходящих партнеров?

Мончинский открыл было рот, но тут заговорил Владимир:

– У вас слабый необученный див, а у меня – колдун. Я думаю, все честно. И я не буду принимать боевую форму, останусь человеком.

Мончинский дернулся, как от пощечины. Да это, по сути, и была пощечина. Аверин пристально посмотрел на колдуна. Что он будет делать? Такой выпад нельзя оставить без ответа. И, похоже, Мончинский это понимал. Его щеки залила краска, но он, постаравшись справиться с эмоциями, встретился глазами с Авериным и проговорил:

– Мой див прав. Я действительно слаб и неопытен и был бы очень благодарен вам за пару уроков. В этом зале нет никого более достойного.

Ответ Аверину понравился.

– Хорошо, я согласен, – он наклонил голову. Теперь было просто необходимо поддержать Мончинского. И по возможности преподать Владимиру урок.

Непростая задача.

– Нам нужно несколько минут для подготовки. Встретимся в зале для тренировочных боев.

Владимир поклонился, а Сергей Мончинский бросил на коллегу взгляд, полный благодарности. Ох, нелегко придется молодому колдуну.

Оставшись наедине с Кузей, Аверин наклонился к нему:

– Слушай меня внимательно. Тактика будет такая. Ты должен полностью отвлечь колдуна на себя. Я займусь дивом. За меня не волнуйся, это тренировка, он не имеет права ранить меня даже до крови. Здесь полно сдерживающих заклятий, да ты и сам их чувствуешь. Владимир своего колдуна защищать не будет, так что на его счет можешь не беспокоиться. И вот еще. Ты видел, как этот див унижает своего нового хозяина, и знаешь, что я этого не люблю. Ты должен помочь колдуну почувствовать себя увереннее. Но не поддавайся, проиграть мы тоже не должны. И самое главное, старайся не попасться под случайный удар Плетью. Для дива твоего уровня попасть под оружие своего колдуна – это позорище.

– Мя-а-а, – сказал Кузя. И они двинулись на площадку.

Мончинский и Владимир их уже ждали. Оба переоделись: во время боев одежда страдает больше всего. У Аверина сменной одежды не было – он планировал только тренировку с Кузей. Но тем больше причин не дать себя достать. Да, серьезно ранить Владимир не сможет, но вот сломать ребра или челюсть – вполне. А это в планы Аверина тоже не входило.

Он поднял руку:

– Начали.

Владимир исчез. Аверин прекрасно знал, что обычный человеческий глаз не способен увидеть движения дива высокого класса, но и не зрение было его главным органом чувств. Он мгновенно выставил щит, переводя его в режим барьера, и выпустил Путы. Бледные нити взвились в воздух, описав вокруг две дуги, и тут же он ощутил едва заметное касание барьера. Владимир решил атаковать колдуна. На это и был расчет. Наверняка див будет ждать, что Кузя кинется на защиту. Нити метнулись к месту касания, но захватили воздух. Див был осторожен.

Краем глаза Аверин заметил, как Кузя, увеличившись до размеров льва, сделал несколько кругов вокруг Мончинского, не давая тому смещаться по залу, а затем прыгнул, атакуя. В воздухе вместо гигантского кота возникла лошадь. Бешено перебирая передними копытами, она летела на колдуна. Мончинского атака однозначно впечатлила. С его рук сорвались два огненных кольца и помчались в сторону Кузи, расширяясь. И вот тело лошади попало в кольцо. Тут же

кольца с треском схлопнулись. Над вращающимися в воздухе дисками взмыла галка.

Хорошее оружие. С большим потенциалом. Таким кольцом можно и перерезать дива пополам, и удержать его, чтобы взять живым. Но против Кузи Мончинскому придется несладко. Да, молодой колдун сдал экзамен Инессе, но Кузя силен и хитер. И есть в нем то, что Аверин назвал бы творческим подходом к делу.

Мощный удар обрушился на барьер. Удерживая его, Аверин упал на одно колено, оттолкнулся рукой от пола и тут же, вставая, выбросил вперед Плеть. Так, не отвлекаться. Стоит довериться Кузе в его поединке, тем более что тому удалось полностью оттянуть Мончинского на себя. Аверину нужно сосредоточиться на главной задаче.

А она была непростой. Барьер служил не только защитой, но и сигнальной системой, позволяющей понять, где находится атакующий див. И атаковать в ответ. Реакция требовалась молниеносная. Нельзя дать диву возможность проломить барьер и ударить напрямую.

Плеть описала круг над головой и змеей обвила ноги. Владимир не нападал, но и не появлялся. Видимо, кружил вокруг барьера и выжидал удачного момента. Аверин тоже остановился, выжидая. Пока див не выдаст свое местоположение, атаковать не имело смысла.

Мимо плеча с громким карканьем пронеслась черная тень – галка. Прямо в полете тень мяукнула, превращаясь в кота, который приземлился где-то за спиной. Следом за Кузей пролетели два огненных диска.

И вдруг один из них исчез. Аверин тут же махнул крест-накрест в том же направлении и понял, что попал. Отлично. Он не ошибся. Владимир отбил и уничтожил один из дисков хозяина, оказавшийся в опасной близости от него. Хм. Скорее, отмахнулся, даже не задумавшись. Выпустив Путы, Аверин натянул нити и почувствовал – поймал. Он размахнулся Плетью, но не успел: нити с треском лопнули и удар прошел мимо. Примерно в трех метрах снова пронеслась орущая галка.

И тут Аверин догадался, что делает Кузя. Он видит Владимира и пытается указать хозяину на его местоположение. А заодно прикрывается дивом от атак Мончинского. Да, Кузе тяжело успевать за Владимиром, но див определенно видел, где барьер Аверина уязвим

больше всего. И появлялся с этой стороны, потому что туда и следовала атака Владимира.

Снова по кругу площадки понеслась лошадь. Слилась в одну сплошную рыжую полосу, и сразу четыре кольца взлетели в воздух. Вверх взмыла галка.

И туда же атаковал Аверин. Свистнула Плеть. И Аверин ощутил сильнейший удар по барьеру. Обнаруженный див сразу атаковал, рассчитывая на то, что Плеть – оружие дальнего боя.

Аверин немедленно сплел Путы в сеть и выставил в месте удара.

Сеть разлетелась в клочья, и на миг Аверин увидел лицо Владимира – все же удалось его немного затормозить. Этого мгновения хватило, чтобы отскочить в сторону, увеличивая дистанцию.

Плеть описала в воздухе дугу.

Но див исчез. И тут Аверин услышал негромкий вскрик и за ним истошное:

– Мя-а-а!

Он скосил глаза, не теряя концентрацию, и увидел, как метнувшийся под ноги Мончинскому Кузя превращается в галку и взмывает вверх.

Только бы Владимир не догадался, что Кузя мечется не беспорядочно, а выдает его.

И тут в голову Аверину пришла идея. Словно отвлекшись на собственного дива, он развернулся и немного ослабил барьер, открывая бок. И уставился на галку, сверля ее взглядом:

«Смотри на меня. Пойми, что я хочу. Помоги мне это сделать».

И Владимир попался. Он атаковал открывшийся бок. Но за секунду до его удара Аверин размахнулся и развернул Плеть туда, откуда должна была прийти атака. И едва не коснулся кончиком Плети крыла: в той же точке уже был Кузя. Но вот галка вскрикнула, теряя высоту, видимо, Владимиру удалось схватить ее. И в то же мгновение сомкнулось, достигнув цели, огненное кольцо Мончинского. Кузя котом шлепнулся на землю.

– Мя-а-а! – возмущенно заорал он.

– Довольно, – сказал Аверин.

Владимир тут же появился справа от него. Его рукав дымился. Через несколько секунд к ним подбежал Мончинский. Дыхание у

молодого колдуна слегка сбилось. Неплохо он держался. Очень неплохо.

Аверин оглядел свою небольшую группу. Для закрепления материала не помешает немного теории.

– Вы просили меня о тренировке, поэтому я дам несколько пояснений, – сказал он. – Первое, что я хочу объяснить, – это почему так важна связь между дивом и его хозяином. Начнем с азов. Див априори быстрее, сильнее и часто намного опытнее колдуна. Поэтому считается, что во время боя, пусть даже тренировочного, попасть под удар оружия собственного хозяина – самая постыдная ошибка, которую может совершить див. Это так и есть. Но дело не в силе и не в скорости. Див может быть сколь угодно силен и опытен, но в связке главный – колдун. Не потому, что это тешит самолюбие колдуна, и даже не потому, что над дивом нужен контроль. Я знаю, что многие дивы презирают людей за их слабость. И вот это и есть самая большая ошибка. Именно люди, несмотря на свою «слабость», успешно подчиняют себе дивов. И сражаются против них, несмотря на серьезную разницу в силе, и нередко побеждают.

Вот посмотрите. Мой довольно слабый по сравнению с тобой, Владимир, див во много раз превосходит меня. Примерно настолько же, насколько ты превосходишь его. Однако во время нашего боя ты меня ни разу не сумел задеть. Да, я тебя, можно сказать, тоже. Но ты сам знаешь, насколько ты сильнее.

Владимир кивнул. Он слушал очень внимательно. Мончинский не сводил с Аверина восхищенного взгляда. И только Кузя дергал ушами и иногда почесывался, но Аверин знал, что див ловит каждое его слово.

– Конечно, ты можешь думать: «Ну это просто тренировочный бой, а что бы было, атакуй я в боевой форме да в полную силу», – продолжил Аверин, – но я бы тоже привлек тогда все свои резервы. И это не только сила, оружие, заклятия и талисманы. Моей Плетью управляет не рука. Ею управляет мой разум. И главное оружие колдуна – это его воля. Сколько бы ни было силы, если воля слаба – колдун проиграет. Как и его див. А теперь к главному. Вы все видели, как мы с моим дивом ловко заманили и тебя, Владимир, и вас, Сергей, в ловушку. Очень показательную. А знаете почему? Да, мой див, Кузя, еще неопытен. Он многого не знает и не умеет. Но он верит мне. Верит

в меня. Верит в то, что если я настолько рационально могу использовать собственную силу, то с его мощью добьюсь много, много большего. И поэтому он прислушивается ко мне и помогает. Так же, как я помогаю и доверяю ему. А вы во время боя только мешали друг другу. И вот над этим, в первую очередь над доверием, вам и надо работать. Думаю, вы оба сюда именно для этого и пришли.

– Конечно! – заверил его Мончинский. Он повеселел и держался немного увереннее.

Владимир поклонился.

– Благодарю вас за отличный бой и урок, ваше сиятельство, – проговорил он.

Со всех сторон раздались аплодисменты. Аверин огляделся. Бой и последующая лекция собрали немало зрителей.

– Тогда, с вашего позволения, мы откланяемся.

Он махнул рукой Кузе. Тот, задрав хвост, побежал следом.

В машине Аверин откинулся на кресло и нащупал рукой фляжку с водой. Напившись, он выдохнул:

– Уф. Это было непросто. Я получил массу информации, которую нужно осмыслить. Надеюсь, ты тоже многому научился.

– Мя-я-а! – согласился Кузя и вытянул морду, старательно обнюхивая хозяина.

– Да, я знаю, – пробормотал Аверин. – Дома приму душ. Но, думаю, тебя таким не смутишь.

Он терпеть не мог мыться в общей душевой. Несмотря на отдельные кабинки и регулярную уборку, ему не нравилась мысль, что кто-то до него уже стоял тут босыми ногами. Да и вообще находиться голым в общественном месте, особенно среди колдунов и дивов, было не слишком комфортно.

Дома их ждали Маргарита и ужин. Кузя забежал первый и тут же помчался на кухню – он знал, что в мисках уже лежит еда и налито молоко. Маргарита заметила в руках Аверина тонкий поводок.

– О… А я смотрю, куда Кузенька пропал… Вы с ним гуляли, что ли?

– Да, в парке, возле залива, – почти не соврал Аверин и добавил: – Ну а что? Все с собаками, а мы чем хуже?

– И то правда, – рассмеялась Маргарита. – Вы садитесь, уже готово все.

– Сейчас, переоденусь только.

Аверин сходил в душ, переоделся в домашнее и принялся за ужин, раздумывая, была ли сегодняшняя встреча с Владимиром случайностью. В любом случае с маскировкой Кузи откладывать нельзя. Владимир видел дива в деле и теперь хорошо понимает, что Кузя сильнее обычного дива второго класса. Аверин заметил, что Кузя многие из своих умений скрыл, причем без напоминания, и это радовало. Нужно будет поговорить с ним, как только Маргарита уйдет домой.

А пока следовало заняться главным вопросом.

Допив чай, он направился к телефону. Набрал номер и уже через секунду услышал голос Анонимуса:

– Поместье графа Аверина.

– Это я, Анонимус, позови Василя.

– Сию минуту.

В трубке повисла тишина. А потом раздался голос брата:

– О, Гера! Добрый вечер. Рад тебя слышать. Как машина?

– Как хороший фамильяр. Мощная, быстрая, послушная.

Василь рассмеялся:

– Ты… по делу звонишь?

– Ну, почти. Хочу к вам приехать завтра к вечеру. Ты не возражаешь?

– Я? Нет, конечно. Приезжай, когда захочешь. С Кузей?

– С Кузей. Полагаю, его вы ждете больше, чем меня.

– Ну не без этого, – с готовностью подтвердил брат, потом голос его стал серьезным: – Слушай, у меня к тебе просьба.

– Сделаю все, что смогу, – заверил Аверин.

– Скажи, ты можешь вызвать для нас дива? Точнее – для Веры? Нет, хозяином буду я, разумеется. Какого-нибудь совсем слабенького, чтобы был безопасен для меня и детей? И такого, чтобы выглядел, как твой Кузя. Какой-нибудь миленькой зверушкой?

– Хм-м… – задумчиво протянул Аверин. Вызвать дива он, конечно, мог, но для этого придется убить такую же «миленькую зверушку», и где гарантия, что на вызов не придет что-нибудь не слишком симпатичное?

– А почему бы просто не завести собаку? – на всякий случай поинтересовался он.

– Тут понимаешь, какое дело, – чувствовалось, что брату неловко, – Вера уже большая. И кое-что неприятное для себя уже понимает. Ее сестра закончила Академию. Туда же поступит ее брат. А она – нет. И объяснить ей, почему такая несправедливость, совершенно невозможно. Даже я не понимаю, почему девочек не берут в Академию учиться на колдуна. Вот взять тебя. Ты своего дива завел в сорок лет. Кто мешает так же поступить и колдунье? Предположим, раньше женщинам вообще не разрешали учиться. Но сейчас-то? Я слышал, в Европе женщин принимают в их аналог Академии.

Аверин вздохнул. Этого он сам не понимал. Но подозревал, что старинные традиции заменило мощное лобби церкви, а вернее – скитов. Ведь именно в скит идут девочки с колдовской силой, если хотят учиться. И скиты принимают их и даже в конце выдают государственную звезду. Но чтобы поступить в скит, нужно стать монахиней – попасть под полный контроль настоятельниц. Не случайно колдуний из скитов злые языки называют ведьмовским ковеном. Но обсуждать это по телефону не стоило.

– Так почему див-то? – уточнил он, переводя тему.

– Потому что Анонимус. Уже всем понятно, что он принадлежит Мише. У Веры, получается, нет ничего «своего». Я хочу, чтобы был див, который принадлежит ей, хотя играть с ним могут все, понимаешь? Чтобы слушался ее, защищал. Я думал о собаке, да. Но даже самый слабый див намного умнее и сильнее обычной собаки. Ведь так?

– Так, – согласился Аверин. В конце концов, можно заказать у мясника несколько живых свиней, хоть какой-то див с приличной формой должен попасться. Да и собаки встречаются нередко.

– Какие животные ей нравятся? – решил уточнить он. – И кого она не любит или боится?

– Боится только ос и больших пауков. А нравятся кошки, лисички, ежи и, как оказалось, змеи.

– Ну, со змеями вы там без меня разберетесь, – хмыкнул Аверин и задумался… Лиса…

– Вот что. Я попробую с этим что-нибудь сделать. Но заранее Вере ничего не говори. Если получится – будет сюрприз.

– Огромное тебе спасибо, Гера! – воскликнул Василь.

– Пока еще не за что. В общем, до завтра тогда.

– До завтра.

Аверин вернулся в гостиную и сел в кресло. Что же, он долго откладывал визит к Анастасии, и самое время ее посетить. Тем более – теперь есть неплохой повод.

– Гермес Аркадьевич, я ухожу, – оповестила Маргарита. Она уже собрала свою сумку и направлялась в коридор. – Ничего по пути купить не надо?

– Нет, не нужно. И завтра приходи часам к одиннадцати, – сказал Аверин и подумал, что, если ему понадобится свинья, он сам закажет ее у мясника.

Маргарита понимающе покачала головой. Экономка боялась дивов, поэтому он всегда отсылал ее, совершая вызовы.

– До завтра, Маргарита.

– До завтра, Гермес Аркадьевич.

Как только за ней закрылась дверь, Аверин позвал Кузю:

– Иди переоденься и принеси свою тетрадь.

Кузя мявкнул и убежал наверх.

Глава 3

Только в одном они не соврали Виктору. «Кузьма» действительно уходил заниматься. Аверин задался целью научить дива писать. Это не казалось сложной задачей – читать Кузя пусть не слишком бегло, но умел, поэтому Аверин еще в день нападения, пока див отдыхал после лечения, сходил в канцелярский магазин и купил там пару детских книжек и прописи и каждый день давал Кузе несложные задания.

Черт, как же нехорошо, просто отвратительно выходило с Виктором. Аверину было мучительно стыдно обманывать друга. Тем более что он прекрасно понимал: Виктор – опытный и проницательный следователь, и рано или поздно он догадается, кто такой Кузьма. И тогда неприятного разговора не избежать. Аверин был уверен, что Виктор не выдаст его, и не потому, что сам пострадает гораздо больше, а в силу личной порядочности и дружеского отношения. Но дружбе наверняка придет конец. Простил бы подобное сам Аверин? Он не знал. Он даже не знал, поверит ли Виктор в то, что это была глупая ошибка. Ведь сам Виктор рискует своей должностью, а то и свободой, а Аверин, даже если история вскроется, отделается просто крупным штрафом «за содержание дива уровнем выше, чем указано в лицензии». Другой статьи для случая с Кузей в Уголовном Уложении не было. Аверин не вызывал дива первого класса и не раскармливал второй класс людьми, а значит, не совершал убийства. Он не похищал чужой талисман Подчинения. Да, он не проверил дива перед регистрацией, но это вообще не его работа. Так что он даже лицензией не рисковал. В отличие от Фетисова, который точно потеряет все. Нет, стоит придерживаться выбранного пути до тех пор, пока повышение уровня Кузи можно будет убедительно обосновать. И тогда, возможно, Виктор сможет простить ошибку.

Кузя, переодетый и даже причесанный, протянул тетрадь, прервав тягостные размышления. Аверин открыл пропись: все пройденные буквы были тщательно записаны в аккуратные ровные строчки. Они с дивом уже дошли до буквы «р», и Кузя исписал слогами с этой буквой целую страницу.

– Молодец, очень неплохо, – похвалил Аверин.

– Ага, – согласился Кузя, – но все равно не понимаю я, зачем так мучиться, можно же просто рисовать печатные, как в книжке. А слитно и писать тяжело, и читать замучаешься. Я все эти записки с большим трудом разбираю.

– Так писать быстрее, – не совсем уверенно ответил Аверин. Он и сам часто мучился от неразборчивого почерка.

– Спорим, я напишу печатно быстрее, чем самый быстрый человек? – показал зубы Кузя.

– Даже спорить не буду. Это придумано для людей, а не для дивов.

– Как одежда, да?

– Вроде того. И поучись, пожалуйста, улыбаться нормально. А то тебя моментом раскусят. Особенно Виктор.

– Я тренируюсь! – Кузя снова попытался изобразить улыбку, и на этот раз получилось вполне сносно.

Аверин бросил взгляд на тетрадь.

– Сегодня уже поздно, завтра я тебе объясню и выдам новое задание. А с утра мы пойдем в гости.

«А потом, возможно, покупать свинью».

– И еще, – он наклонил голову и внимательно посмотрел на дива. – Скажи, стал бы ты жрать дива, допустим, второго класса одиннадцатого или двенадцатого уровня, если я такого вызову?

– Вы имеете в виду, напал бы я на него? Если бы он меня не трогал, то нет. Вы хотите вызвать еще одного дива на защиту?

Аверин задумался. А идея не была такой уж плохой. Вот только не станет ли новый див скорее обузой, чем защитником.

– Хм. Не совсем. Если бы я тебе приказал его сожрать?

– Сожрал бы. Но вам бы этого не простил.

– Это почему еще? – удивился Аверин.

– Мою силу это почти не увеличит. По крайней мере, она даже близко не сравнится с силой того, кто вам угрожает. Значит, вы просто зря убьете дива. Это плохой поступок.

– Ах да. Все время забываю, что ты у нас философ и моралист. Но если бы ты встретил этого дива в Пустоши, разве ты не напал бы на него и не сожрал?

– Напал бы. И сожрал. Но это другое. Совсем другое, – див недоуменно посмотрел на колдуна, – вы разве не понимаете?

– И в чем же разница? Ты можешь сесть, кстати, – Аверин указал на стул.

Кузя с явным сожалением посмотрел на ковер и примостился на стуле.

– Ну очень просто же. Там моя добыча может убежать. Может сражаться. Может спрятаться. И у меня выбора тоже нет – если я не нападу на дива, это сделает он. Или кто-то другой, а я голоден, и у меня нет сил. Совсем другое – убивать призванного безответного дива. Вот если ваш враг снова нападет и нам удастся с ним справиться – я сожру его, можете не сомневаться.

– Хм… а ведь это отличная идея, – Аверин смерил Кузю взглядом с ног до головы, – если нам удастся скормить тебе дива седьмого уровня, это вполне объяснит, почему ты в первом классе.

«Но не Виктору. Черт. Нужно все-таки поговорить с ним и все рассказать… Это будет честно, и он будет знать, что в опасности… Но, с другой стороны, он будет мучиться, что не сознался в должностном преступлении. И получится так, будто я перекладываю груз с себя на него…»

Пока Аверин терзался муками совести, Кузя сидел, уставившись в одну точку. Потом он ожил, повернулся и спросил:

– Так вы, выходит, не меня скрываете, а то, что я в человека превращаюсь? И для этого хотели меня заставить вызванного дива жрать? Чтобы объяснить, почему я такой сильный стал? Не выйдет… Виктор Геннадьевич меня уже увидел. А почему вообще? Ну, в человека нельзя?

– Странно, что ты только сейчас задал вопрос. Я же тебя уже давно скрываю.

Кузя пожал плечами:

– Сомов меня тоже скрывал. Мало ли вам зачем. Чтобы не завидовали, чтобы не боялись, люди вообще дивов боятся. Я и сам скрывал, что в человека умею.

– Ты был у Сомова незаконно. Это серьезное преступление. А я колдун и имею право держать дива. Но только второго класса. А ты первого. Понимаешь?

– Не очень. Какая разница? Анонимус первого класса, а ваш брат – его хозяин. И Владимир первого, и даже посильнее, а у него хозяин

тот унылый испуганный колдун. Вы такой сильный, почему вам нельзя?

Аверин смерил Кузю долгим взглядом. А потом решился и принялся рассказывать. Начиная с того, какую ошибку совершил, и заканчивая тем, чем все это может закончиться. Кузя должен обладать максимумом информации, чтобы случайно не выдать себя. И он достаточно умен, чтобы сделать правильные выводы и помочь.

А еще Аверину нужно было выговориться. Может, тогда на душе не будет настолько гадко.

Кузя слушал его очень внимательно.

– Значит, чтобы Виктора Геннадьевича не посадили в тюрьму, нам нужно поймать того дива, а я его сожру? И все?

Аверин горько улыбнулся:

– Да, именно так. Всего-то.

– Ну тогда я вообще не вижу проблемы, если нам его все равно ловить. Или мы его убьем, или он нас. В любом случае ваши друзья не пострадают, так?

– Ну, получается так.

Внезапно Кузя нахмурился и потер нос рукой.

– А если я его съем, вы же тогда, получается, меня отдадите в это самое? В Управление?

– Возможно, придется, – уклончиво ответил Аверин.

– Я не хочу, – отрезал Кузя.

– Почему?

– Я не хочу больше подчиняться хозяину, которого презираю. Я слышал и помню все, что вы говорили в зале. И готов полностью вам довериться. Но что, если я опять попаду к такому же человеку, как Сомов?

– Ты не совсем понимаешь. Ты будешь служить не хозяину. Ты будешь служить государству.

– Еще не хватало. Государство – это институт порабощения масс!

– Чего?! – не поверил своим ушам Аверин. – Ты что же, и правда анархиста когда-то съел?

Кузя смутился:

– Не ел!.. – Он внезапно запнулся. – А почему это я сам не могу так считать?

Аверин сжал пальцами виски:

– Так. Вот скажи мне, ты же совсем не помнишь, что с тобой было до того, как ты оказался в Пустоши?

– Я родился в Пустоши. Точнее, появился. Мы не так рождаемся, как вы. Вы получаетесь из двух людей разного пола. А нас выбрасывает из огромных черных ям кучей слабеньких дивов, которых вы здесь называете бесятами. Малыши тут же начинают бороться друг с другом. Если им не повезет, то всех сожрет нашедший яму сильный див, а если повезет – уцелевшие выбираются из ямы и прячутся среди льдин, дерутся и едят друг друга. Иногда из вашего мира в дыру выпадет какое-нибудь животное. Тогда мы съедаем попавшееся существо и начинаем менять форму – и становимся сильнее. И уже сами можем нападать на бесят и жрать их. Ну или на дивов, которых вы, колдуны, выбрасываете в Пустошь. Обычно такие дивы очень слабы и легкая добыча. А мы чуем, что поблизости открылась дыра. Кому-то везет, и он успевает ухватить выпавшего дива первым. Я обычно хватал и убегал. Если начинается свалка – все рвут и жрут друг друга.

Аверин нахмурился:

– Подожди. Так, выходит, что тех дивов, которых я вызывал и отправлял обратно, тут же сжирали сородичи?

– Ну да. Вы же их не просто так вызывали, они выполняли работу и тратили силу. Нет, ну если вы меня выкинете, мне может повезти. Я сильный и сам всех сожру. Но у слабых дивов шансов никаких. А вы что, разве не знали?

– Не то чтобы не знал… я как-то об этом не задумывался.

Кузя оскалился. На этот раз это была не улыбка.

– Так вы убивали десятки, сотни дивов и даже не думали об этом?

– Вообще-то, убивали их вы.

– Ну да, – согласился Кузя, – только у нас выбора нет. Это инстинкт Пустоши. А мы отчаянно хотим выжить.

– Да… я понимаю.

Аверин прикрыл глаза. Не слишком ли часто дивы стали читать ему нотации? Но следовало признать, что Кузя прав.

– Послушай, – открыв глаза, проговорил он, – а если перед отправкой обратно я буду давать им отдых? Это даст им шанс выжить?

– Если вы их еще и накормите – вообще отлично будет! – Кузя просиял.

– Хорошо. Так и буду поступать впредь.

– Что, правда?! Обалдеть, вы колдун, так интересно наблюдать за вами! Не отдавайте меня никому, ладно?

Аверин вздохнул и посмотрел диву в глаза:

– Интересно тебе? Хорошо, я постараюсь что-нибудь придумать, Кузя. Очень сильно постараюсь. А сейчас надо идти спать. Завтра предстоит нелегкий день.

– Можно подумать, они до этого легкие были, – пробурчал Кузя.

Что брать с собой, когда идешь в гости к диву? Прежде такого опыта у Аверина не было, поэтому он понятия не имел, что принести в качестве подарка. В прошлый раз, собираясь с визитом в этот дом, он брал оружие. Сейчас он прихватил с полки пару книг, которые счел подходящими, и сдернул за хвост с лестничных перил катающегося на них Кузю.

– Что может понравиться диву?

– Еда, конечно, – не задумываясь, ответил Кузя, обращаясь человеком. Он огляделся по сторонам и, видимо не найдя ничего подходящего, прикрылся занавеской. – А зачем вам?

– Я же сказал, что мы идем в гости. Причем идем как просители. Поэтому надо произвести хорошее впечатление.

– Куда это можно пойти в гости к диву? О! – Его глаза округлились, когда до него дошло. – Мы идем к Анастасии? Здорово! Я надену свою новую рубашку… ой. Ей тоже нельзя говорить, да?

– Ты ведь и так ей не говорил. Или – говорил?

– Не-а, – замотал головой Кузя. – Я никому не показывал человеческую форму. Только Сомову, один раз, – хрюкнул он.

– Почему? Ты же ей доверял?

– Ну… – замялся Кузя, – вдруг, узнав, что я человек, она не захотела бы мне помогать?

– То есть… она помогает слабым. И ты боялся, что если она поймет, что ты сильный, то не поможет? Но она и так чувствовала твою силу.

– Мы по-разному относимся к тем, у кого есть человеческая форма, и к тем, у кого ее нет.

– Интересно… – Аверин отметил для себя, что обязательно еще поговорит об этом. Но сейчас надо было торопиться. До прихода

Маргариты нужно было успеть многое.

– Так что можно подарить Анастасии?

Кузя задумался.

– Вино, – сказал он. – Она любит вино.

– Вино? – удивился Аверин. – Вы же не пьете алкоголь, вам от него плохо.

– Ага, – согласился Кузя. – Но ей нравится его запах и вкус, она сама говорила. И я видел, что иногда она пьет по маленькому глоточку.

– А, отлично. Куплю хорошего вина. Давай, возвращайся в облик кота, и пойдем.

– Эх, – вздохнул Кузя. – Рубашка… я в ней такой красивый.

– У меня есть золотой браслет с гербом рода Авериных. Хочешь, я тебе его на шею надену?

Кузя на миг задумался:

– Не. Он тяжелый, будет мне мешать. – И полностью исчез за занавеской.

Глава 4

Калитку в доме Перовых долго не открывали. Наконец она приоткрылась, и оттуда выглянул дворецкий. И тут же распахнул дверь целиком:

– А-а-а, это вы, ваше сиятельство! А я не узнал сразу. Машина у вас другая, очень приличная.

Вежливее дворецкий Артемий точно не стал, поэтому Аверин сделал вывод, что и все остальное в этом доме вряд ли изменилось.

Он прошел по дорожке. На этот раз Анастасия вышла его встречать.

– Как продвигается дело? – спросил он.

– Если верить вашему адвокату, то проблем возникнуть не должно. Я даже не знаю, как вас благодарить.

– Благодарить стоит, когда все благополучно завершится, – улыбнулся он.

Они прошли в дом. Там их встречал Алеша.

– Доб-о-е ут-о, Ге-мес А-а… – Мальчик запнулся. Он попытался привстать с дивана, на котором сидел, но чуть не упал и с трудом вернул своему телу прежнее положение.

– Не старайся, спасибо, Алеша, тебе тоже доброго утра.

– Нет-нет, ему нужно учиться говорить сложные слова. Вы же сами сказали: если все получится, он сможет поступить в Академию. Да, не в двенадцать, как обычные дети, а лет в четырнадцать, но сможет.

Аверин поднял подарочный бумажный пакет и достал оттуда книги.

– Вот, Алеша, это тебе. – Он протянул мальчику подарок. – Эти книги написал мой отец, я читал их в твоем возрасте. Сначала ты мало что поймешь, но потом они тебе очень помогут при поступлении.

– Спа-а-и-бо! – старательно проговорил Алеша и протянул за книгами здоровую руку. Аверин дал ему одну, а вторую положил рядом.

– А это тебе, Анастасия. – Он достал бутылку с вином.

– Мне? – удивилась дива. – Как это… неожиданно. Не желаете кофе? Легкий завтрак?

– Кофе я уже пил. А от чая с какими-нибудь пышками или свежим хлебом не откажусь, я еще не завтракал. Если господин Артемий, конечно, сочтет меня достойным.

– Прошу, присаживайтесь, – указала на кресло она, – я сама все принесу. Не судите строго Артемия: Синицыны, черти, не дают никакого покоя. Каждый день приходят под ворота, пишут гадости, пачкают, грозятся спалить дом и «перестрелять всех вместе с колдуном». Боюсь, они имеют в виду вас, ваше сиятельство, – печально улыбнулась Анастасия.

– Почему они преследуют вас? Меня, я еще понимаю. Они уверены, что я укрываю дива, убившего их сына. А ты тут при чем? И Алеша?

– Не знаю. Думаю, им просто нужно кого-то винить, а мы ближе всех. Я пока не хочу никуда обращаться – мое слово не имеет законного статуса. Но как только я его получу, немедленно напишу на них жалобу, и Артемий передаст ее в суд. А если господин граф сунется сюда – я просто оторву ему голову.

Аверин улыбнулся. Он прекрасно понимал, что это не речевой оборот.

– Я сейчас принесу чай. – Анастасия поклонилась и, шурша длинной юбкой, вышла из гостиной.

Аверин посмотрел на мальчика. О чем с ним говорить, он не знал. Но и молчать было неловко. И тут его осенило:

– Хочешь, я расскажу, как поступал в Академию?

Алеша дернул головой и сказал:

– Да.

– Мой отец погиб на войне, поэтому в Академию меня повез наш фамильяр Анонимус. Он похож на твоего Артемия, но гораздо более суровый. Мы долго ехали на поезде, и за всю дорогу он не проронил ни слова, просто молча выполнял мои просьбы и поручения. Я стеснялся людей, поэтому ни с кем не заговаривал в дороге. А когда меня представили приемной комиссии и они начали задавать вопросы, я уже так истосковался по общению, что начал тараторить без умолку, и меня еле смогли угомонить. Но, видимо, я им понравился, – улыбнулся он.

Анастасия вернулась с подносом, расставила по столу чашки и тарелочки с хлебом, джемом и сливочным маслом, налила чай и коснулась кончиком пальца ломтика хлеба:

– Разрешите поухаживать за вами.

Аверин разрешил. Он сам отлично умел намазывать масло на хлеб, даже в гостях, но ему было забавно наблюдать, как изменилось отношение Анастасии с его последнего визита.

Он отпил чай и взял намазанный маслом и джемом хлеб.

– Алеша, ты хочешь? – спросила Анастасия мальчика, и тот опять дернул головой, на этот раз отрицательно. Он был занят – листал принесенную Авериным книгу.

Дива повернулась к гостю.

– Кстати, – проговорила она, – меня и Алешу должен будет освидетельствовать колдун высшей категории. И нужно выступить в суде. Могу я попросить вас об этой услуге? И если вы согласитесь, я надеюсь, вы не откажетесь от достойной оплаты?

Аверин рассмеялся:

– Конечно, соглашусь. И я беру немалые гонорары за свою работу.

– Я уже и правда не знаю, как вас благодарить.

– Все в порядке, оплаты будет вполне достаточно. – Он снова отпил чай. – Думаю, ты понимаешь, что я к тебе по делу. И у меня имеется несколько вопросов.

– Конечно, с нетерпением жду, когда вы к нему перейдете.

– Отлично. Я хочу купить у вас Сару.

– Нет! – Алеша оторвался от книги. А Анастасия нахмурилась:

– Прошу покорно простить. Вы столько для нас сделали, но… Сара – друг Алеши. А друзей мы не продаем.

Аверин кивнул:

– Хорошо, тогда я поставлю вопрос по-другому. У меня есть племянница, очень хорошая добрая девочка. Она живет в поместье, рядом с настоящим лесом и прекрасным озером. И ей очень нужен друг. И мне кажется, Саре в тех местах будет лучше, чем тут в вольере или в парке, где приходится гулять на поводке.

Анастасия прикусила губу.

– Это вам следует обсудить с Алешей. И с самой Сарой.

– Полностью согласен. Но я не буду этого делать. Вместо меня этот вопрос с ними обсудит он, – Аверин указал рукой на окно. И

тотчас оттуда выпрыгнул Кузя и приземлился на диван рядом с Алешей.

– Ба-а-а-ся! – радостно завопил мальчик и уронил книжку.

Анастасия посмотрела на кота и перевела на Аверина удивленный взгляд:

– Так, значит… вы оставили его себе? Не отдали, не изгнали, а дали ему дом?!

– Ну… я не занимаюсь благотворительностью, как вы с Алешей. Поэтому он сполна отрабатывает свое содержание. Например, на днях спас мне жизнь. И да, зовут его теперь Кузя. С прошлой жизнью для него покончено.

По лицу Анастасии пробежала тень. Она повернулась к Алеше:

– Милый, ты не хочешь пойти в парк, поиграть с Ба… с Кузей? Остальные, наверное, тоже соскучились.

– Да! – ответил мальчик.

– Артемий, – позвала Анастасия.

Дворецкий появился немедленно.

– Отведи Алешу в парк, пожалуйста.

Тот скрылся в дверях, но через минуту появился с креслом. Подкатил его к дивану и протянул руку Алеше.

– Не-е. Сам, – проговорил мальчик и, протянув здоровую руку, вцепился ей в подлокотник кресла. И начал медленно подтягивать свое непослушное тело к сиденью. Это давалось мальчишке нелегко. Он с трудом подтащил ногу к креслу, странно выгнулся, встал на одно колено на сиденье и, развернувшись, разместился в нем весь. И откинулся назад, тяжело дыша.

С силой воли у него точно все было в порядке. Если он и тесты сможет пройти, из Алеши выйдет хороший колдун. Да, не боевой, но сейчас, к счастью, гораздо нужнее были чиновники и ученые. Особенно ученые. Кто знает, может быть, в недалеком будущем появится целое научное направление о психологии дивов? За последние дни сам Аверин узнал о дивах то, что никогда не рассказывали в Академии. И пришел сюда, чтобы узнать больше. Жаль, что отец погиб так рано… именно он начал изучать поведение дивов.

Когда Артемий, Алеша и сидящий у него на руках Кузя отправились в сад, Анастасия немедленно повернулась к гостю:

– Вас пытались убить?

– Да, в меня стреляли.

– Я уверена, вы прекрасно понимаете, кто это сделал. Почему этот человек до сих пор не арестован?

– Графа Синицына задержали, но уже выпустили. Это не он.

– Что?.. Но раз вы так говорите… А я уже было подумала, что вы хотели привлечь меня в качестве свидетеля. И пришли именно за этим.

– Нет, не за этим. Я хочу задать тебе очень важный вопрос.

– Конечно, – она наклонила голову.

Он посмотрел ей прямо в глаза:

– Почему ты не убила семью Перовых, Анастасия?

Ее лицо окаменело. Недолго выдержав его взгляд, дива опустила глаза.

– Вы имеете в виду, почему я не сожрала их во время той аварии?

– И это тоже. И потом. Барон Перов много пил, был болен и, по сути, находился в полной твоей власти. Алеша – тем более. Я не поверю, что Алеша за это время ни разу серьезно не ранил себя.

– Не ранил, – улыбнулась Анастасия. – Я очень тщательно за этим слежу. И за его отцом следила. Вы ведь не думаете, что сдерживаться так просто?

– Но во время аварии тебе это удалось?

– А вам не кажется, что это слишком личный вопрос, ваше сиятельство?

Аверин почувствовал, что начинает терять терпение.

– Вот что, – проговорил он, – давай начистоту. Когда в меня стреляли, Кузя закрыл меня собой. Стреляли серебром, разумеется. У него в боку образовалась дыра размером с мой кулак. Прыгнуть так под пулю, знаешь ли, не очень типично для дива. Поэтому я хочу понять, что ты такое. Что вы такое.

Она совсем опустила голову.

– Это… сложно объяснить человеку.

– А ты попробуй, – подбодрил ее Аверин. – Ты же понимаешь, я спрашиваю не из праздного любопытства. Для меня очень важно понять. Ведь никакая опасность тогда тебе не угрожала. Значит, остановил тебя не страх. Тогда что?

Она повернула голову и посмотрела в окно. Вокруг Алеши скакали Кузя и лиса Сара. Переговоры шли вовсю. Аверин велел Кузе

расписать Саре и ее хозяину все прелести их родового поместья.

– Когда случилась авария, меня не было с ними. Я была далеко, и это их спасло. Я сразу почувствовала смерть хозяйки. И боль остальных. Я… я заперла все окна и двери в доме, спустилась в подвал и заперла выход, выкинув ключ в вентиляцию. Как будто это могло бы меня остановить. Я сгрызла свою кисть, я нюхала собственную кровь, чтобы не думать о том, как пахнет кровь Алеши. Я слышала, как он кричит, пытаясь выбраться, корчась в тонне смятого железа. А самое страшное было знаете что? Я никак не могла им помочь. Не могла спасти. Я сидела, скорчившись, в темноте и молилась, сама не знаю кому, чтобы им помогли люди. И сделали это раньше, чем я полностью потеряю над собой контроль.

Она повернулась, и он посмотрел в ее широко открытые, но совершенно невидящие глаза. Анастасия полностью ушла в воспоминания.

– Это моя и только моя вина в том, что Алеша такой. Врачи сказали, что его тело слишком долго было сдавлено. Если бы его достали сразу… все было бы по-другому. Я бы вытащила его за секунду! Понимаете? – Она моргнула, и ее взгляд стал осмысленным. – Понимаете?

– Но это разве не означало бы для тебя свободу? Смерть семьи хозяев?

– А для вас смерть вашей семьи означает свободу? – довольно резко ответила она и тут же смутилась: – Простите. Просто… вот так вы, колдуны, видите нас? Мы для вас злобные животные, которые только и мечтают вырваться на свободу и жрать всех направо и налево?

Аверин вздохнул:

– Ну, если честно… так поступает большинство дивов, оказавшихся на свободе. Это инстинкт Пустоши.

– Да, инстинкты, – улыбнулась она. – И что? У животных тоже есть инстинкты, но это не мешает собакам мирно жить с кошками, а кошкам – с попугаями. И это одна из причин, почему я организовала этот зверинец. Вы когда-нибудь слышали об академике Павлове?

– Конечно. – Аверин, кажется, начал понимать. – С ним дружил мой отец. Точнее, считал своим наставником.

– Ах да. Граф Аркадий Аверин ведь ваш отец. Тогда вы тем более должны понимать. Я изучала труды господина Павлова о высшей нервной деятельности животных, об условных и безусловных рефлексах. И наблюдала и наблюдаю до сих пор за животными и дивами низких уровней. Вот, посмотрите, – она показала рукой на окно. – Див дружески играет со своей потенциальной добычей. Возможно ли такое в Пустоши? Нет. Я учу их контролировать свои инстинкты. Сдерживать их. Сначала на примитивном уровне, когда они запоминают, что, не убив сейчас, можно получить гораздо больше еды чуть позже. Обязательно хорошо кормлю их перед встречей с потенциальной жертвой. Тем, кто способен понимать, – объясняю. Показываю, что, действуя сообща, можно добиться большего, чем вцепляясь друг другу в горло. Поймите, в Пустоши у нас нет выбора. А тут он есть. Нужно только показать его и научить. И я изучаю способы, как это сделать.

– Ничего себе… – изумился Аверин. – Эх, жаль, ты не была знакома с моим отцом. Из тебя бы вышел отличный помощник, не то что… – Аверин внезапно осекся. А что, собственно, он знал об Анонимусе?

– Кстати, – сменил он тему, – а сколько тебе лет?

– Вы имеете в виду, сколько я провела в вашем мире в этот раз?

– Да, именно. Сильно сомневаюсь, что ты помнишь что-то до Пустоши.

– Нет, конечно. Я и Пустошь сейчас почти не помню. Но меня вызвали уже в человеческой форме пятьсот семьдесят лет назад.

Это значит, что она попала в Пустошь уже дивом первого класса. Обидно, что невозможно узнать, кем был и кому служил див до того, как был отослан в Пустошь. За несколько лет пребывания в ледяной пустыне память о жизни в этом мире у них почти полностью стиралась.

– А ты думала, что будешь делать дальше? Ведь Алеша, скорее всего, последний твой хозяин.

Анастасия опять отвернулась к окну.

– Посмотрим, – сказала она неопределенно. – Сначала нужно узаконить то, что есть сейчас.

Аверин тоже посмотрел на Алешу и дивов и увидел, что к ним подошел Артемий. Вероятно, мальчик попросил отвезти его в дом.

Значит, решение принято.

Через пару минут они появились на пороге гостиной.

– Да! – сказал Алеша и продолжил, старательно выговаривая слова: – Мы со-о-асны. Са-аа поедет к Веее. Но мошно я буту ее наиещать?

– Конечно, – обрадовался Аверин, – я думаю, вы подружитесь с Верой и Мишей. «А Анастасия с Анонимусом», – добавил он про себя. В возможность по-настоящему теплых отношений между дивами Аверин все равно не верил, но думал, что эти двое вполне смогут договориться.

– Тогда, – добавил он, – мне нужен жетон Сары. – Он вопросительно посмотрел на Анастасию.

Она слегка замялась:

– Он… думаю, он не очень законный. Мы покупали ее с рук.

– Это ничего, у моего брата есть разрешение на владение дивами, я все сделаю. А тебе, как только закончите процедуру с опекунством, нужно будет получить настоящие государственные жетоны на всех Алешиных дивов.

– Конечно, – согласилась Анастасия. – Вы останетесь на обед?

– Нет. У меня сегодня еще много дел.

Аверин уже сел в машину и повернул ключ, когда услышал громкий удар. Автомобиль качнуло. Он посмотрел в зеркало заднего вида. Возле колеса стоял граф Синицын. Лицо его было алым от ярости.

Аверин вернул ключ в исходное положение и вышел.

– Что вам угодно? – холодно проговорил он.

– Вы! – задыхаясь от злости, заорал Синицын. – Я знал! Я знал, что вы в сговоре! Вы убили моего сына! Вы пытались упрятать меня в кутузку, чтобы я не мог добиться справедливости! Но я этого так не оставлю! Моя жена в больнице!

– Очень сочувствую вашей жене. И вам тоже в связи с вашей утратой, – Аверин говорил почти искренне. Ведь, даже будучи конченным выродком, Даниил был их сыном.

– Да что вы понимаете! Сейчас с вами нету вашего дружка, поэтому я…

Аверин резко вскинул руку. Пять нитей вылетели у него из пальцев, свистнули в воздухе и исчезли. Синицын отшатнулся и

замолчал.

– Я смотрю, вы просто рветесь в кутузку. В меня стреляли и чуть не убили. И зарубите это себе на носу, я – единственный ваш свидетель защиты. Кроме вашей жены с ее сомнительным алиби. Я знаю, что это не вы. И именно поэтому вы на свободе. Не нужно усугублять свое положение очередной попыткой вызвать меня на дуэль. Я не буду с вами драться. Я просто свяжу вас вместе с вашим карабином, револьвером или из чего вы там собрались в меня стрелять и отвезу в участок. Понятно?

– Да я… – задохнулся Синицын.

– И еще. Запомните, вашего сына никто не убивал. С ним произошел несчастный случай. Такое бывает. И если я узнаю, что вы опять изводили соседей, я напишу жалобу в департамент, где вы работаете. И в вашем личном деле появится запись об аморальном поведении.

Он отвернулся и открыл дверцу.

В спину ему донеслось бормотание:

– Я этого так не оставлю… так не оставлю…

Аверин обернулся. По лицу графа Синицына текли слезы.

Глава 5

Когда Аверин добрался до поместья, солнце уже клонилось к закату. Из окон машины теперь торчали две морды – одна кошачья, вторая лисья.

Василь и дети встречали гостей у ворот. Увидев Кузю, Вера и Миша с радостными визгами кинулись к нему, а когда из машины выскочила Сара, восторгам не было конца. Аверин взглянул на материализовавшегося рядом Анонимуса. Обычно холодное лицо фамильяра изменилось. Он радовался за детей? Умилялся?

– Гера, ты просто чудо! – Василь обнял брата и похлопал по плечу. – Надеюсь, ты на ночь? Я бы с тобой выпил.

– На ночь, – успокоил его Аверин. – А не слишком ли ты много пьешь?

– Угу. И курю, – рассмеялся Василь. – Пойдем в дом. Уже накрыли ужин.

– Ужин – это хорошо, – согласился Аверин и направился к дому. Проходя мимо Анонимуса, остановился и сказал негромко:

– Нового дива зовут Сара. Это подарок Вере. Позаботься о ней.

– Слушаюсь, – поклонился Анонимус. – Немедленно все подготовлю.

В столовой Аверина ожидали сразу два сюрприза. Во-первых, бабушки не было, впрочем, это он подозревал. Даже если серьезной ссоры с Василем не случилось, оставаться здесь ей больше не было смысла. И вряд ли она появится в родовом гнезде в ближайшее время, разве что Любава решит выйти замуж – или бабушке снова приспичит помирать.

А во-вторых, Анонимус больше не сидел за столом. Он, как раньше, руководил подачей блюд. Аверину показалось, что в этой роли фамильяр чувствует себя намного естественнее. А когда Анонимус подошел к нему и заботливо поправил салфетку, Аверин едва не пронес вилку мимо рта.

Ужин закончился, и Василь пригласил брата в беседку во двор. Там уже был накрыт столик: фрукты, сыр, орехи и мясная нарезка. И,

конечно же, коньяк. Аверин подумал, что неплохо будет немного выпить и расслабиться.

– В этот раз ничего не подмешано, – ухмыльнулся Василь, но тут же слегка сдвинул брови: – Расскажи мне про Марину. Я знаю, что ты не отвез ее в полицию. Где она? С ней все в порядке?

– Думаю, да. Русалке трудно навредить. Я отпустил ее на берегу Невы. И она сделала свой выбор. Где она сейчас, я не знаю. Но уверен, она передаст весточку Марии.

– Да, я тоже так думаю, – согласился Василь. – Бабушка уехала, как ты видишь. Но оставила свою монашку. Та сидит в бабушкиной спальне, никуда не выходит. Анонимус носит ей еду. Но все равно это как-то… – Василь слегка поежился.

– Кстати, об Анонимусе. Если ты решил выгнать его из-за стола в связи с моим приездом, то зря. Я несколько пересмотрел свои консервативные взгляды.

Василь разлил по бокалам коньяк.

– Нет, – сказал он, – ты тут ни при чем. После твоего отъезда ко мне пришла делегация от персонала. И они хором попросили вернуть Анонимуса обратно. Им, видите ли, «неловко». Что им неловко, я уточнять не стал. Может, они осудили девчонок, может, наоборот, пожалели. Я бы, скорее всего, развернул их, раньше надо было думать, но Анонимус сам так захотел. Сказал, что в его возрасте тяжело менять привычки.

– Твоя прислуга испугалась чужого дива и решила, что свой все же роднее. – Аверин взял бокал, поднял его и поднес к носу. Пахло вкусно.

– Возможно. – Василь поднял свой. – Ну, за твой приезд.

Они чокнулись и отпили по глотку. Василь потянулся за ветчиной.

– Кстати, о монашке… – Пора было начинать непростой разговор. И провести его надо было так, чтобы не сделать Василя соучастником преступления. – Свяжись с бабушкой, монашку можно отослать.

– Почему? Ты нашел того дива, который прятался в нашем саду?

– Не совсем. Но вы его не интересуете. Он приходил за мной. Видишь ли, на следующее же утро он напал на меня возле моего дома.

– Серьезно?! – встревожился Василь. – Ты как? В порядке?!

– Как видишь, да, – Аверин улыбнулся. – Кузя, хоть и выглядит смешным котом, на самом деле весьма сильный див. Он защитил меня.

В подробности Аверин вдаваться не стал. Незачем волновать Василя.

– Его поймали?

– К сожалению, пока нет. Но я над этим работаю.

– Ох. Ну и новости. Ты точно справишься? Ты говорил: это очень сильный див.

Аверин уверенно кивнул:

– Конечно, справлюсь. Я колдун, это моя работа. И у меня хороший защитник. Кроме того, из Управления должны кого-то прислать мне в помощь.

– А, – успокоился Василь, – ну тогда ладно. – Он снова поднял бокал: – Чтобы эту скотину быстрее поймали.

Они опять выпили.

– И вот еще что, – решился Аверин. – Ты не будешь против, если я попрошу Анонимуса о чем-то личном? И мне нужно, чтобы это осталось между ним и мной.

Василь хлопнул его по плечу:

– Конечно, о чем разговор? Я уверен, он сделает все, что ты попросишь. Особенно если это личное. – Василь подмигнул: – Он будет очень рад, я уверен.

Аверин выдохнул. Он надеялся, что брат попадется на эту незамысловатую хитрость, так и вышло. Василь изо всех сил пытался «подружить» Аверина с собственным фамильяром, и «личная услуга», тем более деликатного характера, определенно должна их сблизить. Что же. Половина дела сделана. Брат ни за что не спросит Анонимуса, о чем его просили. Теперь дело за Анонимусом.

Коньяк в бокале закончился. И Василь налил по новой.

– А теперь выпьем за лису. За твой подарок, Гера. Даже у меня слезы выступили, а уж дети… Как тебе удалось вызвать именно лису?

– Лису, кстати, зовут Сара. И я ее не вызывал.

– Да? – удивился Василь. – Откуда же она?

– О, помнишь, я тебе рассказывал про мальчика Алешу и его «маму»?

Анонимуса он нашел на кухне. Тот стоял с блокнотом в руке и что-то старательно записывал.

Аверин заметил, что див занервничал, когда узнал, что с ним хотят поговорить «приватно и о личном». Тем не менее тут же прошел в библиотеку. Аверин тщательно закрыл дверь и повернулся к фамильяру:

– Пообещай мне, что не передашь наш разговор Василю. Сам он спрашивать не будет.

– Как прикажете, – настороженно ответил Анонимус. – Но только если это не опасно для него.

– Опасным для него будет знание. Потому что я хочу попросить тебя о чем-то незаконном.

– Я никому ничего не скажу. – Как ни странно, нервозность Анонимуса тут же прошла, он стал выглядеть собранным и серьезным. – Вам или кому-то из ваших друзей угрожает опасность?

Аверин ответил не сразу.

– С чего ты взял? – спустя полминуты спросил он.

– Вы не стали бы нарушать закон в ином случае, – откликнулся див и тут же опустил голову. – Простите мою бестактность, ваше сиятельство, это не мое дело.

– Перестань, – Аверину уже изрядно надоела игра в тайны. – Твое! Ведь это я пришел просить тебя об услуге.

– Просить? Меня?

Аверин только вздохнул.

– Я крепко подставил своего лучшего друга, Анонимус. Совершил кучу ошибок и теперь хочу попытаться их исправить. Мне нужен талисман маскировки, который остался у тебя после войны. Его незаконно использовать и передавать, ты это знаешь. Но я уже и так по уши. Хуже не будет.

– Я немедленно его принесу. Что-то еще?

– Нет, Анонимус. Я подожду здесь.

Див ушел. Талисман он, вероятно, хранил в своей комнате. Вернулся он меньше чем через минуту. И осторожно протянул маленький квадратный футляр.

– Спасибо, – Аверин положил футляр в карман.

– Ваше сиятельство, – обратился к нему див, – если вам угрожает опасность, может, вам стоит остаться здесь? Я смогу защитить вас.

– Тогда я подвергну опасности свою семью. Меня пытается убить тот див, из парка.

– Я так и подумал, – наклонил голову Анонимус. – Поэтому вам нужен талисман маскировки. Но… прошу прощения, я могу вас предупредить?

– Говори.

– Ваш див. Ему нельзя носить этот талисман.

– Почему… – Аверин нахмурился: – Что с ним не так?

– С талисманом все в порядке. Но ваш див «погранец». И его уровень силы превышает тот, который положен диву второго класса. Но он не стал первым классом. Возможно, он съел недостаточно людей или для перехода ему немного не хватает силы. Такой див очень нестабилен. Его переход может случиться внезапно. Его может вызвать страх за свою жизнь, азарт боя. Или талисман, подобный тому, который я вам дал. Талисман блокирует силу. Она накапливается, а когда заклятие спадает, выплескивается наружу. И это может вызвать переход. А в момент перехода див вырывается из-под контроля и нападает.

Аверин слушал, затаив дыхание. Сердце его бешено колотилось. Когда Анонимус закончил, он спросил:

– Откуда ты это знаешь? Я не помню, чтобы где-то слышал или читал про такое.

– Потому что в книгах этого нет, – очень тихо проговорил Анонимус. И добавил чуть громче: – Поверьте мне.

– Да я верю! Анонимус, ты хотел меня спасти? Так вот, поздравляю, ты меня только что спас.

Невероятно… Теперь, если правда вскроется, он сможет взять всю вину на себя. И Виктор с Фетисовым не пострадают!

Это были прекрасные новости.

– Ты ведь все это знаешь от моего отца, так? Ты помогал ему в его исследованиях?

Анонимус подтвердил его догадку.

– И что ты делал?

– Я был подопытным, ваше сиятельство.

– И все?

– Нет, не все, – сказал Анонимус и замолчал.

– Ну же? Кем ты еще был для моего отца? Что ты делал?

– Я… я был… секретарем. Да. Я был его секретарем, – ответил Анонимус, и Аверин увидел на лице фамильяра нескрываемое

облегчение.

– Хорошо… – задумчиво кивнул он. – Я от всего сердца благодарен тебе. Иди.

Фамильяр ушел, а Аверин сел в кресло и закрыл глаза. Часть проблемы, похоже, удастся решить. Осталась сущая мелочь, по крайней мере, по мнению Кузи. Поймать дива, который пытается их убить.

Глава 6

– Что?! Вы серьезно? Вы пытаетесь меня убедить, что заказчик покушения – моя жена?! Да еще и ради страховки? Моя жена хочет меня убить из-за копеечной страховки?!

– Извините, но разбираться в мотивах вашей жены – не мое дело. Возможно, для нее это не такие уж копейки, учитывая, что при разводе она останется ни с чем. Вы же все свое имущество оформили на родственников. Но еще раз повторяю, меня это не касается. Вот фото, в том числе встреч с исполнителем, вот протокол слежки. Вы это забираете или мне подготовить документы для передачи в сыскной отдел?

– Подготовьте… – статский советник Меньшов, опустив голову, барабанил пальцами по подлокотнику. – Пусть сидит. Вот же тварь… я же ее из грязи!

– Тогда с вас еще полторы тысячи.

Аверину хотелось, чтобы этот тип побыстрее ушел. Слушать его стенания не было ни малейшего желания. Как и историю его отношений с женой. История эта была так банальна, что Аверину казалось, будто он жует неспелую грушу. Вот уже и Кузя на подоконнике начал раздраженно постукивать хвостом в такт нервному стуку пальцев клиента.

– Да, конечно. Тогда я пойду?

– Идите, Маргарита вас выпустит. К сожалению, не могу вас проводить – у меня еще очень много дел.

Едва дверь за посетителем захлопнулась, Кузя соскочил с подоконника:

– Мя-я-а!

– Иди, только осторожно, Маргарита дома, – напомнил он. – Тетрадь не забудь принести.

Кот исчез между шторами, а Аверин, потягиваясь, вышел из кабинета.

Через несколько минут появился Кузя. На этот раз косоворотка на нем была из изумрудно-зеленого сатина. Означает ли это, что с анархизмом и бунтарством покончено? Аверин специально стал

обращать внимание на одежду подростков и действительно видел ребят в подобном наряде.

Но все равно на приличного мальчика Кузя совершенно не был похож. Подойдя, он протянул тетрадь:

– Вот, Гермес Аркадьевич, проверьте, пожалуйста.

– Какой же молодец у нас Кузьма, – выглянула из кухни Маргарита. – Учится и учится целыми днями, есть не дозовешься.

– Он еще и работает, Маргарита. Только за сегодня полторы тысячи нам заработал.

– Ужасная нуднятина, – тихо проговорил Кузя.

– А что ты хотел? – Аверин, убедившись, что Маргарита вернулась на кухню к телевизору, взял у Кузи тетрадь.

– Погонь. Драк с преступниками и их дивами. Защищать вашу жизнь!

– Ну-ну, без «защиты моей жизни» я бы с удовольствием обошелся. То, что тот див больше никак себя не проявлял, хорошо. Но как-то подозрительно.

– Ага. Может, он Владимира боится? Этот тут постоянно шныряет, я его уже два раза видел.

Аверин вздохнул. Владимир, нарезающий круги вокруг его дома, нервировал едва ли не больше, чем неизвестный див.

– Ты не забываешь надевать талисман?

Вместо ответа Кузя задрал рукав. Талисман блокировки Аверин упрятал в корпус наручных часов, на ремешке-«резинке». Подростки любили такие побрякушки, а если Кузе будет необходимо снять блокировку и использовать силу – сбросить часы займет меньше секунды.

Когда Аверин понял, что изменение класса Кузи можно будет в случае чего списать на использование талисмана, он испытал большое облегчение. Теперь отвечать за оплошность будет он, и только он. И, возможно, просто отделается штрафом.

– Благодаря тебе я могу брать мелкие дела, связанные со слежкой. Понятно, что тебе скучно. Мне тоже. Но человек, который приходил, тоже хочет жить и имеет на это право. Поэтому мы будем его защищать. И, опять же, должен же ты отрабатывать свое содержание? Ты хоть знаешь, сколько ты ешь?

– Ага, – Кузя довольно улыбнулся. Улыбка у него уже стала вполне приличной и напоминала человеческую. – Ну посмотрите же тетрадь!

Аверин раскрыл пропись и начал внимательно читать.

– Дай ручку, – он протянул руку.

– Ошибки, да? – расстроился Кузя. Сбегал в кабинет и принес то, что просили.

– Нельзя писать слова как тебе вздумается. У тебя есть учебник, в нем написаны правила. И ты их знаешь, мне отвечал без запинки. Так почему у тебя тут написано «класная», а тут «метрополит»? Он у тебя в метро работает, что ли?

– Нет. Это от греческого «метрополия», – пояснил Кузя.

– Чего? – удивленно посмотрел на него Аверин. – Ты что же, знаешь греческий?

– Нет, конечно. Это из книжки «Легенды и мифы Эллады». Мне Маргарита принесла. Я знаю, что вас зовут в честь бога торговли и воровства! – радостно выдал Кузя.

– Хм-м-м… Какой ты молодец… Но «митрополит» все же пишется через «и». – Аверин зачеркнул ошибку и написал правильно.

В дверь раздался стук. Очень громкий и настойчивый. Странно. Звонок, что ли, сломался?

– Маргарита, открой! – не отрываясь от тетради, крикнул он. Из-за работающего телевизора она могла стук запросто не услышать.

– Иду уже! – отозвалась Маргарита и вышла в коридор. Послышался щелчок открывающегося замка, затем сдавленный вскрик.

Аверин бросился в коридор. Но Кузя обогнал его.

– Отойди, женщина. И ты, пацан. Мне нужен граф Аверин!

Аверин озадаченно сморщил лоб. На пороге стоял майор Волобуев. И он был в стельку пьян.

Аверин махнул рукой Маргарите, чтобы шла на кухню, и едва заметно покачал головой, давая Кузе понять, что опасности нет.

– Что вы хотите, господин майор? – поинтересовался Аверин. Дружбы он с Волобуевым не водил и знаком был только шапочно.

– Я… Граф Аверин, я вызываю вас на дуэль. – Майор попытался было вытащить из кармана торчащую перчатку, уронил ее на пол, наклонился поднять и чуть не упал.

Аверин устало провел рукой по лицу. Что-то вызовы на дуэль последнее время сыплются на него как из рога изобилия.

– И чем же вызвано это, с позволения сказать, предложение? – осведомился он.

– Вы! Вы еще спрашиваете?! Вы повинны в смерти Марины! Можно сказать, вы убили ее своими руками! – Для наглядности Волобуев поднял руки и сжал кулаки.

– Марина умерла? – удивился Аверин. Василь ему не звонил, а уж он бы точно сообщил о такой новости.

– Вы даже не знаете! Вы, граф Аверин, отвратительный тип. И я вас вызываю!

– Спокойно, – проговорил Аверин, понимая, что разговор пошел по кругу. – Что случилось с Мариной? Можете мне объяснить?

– Она утонула! После того как вы снова отвергли ее, она пошла и утопилась с горя!

Аверин глубоко вздохнул. Во многое в этой жизни можно было поверить, но утонувшая русалка – это перебор. Тем более – утопившаяся.

– И с чего вы это взяли?

– На берегу нашли ее одежду. Ваш брат скрывает ее смерть, но я знаю все. От меня вы ничего не скроете! – Он поднял указательный палец и попытался помахать им под носом у Аверина.

Тот отступил на шаг. От майора разило, как от пивной бочки.

– Ради всего святого, майор! Вы можете мне сказать, откуда у вас такая новая, свежая, а главное – достоверная информация?

– От горничной! – воскликнул Волобуев. – Прислуга всегда знает и видит все!

– А, так вот оно что, – начал понимать Аверин. – Вы подкупили горничную, чтобы она следила за Мариной? И докладывала вам?

– Я любил ее! Но вам такого никогда не понять. Извольте стреляться! – Волобуев икнул.

– Из чего вы мне предлагаете стреляться? – Аверин приподнял бровь.

– Вот! – Волобуев извлек из-за пазухи наградной револьвер. – Будем стрелять из него по очереди.

– Хорошо-хорошо, – поднял руки Аверин. – Уберите и ждите меня у машины.

– У машины? – Волобуев непонимающе на него уставился.

– Конечно. Мы же не будем стреляться у меня во дворе? Поедем за город.

– А. Ну да. – Волобуев, покачиваясь, с некоторым трудом вышел за дверь.

– Маргарита, не волнуйся. Я сейчас отвезу этого дуэлянта к нему домой – пусть проспится. Вернусь к ужину.

– Хорошо, Гермес Аркадьевич, – отозвалась Маргарита.

И Аверин вполголоса выдал инструкции Кузе.

Ехали они долго. Аверин надеялся, что Волобуев в дороге хоть немного протрезвеет, и его ожидания отчасти оправдались. Где-то на середине пути он услышал с заднего сиденья булькающие звуки и еле успел остановиться и выволочь майора из машины. Это не далось легко: в Волобуеве было под сотню килограммов веса и все – отнюдь не жир. Аверин смотрел, как майор исторгает содержимое своего желудка, и уныло думал, что надо было не играть в человеколюбие, а сдать болвана в полицию. Не разорился бы майор от одного штрафа. Но все же это был бы не слишком красивый поступок.

Наконец майору полегчало, и они двинулись дальше.

За Старой Деревней на обширном пустыре подальше от домов Аверин остановился.

– Ну все, выходите.

Волобуев вышел. Судя по его виду, дуэль уже не казалась ему хорошей затеей. Он достал свой револьвер и протянул Аверину:

– Вы стреляете первым, – пробурчал он.

– Нет, спасибо, уступаю эту честь вам.

Волобуев посмотрел с подозрением, но опустил руку с револьвером и принялся отсчитывать шаги.

Аверин остался стоять на месте.

Майор тоже остановился, повернулся и вытянул руку, прицеливаясь.

Тут же перед ним возник Кузя, размером с небольшую лошадь. Он ударил по земле хвостом, оскалил клыки в два пальца длиной и зарычал.

Волобуев от неожиданности попятился и нажал на спусковой крючок. Грянул выстрел, Кузя небрежно махнул лапой, отбивая пулю в

сторону.

– Это что за чертовщина?! – воскликнул Волобуев.

– А, это мой див, – улыбнулся Аверин. – Увы, боюсь, ничего у нас не выйдет. Он не даст вам выстрелить.

– Отзовите немедленно свое животное, граф!

Аверин развел руками:

– Не могу. Он так устроен, что защищает меня, хочу я этого или нет. И запретить ему это я, увы, не могу. Стрелять в него, как вы видите, тоже бесполезно.

– Зачем вы привезли меня сюда, чертов колдун?!

– А зачем вы пытаетесь свести счеты с жизнью моей рукой? Мне это совершенно не нужно.

Волобуев захлопал глазами и внезапно приложил револьвер к виску. Но выстрелить не успел. Кузя взмахнул лапой, потом щелкнул пастью, и на землю упал искореженный кусок металла.

Волобуев схватился за голову и начал медленно раскачиваться, издавая звуки на одной ноте:

– А-а-а-а…

Аверин подошел к нему.

– А ну быстро возьмите себя в руки, майор! Вы закончили Военную Академию или Смольный институт?!

– Я хотел сделать ей предложение в сентябре… А она умерла… Как вы могли, она была чудесной женщиной!

– Не сомневаюсь в этом. Но вам стоит делить на сто все, что говорит прислуга. С чего вы взяли, что я ее отверг?

– Она выбежала из вашей спальни в слезах. А потом… через несколько дней привезли ее одежду!.. Горничная все видела собственными глазами!

«Хорошо, что она не видела, как Марина садится в мою машину. А то бы меня еще и в убийстве обвинили».

– Господин Волобуев. Послушайте. Я не отвергал Марину. И она никогда не любила меня. Ее воспитала моя бабушка и сильно давила на нас обоих, пытаясь поженить. Я уже разобрался с этим раз и навсегда. А вам следует перестать доверять прислуге и поговорить с моим братом или с его женой. Наверняка узнаете много интересного.

– Да что они скажут… – Волобуев махнул рукой, подобрал то, что осталось от его наградного револьвера, сунул в карман и медленно

зашагал по дорожке куда-то в сторону деревни.

Аверин посмотрел ему вслед и пошел к машине. В конце концов, Волобуев взрослый человек и даже слегка протрезвевший. В любом случае в няньки Аверин ему точно не нанимался.

С Кузей он поговорил сразу же, как ушла Маргарита.

– Почему ты спас майора Волобуева? – спросил он. – Я тебе не давал никаких инструкций на этот счет.

– Вы же не хотели, чтобы этот глупый странный человек умер. Я подумал, что вы расстроитесь.

– Значит, ты не хотел меня расстраивать… Тебе не было жаль его?

– Жаль?.. – Кузя, скорее всего, не совсем понял, о чем речь. – Но он напал на вас. Хотел убить. Но раз вы решили его спасать – значит, это зачем-то нужно.

– Эх, Кузя. Не меня он хотел убить. Себя.

– Ну да. Я же видел. А зачем? Этого я вообще не понял. Вы бы не стали его есть или мучить, это же очевидно.

– Люди сводят счеты с жизнью не только из страха боли и мучений. Это не слишком просто объяснить.

Зазвонил телефон. Аверин поднялся с кресла, дошел до коридора и снял трубку:

– Граф Аверин слушает.

– Гера… – раздался взволнованный голос Василя, – Гера, нужна твоя помощь.

– Что случилось? На вас напали?

– Нет, не волнуйся, у нас все в порядке. Это не у нас беда. Тут просто такое случилось…

– Василь, не тяни.

– Ты помнишь Дубковых? У них еще особняк рядом с Токкари?

Аверин помнил такую фамилию, но очень смутно. Но ответил:

– Вроде да. Что у них случилось?

– Дмитрия Дубкова убили. Ужасным просто образом. Это изверги какие-то, люди боятся из домов выходить. А Сурков, участковый пристав наш, вообще мышей не ловит. Точнее – взял каких-то местных арендаторов и пытается выбить из них признание. Вдова Дубкова в полном шоке. Она первая мужа из окна увидела. Его… на очень видном месте… ну… поставили.

– Поставили? Что значит «поставили», Василь? Как его убили?

– Посадили на кол. И воткнули на холме напротив его дома. Ты не против, если вдова подъедет к тебе?

– Не нужно. Пусть бедняжка отдыхает. Я сам приеду. Кажется, я к вам зачастил, – попытался пошутить он.

Но брату было не до шуток:

– Я бы предпочел другой повод, Гера.

Суркову Аверин позвонил перед выездом, и когда подъехал к участку, тот уже ждал. Кузю, который весь час сборов канючил, что хочет ехать человеком, оставил в машине, строго-настрого запретив из нее выходить.

В приемной никого не было.

– Вы будете чай, кофе, ваше сиятельство? Или, может быть, чего покрепче?

– Нет, я за рулем, и мне еще ехать до поместья. А там меня ждет и кофе, и коньяк. Расскажите лучше, что произошло с Дубковым.

Аверин сел на диван и положил ногу на ногу.

Сурков присел в кресло напротив.

– Вас наверняка вдова пригласила. Ну-ну. Нет, я понимаю, бедная женщина, такое потрясение. Но следствие не может, знаете ли, скакать галопом. Раз-два, и преступник сидит в тюрьме. Тем более подозреваемые у нас есть, как без них.

– Хорошо, – прервал словесный поток Аверин. – А можно немного ближе к делу? Что именно произошло и когда?

– Так третьего дня же. Господина Дубкова ночью, видать, как-то из дома выманили, жена проснулась – нет его. А утром увидела. Снизу кол вставили и насадили беднягу, прости Господи, избави, – Сурков перекрестился. – Изо рта конец кола торчал.

– Как долго он умирал? Вскрытие проводили?

– Да какое вскрытие, побойтесь Бога, ваше сиятельство! Разве не ясно, от чего он помер? Разве с таким люди живут?

Аверин мысленно выругался. Эти, с позволения сказать, полицейские даже не озаботились провести судебную экспертизу. Придется звонить в город. Как минимум надо узнать, сажали Дубкова на кол еще живым или уже мертвым.

– Крови под телом было много?

– Да немного совсем. Там песок еще, сколько впитало, неясно.

Зато Аверину было ясно. Осматривать место преступления придется самому. Небольшое количество крови означало, что либо жертва была уже мертва, когда проводилось сие действо, либо убили ее где-то в другом месте.

И тащили вместе с колом? М-да…

– Вы говорили о подозреваемых, – напомнил он.

– Да-да. Я уверяю вас, дело совершенно ясное. Это пока они запираются. А кто не запирается? А? В остроге все как один невиновные сидят, – Сурков рассмеялся.

– Ну так? – Аверин наклонил голову.

– Так Петр Устюгов это. И сыновья его. Кому еще?

– А почему вы на них думаете? Есть свидетели?

– Да зачем. Ну сами посудите. Я вам расскажу сейчас. Господин Дубков, он был человек у нас тут заметный. Благодетель. Благотворительностью занимался, местной школе доску для черчения подарил. Облагораживал все, дорогу сделал. Он же дачи тут строит. Строил, в смысле.

– Дачи? Это какие дачи?

– Ну такие. Для городских. Чтобы приезжали отдыхать. Сами же знаете, какие у нас тут места. Озера, воздух, лес. И от города совсем недалеко. Ну вот, строил он дачи. А арендаторам это, само собой, не нравилось.

– Выходит, – начал понимать Аверин, – он землю у местных помещиков скупал под дачи?

– Ну да, – обрадовался Сурков. – Да там и земля-то бросовая, одна капуста да морковка на ней растет. Но арендаторы очень злились. Веками, говорят, наши предки тут жили. Они свои овощи и мясо на рынки в город возили. А теперь им надо съезжать и другое место искать. А что искать? Вон до самой Ладоги места-то сколько? Хотя, конечно, по-человечески я их понимаю, да. Но бунтовать?

– А что, бунтовали?

– Ну а как же? Я о чем толкую. Выходили с транспарантами, копали канавы, чтобы техника строительная не проехала. Экскаватор перевернули.

– Ну, одно дело, экскаватор перевернуть, а другое – зверское убийство, вы не находите?

– А вы дослушайте, ваше сиятельство, – улыбнулся Сурков. – Недели три назад это было. Приехали дом Устюговых сносить. А их там пятнадцать человек, мал мала меньше. И они засели в этом доме, мол, сносите с нами. Ну рабочие поковырялись да уехали. А ночью дом полыхнул. Нет, я не утверждаю, что поджога не было, но где доказательства? Нету их, – Сурков хлопнул ладонью по столу. – В чем были они, в том и выскочили. А через два дня погорельцы и еще всякие недовольные возле Колтушского озера шоссе перекрыли. Требовали найти и наказать виновных и стройку прекратить. Встали цепочкой из живых людей и стояли с утра. И пока нам доложили, пока мы доехали… В общем, из-за поворота паренек выезжал, молодой совсем. Машина хорошая, «Ладога», как у вас, но постарше. Ну и не заметил их. Любку Устюгову на месте убило, еще двоих, детей ее разбросало и покалечило. В больнице они сейчас. В благотворительной, князей Всеволожских. Парнишка как увидел, что натворил, так убивался, так убивался, бедный. Все деньги им совал. Да только Петр не взял у него ничего. Он вообще стоял на коленях на обочине и выл до вечера, как зверь. Потом сыновья его увели.

Сурков печально вздохнул.

– Ну вот теперь скажите, Гермес Аркадьевич, кто еще мог Дубкова порешить, а?

Определенная логика в словах пристава присутствовала. Но Аверин давно привык, что не все, что крякает, – утка. Взять, к примеру, Синицына. И в этом деле обязательно нужно разобраться. Если Петр Устюгов виновен, то участи его Аверин не завидовал.

– Вы поаккуратнее с обвинениями, – на всякий случай предупредил он. – Это особо тяжкое. Сами знаете, чем такое карается. А если сожравший Устюгова див, заполучив память, укажет на его невиновность? Вы же по этапу и пойдете.

– Да некому больше, – махнул рукой Сурков. – Да я и не дурак. Не бьем его, кормим хорошо. Жду, пока совесть заест. Священник к нему утром вот приходил. Он же не бандит, Устюгов-то. Разум от горя помрачился просто.

– Значит, он у вас под арестом. Могу я с ним поговорить?

– Да, конечно, ваше сиятельство. Авериных здесь любят и уважают. Может, он вам покается.

– Тогда приведите его сюда. И вот еще что. Чем Устюгов вдову в качестве убийцы не устраивает? Она кого-то другого подозревает?

– Да, другого, вы не поверите кого.

– Хм. И кого же?

– Сатану. Она утверждает, что ее мужа убил Сатана.

Петра привели быстро. Он зашел в приемную и уставился в пол.

– Снимите с него наручники. И оставьте нас.

– Но, ваше сиятельство, – начал было один из полицейских, но Аверин пристально посмотрел на него, и тот послушно полез за ключами.

– Ну, здравствуй, Петр, – поприветствовал Аверин.

– И вам не хворать, – пробормотал арестант, продолжая глядеть в пол.

– Ты не помнишь меня, Петр? Ты и твой брат конюхами работали в клубе «Вега». Я – Гермес Аверин.

– А-а-а… – Петр поднял голову, и глаза его заблестели. – Ваше сиятельство, как же, помню. Вы на Ласке катались, я ее чистил. Всегда вы и ваш брат щедрыми были.

Внезапно он рухнул на пол и принялся отвешивать поклоны:

– Ваше сиятельство, Гермес Аркадьевич! Возьмите Наташку, в поломойки возьмите! Воду с пола пить будет! Ноги вам целовать! Иначе на обочину ведь пойдет девка. Куда ей еще, с отцом-душегубом?

– Встань, Петр, – нахмурился Аверин. – Ты, что ли, убил?

– Ваше сиятельство, – Петр удивленно поднял голову. – А вы что же, сомневаетесь?

– Я всегда сомневаюсь, работа такая. Так ты убил? Только честно. Скажешь правду – устрою судьбу твоей дочки.

Из глаз мужчины потекли слезы:

– Ну не убивал я. Клянусь, не убивал! Да ведь человек я, как человек может сотворить такое злодейство? Каюсь, хотел. Убить хотел. Топор даже носил, вдруг как встречу. Да где там. Они с нами одной дорогой не ходят. Но я все на себя возьму. Если прикажете. Наташу только устройте. Пропадет. А мне терять нечего. Я думал руки на себя наложить, да грех это. Может, и лучше, если чертяка меня сожрет.

Он замолчал и добавил тихо, вытянув вперед голову:

– Вы же колдун, ваше сиятельство. Скажите, страшно это? Правда, что душе бессмертной конец? Тогда, может, оно и лучше. – Он показал затягивающуюся вокруг горла петлю.

Аверин стукнул кулаком по столу. Петр вздрогнул и замолчал.

– Петр. Мне не нужно твое признание. Я того душегуба поймать хочу. Ты же сам сказал – нелюдь.

Петр пополз к нему на коленях:

– Ваше сиятельство! Поймайте! Я за вас всю жизнь молиться буду! У меня же дети малые. Отец-старик! Тесть с тещей еле живые, как Любушка погибла. Наташа старшая… Внук по весне родился…

– Стой, – прервал его Аверин, понимая, что Петр сейчас будет перечислять свою огромную семью.

– Простите, ваше сиятельство.

– Встань для начала. А еще лучше – сядь. И давай рассказывай все, что знаешь. И про то, как ваш дом жгли, и про то, как жена твоя погибла, и про Сатану. Где твоя семья сейчас?

– У брата. На сеновале живут. Тепло сейчас, хорошо на сеновале.

Петра Аверин отпустил в глубоком раздумье и сказал позвать к нему Суркова.

Тот появился тотчас же.

– Вот что, – сообщил Аверин, – Петр Устюгов не виновен. Но отпускать его нельзя – поставьте к нему охрану, и пусть у него все опасные предметы заберут. Он нехорошее задумал. Я его отговорил вроде, но…

– Да кто же, если не он? – удивился Сурков, а потом покивал: – А-а, сыновья его сами могли. Или брат, Федор. Может, их взять, пока в бега не подались?

– Погодите брать. Никто никуда не побежит. Разберемся. Вы лучше скажите, вы задержали того парня, который Любовь Устюгову сбил?

– Да нет, зачем же? На нем и так лица не было. Отпоили водой, дали коньяку. С ним друг был, он и сел за руль, да уехали они. Чем он виноват-то?

«Тем, что на повороте и не подумал скорость сбросить».

– Но хоть номер-то его записали?

– Ну конечно. Номер записали, само собой. Зовут Хмельницкий Николай.

В машине Аверин обнаружил свернувшегося калачиком и спящего на заднем сиденье Кузю. Постучал в окно, тот подпрыгнул и уставился на хозяина полуприкрытыми глазами.

Аверин открыл дверь и сел за руль.

– Сейчас я еду в поместье Дубковых.

– Мне в кота? – уныло проговорил Кузя.

– Нет. У меня есть для тебя важное задание. Только ты должен очень постараться. Понял?

– Ага! – оживился Кузя.

– Тогда слушай. Примерно три недели назад тут, на шоссе, парень по имени Николай сбил женщину с детьми, жену погорельца Петра Устюгова. Очень переживал. Потом приходил домой к брату Петра, где семья погорельцев устроилась, прощения просил, деньги предлагал. Они не взяли, прогнали его. Он, когда уходил, кричал: «Я не виноват! Я же знаю, кто виноват!» Потом он приходил еще раз, за день примерно до убийства Дубкова. Ни Петра, ни его брата дома не было, остальные домочадцы даже калитку не открыли. Николай им из-за забора что-то кричал, но что – отцу они не сказали, не придали значения. Я хочу, чтобы ты поговорил с ними. Представься другом Николая, пассажиром, который был в машине во время наезда, они не знают его имени, назовись Александром, к примеру. Скажи, что друг твой в участке у отца их прощения опять просил и что «Петр его простил». Но сам Николай им в глаза смотреть не может и просил денег передать на лечение братьев.

Аверин достал двести рублей и вручил Кузе.

– Попробуй поговорить. Разузнай, что этот Николай кричал, когда приходил в последний раз, и не видели ли они его в день убийства. Если они деньги возьмут, то и в дом позовут. Там их и разговоришь. Придумай что-нибудь. Если не пустят – жди меня на перекрестке возле Колтушского озера. Вот тебе адрес.

– Ага, – изо всех сил закивал Кузя. Лицо его светилось от радости.

Глава 7

Таких, как Дубков, называли нуворишами или, в народе, скоробогачами. Дворянства у них не было, и вообще о происхождении Дубковых Аверин имел довольно смутное представление. Но были они побогаче, пожалуй, большинства окрестных помещиков. И беззастенчиво скупали земли у обедневших соседей. После чего выгоняли крестьян – фермеров и арендаторов – и застраивали участки современными дачными домами. Отчего становились еще богаче.

Несмотря на государственную поддержку сельского хозяйства, крестьяне беднели, и их хозяйства почти не развивались. Арендованные участки были слишком малы, чтобы обрабатывать их современной техникой, поэтому чаще всего один трактор имелся на все село – и тот в аренду. А государственную помощь получали крупные предприятия. Аверин знал, что по всей Сибири идет масштабное строительство тепличных комплексов и животноводческих комбинатов. Именно туда уходили почти все дотации. А здесь землю обрабатывали по старинке, чуть ли не тяпкой и плугом. Было понятно, что скоро агропромышленники придут и сюда. И тогда арендаторы разорятся окончательно. Хотя кто знает… может, наоборот, получат работу. Аверин в этом разбирался плохо. Основной доход его семьи был не с земли, и, насколько он знал, брат земли не продавал и брал со своих арендаторов лишь символическую плату.

Особняк Дубковых было видно издалека: его построили на живописном холме в окружении таких же холмов, но пониже. Дорога туда вела очень хорошая, прямо через поля. Наверное, сначала крестьяне даже радовались новой удобной дороге, пока не поняли, что предназначена она не для них.

Вокруг вовсю шло строительство. Некоторые дачи были уже заселены, и Аверин задумался, а знали ли те, кто покупал их, что жить они будут не в «окружении лесов и озер», а на территории огромного поселка за высоким забором.

Впрочем, для многих городских и это могло считаться «природой».

В доме Дубкова все было завешено черным. Зеркала закрыты плотными занавесами, на окнах висел черный тюль. Стоял тяжелый душный аромат цветов. Сама вдова, пряча лицо под черной вуалью, встретила сыщика на пороге дома.

– Гермес Аркадьевич! – со слезами в голосе воскликнула она. – Только на вас, только на вас вся и надежда.

Интересно… Не «ваше сиятельство». Но такое панибратское обращение можно было списать на душевное состояние вдовы. Ну или Василь водил дружбу с Дубковыми.

– Мои соболезнования. Я буду рад вам помочь. Но, надеюсь, вас предупредили, что беру я за свои услуги недешево.

– Да, да, я заплачу сколько нужно! Мы не бедняки… ах, что же теперь будет… – Женщина упала на диван и зарыдала.

Аверин подождал, пока она успокоится, осматривая в это время гостиную. Выглянул в окно, но ничего примечательного не увидел. Подошел к вдове и наклонился:

– Прошу прощения, я очень сочувствую вашему горю. Но я пришел сюда, чтобы найти убийцу вашего мужа. И мне необходимо задать вам несколько вопросов.

– Да-да, конечно, – она убрала руки от лица, – я отвечу на все.

– Расскажите, когда вы видели вашего мужа живым? Последний раз?

– Вечером. Мы ложились спать, все было в порядке!

– Он не выглядел нервным, встревоженным?

– Нет, нет! Скорее, наоборот, он выглядел веселым и довольным. Сказал, что заключил одну выгодную сделку!

– Сделку, значит… а с кем, не сказал?

– Нет, – покачала головой вдова, – он мне вообще о делах не рассказывал.

«Тяжело ей теперь будет», – подумал Аверин. Сама дела вести не сможет, придется нанимать управляющего. И тут – как повезет. Бывали случаи, что таких вдов разоряли подчистую. Да и шансы, что Дубкова убили арендаторы, довольно велики. Если не Устюгов, то многие другие были недовольны нынешним положением дел. Да и конкурентов нельзя исключать. Надо будет узнать, не претендовал ли кто на эти же земли. Обставить убийство так, чтобы оно было похоже

на месть, – не самая плохая идея, если хочешь отвести от себя подозрения.

– Хорошо. А когда вы заметили, что его нет дома?

– Ночью. Темно еще было совсем. Может, часа в три или в четыре. Душно очень, я подумала: может, он на улицу вышел, воздухом подышать. Открыла окно. И увидела его!

– Мужа?

– Да нет же! – Вдова внезапно вцепилась Аверину в руку и произнесла хриплым шепотом: – Его! Дьявола!

Аверин осторожно освободил руку.

– Дьявола, значит. И как он выглядел?

– Я не видела его целиком. Только огромные черные крылья. Но я уверена, что это он унес и убил моего мужа! Когда я утром увидела… увидела это…

Она опять разрыдалась. Аверин повидал достаточно вдов и отлично знал, что успокаивать их не стоит. От этого женщины начинают рыдать еще пуще.

Поэтому, подождав, когда рыдания станут потише, он спросил:

– Вы не испугались, увидев… дьявола? Просто пошли и легли спать?

– Ну я же не знала, что это дьявол! Думала, что просто какая-то огромная птица!

Птица! По позвоночнику пробежал легкий озноб. Стрелявший див имел облик серой птицы, а эта женщина назвала птицу черной. Но было темно.

Что, если действовал наемный убийца, которому служит сильный див? Див с легкостью принес бы сюда тело Дубкова. Да и насадить человека на кол для него проще простого. И давешний див пытался подставить Синицына. А этот – местных крестьян.

Возможно ли такое совпадение? Маловероятно, но исключать не стоит.

– Я могу осмотреть тело вашего мужа? – спросил он. Похороны намечались на завтра, поэтому тело наверняка должно быть уже в доме.

– Да… конечно… Я вас провожу.

Гроб, щедро засыпанный цветами, стоял на постаменте возле огромного панорамного окна на втором этаже.

– Он… очень любил эту гостиную… тут такой красивый вид…

Не дожидаясь, пока вдова опять разрыдается, Аверин зашел в комнату.

Над телом Дубкова отлично поработали гримеры. По нему совсем не было заметно, что застройщик умер жуткой смертью. Если он умер от протыкания колом, конечно.

– Послушайте. Не могли бы вы отложить похороны, например, на день? Тело вашего мужа надо отвезти в город к судебно-медицинскому эксперту.

Вдова тут же фурией влетела в комнату и встала между сыщиком и гробом, расставив руки.

– Не дам! – закричала она. – Не дам его резать! Он и так настрадался!

Аверин отошел в сторону.

– Хорошо, – миролюбиво проговорил он, – никто не тронет вашего мужа. Но мне нужно произвести некоторые манипуляции. Если его убил дьявол – должны остаться следы.

– Да. Это да. Конечно. Вы же ничего ему не сделаете? Не… навредите?

Аверин подумал, что вряд ли он чем-то может навредить трупу, но потом понял, что имеет в виду вдова.

– Это никак не скажется на его бессмертной душе. Все, что делают колдуны, имеющие государственную лицензию, полностью одобряется церковью.

– А, ну хорошо тогда.

Аверин достал часы и подошел к гробу.

Ничего примечательного на теле он не нашел, поэтому из похоронной комнаты направился на место, где была оставлена жертва.

– Скажите, недавно шел дождь? – спросил он у вдовы.

– Да… вчера гроза была. И ночью…

Это было очень плохо. И без того довольно скудные следы наверняка были полностью смыты. Даже дыру от кола Аверин обнаружил в песчанике с большим трудом.

Вокруг не нашлось никаких следов применения силы. Впрочем, за три дня, да еще и с учетом дождя, их могло просто не остаться. Эх, не вовремя он отправил Кузю с заданием. Когда див вернется, надо сказать ему сбегать сюда котом и как следует все обнюхать.

Распрощавшись с вдовой, Аверин поехал к Колтушскому озеру.

Своего дива, а точнее – его великолепную зеленую рубашку, он увидел сразу. Тот сидел на берегу озера и сосредоточенно жевал пирожок. Рядом с ним лежал кулек из газеты, из которого торчала еще парочка пирожков.

– С ревенем и с капустой! Хотите? – увидев хозяина, Кузя вскочил и протянул кулек.

– Нет, спасибо. Я надеюсь, задание выполнено успешно?

– Ага, – подтвердил Кузя, – это мне с собой дали. И накормили еще – во! – Он провел пальцем по горлу.

– Ты объел несчастных погорельцев, и не стыдно тебе?

– Да я нет… – смутился Кузя, – они сами же! Картошки вареной дали, огурцов с помидорами. Пирожки вот. Жаль, без мяса только. Люблю мясо.

– Так, Кузя. Не заговаривай мне зубы пирожками с мясом. Что ты узнал?

– К ним правда тот парень приходил, Николай который. С девушкой. Она была вот в такой же рубашке, – он оттянул на животе свою, – только в красной. И еще с ними один тип был. Стучались, кричали. Уходя, сказали что-то вроде «мы вас все равно спасем» или «вам поможем». Ну эти люди и решили, что я пришел помочь. Деньгам вашим очень обрадовались. Я сказал, что мы собираемся доказать, что их отец никого не убивал, так они меня сразу в дом и как давай кормить!

– Очень хорошо. Что еще?

– Ну, я расспросил, как девушка выглядела. Сделал вид, что хочу уточнить, кто именно это была, «Оксана или Алена». Она невысокая, волосы рыжие. Возможно, крашеные. Про парня второго узнать не получилось: они его не видели, только слышали.

– Что ж… пирожки свои ты заслужил. А колбасы тебе Вера с Мишей дадут. Так что доедай, и поехали.

Возле ворот поместья Аверин остановился. Путь ему преградил небольшой грузовичок, как раз из них выезжающий. Заехав на задний двор, Аверин, к своему удивлению, увидел несколько больших клеток с курами. Рядом с ними чинно прохаживался Анонимус. Увидев машину, фамильяр направился к ней.

– Рад приветствовать, ваше сиятельство. – Анонимус открыл дверцу машины.

– Спасибо. Что это у тебя тут за птичий двор? Ты ферму организовать собрался? Я думал, для кухни возят уже забитых цыплят, без голов и перьев.

– Это не для кухни, – важно ответил Анонимус, – это для Сары. Она слишком слаба и не годится для защиты госпожи Веры.

– А, – понял Аверин, – ты решил ее откормить. Смотри, чтобы она не стала опасной для детей.

– Я слежу за этим, – Анонимус наклонил голову. – Сара даже не приблизилась ко второму уровню. Я хочу добиться от нее четвертого, максимального, что позволяет Разрешение хозяина.

– Это неплохая идея, – одобрил Аверин. – А бабушкин див? Он еще здесь?

– Нет. Его забрали.

– Хм… не очень хорошо. Анонимус, будь начеку. Возможно, див, которого мы с тобой видели, опять находится где-то поблизости.

– Вы думаете, это он убил господина Дубкова? – заволновался Анонимус.

– Возможно. Но не поднимай панику. Все и так испуганы.

– Как прикажете.

Див подхватил несколько клеток с курами и направился с ними за дом. Интересно, где он планирует их держать? Не съест же Сара всех кур за один вечер.

Позже Аверин позвал Кузю к себе. Махнул рукой, разрешая сменить облик, и сказал:

– Для тебя есть еще одно поручение. Я не обнаружил ничего интересного там, где было выставлено тело. Вероятнее всего, Дубкова убили не перед домом. Я хочу, чтобы ты нашел место, где это было сделано. Можешь взять с собой Сару, у нее тоже есть птичья форма. Но будьте предельно осторожны. Див-убийца может быть поблизости, не попадитесь ему.

– У нас есть преимущество, – улыбнулся Кузя, – мы слабее него, поэтому почуем раньше, чем он нас. Вы же знаете: чем больше сила, тем меньше чувствительность.

– Да, я знаю. Главное, чтобы вы успели сбежать.

Открыв утром глаза, Аверин увидел возвышающуюся над ним довольную морду Кузи.

– Нашел? – спросил он, окончательно просыпаясь и садясь на кровати.

Кот свалился на пол, но тут же запрыгнул обратно:

– Мя-я!

– Хорошо. Прямо сейчас туда и поедем.

Аверин умылся, переоделся и спустился в столовую. Анонимус вышел к нему навстречу, держа в руках накрытый поднос.

– Отлично, не придется терять время, – обрадовался Аверин. – Ты что же, ждал, когда я проснусь? Но откуда ты… Погоди, ты знал про ночной поход? – он указал на Кузю и Сару, вертящихся под ногами.

Фамильяр кивнул:

– Да. Меня привлекли для помощи.

– Так, погоди, – Аверин присел за стол, – что значит «привлекли»?

Анонимус расставил перед ним завтрак.

– Ночью ваш див Кузя подошел ко мне и рассказал, на какое важное дело они с Сарой собираются. И попросил их подстраховать. План был такой: если опасный див погонится за ними и Кузя поймет, что им не оторваться, он задержит дива, а Сара убежит. А я должен был настроиться на них и держать связь, и как только почувствовал бы, что с ними что-то случилось, сразу оповестил вас и отправился на перехват, чтобы Сара успела передать важную информацию мне. После чего я должен был вернуться сюда и вместе с вами держать оборону дома.

Аверин медленно перевел взгляд с Анонимуса на Кузю.

– Ничего себе стратегия. Ты и Анонимуса умудрился втянуть в свои авантюры? Ну и ну. Как тебе это удалось? «Погони, драки, преступники». Ну просто все, как ты мечтал. Только постарайся в следующий раз расставлять приоритеты правильно. Информация важна, но важнее, чтобы ты вернулся с задания.

Меньше чем через час машина Аверина подъехала к Третьему озеру. Это было крохотное озерцо, окруженное полями с одной стороны и лесом – с другой. Местные жители брали в нем воду для своих нужд, тут же купались дети и водили на водопой скотину. Дорога к озеру сильно отличалась от ведущей к усадьбе Дубковых.

Остановившись у кромки леса, Аверин отправил Кузю одеваться. Див ему сейчас был нужен в человеческом облике.

– Показывай, – сказал он, когда Кузя вернулся.

– Дальше пешком. Думаю, машина ваша тут не проберется.

Они двинулись по засыпанной песком проселочной дороге.

Поднявшись на высокий холм, Аверин ахнул.

Внизу расположилось языческое капище.

– Это здесь? – спросил он Кузю.

– Ага.

Они спустилась по склону. Не доходя до идолов, Кузя присел и коснулся земли.

– Тут. Все дождем посмывало, но кровью от песка так и разит. И тут кто-то был.

– Див? Сильный? – Аверин достал маятник. Тот немедленно начал раскачиваться.

– Думаю, да. У меня до сих пор шерсть дыбом.

– А что тут произошло, не знаешь? Вызов? Высвобождение?

Кузя пожал плечами:

– Этого я не знаю. Алатыря тут нет.

Аверин наклонился и принялся тщательно изучать землю. Это был песок, едва поросший травой. Если кто-то что-то тут и чертил, все начисто смыло дождем.

– Если это был вызов и Дубков стал жертвой, его бы съели.

– Значит, не вызов, – сделал вывод Кузя.

– Видимо, нет. Скажи мне, ты смог бы насадить взрослого человека на кол?

Кузя посмотрел с некоторым удивлением:

– Конечно.

– А как?

– Бросил бы его на землю и пробил колом. Или подбросил воздух и насадил сверху. А что?

– А то, что див того уровня, которого мы ищем, с не меньшей легкостью бы с этим справился. Зачем ему высвобождать демонический облик?

– Хм, – Кузя улыбнулся очень многозначительно.

– Так, давай говори, что ты еще нашел.

Кузя метнулся к ближайшим кустам.

– Идите сюда, – позвал он.

Аверин подошел. Кусты были переломаны, как будто в них швырнули что-то тяжелое. А на одной из веток болтался кусочек красной сатиновой ткани. Аверин осторожно снял его и присмотрелся. На краю был виден кусочек вышивки.

– Это же от рубашки!

– Ага, – с довольным видом согласился Кузя.

– Ясно. Нам обязательно надо наведаться к виновнику ДТП.

Глава 8

Они вернулись в город. Дома их встретила встревоженная Маргарита.

– Вы что же, дома не ночевали?

– Да, я не стал тебе писать. Ездили с Кузьмой в поместье по одному делу. Да там и заночевали.

– А, – обрадовалась Маргарита, – ну ладно тогда.

И она скрылась на кухне.

А Аверин подошел к телефону. Надо попросить Виктора узнать про владельца машины, сбившей Любовь Устюгову. Что-то ему подсказывало, что Николай о происшествии не заявлял, хоть и терзался чувством вины.

Но не успел он снять трубку, как телефон зазвонил.

– Граф Аверин слушает, – проговорил он, и тут же его перебил то ли крик, то ли всхлип:

– Ваше сиятельство, Гермес Аркадьевич, это Фетисов! Фетисов вас беспокоит!

– О господи, что случилось? – заволновался Аверин. Не дай Бог с Виктором беда…

– Тут… убили. Колдуна из Управления убили. И дива его сожрали подчистую.

– Чего?! – ошарашенно проговорил Аверин. – Кого убили? Кого сожрали?!

– Колдуна… я только что оттуда… это ужас, просто ужас.

– Так, погодите, успокойтесь. Говорите толком. Кто погиб? Не Мончинский, случайно?

– Я не знаю, как его звали…

– Это новый колдун Владимира, вы должны его помнить, дива, в смысле.

– А, нет. Не он. Этот в соседнем кабинете сидит. Помогите, Христом Богом молю. Я заплачу`. У меня деньги есть, я дочке копил, приданое. Все отдам. Только помогите.

– Да что же вы так причитаете-то? Если Мончинский с Владимиром уже прибыли, то это дело Управления. Не ваше. Даже

если и на вашем участке.

– Да не на нашем! Возле Николаевского вокзала его нашли.

– Так вы вообще тут ни при чем…

– При чем. Объявлена общая тревога. Все колдуны со всех участков выходят на улицы на патрулирование. Это ужас. Ужас!

Действительно, если кто-то сожрал дива первого класса из Управления – это однозначно общегородская тревога.

– Этот велел мне ехать прямо туда… где убили. И я поехал. Сейчас вот вернулся. А он меня опять отправляет! Берите, говорит, собак своих, и на улицу!

– Кто? Владимир? – сочувственно спросил Аверин.

– Нет! Этот, хозяин его. Как вы сказали? А, да. Мончинский! А див этот поганый за его спиной ухмыляется!

– Теперь понятно. – Аверин потер лоб. – Кстати, а чего же колдуна не съели? Как его убили вообще? Просто разорвали?

– Нет. Его… его проткнули… насквозь! – В голосе Фетисова появились истерические нотки.

– Понятно. Вы замеряли уровень напавшего? Должен остаться явный след, раз он там высвобождался, чтобы сожрать дива.

– Да! – застонал Фетисов.

– И?

– Во… восьмой… или д-девятый…

– Ничего себе, – только и смог выдавить Аверин и опустил руку с трубкой. – Кузя, ты это слышал?

Он снова поднял ее к уху:

– С этого и надо было начинать. Что я могу сделать?

– Вы же лучший! Вы же его найдете! Оно… оно колдунов убивает!

– Ясно. Я свяжусь с вами, как только что-то узнаю. А мне позовите Виктора, пожалуйста.

Он снова опустил трубку вниз.

– Мы с тобой, оказывается, всемогущие. Дивы девятого уровня нам – как кедровые орешки.

– Мя-а-а! – возмутился Кузя. То ли непомерностью возложенных на них надежд, то ли, наоборот, сомнениями, высказанными Авериным.

– Что там у вас, Гермес Аркадьевич? – донеслось с кухни.

– А, ничего. По работе. Кузе вон жалуюсь.

– Мя-а-а! – подтвердил кот.

Виктора пришлось ждать минут пять. Наконец в трубке прозвучал его голос:

– Гермес, извините. Тут творится черт знает что. Вон Фетисов даже трубку взял. Да я и сам вам звонить хотел.

– Фетисов мне и позвонил.

– А, ну прекрасно. Значит, вы уже в курсе. Так вы поможете? – спросил Виктор. – Нет, я вовсе не прошу вас собой рисковать. Просто нам сейчас очень нужны ваши мозги.

– Что же вы так Управлению не доверяете?

– Да вот что-то дива, который в вас стрелял, они пока не поймали.

– Вы знаете… – задумчиво сказал Аверин, – возможно, это один и тот же див.

– А ведь точно! – воскликнул Виктор. – Вас пытались убить, убили колдуна из Управления! Это может быть связано.

– Да. И, если не трудно, не могли бы вы выкроить несколько минут и озадачить своих ребят «пробить» хозяина автомобиля?

– Да, конечно. Это тоже по нашему делу?

– Пока не знаю. Но не исключаю этого. Давайте, если никого из нас до вечера не сожрут, встретимся в «Еноте»?

– А вот это просто отличная идея, – возликовал Виктор и, видимо, прикрыв трубку, громким шепотом добавил: – У Владимира новый хозяин. И знаете, предыдущий был лучше. Этот… очень деятельный.

– Да-да. Я с ним уже познакомился, – рассеянно проговорил Аверин. – А, кстати. Я бы хотел взглянуть на труп. Куда его отвезли?

– Так к Семенычу. Можете съездить хоть прямо сейчас. Думаю, вам он точно не откажет.

Именно так Аверин и решил поступить. Наскоро проглотив завтрак, он позвал Кузю и направился в отделение городской судебно-медицинской экспертизы. Показал на входе звезду и проследовал в прозекторскую.

Альберта Семеновича Каминского Аверин знал уже почти двадцать лет, еще со времен своей службы полицейским колдуном. И все эти годы эксперт выглядел как бодрый старичок лет шестидесяти.

И совершенно не менялся. Аверин даже подозревал, что Семеныч – див.

– А я вас ждал, Гермес Аркадьевич, вот именно вас ждал, никого не пускал, – обрадовался Семеныч. Аверин лишь прижал кулак ко рту, чтобы подавить смешок. А было от чего. Кузя бы умер от зависти, увидев старого судмедэксперта. На нем красовалась сатиновая косоворотка ярко-желтого цвета, подпоясанная алым кушаком, фиолетовые шаровары и, в довершение образа, какая-то обувь, довольно неплохо имитирующая лапти. Впрочем, Кузя еще налюбуется. Но на осмотр тела дивом нужно сперва получить специальное разрешение.

Старания сдержать смех не укрылись от цепкого взгляда эксперта.

– Между прочим, – выпятив грудь колесом, проговорил Семеныч, – я считаю предрассудками деление моды на молодежную, взрослую и людей средних лет. Что получается, если тебе больше пятидесяти, ты должен рядиться в мешок от картошки?

– Что вы, Альберт Семенович, у меня просто племянник так одевается. Я представил, как он бьется на полу в припадке зависти при виде ваших роскошных шаровар и лаптей.

– А что? Пусть молодежь завидует. Я взрослый человек, имею право одеваться так, как хочу, не клянча ничего у родителей или дяди, – подмигнул Семеныч. – Пойдемте, я вам кое-что покажу, вам точно понравится. Я вот с утра в восторге.

Аверин прошел внутрь прозекторской. Тело несчастного колдуна лежало на столе, полностью раздетое, и выглядело совершенно целым. На первый взгляд не было понятно, что именно убило этого человека.

– Ну, что скажете? – с довольной улыбкой спросил Семеныч.

– Скажу, что знаю, почему этого колдуна не сожрали, – ответил Аверин.

– О! Это просто чудесно! – воскликнул эксперт. – И почему же?

Аверин указал на татуировку в форме Триглава в районе солнечного сплетения убитого.

– Это сделано серебряным порошком. И наложено заклятие, как на амулет. Див не смог его сожрать именно поэтому.

– Ого. И у вас такая есть?

Аверин мотнул головой:

– Нет. Я предпочитаю надевать амулет. От своего дива ни амулет, ни татуировка все равно не защитят: они от вида крови хозяина полностью разум теряют. Будет ли мне легче, если сожравшему меня диву станет плохо?

– Ну что вы, животинку надо пожалеть! – Семеныч показал отличные белые зубы. Ну точно див. – Вы на тело посмотрите. Рану видите?

Аверин обошел кругом. И заметил, что в районе затылка волосы слиплись от крови.

– Вот она.

– Молодец какой. Отец бы вами гордился. Но это выходное отверстие. А теперь угадайте, где входное?

– Входное? – задумался Аверин, и внезапно его бросило в дрожь. Так вот что имел в виду Фетисов, говоря, что колдуна проткнули насквозь! И вот почему полицейский колдун был в таком ужасе.

– Здесь, – уверенно сказал он, указав между ног трупа.

– Да вы просто гений, Гермес Аркадьевич, – всплеснул руками Семеныч, – даже я не сразу понял.

– Увы, если бы… – покачал головой Аверин. – Альберт Семенович, мне нужно срочно позвонить.

В «Еноте», несмотря на раннее время, было многолюдно.

Виктор снова прибыл одетым по форме, но в этот раз у него была еще более уважительная причина.

– Уф, еле вырвался. Вы не поверите, пришлось сказать правду, что я хочу встретиться с вами. Я даже думал пригласить вас в участок, но там нам точно не дадут нормально поговорить. Рассказывайте все, что знаете.

Аверин налил себе чай из маленького синего заварника и начал рассказ. И про конфликт арендаторов с застройщиком, и про поджог дома, и про то, что они с Кузей нашли на капище. Виктор только молча качал головой.

– Значит, вы считаете, что Дубкова посадил на кол тот же самый див? – дослушав рассказ, спросил Виктор.

– Да, похоже на то. Вдова Дубкова видела кого-то с крыльями. Вероятно, это и был див, который принес тело к ее дому. И он же убил

колдуна из Управления. Но, скорее всего, это не тот же див, который стрелял в меня.

– Почему вы так решили?

– Почерк. Тут уже начинает прослеживаться некая тенденция. Выстрел из карабина Синицына – это заказное умышленное убийство, вернее – его попытка. Причем план был в том, чтобы скрыть участие в убийстве дива. А тут совершенно неприкрытая демонстрация с выставлением трупов на всеобщее обозрение.

– Думаю, вы правы. Мне бы еще раз с племянником вашим поговорить. Надо же, вы ему уже такие серьезные поручения даете. Может, Кузьма еще что-то вспомнит о ребятах, что приходили к Устюговым. И да. Лоскут с куста. Надо бы его в экспертизу.

– Я его и фото с места отдал Семенычу. Он знает, кому лучше всего это добро пристроить. Звоните Суркову, надо объединять дела и выпускать Устюгова.

– Да, позвоню, как только вернусь в участок. А что же вы не едите?

Аверин посмотрел на свою тарелку с нетронутыми котлетами. Есть не хотелось. Он поднял на Виктора взгляд и некоторое время смотрел ему в глаза.

– Виктор, – наконец решился он, – мне нужно с вами поговорить. Я должен вам сознаться в одном деле.

– М-м? – Виктор наклонился к нему. – И в каком же?

– Прошу прощения, господа, – прервал их разговор подошедший к столику официант, – господина участкового пристава Смирнова просят к телефону. Говорят, что дело совершенно срочное.

– А, что за черт, – Виктор встал, вытер салфеткой руки и пошел за официантом.

Вернулся он через минуту. Точнее, не вернулся, а отчаянно замахал руками из коридора, подзывая Аверина.

– Еще одно нападение! – выдохнул он, когда Аверин подошел.

– Проклятье! На кого напали?

– На Фетисова. Но он жив, не волнуйтесь. Это в двух шагах отсюда, на Кронверкском.

– Поехали, – Аверин рванул на улицу.

На место он подъехал раньше Виктора и порадовался, что рядом парк и зевак совсем немного. И тех уже разгоняли быстро прибывшие

патрульные.

Потому что посмотреть было на что. На площадке между скамейками прямо на брусчатке сидел Фетисов. Перед ним лежал разорванный пополам муравьед. Он хрипел, а задние лапы его все еще подергивались. Фетисов гладил обе половины несчастного дива и, громко всхлипывая, пытался читать заклинание усыпления. В нескольких метрах от него, опираясь о землю коленом, стоял Владимир. Одежда на нем была разорвана, свисающие со спины лохмотья рубашки настолько пропитались кровью, что невозможно было определить ее изначальный цвет. Одной рукой он зажимал глазницу, пытаясь удержать в ней вырванный глаз, между его пальцами сочилась кровь. Левая нога была вывернута под невероятным углом, и из нее торчала кость. Невдалеке маячил Мончинский. Вид у молодого колдуна был донельзя растерянный и испуганный.

Аверин кивнул подъехавшему Виктору, и тот начал раздавать инструкции патрульным – допускать сюда журналистов было нельзя.

А Аверин шагнул к Мончинскому:

– А вы не хотите помочь своему диву? Вы вообще в курсе, что лечить дива – обязанность колдуна? Немедленно займитесь этим, хотя бы для того, чтобы он не пугал зевак своим видом.

– Я… конечно…

– Нет необходимости, – проговорил Владимир и внезапно исчез. Над головой Фетисова щелкнуло, на мгновение показалось что-то похожее на гигантский клюв, полный зубов, и обе половинки полицейского дива исчезли. На том месте осталось только пятно крови и Фетисов, икающий от ужаса.

– Со мной все в порядке, – раздалось у Аверина за спиной.

Он оглянулся. Владимир выглядел намного целее, чем был пару секунд назад. Див уже стоял на двух ногах, и глаз его был на месте. Но вдоль груди и плеч тянулись длинные кровоточащие полосы, похожие на следы от гигантских когтей. Аверин прикинул: полицейский муравьед был не ниже шестого уровня. Если сожрать его оказалось недостаточным для полного исцеления Владимира, значит, ранения были весьма серьезными.

Проигнорировав слова дива, Аверин снова повернулся к Мончинскому:

– Вот, значит, что вы устроили. Решили использовать Фетисова и его дивов как наживку? Ваша была идея?

Мончинский ничего не ответил, только опустил голову.

– Я понял. Кстати, а кто прогнал дива? Я не верю, что вы отправили его в Пустошь. Здесь присутствует еще кто-то из Управления? Кто-то посильнее? – Аверин огляделся по сторонам в поисках колдуна. Внезапно ему едва ли не под ноги упала сова. Мгновение – и она превратилась в маленькую старушку, сморщенную и высохшую, как мумия. На ее шее блеснул серебром вензель Академии.

– Я его прогнала. Но тварь успела скрыться, к сожалению. Я не думала, что вы такой сентиментальный, Гера. Это был хороший план – выпустить полицейских колдунов с дивами в качестве наживки по всему городу. А к ним приставить дивов из Управления в засаде.

– И вас в качестве тяжелой артиллерии, наставница Инесса? – Аверин улыбнулся.

– И меня, – согласилась старушка. – Боюсь, я сейчас самый сильный государственный див в Петербурге.

– Это был бы хороший план, – заметил Аверин, – если бы убийца сейчас был в Пустоши или в клетке. Или мертв. Но он на свободе. Поэтому это был отвратительный план.

– Ваша правда, – согласилась Инесса. – Теперь он на такое уже не купится.

Подъехала еще одна машина, почти точь-в-точь как у самого Аверина, только синего цвета. Полицейские замерли, вытянувшись в струнку. Из машины неторопливо вышел князь Булгаков, глава Управления.

Несмотря на плачевную ситуацию, он вальяжно направился к колдунам.

– Как я рад, что вы здесь, Гермес Аркадьевич, – улыбнувшись, князь протянул Аверину руку.

Аверин пожал ее:

– Я тоже очень рад, что вы здесь, князь. Теперь я спокоен за эту операцию. И, с вашего позволения, откланиваюсь.

– Прошу вас не торопиться, – остановил его Булгаков. – Если бы я не застал вас здесь, я бы отправился к вам домой. Я по делу.

Князь сунул руку в нагрудный карман, достал плоский золотистый жетон и протянул его Аверину.

– Удостоверение сотрудника Управления? Зачем оно мне?

– Потому что теперь вы внештатный эксперт Управления. Временно, разумеется. До завершения этого дела. Не волнуйтесь, никто не будет требовать с вас отчета, но зато вы получите доступ к материалам следствия и всю необходимую поддержку.

– Все настолько погано, да? – Аверин взял жетон и повертел его между пальцами. – Я могу отказаться?

– Нет, не можете, – развел руками Булгаков. – Все колдуны – слуги государевы и могут быть призваны на службу в любой момент. А у нас сейчас слишком мало экспертов вашего уровня.

– Спасибо за доверие. – Аверин убрал жетон в нагрудный карман, к звезде. – И на этом все же разрешите откланяться.

– До встречи, Гермес Аркадьевич, – проговорил Булгаков ему уже в спину.

– До встречи, – ответил Аверин и, подойдя к Фетисову, тронул его за плечо.

– Степан… Алексеевич, – он с трудом вспомнил отчество колдуна. – Вставайте. Я отвезу вас домой.

Спикировав откуда-то сверху, ему на плечо села галка.

В участок Аверин приехал примерно через час. Сразу прошел в кабинет Виктора – тот уже успел вернуться.

– Ну как он? – спросил Виктор.

– Оклемается. Просил за дивами присмотреть. Жена сейчас валерьянкой отпаивает.

– Эх… тут коньяком хорошим отпаивать надо. Я не представляю, что он пережил.

– Это точно. Много ваших дивов погибло?

Виктор покачал головой:

– Нет, один всего, Матвей. Ну, вы видели. А я-то думал, почему Фетисову только одного разрешили взять… хотя привезли еще нескольких. Берегли, выходит, казенное имущество и даже не предупредили, сволочи.

– Да, некрасивая история… – Аверин не знал, как еще прокомментировать случившееся. – Полагаю, на них давит Омск, –

наконец сказал он. – Иначе они бы не стали пихать мне это. – Он вытащил жетон Управления.

– Да уж… – Виктор вздохнул. – Но нет худа без добра. Теперь они не могут выкинуть вас из дела.

– Угу. Расскажите мне, пожалуйста, что там произошло.

– Да все просто вышло. Я не знаю, почему он напал именно на Фетисова. Может, случайность, а может, почувствовал его страх. Матвей кинулся защищать и был тут же разорван, думаю, сожрать его помешал Владимир. Дрался с ним, пока не подоспела эта… дама из Академии.

– Инесса.

Виктор поднял одну бровь:

– А, так это и есть знаменитая Инесса, о которой вы столько рассказывали. Впечатляет. Так вот. Тот див, видимо, учуял ее, бросил Владимира и сбежал. Догнать его не удалось.

– Понятно. Очередной блистательный план Управления. Как выглядел див? У него был ошейник?

– Нет. Так что у нас демон девятого уровня, с чем я нас всех и поздравляю. Вы вроде говорили, что такой может сожрать полгорода.

Аверин кивнул.

– Но, скорее всего, он сейчас затаится. Надо как-то выманить его и поймать.

– Не вздумайте заниматься этим в одиночку, Гермес! – воскликнул Виктор.

– Нет, конечно. Буду держать вас в курсе. Что еще у него было примечательного? Облик?

– Какая-то пакость вроде гигантской летучей мыши.

«Огромные черные крылья. Дьявол».

Сомнений, что это и есть убийца Дубкова, практически не осталось. Но в чем смысл действий демона? Зачем весь этот театр?

– Вы знаете, еще одна интересная вещь, – прервал его размышления Виктор. – Он дрался не только когтями. У него было оружие.

У всех дивов высокого класса была какая-то способность, похожая на оружие колдуна. Но если колдуну приходилось учиться пользоваться им с самого детства, то у дивов способность проявлялась сама с самых нижних уровней. И к моменту перехода в первый класс

превращалась в по-настоящему мощное орудие. Вроде Кузиного огненного дыхания.

– Что за оружие?

– Что-то вроде копья или пики. Именно этой штукой Владимир получил в глаз.

– И, вероятно, именно ею и убили колдуна из Управления… – закончил мысль Аверин.

– Угу, – подтвердил Виктор. – Откуда только взялась такая тварь…

– Я думаю, его вызвали. У меня появилась версия, что Дубков стал для этого жертвой.

– Ого… и кто это сделал? И почему же тогда Дубкова не сожрали?

– А вот это и надо выяснить в первую очередь. Вы узнали про Николая Хмельницкого?

– Да, конечно. Сейчас, я записал где-то… – Виктор порылся в бумагах на столе. – А, вот. Живет он на Крестовском, по всей видимости, с родителями. Учится в Академии, сейчас на каникулах. Штрафов за небрежное вождение нет, зато есть несколько приводов и штрафов за нарушение общественного порядка.

– О, парень колдун, значит. Так я и думал. Нарушение общественного порядка… что именно?

– Этого я не знаю. Но могу узнать подробнее.

– Да, если не трудно. – Аверин посмотрел на листочек с адресом. – Колдун. Он ведь мог вызвать нашего дива. Девятнадцать лет – это уже выпускные курсы. Съезжу сейчас к нему домой, побеседую.

– Вам составить компанию?

– Нет, не нужно. У вас и тут дел по горло. Лучше позвоните Семенычу, вдруг что есть по тому лоскуту. А у меня же теперь вот это. – Он подбросил жетон Управления и, поймав его, сунул в карман.

– А если демон там, всех сожрал и сидит вас ждет?

– Ах да, все время забываю про ваш пистолет. Не волнуйтесь, Кузя меня предупредит.

– Ну, хорошо. Но вы обещали держать меня в курсе, помните?

– Конечно, до связи. – Аверин вышел из кабинета. Надо было еще накормить оставшихся полицейских дивов и запереть их на ночь. Аверин надеялся, что к завтрашнему дню Фетисов придет в себя и сможет сам вернуться к работе.

Когда Аверин вышел из участка, ему на плечо снова села галка.

– Важная информация, – прокричала она.

– Понял.

Уезжая с места нападения, Аверин велел Кузе дождаться, когда все разойдутся, и обследовать местность подробно. Див мог заметить что-то, чего не заметит ни следователь, ни даже колдун.

Значит, Кузю надо расспросить. Аверин задумался, где бы это сделать. И ему пришла в голову отличная мысль.

Поесть в «Еноте» он так и не успел. Заплатить тоже, но эту проблему он решит в свой следующий визит. Голод уже давал о себе знать. Поэтому Аверин решил заехать в пышечную.

Он сделал заказ, а сам отправился в уборную. Галка сидела у него на плече.

Закрыв за собой дверь, он разрешил Кузе сменить форму. И как только тот обратился, тихо произнес:

– Ну?

– Я знаю его запах!

– Вот это отлично. Как ты узнал?

– Я видел, как Владимир облизывает свои пальцы. Он ранил того, другого, во время драки. Я дождался, когда все уйдут, и обнюхал землю – вдруг на нее упала кровь. И нашел! Полизал и теперь могу отличить этот запах от запаха любого другого дива.

– А того, кто в меня стрелял, ты не можешь унюхать, случайно?

– Не-а… – Кузя помотал головой, – вы же не дали его ранить.

– Я не дал тебя сожрать, Кузя. – Бесстрашие и самоуверенность дива начинали нервировать. – Все?

– Ага. Пока все.

– Тогда давай возвращайся.

Кузя снова обернулся галкой и сел ему на плечо.

Надо же… а ведь совсем недавно Аверин как-то обходился без дива.

Правда, раньше и демоны девятого уровня по городу не бегали.

Ворота дома Хмельницких открыла женщина средних лет. Скорее всего, экономка.

– Граф Аверин, – представился он, и она пошла докладывать хозяевам.

И через пару минут пригласила его в дом.

– Добрый вечер, дорогой граф, – поприветствовал его хозяин дома, – чем обязаны визиту?

Аверин вынул жетон Управления.

– Добрый вечер, господин Хмельницкий. Я бы хотел поговорить с вашим сыном.

В разговор немедленно вмешалась элегантно одетая дама, вероятно, мать Николая:

– О господи! Что он опять натворил?!

Аверин решил, что сказать правду будет разумнее всего:

– Он сбил насмерть женщину возле деревни Колтуши. Ее дети в больнице.

– О боже! – Госпожа Хмельницкая вскочила и, размахивая руками, набросилась на мужа: – А ты говорил, что он с девкой сбежал? С девкой, да?

Хмельницкий тоже поднялся, краснея:

– Откуда я знал? Почему он мне не сказал? Зачем подался в бега?! Что за тупость… – Он повернулся к Аверину: – Простите, как вас по имени отчеству?

– Гермес Аркадьевич.

– Гермес Аркадьевич, это ужасная история, просто кошмар. Как так вышло? Он же не был пьян?

– Думаю, нет. Это несчастный случай, он не заметил женщину, выезжая из-за поворота. – Про перегороженное шоссе Аверин пока умолчал. – Прошу прощения, но из вашего разговора я понял, что юноши нет дома. Вы знаете, где он? Или где может быть? Поверьте, я хочу ему только добра.

– Увы, Гермес Аркадьевич. Его нет дома уже четвертый день. Я, грешным делом, думал, что он убежал с девицей, с которой спутался. У нас из-за нее недавно крупный скандал был. Коля заявил, что собирается повести ее к алтарю.

– А вы были против? Почему?

– Она не нашего круга, – заявила Хмельницкая. – Но это ничего, может, мы и стерпели бы, будь это чистая скромная девочка из приличной семьи. Но это вульгарная еретичка из секты! Она испортила всю жизнь нашему сыну. Его уже трижды арестовывали из-

за нее! Как мы надеялись, что через пару недель он вернется в Академию и эта дрянь от него отстанет.

– Вы сказали – сектантка? А что за секта?

– Секта… ох, простите, может, вы желаете чаю? – спохватился хозяин дома.

– Нет, спасибо. Но будет лучше, если мы все присядем.

Хозяева вернулись на свои места. Не было заметно, чтобы эти люди врали. Их сын действительно пропал.

– Вы хотели рассказать про секту, – напомнил Аверин.

– Да, – заговорил Хмельницкий, – эта секта, знаете, «Новая воля», может слышали?

Аверин отрицательно помотал головой.

– Они, не поверите, отрицают Господа нашего Иисуса Христа и поклоняются дивам!

– Кому? – удивился Аверин. – Дивам? Серьезно?

– Абсолютно. Они считают, что никаких богов никогда не было. Это все были сильные дивы, и люди приносили им жертвы, надеясь откупиться или обрести защиту. Или богами были колдуны, владеющие, опять же, сильными дивами. И если насчет языческих богов я еще могу согласиться, то вся остальная ересь, которую они несут, просто возмутительна.

– Так, подождите. Ваш сын учится в Академии и поклоняется дивам?

– Это все та девка, – проговорила Хмельницкая, – она его охмурила. Задурила голову так, что он вообще хотел уходить из Академии. Говорил, что колдуны обращают дивов в рабов и это постыдное занятие. Вы же понимаете, какая это чушь? Колдуны – наши защитники от этих тварей! Что должно твориться в голове, чтобы такое нести?

– Не в голове, – пробормотал Хмельницкий и добавил погромче: – Я уверен: наш сын не виноват в аварии. Она наверняка была с ним, если вообще не за рулем. Сам он очень внимательный, он же колдун. Я ведь тоже учился в Академии, но, к сожалению, был отчислен с третьего курса. Не хватило силы и концентрации. Вы не представляете, какая там нужна реакция и внимательность.

Аверин отлично представлял. Но обсуждать это с родителями Коли Хмельницкого у него никакого желания не было. Однако они

были правы. Как колдун-выпускник мог настолько опростоволоситься?

– Нет, – медленно проговорил он. – С ним был парень. Друг, по всей видимости.

– А-а-а… Наверняка Ванька Ушков. Он его на сходку в эту секту и притащил!

– Иван Ушков… – Аверин достал блокнот и записал. – А его адрес не подскажете? Может быть, Николай у него?

– Не знаем мы адреса. Знали бы – давно туда съездили. Иван Академию год назад бросил, и отец от него отрекся. Он где-то на окраине снимает комнату. Они с Колей раньше учились вместе. Ну кто знал? Кто?

Аверин закрыл блокнот:

– А что за сходка?

– Так на углу Невского и Грибоедова они собираются, напротив Казанского собора, – ответил Хмельницкий. – Мы туда ходили вчера, но Коли не видели.

– Или он нас быстрее увидел и спрятался, – добавила его супруга.

– Спасибо за информацию. – Аверин вырвал из блокнота лист и написал свой номер. – Если Николай появится, пусть немедленно мне позвонит. Скрываться ему не нужно, ничего серьезного ему не грозит, женщина сама виновата. Но, как вы понимаете, разобраться в этом необходимо. Не бегать же ему всю жизнь.

– Да, конечно, – закивали супруги. И Аверин, вежливо поклонившись, покинул Хмельницких.

Вернувшись домой, Аверин позвал Кузю.

– Итак, Николая ты не нашел?

Кузя помотал головой:

– Нет, в доме его точно не было, причем давно. Я обследовал весь дом, выбрался из подвального окна. У них там огромный подвал, представляете? Но и там никого.

– Понятно. Нашел что-то интересное?

– В комнате куча фотографий. Я не стал ничего брать, просто запомнил лица. Там была какая-то рыжая, а рядом с ней два парня. Наверное, один из них Николай.

– А второй, возможно, Иван Ушков. Очень хорошо. Надо их найти. Слушай, Кузя. Ты знаешь, где Казанский собор?

– Не-а…

– Я тебе покажу. Напротив него собираются подростки, там же бывает и Николай с друзьями. В кои веки твой экстравагантный вид пригодится.

– Он уже пригодился! Когда я притворялся их другом, – возразил Кузя.

– Да, ты прав. Еще раз притворишься. Посидишь на сходке, понаблюдаешь. Вряд ли все пришедшие друг друга в лицо знают. Я думаю: там разные анархисты собираются, не только эти дивопоклонники. Если вдруг на тебя обратят внимание, скажи, что недавно приехал откуда-нибудь издалека. Из Иркутска или вообще из Владивостока. Можешь попробовать осторожно разузнать про Николая. Если увидишь его – сразу беги в будку и звони мне, потом можешь отвлечь разговором, пока я еду. Если уйдет – пойдешь за ним и разузнаешь, где он живет. Ах да. Пока не поймают демона, даю разрешение на смену облика в любое время, только часы не потеряй. И самое главное, если почуешь где-то присутствие демона – сразу беги, не геройствуй. Ясно?

– Ага! – Кузя так дернул головой, что стукнулся затылком о стену. – Когда мне идти?

– Точно не сейчас, завтра я тебя отвезу и высажу неподалеку. Сначала присмотрись, потом уже подходи к ним.

Галка, посидев на перилах моста через Екатерининский канал, сделала круг над сквером возле собора и приземлилась на спинку скамьи.

– Эй, птица! Птица, хочешь семечек? – Парень с сальными волосами, свисавшими паклей у него с ушей, протянул горсть. От него разило алкоголем.

– Ты дебил, Урал. Это же не долбаный голубь. Эй, ворона, пива хочешь? – Второй парень, обнажив в улыбке плохие зубы, оглушительно заржал.

– Сам ты дебил, – беззлобно отозвался первый. – Она ручная. Видишь кольцо? Цыпа-цыпа-цыпа.

Галка взлетела, сделала еще пару кругов над каналом и, опустившись во двор-колодец, влетела в окно припаркованной там машины.

– Все, я готов, – проговорил Кузя, натягивая на себя рубашку.

– Штаны не забудь. И ботинки, – не поворачиваясь, напомнил ему колдун. – Деньги вот держи. Сто рублей хватит?

Кузя неопределенно пожал плечами. Пиво он раньше не покупал и, сколько оно стоит, понятия не имел. Но учитывая, что рубашка обошлась в десять рублей… точно дешевле.

– Да. Должно, – он протянул руку. И, получив две купюры по пятьдесят, небрежно сунул их в карман широких штанов.

– Я еду на лекцию сейчас. Надеюсь встретить тебя здесь, когда вернусь. Если что-то изменится – жди меня дома. Не рискуй, ясно? – Лицо хозяина было очень серьезным. Как будто Кузя не пообщаться с местными подростками собирался, а как минимум шел в логово того жуткого дива.

Да, от чудовища бросало в дрожь. В Пустоши он бы никогда не посмел лизнуть кровь такого. Скорее, почуяв ее, бежал бы сломя голову в Ледяные Горы. Сильнейший раненый див. Да что может быть страшнее?

Но Кузя всегда был хитер и осторожен. Иначе как бы он выжил в Пустоши? Зря колдун волнуется.

А Кузя чувствовал это волнение. Отчасти оно нервировало, но в той же степени и льстило. А ведь правда он великолепно показал себя на всех заданиях! Не совершил ни одной ошибки. Колдуну пришлось бы изрядно попотеть, чтобы найти достойную замену. Конечно, он беспокоится.

Надо улыбнуться. Не просто по-человечески, а именно так, как улыбаются дети. На людей это хорошо действует.

Научиться этому было не так просто. Садист Даниил был подростком, но располагающе улыбаться не умел. У этого человека вообще не оказалось полезных навыков, поэтому его память сразу была отброшена.

Улыбку он скопировал у девочки Веры, племянницы его колдуна. Она вызывала у окружающих умиление и другие теплые чувства, а значит, ее мимика вполне подходила.

Правда, тренироваться приходилось часто. Но постепенно улыбка начала получаться, как надо.

– Конечно, не буду. Я все узнаю и немедленно дам вам знать, – он улыбнулся как Вера.

Колдун сразу же расслабился. Вот и отлично. Хозяин поедет заниматься своими делами и не будет контролировать. Надо доказать ему, что его див незаменим и без него ему придется по-настоящему тяжело и плохо.

– Все, ни пуха ни пера, – колдун открыл дверцу.

– К черту, – ответил Кузя и, засунув руки в карманы и насвистывая, направился на Невский.

Магазин он приметил, еще летая галкой. Не вынимая рук из карманов, он прошелся вдоль витрин и, подойдя к продавцу, с легкой небрежностью в голосе проговорил:

– Мне две бутылки пива и бутылку кваса.

Улыбнулся и добавил:

– Пожалуйста!

Продавец покосился на него, но, увидев пятьдесят рублей, немедленно оттаял и принес все, что требовалось.

Кузя зашел за угол, вылил пиво из бутылки, залил туда квас и направился обратно к скверу. Вторую бутылку он сунул в один из многочисленных карманов своих штанов.

Прибыв на место, он сел на парапет собора и принялся неспешно отхлебывать из горлышка. Ровно так поступало большинство молодых людей, собравшихся здесь. Только пили они, разумеется, настоящее пиво.

– Слышь, щегол, бобы есть? – Его внезапно ткнули в спину. Он медленно, с ленцой обернулся:

– Чего?..

– Ничо. – Парень, предлагавший семечки галке, отошел на шаг. – Хочешь поиграть в складушечки? С тебя бобы, с меня за горячим, а?

Парень потер большим и указательным пальцами. Реагировать надо было быстро. Чего хочет этот человек?

Кузя сунул руку в карман. В обществе людей почти все проблемы решали деньги. Он достал из кармана две монеты по рублю – сдача, которую дал ему продавец, и протянул парню:

– Сам знаешь, что делать.

– Офигеть. Щегол, а ты шаришь. – Парень схватил деньги и сжал их в кулаке. – Слышь чо, а зелень? Зелень будешь? Я знаю барыгу.

Он опять потер пальцами. Теперь стало понятно, что он действительно хочет денег.

Как только еще один рубль, на этот раз бумажный, перекочевал в потную руку парня, тот исчез. Что же, оно точно того стоило.

Кузя еще некоторое время посидел, наблюдая за происходящим вокруг. Внезапно сердце его дернулось. Раз, другой.

Со стороны Невского проспекта к скверу двигалась девушка в длинном оранжевом сарафане с вышивкой и с рыжими, убранными в пучок волосами, которые держал на макушке черный деревянный гребень.

Это была она. Девушка с фотографии. Она подошла к самой активной толпе, поздоровалась со всеми и села на ступени собора, скрестив ноги в плетеных льняных сандалиях.

Вот это да. Если сейчас еще появится тот парень, Николай, то можно будет смело рапортовать об идеально проделанной работе.

Он отхлебнул квас из бутылки и стал наблюдать за девушкой, стараясь не выдать своего интереса.

Но, видимо, вышло у него плохо. Второй парень, тот, что с плохими зубами, подошел и врезал ему по плечу:

– Ты дебил.

– Чего это?

– На Белку пялишься. Черный тебя уроет.

– Умоется, – сорвалось у него с языка. Он даже не очень понял, откуда к нему пришло это слово.

– Дебил. Черный – колдун.

– И чо. Я чо, колдунов не жрал? – сказал он и осекся. Да что же с ним такое?

Он понюхал бутылку. Ну конечно. Квас. Там хоть в минимальном количестве, но присутствовал алкоголь. Надо держать себя в руках. И пить этой отравы поменьше.

– А-ха-ха! – зашелся смехом его новый знакомец. – Уважуха. Ща Урал зелень принесет. Если не забздишь – подкатишь к Белке, а? – парень ткнул его локтем.

– Нужна мне ваша зелень… – Кузя пожал плечами и поднялся. Сделать вид, что девушка его интересует в любовном плане, – отличная идея. Это полностью объяснит его к ней внимание. А Черный – практически точно Николай Хмельницкий. А он-то и нужен хозяину. – Так подкачу. – Он встал и направился к краю, где сидела

девушка, подошел и тронул за плечо – заметил, что так тут было принято.

– Че тебе? – Белка подняла глаза.

– Пива хочешь? – он улыбнулся.

Девушка смерила его с ног до головы оценивающим взглядом.

– А ты не мелкий еще пиво пить? – пренебрежительно бросила она.

– У меня и зелень есть. Сейчас Урал принесет. – Он опять натянул на лицо улыбку. Но не детскую улыбку Веры. Теперь он попытался усмехнуться так, как это делал его колдун.

И у него получилось. Девушка посмотрела на него с явным интересом.

– Зелень? Бобы у тебя точно есть. Ладно, давай свое пиво.

Он достал из кармана бутылку и отдал девушке.

Она взяла и протянула ему правую руку:

– Белка.

– Кот, – представился он.

– Фу-у, так банально, – рассмеялась она.

– У себя на родине я такой один.

– На родине? Откуда ты?

– Из… Владивостока, – вспомнил он название местности. И очень понадеялся, что это было достаточно далеко.

– Ох. Всегда мечтала. Море, горы, тайга… Ты был в горах?

– Конечно! Там прятаться хорошо. Всем лень тебя преследовать.

Она рассмеялась. Не обидно, по-доброму. Отличный знак. Он ей понравился.

– Открой пиво, – она протянула бутылку.

Так. Это опасный момент. Пальцами открывать нельзя: люди так не могут. Он задумался на секунду, потом подцепил крышку зубами и протянул девушке.

– Граци, – сказала она. – Так че по зелени?

Он сообразил, что девушка пытается понять, не обманывают ли ее. Где же парень по имени Урал? Судя по запаху, не слишком далеко.

И что это такое, «зелень»?

– Щас придет, – небрежно бросил он и отхлебнул из своей бутылки. Как можно меньше. – У тебя парень есть?

Она так посмотрела на него, что стало понятно: он допустил ошибку. Рано. Видимо, о таких вещах спрашивать рано. Он постарался быстро исправиться:

– Ну, вдруг заревнует. Подумает, я подкатываю.

– Мал еще подкатывать… – она отвернулась.

– Ага. Я ж просто…

– Просто. – Девушка внезапно посмотрела ему в глаза: – Умер Черный. Парень мой. Тебе первому говорю. Где долбаная зелень? – заорала она.

– Да вот, сестричка!

Появился Урал и протянул девушке обычную сигарету.

Нет, не обычную. Брат его колдуна курил табак. А от этой сигареты табаком совершенно не пахло.

«Вещества», которые якобы употреблял племянник, дошло до него.

Значит, Николай Хмельницкий умер? Вот это новость. Как он должен отреагировать?

– Умер? Черный умер? – повторил он как можно громче. Скорее всего, этого человека тут многие знали, и по их реакции станет понятно, как нужно себя вести.

Их немедленно окружила толпа.

– Что? Умер? Че случилось? Черный помер? От чего? – послышались голоса со всех сторон.

Рыжая девушка по имени Белка обвела всех взглядом, раскурила сигарету, затянулась и выдула в толпу клуб дыма.

– От передоза, – мрачно произнесла она. – Черный умер. Мы все умрем. – С этими словами она приложила бутылку с пивом к губам, выпила ее целиком, без остатка, и швырнула бутылку в стену.

– Свобода и смерть! – заорала она.

– Свобода и смерть! – поддержали остальные и принялись швырять в стену бутылки.

Он понял, что это отличный повод избавиться от своей.

– Свобода и смерть! – заорал он и зачем-то добавил: – Анархия – мать порядка! – Его бутылка полетела в колонну.

Почему-то всем понравился его призыв.

– Анархия – мать порядка! – зазвучало со всех сторон.

В стены, в колонны собора и в сторону Невского проспекта полетели пустые бутылки, окурки, огрызки яблок и прочий мусор.

Кто-то сунул ему в руку сигарету и помог прикурить от спички.

Он понял, что если сейчас он просто сольется с толпой, то ничего не сможет узнать. Хмельницкий умер. Как? Что с ним случилось? Что означает странное слово «передоз»?

Белка тем временем встала и, сжав руку в кулак, подняла ее над головой.

– Свободу порабощенным! – воскликнула она.

– Свободу порабощенным! – поддержала толпа. Молодых людей становилось все больше. Прохожие начали останавливаться и прислушиваться к происходящему.

Кузя понял, что медлить нельзя. Хозяин говорил, что эти люди – поклонники дивов и хотят их освободить.

Вскочив на ноги и затянувшись едким, но вполне безобидным дымом, он закричал:

– Свободу порабощенным! Снять ошейники! Долой рабство!

– Долой рабство! – поддержала толпа.

А Белка схватила его под локоть:

– Так ты наш! Что ж сразу не сказал?

– А ты спрашивала? – усмехнулся он. Было не очень понятно, что она имеет в виду. Но слово «наш» точно означало доверие. А это было именно то, что нужно.

– Фараоны! – закричал вдруг кто-то. – Тикаем!

– Бежим, – Урал схватил Белку за локоть, но она стряхнула его руку.

– Вот только от всякой швали я не бегала.

Кузя не знал, что такое «фараоны». Но, видимо, в этой компании так называли каких-то плохих людей. Поэтому он решительно сел обратно и заложил ногу за ногу.

– Ха, фараоны, – презрительно проговорил он.

Толпа тем временем рассеялась, но народу осталось немало.

И он увидел, как к ним приближаются полицейские.

Белка мельком глянула на него, и стало понятно, что потерять лицо нельзя ни в коем случае.

Он сжал кулаки.

– Жандармы, – заорал он, – царские лизоблюды! Сатрапы! Палачи! – Он плюнул в лицо первому же полицейскому, приблизившемуся к нему, и снова закричал: – Да здравствует диктатура масс!

– Диктатура масс! – заорала толпа.

Им, подогретым алкоголем и «веществами», было безразлично, что орать.

Один из полицейских схватил его за руку и стащил с парапета. Миг – и на его голову обрушилась дубинка.

Главное сейчас – не сопротивляться. Он должен выглядеть слабым человеческим ребенком.

Слабым, но не сломленным.

– Мрази, – выдохнула у него над ухом Белка и добавила не очень уверенно: – Сатрапы!

– Бей урядников и становых приставов! – крикнул он.

И снова получил дубинкой. На этот раз прямо в лицо. Почувствовав, что из носа закапала кровь, он понял – достаточно. Сопротивляться дальше будет слишком подозрительно.

Ему и остальным, кто не успел сбежать, надели наручники и затолкали в машины, по шесть человек в каждую. Он оказался в одной машине с Белкой и Уралом. Это было замечательно, видимо, их везли в один и тот же участок.

Главное, чтобы не в участок Виктора Геннадьевича. Тот, увидев племянника своего друга, мог испортить всю игру.

К счастью, в месте, куда их отвезли, Виктора Геннадьевича не оказалось.

Их выстроили в очередь к столу, за которым сидел усатый человек с усталым лицом. Каждого, кто подходил к столу, он спрашивал:

– Имя? Год рождения?

Все отвечали. Когда очередь дошла до Белки, она сказала:

– Белицкая Алина. Тысяча девятьсот шестьдесят пятый.

Он шел следующим. На сколько же лет он выглядит? Старше нее? Младше? Лучше назвать более младший возраст: люди относятся к детям лучше, чем ко взрослым.

– Николай Дивногорский, – назвал он первое, что пришло ему в голову. – Тысяча восемьсот… Э… Тысяча девятьсот шестьдесят седьмой год.

Их загнали в клетку, довольно тесную, сидеть в ней пришлось прямо на полу.

И тут Кузя почувствовал, что ему становится плохо. Квас. Несмотря на то что он выбросил почти половину бутылки, в животе бурчало и крутило так, что он лег прямо на пол.

И тут же услышал тихое:

– Не бзди. Если нас не выпустят, Цепеш ночью нас вытащит.

Фраза предназначалась не ему. Он скосил глаза и увидел, как Белка что-то шепчет Уралу. Обычный человек не расслышал бы ничего.

Цепеш. Надо запомнить это слово. У всех тут необычные имена, вероятно, это прозвища. И человек по имени Цепеш должен как-то вытащить их ночью.

Почему-то самым логичным Кузе показалось взорвать участок. Чтобы под шумок все могли скрыться.

Живот снова скрутило, он прижал колени к подбородку. Но не выдержал, и содержимое его желудка выплеснулось на пол.

– Капец… – прозвучало за его спиной, – перебрал щегол.

– Его зовут Кот! – вступилась Белка. – Заткни хавальник, он свой.

Тотчас же открылась дверь, и полицейский выволок его наружу. Подхватив под локоть, потащил куда-то по коридору.

В конце коридора полицейский втолкнул Кузю в помещение, где пахло водой, мочой и экскрементами.

«Уборная», – понял он. И бросился к раковине, где, открыв кран, принялся судорожно глотать воду. Его снова вырвало, и стало легче.

– Ну что же ты, мальчик… такой молодой. Как же тебя занесло к анархистам?

В голосе полицейского слышалось искреннее сочувствие.

Кузя посмотрел на него долгим взглядом и принял решение. Нельзя дать себя обыскать. Сыщики найдут амулет и увидят ошейник.

Он протер лицо водой и снова посмотрел на полицейского:

– Позвоните участковому приставу Смирнову, пожалуйста, – тихо проговорил он. – Скажите, что у Кузьмы… Аверина очень важная информация.

Полицейский немедленно подбежал к нему, обхватив за плечи.

– Боже мой, курсант… Кузьма, тебе принести угля?

– Нет, спасибо, – он вытер лицо рукой. – Мне уже лучше, ну и отраву они там хлебают. Никому не говорите. Они мне доверяют. Просто позвоните господину Смирнову, хорошо?

– Конечно. Тебя отвести в кабинет господина Шилкина?

– Нет. Назад в клетку. Анархисты не должны ничего заподозрить.

– Господи Иисусе, парень… Сколько тебе лет на самом деле-то?

– Шестнадцать.

Он не знал, что такое «курсант», но по выражению лица полицейского понял, что должен быть старше.

– Первый курс… и уже такое важное задание. Погоди. А ты не родственник, случайно, знаменитого графа Аверина?

– Племянник, – ответил он. – Мне надо в клетку. Иначе… Вот что. Избейте меня.

– Что?

– Избейте. Я изгадил ваш пол. Наверняка вас оскорблял. Вы не можете этого так оставить. Я должен выглядеть угнетенным.

– Но я… о, Кузьма, давай я тебя водой оболью. Чтобы подумали, что я тебя держал под струей воды в душевой?

– Отличная идея.

Он прошел в душевую и послушно встал под воду. Если бы ему предложили выбирать – он бы предпочел любую другую пытку этой. Но его новые «друзья» должны были поверить, что над ним тут издевались. И вода хорошо подходила для этого.

Добрый полицейский даже слегка перестарался. Вернув «курсанта» в камеру, он швырнул его на пол, пожалуй, слишком сильно, но это сыграло на руку. Доехав на животе до скамейки, Кузя незаметно прикусил себе губу до крови и, встав на ноги во весь голос заорал:

– Вставай, проклятьем заклейменный,
Весь мир голодных и рабов,
Кипит наш разум возмущенный
И в смертный бой пойти готов!
Это есть наш последний
И решительный бой…

– Ты что?! Кот! – Белка схватила его за руку. – Здесь не твоя тайга. Они же тебя посадят.

– Тс-с! – Он приложил палец к губам. – Сейчас все домой пойдем.

– А… – И девушка продолжила: – С Интернационалом воспрянет див любой!

Он посмотрел на нее. Нет, удивление выражать было нельзя. И поэтому он, закрыв глаза, добавил от себя:

– Долго в цепях нас держали! Долго нас голод томил!

Прошло меньше получаса, и дверь в клетку снова открылась.

– Дивногорский, выходи.

«Дебилы», – использовал он мысленно новое слово, но не растерялся. Лег на пол и положил ногу на ногу:

– Не пойду. Выпускайте всех.

Белка наклонилась над ним и шепнула:

– Если выйдем, завтра давай на том же месте, в пять.

Глава 9

Когда Аверин приехал в участок, Кузя уже сидел в кабинете Виктора и пил чай из его кружки. На его носу красовались несколько перекошенные, но вполне целые очки.

Увидев Аверина, Виктор указал на Кузю и, смеясь, произнес:

– Ну что, забирайте своего анархиста. Башковитый он у вас, из кутузки сразу догадался мне сообщение передать.

– Благодарю вас, Виктор.

– А вы знаете, кем он в полиции представился? Или это вы придумали?

– Нет… – чувствуя какой-то подвох, ответил Аверин. – Я особых инструкций не давал. И кем же?

– Николаем Дивногорским. Кузьма у вас серьезно анархистами увлекается?

– Не знаю. А кто это такой?

– Известный «безначалец». Жил на рубеже прошлого и этого веков. Дворянином был и колдуном, хотя учебу бросил. И очень радикальным анархистом, взрывы устраивал, ограбления.

Аверин с интересом посмотрел на Кузю. Нужно будет подробно почитать про этого Дивногорского.

– А мне можно будет узнать «важную информацию»? – попросил Виктор. – А то ваш секретный агент молчит как партизан, сказал: надо вас дождаться, а то непонятно будет.

– А, ну правильно сказал. – Аверин уже убедился, что Кузя не болтает лишнего. Он обратился к диву: – Теперь можешь рассказать, зачем попался.

– Мне нужно было, чтобы меня за своего посчитали. Просто полиция очень не вовремя нагрянула, мне нельзя было потерять Белку из виду. Пришлось ехать с ней.

– Белку? Это кто?

– Это девушка Николая Хмельницкого. Та, рыжая.

– Отлично. Как ее зовут, узнал?

– Белицкая Алина. Тысяча девятьсот шестьдесят пятый год рождения.

– Подождите, – вмешался Виктор. – А мне можно объяснить? Николай Хмельницкий – это же тот парень, чей адрес я вам дал?

– Да, я ездил к нему домой, он пропал. Родители не знают, где он, думают, что у своей девушки. Я отправил Кузьму туда, где эта молодежь обычно собирается, вдруг он кого-то из них увидит.

– А, понятно. И девушка – Алина Белицкая?

– Ага, – подтвердил Кузя и добавил: – Николай Хмельницкий умер.

– Что? – одновременно спросили Аверин и Виктор.

– Она сказала, что ее парень умер. От какого-то «передоза». Потом поднялся шум, приехала полиция, я думал: если мы поедем вместе, я смогу узнать больше.

– Узнал? – спросил Аверин. Он пока не решил, как следует реагировать на своеволие дива. С одной стороны, тот не выполнил инструкцию. С другой – действовал по обстоятельствам и в целом верно. Догадался даже связаться с Виктором.

– Ага. У них там есть еще какой-то человек по имени Цепеш. Он их как-то должен был вытащить. Может быть, напасть на участок ночью.

– Или взятку дать… – задумчиво протянул Виктор.

А Аверин почувствовал, как холодеет спина:

– Виктор, какие, к черту, взятки? Вы слышали, что он сказал? Цепеш!

– А вы знаете, кто это?

– Конечно. А вы разве нет?

– Знакомое что-то, – наморщил лоб Виктор.

– Может быть, «Дракула» вам скажет больше, – подсказал Аверин.

– А, точно! Это полумифический колдун!

– Не такой уж и мифический. Вполне реальный, мы его в Академии изучали. Так вот, он любил в качестве казни людей на кол сажать. За это его и прозвали Цепеш, что значит «колосажатель».

– Е-мае! – Виктор обалдело на него уставился. – Вы не шутите? Но ведь это не может быть он, он же умер давным-давно.

– Какие уж шутки… Нет, конечно, не он. Но от этого совершенно не легче. Это наш демон. Что же выходит, эти сектанты ему поклоняются?

– Нет, – Кузя замотал головой. – Они никому не поклоняются. Они выступают за освобождение дивов. Если Цепеш – это демон, думаю, они его как-то освободили.

– Час от часу не легче, – пробормотал Виктор и добавил, посмотрев на Кузю: – Парень, не ходи туда больше. Это гораздо опаснее, чем дубинкой по носу получить.

– Ага, я знаю! – Кузя улыбнулся.

– И вы проследите, чтобы не ходил. Он еще совсем ребенок.

– Я не ребенок, – возразил Кузя. – Мне шестнадцать!

– Да-да. Я уже понял, что ты герой.

– Нам нужно ехать, Виктор, извините.

– Да, конечно. Мне следует передать Управлению эту информацию?

Аверин задумался.

– Наверное, нет, – решил он. – Они очень топорно работают. Я сам скажу, когда понадобится их помощь.

– Хорошо. Только умоляю, будьте осторожны. Оба. – Виктор поднялся, чтобы их проводить.

– Ты понимаешь, как ты рисковал? – проговорил Аверин, когда они сели в машину.

– Ага, но у меня не было выбора. Ведь то, что я узнал, очень важно, так?

– Так, – согласился Аверин. – Но Виктор прав. Больше ты туда не пойдешь.

– Почему?

– Потому что это опасно. – Он выехал через ворота и свернул на проспект.

Кузя повернулся к нему: очки он снял и убрал в карман штанов, и Аверин увидел, что зрачки его глаз стали вертикальными.

– Ваше сиятельство. Виктор Геннадьевич думает, что я человеческий мальчик.

Аверин повернул направо. Да, конечно, Кузя прав.

– Почему Дивногорский? – перевел он тему. – Он тебе нравится? Его идеи?

– Понятия не имею, – пожал плечами Кузя. – Я назвал первое имя, которое пришло мне в голову. – Див прищурился. – Но вы уходите от

ответа.

– Ты не задавал вопрос, – спокойно заметил Аверин.

– Точно, – Кузя улыбнулся. – Тогда скажите, от чего умер Хмельницкий? Что такое «передоз»?

– Это когда употребляешь слишком много вредных веществ, алкоголя, наркотиков. Но очень странно для колдуна не суметь рассчитать дозу.

Вдруг Аверин резко ударил по тормозам и выехал на обочину.

– Черт! Вот же черт! – Он двинул ладонью по рулю, и машина обиженно пискнула.

– Не от передоза, да? – Кузя сверлил его взглядом.

– Нет. Я идиот. Как я сразу не понял? Похоже, эти два недоколдуна и девчонка решили вызвать дива. А в качестве жертвы выбрали «плохого человека». Видишь, они мыслят, как ты, неудивительно, что вы так быстро сошлись.

– Но у них что-то пошло не так?

– Да все у них пошло не так! – в сердцах воскликнул Аверин. – Они не рассчитали, и у этих недоучек жертва умерла во время обряда! И див сожрал вызвавшего его колдуна.

– Если жертва была всего одна, то как они смогли вызвать такого сильного дива?

– Пока не знаю. Может, жертв было больше. А может, это был прорыв.

– Что такое прорыв? – уточнил Кузя.

– Очень редкое явление, – пояснил Аверин. – Коридоры в Пустошь для первого и второго класса различаются. Когда колдун открывает коридор для первого класса, у его входа собирается несколько дивов первых-третьих уровней. Обычно они дерутся за право войти, предвкушая жертву, и в проход идет самый сильный или самый быстрый и хитрый. Но может случиться так, что драка дивов привлекает кого-то очень сильного. Слабую жертву он бы не почуял, но съесть несколько сородичей не прочь. Чаще всего такие дивы, закусив, не выходят. Но были случаи, когда они все же шли в коридор. Именно поэтому колдунов, вызывающих первый класс, не может быть меньше трех. Они должны не пустить дива и закрыть проход прежде, чем он пройдет. Понятно, что два колдуна-недоучки этого сделать не смогли.

– А, я знаю! – воскликнул Кузя. – Мы нередко деремся за дыры, да. И сильные сжирают слабых. Но слабую жертву сильный див обычно не чувствует, только если к дыре его привлечет что-то другое.

– И остается вопрос, почему демон не сожрал всех. И эта Белка сказала, что Цепеш их освободит. Он им помогает? Вот это странно. – Аверин снова тронулся с места. До дому оставалось всего ничего. – Может, он съел Хмельницкого, проникся идеями и тоже хочет освобождать дивов? Ну или жрет по одному.

– Девушка сказала на сходке: «Мы все скоро умрем». И еще они кричали «Свобода и смерть».

– Вот черт. Что, если эти дети готовы пожертвовать собой ради «свободы дивов»?

– А что, неплохая цель, – улыбнулся Кузя. – Я должен туда вернуться. Мне Белка встречу назначила.

– Хорошо. Но я тебя подстрахую.

Кузя опять повернулся и уставился на него своими вертикальными зрачками.

– Гермес Аркадьевич, я выжил в Пустоши. Там всегда полно дивов сильнее. И там нет ни полиции, ни колдунов с дивами из Управления, которые ходят за нами по пятам. Если он почует вас – сможет снова сбежать. Или, того хуже, – нападет. Я смогу скрыться. Но защитить вас от него – нет.

Время уже приближалось к полуночи, а Кузи все не было. Встреча с Белицкой была назначена на пять, Аверин довез Кузю до Невского, а сам отправился в архив. Ему хотелось узнать побольше об анархисте Дивногорском. Роясь в документах и газетах почти столетней давности, Аверин потратил четыре часа, и не пожалел: жизнь Дивногорского была довольно примечательной, но самой примечательной оказалась его смерть. После дерзкого ограбления банка анархиста арестовали, судили и приговорили к тюремному заключению, но он попытался бежать из тюрьмы при помощи принадлежащего ему дива, которому как-то удалось прорваться в камеру. Див устроил пожары сразу в нескольких коридорах и камерах, видимо, Дивногорский рассчитывал скрыться, воспользовавшись суматохой. Но план провалился. Вместо того чтобы сдаться, анархист бросился обратно на охваченный огнем этаж и сгинул в пламени.

Но еще более интересной оказалась история дива, хоть и упоминали о ней вскользь. Оставшись без хозяина, див пытался продолжать его дело: устроил поджоги в здании городской канцелярии и в нескольких полицейских участках, но в конце концов наткнулся на хорошего колдуна и был отправлен в Пустошь.

Про его облик никакой информации не нашлось. Но, может, получится что-то отыскать в архивах Академии.

Мог ли это быть Кузя? Огонь, характерные остаточные воспоминания…

Дивы в Пустоши довольно быстро забывали свою жизнь в человеческом мире, но какие-то яркие события оставляли следы в их памяти. Это могли быть неизвестно откуда взявшиеся умения, обрывки имен, частичное знание языков – особенно такие воспоминания были сильны, если див съедал своего хозяина-колдуна. Что, если Николай Дивногорский погиб вовсе не в огне?

Надо будет расспросить Кузю, когда он вернется. Аверин знал, что с дивом все в порядке: он не ощущал ни тревоги, ни характерного озноба, что обязательно произошло бы, попади див в беду. Но куда он запропастился?

На улице послышались крики, Аверин прислушался и понял, что это голос Кузи. Див не кричал. Он пытался петь.

Бросившись к двери, Аверин открыл ее и разобрал кусок гимна «Боже, Царя храни», только половина слов в нем была заменена ненормативной лексикой. Кузя шатающейся походкой прошел через двор, остановился на крыльце, поправил очки и икнул.

– Дя… дя, я дома… ик, – промямлил он и ввалился за порог.

«Дядя». Поблизости кто-то есть. Стараясь не поворачиваться к дверному проему спиной, Аверин запер дверь и услышал, что из ванны раздался шум воды. Через некоторое время оттуда вышел Кузя, приглаживая мокрые волосы.

– Итак? – Аверин повернулся к нему вместе с креслом.

– Там был Владимир, рядом с домом. Пытался выяснить, вижу я его или нет.

– Проклятье, – досадливо проговорил Аверин, – он тебя подозревает и догадывается про амулет. Очень умный и пронырливый тип. Да… если бы во главе Управления посадили Владимира, может, и демона этого давно уже поймали.

– Ага. – Кузя уселся на пол и скрестил ноги. – Почему дивам не дают занимать важные должности? Мы же умнее вас.

– Потому что тогда бы люди перестали быть хозяевами в собственном мире. Встань и сядь на стул.

Кузя вздохнул, но послушался.

– Как себя чувствуешь? Ты снова пил?

– Пришлось. Я старался выливать, но пару глотков пива все же пришлось проглотить. Я почистил желудок потом у татуировщика, ну и возле калитки меня вырвало. Надеюсь, это убедило Владимира, что я человек.

– Или наоборот… – проговорил Аверин. – Он точно не понял, что ты его заметил?

– Не-а… я его по запаху приметил издалека.

– По запаху? – не понял Аверин, но потом сообразил: – О-о, так ты и его кровь пробовал, что ли?

– Ага. Там ее полно было.

– Отлично. Теперь я точно буду знать, где Владимир. Может, и неплохо, что он поблизости. Погоди-ка. Ты сказал «татуировщик»? Что ты делал у татуировщика?

– Как что? – Кузя важно посмотрел на хозяина. – Татуировку! Меня же посвящали сегодня.

Он задрал рубашку. Почти во всю грудь, даже залезая на живот, красовался кривоватый, но вполне узнаваемый черный круг с языками пламени внутри, нарисованными оранжевым контуром. Аверин некоторое время смотрел на горделиво выпятившего грудь дива, а потом не выдержал и расхохотался.

– Кузя, это что?! – спросил он сквозь смех.

– Это наш, ну, то есть их символ. Освободителей. Алатырь без звезды.

– Кузя, – Аверин вытер выступившие на глазах слезы, – ты знаешь, что если я сейчас нарисую звезду и раскручу ее, то тебя унесет в Пустошь через твой собственный живот?

– Ага. – Кузя немного сник и натянул рубаху обратно. – Но вы же этого не сделаете.

– Я-то нет… но никому больше не показывай. А нельзя было сделать этот… знак посвященного размером… э-э… поменьше?

– Можно. Но я хотел их впечатлить.

– И как? Впечатлил?

– Ага, – див широко улыбнулся.

Аверин только покачал головой.

– Ты голодный? – спросил он.

– Конечно! – ответил Кузя, и Аверин усмехнулся:

– И зачем я спрашиваю? Маргарита оставила тебе ужин на кухне. Иди поешь, если нет ничего срочного.

– Не-а. Владимир ушел. Я его больше не чувствую. Поем и расскажу все.

Ничего нового Кузя на этот раз не узнал. Кроме его «посвящения», подростки до позднего вечера «праздновали» поминки Черного – такое, видимо, было прозвище у Хмельницкого. Нужно сообщить родителям. Но сперва лучше удостовериться, что мертв именно Николай. Вдруг эта Белицкая встречалась не с ним, а с Ушковым – его Кузя тоже не видел на сходке.

На кухне снова хлопнул холодильник. Возможно, Кузя в конце концов наелся. Интересно, можно ли накормить дива так, чтобы ему больше не хотелось?

В старые времена, когда вызывали особо мощных дивов, старались использовать как можно больше жертв. Пока див жрал одну за другой, у колдуна было время на обряд. Да и чем лучше был накормлен див, тем меньше шансов, что он набросится на колдуна во время привязывания. Сейчас для вызова дивов первого класса существовал особый протокол, никаких пыток жертв уже давно не практиковалось. Наоборот, приговоренного к смертной казни укладывали на специальный стол с резервуарами для крови. Палач с обязательным фельдшерским образованием делал ему инъекцию снотворного и скальпелем вскрывал вены на руках и ногах. Подобная участь как раз и ожидала убийц Дубкова – новых «друзей» Кузи. Если, конечно, вызванный ими див не сожрет их раньше.

Кузя вышел, жуя колбасу.

– А вот скажите, Гермес Аркадьевич, все-таки почему на мне надето вот это. – Он потянул себя за ошейник.

– Потому что ты принадлежишь мне. И я за тебя отвечаю, – спокойно ответил Аверин.

– А почему? Вот Владимир служит вашему государству так же, как Виктор Геннадьевич. Но Виктор Геннадьевич получает деньги за

свою службу и может проводить время со своей семьей, пойти с ними в парк или поехать куда-нибудь. А то и вообще уволиться и уехать в любой город. Тетушка Маргарита уходит домой после работы, и ей вы тоже платите жалованье. А на нас с Владимиром просто надели ошейники и обязали повиноваться приказам, – а разве мы хуже работаем? Разве мы недостаточно стараемся? Или вы думаете, мы не хотим на свободу?

– Ну, насчет Владимира я не уверен. Он своим ошейником весьма гордится, – улыбнулся Аверин.

– Мне тоже гордиться, выходит? – Кузя доел колбасу и вытер руки об штаны. Ну хоть не вылизал.

– Сядь, – Аверин указал кивком головы на стул.

Кузя сел.

– Тебя что-то не устраивает? Если это так, скажи, и я предложу какой-нибудь компромисс. А денег я даю тебе столько, сколько ты просишь. Владимир находится на полном государственном обеспечении. У государственных дивов есть свое общежитие, их хорошо кормят, следят, чтобы хозяева не использовали их в личных нуждах, да в том числе и не издевались над ними и не заставляли делать всякие мерзости. Таким, как Сомов, место в тюрьме, и когда их ловят, туда они и попадают. Так в чем дело?

– По-вашему, это справедливо? – Кузя наклонил голову и смотрел слегка исподлобья. – Мы разумные существа. Вы сами сказали, что Владимир умнее главы Управления. Почему он тогда вынужден выполнять приказы дебилов?

– Люди, Кузя, тоже часто вынуждены выполнять приказы… дебилов, – Аверин отметил новое словцо в лексиконе дива.

– Люди могут уйти. А мы нет.

– Еще не так давно и люди не могли. В отличие от дивов, которые как раз уходили.

Кузя, продолжая пристально на него смотреть, медленно проговорил:

– Чтобы уйти, мне нужно вас убить. Другого пути нет. Это тоже несправедливо.

Аверин встал и прошелся по комнате:

– Что ж, ты начинаешь кое-что понимать в устройстве этого мира.

– Что? – В голосе Кузи послышалось удивление.

Аверин остановился напротив него:

– Ты сам говорил, насколько дивы умнее. Используй это, чтобы понять, что я сейчас тебе скажу. То, что на тебе надет ошейник, к справедливости не имеет никакого отношения. И речь идет не о ней. А исключительно о выживании наших видов. Мы и вы – это не просто сосуществующие друг с другом «разумные существа». Мы разные виды. Причем враждующие виды. Вот смотри. Есть хищники, а есть их жертвы. Скажи, у кого из них больше прав на жизнь?

– У жертв, конечно. Их же едят.

– А хищник? Он должен умереть с голоду? По-твоему, это справедливо?

– Но… это же мы хищники… – Кузя начал часто облизывать губы. Его взгляд забегал, похоже, он запутался.

– Так все-таки? Кто должен умереть «по справедливости»? Хищник или его жертва?

– Я… я не знаю.

– Я так и думал. Сейчас попробую тебе объяснить. Так уж вышло, что наши миры соприкасаются. Периодически открываются проходы из вашего мира в наш и обратно, это естественный природный процесс, и контролировать его невозможно. Даже если мы освободим всех дивов и отошлем в Пустошь, чего многие из вас, кстати, совершенно не желают, вы все равно будете попадать в наш мир. Вот скажи, если бы ты захотел убивать людей, сколько бы ты смог убить в этом городе, ну, допустим, за час?

Кузя задумался.

– Просто убить или сожрать?

– Сожрать.

– Ну, смотря где. Если в центре – то человек двести.

– Именно. Большинство вырвавшихся на свободу дивов убивают, пока их так или иначе не остановят. А подчиненный много веков назад Владимир помогает остановить сородичей. Понимаешь теперь?

– Не знаю… – Голос Кузи прозвучал не очень уверенно.

– Тогда я закончу. Все очень просто. У наших видов могло быть несколько путей. Первый – вы попадаете сюда и, ведомые жаждой крови, начинаете убивать, быстро расти в силе и в результате полностью уничтожаете нас. Но так не случилось, потому что мы, люди, не зря доминирующий вид в своем мире. Мы умны, хитры, у нас

есть колдуны, а сейчас и современное оружие. Поэтому второй путь – мы уничтожаем всех вас. Не только тех, кто попал в наш мир. Мы начинаем призывать и убивать вас, потому что другого способа полностью защититься у нас нет. В обоих случаях выживет только один вид. Но есть и третий путь – тот, которым мы идем сейчас.

Он подошел вплотную и взял Кузю за ошейник:

– Это, Кузя, наш мирный договор. Единственное условие, при котором мы можем относительно мирно сосуществовать. Находясь среди людей, див нуждается в контроле. Вы – хищники, и вы приходите в наш мир.

Кузя поднял голову и посмотрел на колдуна:

– А если… если избавиться от жажды крови? Если мы не будем убивать?

Аверин отпустил ошейник и, вернувшись к креслу, сел в него.

– Это непросто, Кузя. Спроси у Анастасии, как тяжело ей далось не убить Алешу. Я знаю, что ты не любишь убивать. И знаю, что хорошо ко мне относишься. Но если я буду лежать и истекать кровью, то ты не побежишь меня спасать. Ты кинешься меня сожрать. И ничего не сможешь с этим сделать, даже если очень захочешь.

Кузя повернулся и тихо произнес:

– Вы уверены, что совсем нет выхода?

– По крайней мере, мне он неизвестен. Но я бы хотел его найти.

– Ага, ясно.

Кузя вздохнул и поднялся:

– Можно я спать пойду?

– Иди, – Аверин прикрыл глаза. Надо тоже ложиться. Но сначала кое-что обдумать.

На следующий день Аверин направился в Управление. Булгаков принял его сразу. Кабинет главы Управления выглядел роскошно, но при этом стильно: никаких золоченых люстр и других финтифлюшек. Аверин огляделся и сел на обитый коричневой замшей диван.

– Неплохо у вас тут, Дмитрий Петрович. Теперь я знаю, куда уходят мои налоги.

Булгаков расплылся в улыбке:

– Увы, – он развел руками, – имперское мышление, ничего не поделаешь. Никто не будет уважать тебя, если ты выглядишь бедняком.

И никто не будет уважать государство, если его служащие ютятся в каморках.

Булгаков восседал в кресле, скрывающемся за простым, строгой формы столом из натурального черного дерева.

– А вы бы видели, как этот кабинет выглядел до моего прихода. Только лепнины отсюда чуть не центнер соскребли. Так что же вы хотели, Гермес Аркадьевич?

– Узнать, чем сейчас заняты ваши дивы и колдуны. Полицейские продолжают заниматься патрулированием. Для чего? Есть какой-то план? Я бы не хотел, чтобы мы случайно друг другу помешали.

– О, – Булгаков обрадовался, – вы что-то нашли?

– Пока немного. Но есть несколько версий, я их буду проверять. И я практически уверен, что знаю, как демон оказался в нашем мире.

– Серьезно? Это же отлично! Рассказывайте.

Накануне вечером Аверин решил, о чем стоит рассказать, а что – скрыть.

– В селе Колтуши под Петербургом убили предпринимателя Дубкова. Посадили на кол. В полях возле села есть языческое капище, современное, я нашел на нем следы вызова. По моей версии, какой-то колдун решил в обход закона вызвать дива первого класса, но во время обряда его жертва умерла. Поэтому див сожрал колдуна и, возможно, его подручных и вырвался на свободу.

– Ого. Вот вы молодец. Не зря я выдал вам жетон. Вы точно не хотите поступить на службу? Я бы вам гарантировал очень хорошую должность.

– Спасибо, но пока нет. Так что с патрулированием?

Булгаков сложил руки на стол и переплел пальцы. И вздохнул.

– Это даже не план. Дива из Академии, эта жуткая старуха, сказала, что демон на приманку больше не купится. Но мы решили патрулировать для защиты граждан. Полицейские в сопровождении наших колдунов ходят по городу, поэтому демон прячется. Больше пока ни на кого не нападал. Тем временем мы пытаемся найти его логово. У вас есть какие-то мысли, где оно может быть?

– Ни малейшего понятия. Он может быть где угодно и постоянно менять местонахождение. А может вообще прилетать сюда из Финляндии.

– Да, это мы понимаем. Воздух тоже патрулируется. Но вы принесли бесценные сведения. Надо попытаться узнать, кто был этот колдун, – див может использовать его память и скрываться в каких-то местах, известных колдуну.

– Именно. Как раз сейчас я занят его поисками, – совершенно честно сказал Аверин.

– Просто превосходно. Как только найдете – немедленно сообщите мне. И вот еще что. Давайте Управление выдаст вам дива? У вас есть наш жетон, можем хоть сейчас привязать.

– Нет, спасибо, – улыбнулся Аверин, – у меня есть див. И для моих целей он отлично подходит.

– Ну как хотите, Гермес Аркадьевич. Был очень рад вас увидеть.

– Я тоже. Благодарю за сотрудничество.

Домой Аверин приехал поздно. Пришлось заехать в участок и переговорить с Виктором: узнать судьбу бедняги Устюгова.

Маргариты дома уже не было, но, несмотря на это, телевизор работал. И не тот, что стоит на кухне. Включенным оказался большой телевизор в комнате, которым Аверин пользовался редко.

Напротив экрана в кресле спиной ко входу восседал Кузя. На звук открывшейся двери он обернулся.

– А, это вы? Здрасте, – широко улыбнулся он.

Аверин сжал руку и рванул на себя. Кресло опрокинулось, Кузя пролетел метра два, потом перевернулся в воздухе и приземлился на пол. Подниматься не стал, застыл на четвереньках, опираясь на руки.

– Извините, пожалуйста, – быстро проговорил он.

– Прекрасно. – Аверин, не разуваясь, подошел к нему. – То есть ты прекрасно понимаешь, что вел себя совершенно непозволительно, и отлично помнишь, что я тебе категорически запрещал сидеть в моем кресле? И включать телевизор без разрешения? Помнишь?

– Угу, – Кузя опустил голову.

– Тогда почему ты нарушил правила?

– Ну… я думал, что вдруг нельзя было, а сейчас стало можно… Вы же разрешили мне менять облик.

– Я разрешил тебе слишком много. И, как ты понимаешь, извинений тут недостаточно. Вставай.

Кузя поднялся.

– Бить будете?

– Буду.
– Плетью?
– Плетью, Кузя. В кота.

Когда машина подъехала к тренировочному центру, уже смеркалось. Колдун с котом прошли мимо ночной охраны и поднялись наверх, в зал для тренировочных боев. Никого не было, в такое время суток если кто-то и занимался – то на иллюзиях, когда дивы бегают за фантомами, а их хозяева общаются в курительной комнате. Аверин знал это, поэтому был уверен – им не помешают.

Он закрыл дверь зала, повесив с обратной стороны табличку «Опасно». Обычно такое предупреждение вешали, когда бои проходили с участием дивов высокого уровня. Увидев табличку, никто не рискнет войти.

– Мы вчера поговорили о свободе и справедливости, – начал он. – И мне показалось, что ты меня понял. Но я ошибся. Поэтому я хочу дать тебе шанс получить вожделенную свободу. Нападай. И попробуй меня убить.

Див не тронулся с места.

– Ты меня не расслышал? Кузя, ты нарушил прямой приказ, ты бросил мне вызов. Отвечай за свои действия.

Кот увеличился до размеров тигра, зарычал, ударил хвостом, но опять не двинулся с места.

– Ты и сейчас продолжаешь сопротивляться моим приказам. Атакуй!

Он взмахнул Плетью, и она со свистом рассекла кожу на боку дива. Потом развернул руку и ударил еще раз. На этот раз Кузя взмыл в воздух и увернулся от удара.

– Отлично. – Аверин развернул барьер. Кузя был намного медленнее Владимира, но все равно уследить за ним было трудно. Выпустив Путы, Аверин примерился и швырнул нитями в дива. Тот отскочил и, перепрыгнув через голову колдуна, начал носиться вокруг.

– Ты уворачиваешься, но не атакуешь.

Снова свистнула Плеть, и на спине Кузи появилась еще одна кровавая полоса.

– Атакуй.

Див оглушительно зарычал и бросился в прямую атаку. Аверин выпустил перед собой сеть, вонзив нити Пут глубоко в стены здания, и Кузя, отпружинив от сети, отлетел назад. Новый удар Плетью, но на этот раз див, обратившись галкой, взлетел и почти исчез из виду.

Миг, и Аверин ощутил мощный удар по барьеру. Кузя начал драться всерьез. Аверин снова выбросил вперед Путы, почувствовал, как по ним заскользили когти, ударил Плетью, и тут же барьер сотрясся справа со стороны спины. Кузя специально пропустил удар, чтобы поднырнуть под Плеть и не попасть в Путы, которые колдун запускал слева. Аверин развернулся и снова выставил сеть.

Но на этот раз удара не последовало. Кузя приземлился откуда-то сверху в форме человека, опустился на одно колено и быстро проговорил:

– Я все понял. Я послушался. Прошу вас, отмените приказ.

– Отменяю.

– Фу-ух… – Кузя замотал головой и поднялся на ноги, – так вы меня прощаете?

– Кузя, – Аверин убрал Плеть и подошел к диву, – я бы простил тебя, если бы злился или обижался. Ты нарушил правила. Точнее, ты решил, что постепенно можешь двигать границы дозволенного. Я уже не первый день наблюдаю эти попытки. Хотел посмотреть, как далеко ты зайдешь. Ты должен запомнить: границы не сдвигаются. Никогда. Если правила меняются, то только в одном случае – так решил я. И я говорил тебе вчера: если тебе что-то не нравится и ты хочешь что-то изменить, скажи. Я охотно уступлю, если сочту это возможным. Но никаких игрищ и манипуляций не потерплю. И главное: еще один вызов – и кто-то из нас умрет. Ты прекрасно знаешь, что я не шучу.

– Ага, – див потер тыльной стороной ладони нос, – я, честно, больше так не буду.

– Отлично. Тогда вернись в боевую форму. Не зря же мы сюда ехали на ночь глядя. Хочу посмотреть, чему ты научился. Боюсь, боевые навыки пригодятся нам в ближайшее время.

Домой они приехали совсем поздно. Ужин давно остыл, но Кузю это совсем не смутило: он бросился на кухню и захлопал дверцей холодильника.

Аверин поднял салфетки и вздохнул. Печально потыкал вилкой котлеты и застывшее картофельное пюре. Котлету можно съесть и

холодной, конечно…

Из кухни высунулся Кузя. В руках он сжимал внушительных размеров бутерброд.

– Может, вам погреть? – спросил он.

– Э… а ты умеешь?

– Ага. Тетушка Маргарита меня научила. Это очень просто, но займет немного времени.

– Отлично, тогда держи.

Аверин протянул диву тарелку с пюре и котлетой.

Кузя забрал ее и опять захлопал шкафами и чем-то загремел. Аверину стало интересно, и он заглянул на кухню.

В руках у дива оказалась сковородка. Он подошел к плите, включил газ и выпустил изо рта тоненькую струйку огня.

– Надеюсь, при Маргарите ты так не делал.

– Не-а. У нее спички в фартуке лежат обычно. – Кузя улыбнулся, поставил сковороду на огонь, налил масла из бутылки и, взяв длинную плоскую деревянную лопатку, подцепил ею сначала пюре, потом и котлету и сложил в сковороду. Накрыл крышкой, подождал немного и выключил плиту.

– Сейчас нагреется.

– Хорошо. Я тогда в гостиной подожду. А чай? Ты умеешь делать чай?

– Конечно. Что там делать? Насыпал в чайник и кипятком залил.

– Тогда сделай.

– Ага. – Кузя зажег соседнюю конфорку и, взяв чайник, направился к раковине.

Через пару минут он вернулся с тарелкой. Аверин посмотрел на нее – еда была навалена как попало, но пригоревшей не выглядела.

– Ну… это лучше, чем было, – усмехнулся Аверин.

Вскоре Кузя снова появился, на этот раз с чашкой чая. Аверин поднес ее ко рту и пробовал. И тут же скривился.

– Ты в тюрьме не сидел, случайно? – поинтересовался он.

– Не-а.

– Тогда унеси это, вылей примерно две трети, а остальное разбавь водой.

Кузя выхватил чашку и метнулся на кухню. Аверин проводил дива взглядом. Было заметно, как Кузя старается угодить. Показать, какой

он полезный и послушный. Хорошо бы, чтоб урок пошел ему впрок. Проверку див прошел блестяще. Можно начинать учить его по-настоящему серьезным вещам. Вот бы еще как-то решить вопрос с его классом… Аверин так и не придумал, что делать с этой проблемой. Он был готов даже пойти на работу в Управление, но тогда он получит Кузю всего на год. И только через несколько лет сможет заново подать на него запрос.

Появился Кузя с чашкой. На этот раз чай оказался вполне приемлемым.

Кузя поставил чашку, сел на стул задом наперед, обхватил спинку руками и положил на нее подбородок.

Аверин принялся за сырники.

– Почему вы просто не наказали меня? – спросил наконец Кузя. – Вы же могли меня избить, а я не смог бы сопротивляться.

– Я не хочу тебя бить, Кузя. И ломать не хочу. Ты жизнерадостный, азартный, умный, сильный и хитрый. И я хочу развивать твои таланты и использовать их себе во благо, а не во вред. Если бы я тебя избил, разве ты бы сдался? Нет. Ты бы стал действовать против меня еще умнее и хитрее.

– Ага. – Див задумался, а потом спросил: – Но я все равно не понимаю, зачем нужны все эти правила. Хорошо, надели вы на меня ошейник. Я больше не могу убивать. Почему мне не пойти учиться, не стать сыщиком или журналистом? Я купил бы дом и жил как человек. Почему я должен служить колдуну?

– А скажи, Кузя. Вот работаешь ты сыщиком и встретил плохого человека, очень плохого. Убить ты его не сможешь, но наказать – запросто. Накажешь ты его?

– Наверное… – Кузя пожал плечами. – А может, посажу в тюрьму.

– Потому что ты, Кузя, пацифист. Ты совсем не агрессивный. А подумай о других дивах. Вы прекрасно умеете трактовать приказы, расставлять приоритеты и обходить правила. Как быстро див без контроля начнет нападать? Ведь слабые люди – его пища.

– Но люди тоже нападают…

– Да, но остановить человека намного проще. И те, кого остановили, тоже лишены свободы. Смотри, даже ты постоянно проверяешь границы и нарушаешь приказы. Поэтому колдуны устанавливают правила. Правила – это не что иное, как способ

контролировать и управлять дивом. У каждого дива должен быть колдун, который отвечает за его поведение перед обществом.

– Понятно. – Кузя замолчал и некоторое время просто наблюдал за Авериным, а потом внезапно спросил: – Гермес Аркадьевич, а что такое «оргия»?

– Чего?! – Аверин отложил вилку. – Какая еще оргия?

– Ну, Белка некоторых приглашала на оргию. Меня тоже звали.

– А, ясно. Оргия – это когда собираются несколько человек и предаются друг с другом любовным утехам. Знаешь, что это?

Кузя кивнул и замолчал.

– А научите меня любовным утехам, пожалуйста, – чуть позже попросил он.

– Что?! – Аверин чуть не поперхнулся чаем.

– Ну, я только видел, как это делают. Причем издалека, меня Сомовы всегда из спальни выставляли. Из памяти еще кое-что знаю. Но не очень понимаю, что именно надо делать. Что вообще возбуждает людей? Голое тело?

– Так, Кузя. Давай обойдемся без «любовных утех». Ни на какую оргию ты не пойдешь. Кроме прочего, там еще и много пьют и употребляют наркотики. Хотя…

Он замолчал, задумавшись.

– Вот что. Эта «оргия» может проходить в доме Ушкова. Если он жив, конечно, а не сожран вместе с товарищем. Пойди туда, но как только узнаешь адрес, сразу уходи. Придумай что-нибудь.

– Ага. Скажу, что пойду за алкоголем. А потом скажу, что меня повязали и поэтому я не вернулся.

– Да, подойдет. Но будь осторожен. Там может быть логово демона. Если почуешь его – уходи оттуда немедленно.

– Ага. А… еще: можно я завтра с утра к Анастасии сбегаю? Хочу с ней на одну важную тему поговорить.

– Конечно. Завтра я дома, можешь меня не охранять, с этим справится Владимир, не зря же он все время здесь шастает, – Аверин криво усмехнулся. – Кстати, а что возбуждает дивов? Ну, кроме еды, разумеется.

– Сила колдуна. Демонстрация этой силы.

– И что хочется диву, когда он это чувствует?

– Напасть, сразиться, подчиниться. В зависимости от того, насколько силен колдун.

– Говорят, колдун Влад Цепеш был настолько силен, что дивы сами склонялись перед ним. Такое возможно?

Кузя кивнул:

– Думаю, да. Такой колдун вполне может быть. Ну или это очень слабые и трусливые дивы.

Он рассмеялся.

Глава 10

Ушел Кузя не с утра, а ближе к обеду. Все утро он вертелся вокруг Маргариты, помогая и заодно задавая вопросы про приготовление еды, заваривание чая и прочие кухонные премудрости. Успокоился только после того, как сварил под ее руководством какао.

Аверин же, обложившись газетами, принялся изучать новости. Довольно часто журналисты обращали внимание на интересные и важные детали.

Но не прошло и получаса, как Кузя вернулся обратно, заскочил в окно и закричал:

– Мя-я-а!

И тут же выскочил обратно.

Аверин вышел на улицу. Кузя в облике человека ждал на веранде.

– Гермес Аркадьевич, он был там!

– Кто? Где?

– Тот див. Он был у Анастасии!

– Что?! Что с ними? Они живы?!

– Не знаю. Анастасия – да, а людей я в доме не почуял. Зато там везде его следы. Я не стал заходить, сразу сюда.

– Правильно сделал. Самого демона сейчас там нет?

– Нет. И следы не свежие. Он там был вчера. А может, и раньше.

– Хм. А ведь неплохое место, чтобы скрываться… Ладно, пойдем в дом. Надо позвонить Анастасии и попробовать узнать, что произошло.

– Ага. Может, она его вообще съела. – Кузя пошел к двери.

На шум высунулась Маргарита:

– О, ты вернулся уже?

– Да я тут забыл одну вещь, – ответил Кузя, и Маргарита снова скрылась в кухне.

А Аверин подошел к телефону, открыл записную книжку и нашел номер Перовых. Набрал и приложил трубку к уху.

Анастасия ответила сразу, и это насторожило Аверина еще больше. Почему она? Почему не Артемий?

– Это граф Аверин.

– О, как я рада вас слышать, – проговорила она, и, судя по голосу, это была правда. Интересно, могут ли дивы врать колдуну по телефону?

– А где Артемий? – поинтересовался он.

– Я отправила Алешу в санаторий на пару дней. Артемий его сопровождает.

Надо же… не поехала сама, а отправила из дома подальше. Еще интереснее.

– Значит, у тебя есть время и ты сможешь мне его уделить? Я хочу заехать прямо сейчас.

– Конечно, – тут же отозвалась она, – я буду ждать. Мне что-нибудь приготовить?

Аверин прикрыл трубку и взглядом показал на нее. Кузя кивнул, показывая, что все слышал.

– Какие-нибудь легкие закуски. Я подъеду через полчаса.

– Конечно. Жду вас, ваше сиятельство.

Аверин повесил трубку.

– Маргарита, я по делам, заодно отвезу Кузьму.

Он быстро оделся и подошел к сейфу. Возможно, он перестраховывается. Но демон был в доме. И Алеши там нет. Анастасия могла убить демона, но если при этом погиб Алеша, неизвестно, чего от нее ожидать. Аверин собрал все необходимое, надел на шею Триглав и вышел во двор. Кузя уже сидел в машине.

– Ого, вы… подготовились. От вас серебром так несет, что у меня голова разболелась.

– Мы не знаем, что нас ждет. Может быть, она сама уже демон. А может, они в сговоре.

– Нет, нет, что вы! Анастасия не такая!

– Не «такая» – это какая?

– Она никогда не поддержит убийцу.

– Ты убивал. И не только по приказу.

– Это совершенно другое, ну как же вы не понимаете! – Глаза Кузи в зеркале заднего вида блеснули.

Аверин немного повернул голову:

– А в чем, по-твоему, разница?

– Ну я же объяснял: это все были плохие люди.

– А этот, по-твоему, убивает хороших? Откуда ты знаешь? Может, погибший колдун был сволочью?

– Он – может быть. Но не тот ваш колдун из участка! Он пытался усыпить своего умирающего дива! Он понимал, что его не спасти, просто хотел облегчить его страдания! Он точно хороший человек. А этот див хотел убить его. И убил бы, если бы не вмешался Владимир.

– А вдруг она не знает ничего? Она же не знала, что ты убил Даниила.

– Тогда мы ей расскажем. И Даниил был не просто плохой, он был дебил!

– Ясно, – Аверин не смог сдержать улыбку. – Но ты теперь должен понимать, что плохих людей тоже нельзя убивать просто так. Вот, смотри. Хмельницкий с дружками убил плохого человека. И что из этого вышло?

Кузя замолчал. Видимо, думал. А тем временем они выехали на Крестовский.

– Тебе во сколько на твою «оргию»?

Аверин припарковался возле боковой стены дома, в тени деревьев.

– В пять часов собираемся.

– Тебе еще надо будет доехать. Сможешь сам вызывать такси?

– Конечно.

– Тогда одежду пока оставь в машине, закрывать не буду. Если все в порядке – выйдешь, переоденешься и поедешь. Ты все запомнил? Без глупостей. Если будет форс-мажор – звони мне, в полицию больше не попадайся.

– Ага, – ответил Кузя, и через секунду из машины выскочил кот.

Анастасия сама открыла калитку. Войдя во двор, Кузя начал отчаянно носиться, распушив хвост. А возле дома остановился и зашипел.

– Что происходит? – Аверин сделал вид, что удивлен. – Он недоволен.

Анастасия вздохнула:

– Ему не нравится мой недавний гость. Остальные примерно так же отреагировали. Слабые дивы боятся тех, кто настолько их сильнее.

Аверин взял ее под локоть:

– Пойдем-ка в дом, и все мне расскажешь.

Дива не сопротивлялась, а послушно пошла рядом.

В столовой было накрыто. Стояла даже бутылка с вином, тем самым, которое Аверин принес в прошлый раз. Но не это сейчас занимало колдуна. Он усадил Анастасию на диван и сам сел в кресло напротив.

– Рассказывай. Кто приходил и почему тебе понадобилось отсылать людей из своего дома?

– Это очень странная история, – проговорила Анастасия. Было видно, что она и не думала ничего скрывать. – Этот див появился позавчера вечером. Я понятия не имею, как он меня нашел, а главное – как узнал.

– Узнал? Это какой-то твой знакомый?

– Да. Очень старый… знакомый. Когда-то между нашими хозяевами был союз. Недолгий. И это он почему-то запомнил, а вот остальное – нет. После Пустоши у него в мыслях полный хаос. Обрывки старых воспоминаний, собственные фантазии, какие-то современные завиральные идеи. Он даже назвался Николаем, хотя имя у него совсем другое. Скорее всего, его так назвал новый хозяин.

– Так… значит, у него есть хозяин?

Вот это новость. Инесса преследовала демона, видела его в звериной форме. Если бы на нем был ошейник, она бы точно заметила. Не может же Кузя ошибиться и к Анастасии приходил другой див? Невозможно.

– Да. Он говорил о ком-то «мой колдун».

– А как звали его хозяина, когда вы… были знакомы?

– Владислав. Его звали Владислав. Он был князем Валахии. Вы знаете, где это?

– Конечно.

Ошибки не было. Надо же… Анастасия жила в Валахии. Да, куда только не заносит фамильяров, передающихся по женской линии.

«Мой колдун». Может, это Ушков, ему удалось как-то привязать дива? Или… а точно ли «мой колдун» означает «хозяин»?

– Расскажи мне подробнее про него и его колдуна. Зачем он приходил.

– Это какое-то безумие. Он сказал, что возглавляет организацию, выступающую за освобождение дивов. Колдун должен снять с них ошейники, а для этого надо просто убить всех других колдунов. Предлагал присоединиться к ним. Я вежливо указала ему на дверь.

– И? Он просто ушел? Не разозлился?

– Разозлился. Назвал предательницей и колдунской подстилкой. Но напасть не решился.

– Он слабее тебя?

Она покачала головой:

– Нет. Все еще сильнее. Но, кроме меня, здесь еще шестнадцать дивов. И мы ясно дали понять, что выступим единым фронтом. Он был очень озадачен. Но ушел. И предоставил мне время до сегодняшней ночи.

– Он угрожал напасть сегодня?

– Нет. Он сказал, что сегодня вместе со всем своим воинством покинет город. Но я опасаюсь нападения. Поэтому отослала Алешу.

– Почему ты не позвонила мне?

– Вам? – она удивилась. – Зачем?

– Ну, например, чтобы я помог тебе защититься.

– Вы?.. – она опустила глаза на миг. – Вы знаете, я об этом даже не подумала. Всегда привыкла решать свои проблемы сама. Но теперь вы здесь…

– Я здесь. Кузя сейчас сходит по своим делам, но к ночи вернется. Наших сил хватит?

– Разумеется. Кузя, по-моему, стал сильнее. Но… Не обязательно, что он нападет. Он путает фантазии с реальностью, это последствия Пустоши. С сильными дивами бывает такое. Но он не глуп. И вряд ли станет зря рисковать. Разве что ему прикажет его хозяин.

Аверин был практически уверен, что никакой хозяин этому демону ничего приказать не сможет.

Стоит ли оповестить Управление?

Нет. Демон умен и осторожен. Если почует засаду – тут же покинет город. И куда он направится? В столицу? Что ж, там его будет ждать с распростертыми объятиями Императорский див. Может, оно и к лучшему?..

…А если нет? А если по пути он устроит резню?

– Хорошо. Подождем тут. А пока… – Он посмотрел на накрытый стол и бутылку вина и сказал: – Устроим романтический вечер.

– Я согласна… – Анастасия как-то смущенно потупилась. – Разрешите мне за вами поухаживать?

Она поставила перед Авериным тарелку с закусками и придвинула бокал:

– Не желаете ли вина?

– Нет, спасибо, для вина еще рановато.

Она улыбнулась:

– Тогда что вы хотите? Чай? Или сварить вам кофе?

Он подумал, что ночь, возможно, будет бессонной.

– Да, свари кофе, пожалуй.

Анастасия вышла на кухню. Аверин посмотрел ей вслед. Хрупкая фигура, легкая, скользящая походка. Красивая женщина, хоть уже и не юная. Из чего формируется истинный облик дива? Сейчас Анастасия выглядела, скорее всего, как Анастасия Перова, ее бывшая хозяйка. Но раньше… Как она выглядела, когда жила в Валахии?

…И почему она выслала из дома только людей? Она ведь и сама могла уехать. И дождаться, когда демон покинет город.

Нет, не стоит забывать, что это не женщина. Это див, и один из самых сильных в городе. Скорее всего, ей и в голову не пришло скрываться. Если к ней в дом заявится демон – она убьет его и сожрет. Совместно со своими подопечными.

Аверин поежился. Ну и местечко он выбрал, чтобы скоротать вечер. Или, наоборот, оно самое безопасное?

Анастасия вернулась, держа в руках поднос с кофе. Изящно наклонилась и поставила чашки, едва не касаясь пальцами его руки. Женщиной она притворялась виртуозно. Еще бы. Многовековой опыт.

– Давно хотел спросить, – Аверин глотнул кофе. – Ты говорила о неких связях при дворе. Что это значит? Ты же фамильяр, а не настоящая баронесса.

Она мило улыбнулась. Улыбка выглядела совершенно искренней, не то что у того же Владимира. Интересно, какие эмоции она умеет испытывать. И способна ли на чувства? Привязанность ей точно знакома, а еще?

– При дворе полно древних аристократов. И фамильяры есть у всех.

– Значит, при дворе слушают своих фамильяров?

Она, продолжая улыбаться, наклонила голову:

– Глупо не слушать совета того, кто старше тебя на несколько столетий и намного, намного опытнее. Я давно наблюдаю за людьми.

И пока им ни разу не удалось меня удивить. Вы, люди, в большинстве своем очень предсказуемы.

Она налила себе вина и посмотрела на колдуна.

– Может, вам все-таки налить… немного. – Она протянула руку и коснулась его пальцев своими, с аккуратным розовым маникюром.

И отдернула, вскрикнув.

Аверин откинулся на спинку кресла. И посмотрел ей в глаза:

– Ну что же ты… такая опытная, древняя… – Он вытащил из-под рубашки за цепочку Триглав. – Что за игру ты ведешь? Не хочешь объяснить?

Щеки дивы полыхнули огнем. Опустив глаза, она принялась нервно теребить скатерть. Нет, это не была игра. Анастасия выглядела донельзя смущенной.

– Простите… – пробормотала она, – я… похоже, вас неправильно поняла.

– Неправильно? – он поднял брови.

– Да… вы… помогали мне. Потом принесли вино. Сегодня позвонили и сказали, что приедете, пока я одна. Потом сказали… про романтический вечер. Это была шутка, да?

– Провались я в Пустошь… Ты что же, решила, что я ухаживаю за тобой? – Он было рассмеялся, но тут же осекся. На Анастасию было больно смотреть. Она сидела, ссутулившись, старательно избегая его взгляда, и кусала губы. Было похоже, что она вот-вот расплачется.

Но вот она глубоко вздохнула, провела по лицу рукой, выпрямилась и подняла глаза:

– А почему было не решить? Я довольно привлекательная женщина. Разве нет?

Аверин встретился с ней взглядом:

– Ох… кажется, я начинаю понимать, почему у меня вечно какие-то сложности с женщинами… Извини, Анастасия. Ты очень красивая женщина, но ты див. Это несколько осложняет… все.

– Разве? – На ее лице снова появилась легкая улыбка. Как же быстро она взяла себя в руки. Впрочем, а чего он ожидал?

– Вы же колдун. Не может быть, чтобы у вас ни разу не случалось любовной связи с дивом.

Аверин посмотрел на нее с некоторым удивлением:

– Вот уж не знал, что это обязательно. И, кроме прочего, мне разрешено держать только дивов второго класса. Как ты себе это представляешь?

– У вашей семьи есть фамильяр.

Он еле сдержал смех:

– При случае я покажу тебе его фотографию.

– Ваш фамильяр ненамного младше меня. И у него наверняка найдется что-то подобное.

Аверин не заметил, когда изменилось ее лицо. Только сердце ухнуло куда-то вниз и по спине прокатилась ледяная волна.

Теперь на него смотрела девушка лет семнадцати, с иссиня-черными волосами и огромными зелеными глазами. Нежная бледная кожа с легким румянцем, правильной формы нос, идеально очерченные губы.

Аверин, как мог, бесстрастно заметил:

– И чем же провинилась перед твоим хозяином эта бедняжка? Своей красотой, которой он хотел насладиться подольше? Увы, у Анонимуса самая прекрасная личина – дворовая девка Акулина, которую он сожрал за то, что она разбила дорогой французский соусник.

Анастасия вернула свой истинный облик, и Аверин выдохнул с некоторым облегчением. И одним глотком допил уже остывающий кофе.

– Выходит… для вас все эти облики – лишь когда-то поглощенные нами люди?

– А что же это еще? И ты верно сказала, я – колдун. Я чувствую дива под личиной, и это не самые приятные ощущения. Какие уж тут связи и интрижки?

Она замолчала, только поднесла к губам бокал с вином.

– Этот облик настоящий. Это я, и никто другой. Неужели вам совсем не нравится?

– Ты настолько откровенно себя предлагаешь… Это выглядит не слишком прилично для женщины.

– Вы сами сказали, что я не женщина. И поверьте, то, что вы считаете недостатком, может превратиться в преимущество. Со мной можно позволить себе то, чего нельзя с обычной женщиной.

– Что же… – он поднялся. – Раз ты настаиваешь… Ночью мы, возможно, будем сражаться. Поэтому идем.

– Куда?.. – она нахмурилась.

– Как куда? В спальню.

– Хорошо… – произнесла она с некоторым сомнением, но поднялась. Он пропустил ее вперед.

– Надеюсь, твоя спальня достаточно просторна.

Она оглянулась, и ее губы снова тронула легкая улыбка:

– Уверена, вам понравится.

Спальня оказалась большой и светлой. В центре пространство занимала широкая кровать с балдахином. Выглядела она так, будто стоит здесь с начала века. Два окна выходили в сад.

Аверин остановился в дверях. Судя по пути, которым он шел сюда, и расположению окон, эта комната находится в левом крыле дома. Отлично. Он так и думал.

Анастасия подошла к трюмо и принялась расстегивать блузку.

– Ну как, вам нравится?

– Очень. – Аверин отступил от двери так, чтобы она не увидела его отражение в зеркале. И вскинул руки.

Тотчас же с левой его руки сорвались две толстые нити Пут и оплели ее локти, стягивая руки на спине. Одновременно брошенная правой рукой нить опутала ее колени, заставив потерять равновесие. Он пошевелил пальцами, и целый пучок нитей веером вошел в стены и пол.

– Лучше не двигайся. Нити закреплены в фундаменте и несущих стенах. Ты разрушишь дом раньше, чем сможешь их разорвать. А ты ведь любишь этот дом, да?

– Что все это значит?! – изумленно спросила она, повернув голову. И следующим движением он скрутил Путы в нечто наподобие лошадиных удил и вставил их ей в рот, стянув нити пут на затылке.

И только после этого подошел вплотную.

– О, так мне удалось тебя удивить.

Он снял Триглав и положил его на трюмо. Потом провел рукой по ее щеке и шее.

– Ты же сказала, что с тобой можно то, чего нельзя с обычной женщиной. Это японская эротическая техника, называется «шибари», не слышала?

Он приподнял двумя пальцами ее подбородок и наклонился, заглядывая в глаза. И то, что он там увидел, меньше всего напоминало удивление или ярость.

– Хм… Может, я не умею понимать женщин. Зато неплохо умею обращаться с дивами. Но главное – самому не забываться и оставаться человеком.

Он поднял руку и сжал ее в кулак. Путы, потускнев, упали на пол, а потом и вовсе исчезли.

Таксист посмотрел на компанию с сомнением, но Кузя показал ему деньги, и это решило все вопросы. Вернулась Белка. Она указала адрес водителю второй машины, но ехать захотела на этой, вместе с друзьями. Машина тронулась с места.

И только тут Кузя заметил, насколько все пьяны. От запаха алкоголя можно было задохнуться, он еле подавил рвотный позыв и открыл окно, чтобы подышать воздухом.

– Эх, не умеешь ты пить, – хлопнула его по плечу Белка. – Ничего, научим.

Тут она ошибалась. В этот раз Кузе удалось не сделать ни одного глотка. Кто знает, что его ждет там, где проходят «оргии».

Приехали довольно быстро, Кузя вышел из машины возле ворот дома и замер от удивления. Это был дом Хмельницких.

– Не ссы, – ткнула его под ребра Белка, – это дом Черного. Обалдеть, да? Не был в таком никогда, наверное?

– Но… он же умер.

– Ага, – девушка расхохоталась, – он умер, а дом остался.

Кузя шагнул в ворота и чуть не выскочил обратно: демоном здесь провоняло все, причем запах был свежий, совсем свежий. Как будто див был тут совсем недавно.

Но сейчас он отсутствовал, поэтому Кузя шагнул во двор. Аккуратно выложенный брусчаткой, он был совершенно пуст, даже приличных кустов тут не росло. Сбежать будет не просто.

Подъехала вторая машина. Из нее тоже вывалилась пьяная толпа.

– А здесь магазин-то есть? – Кузя сделал озадаченное лицо. – А то что пить будем?

Уходить отсюда надо было немедленно.

– Да! – поддержали остальные. – Где бухло? Ты обещала!

– В доме. Всё в доме, пошли. – Она схватила Кузю за руку и потащила за собой.

Они зашли в дом. Кузя хорошо его запомнил, в прошлый раз он облазал тут все. Вон там вход в основные покои, тут выход в гостиную, столовую и вниз, на кухню.

– Идите туда, – Белка указала на коридор, ведущий к комнатам.

Кузя двинулся было следом, но девушка остановила его, толкнув в грудь:

– А ты в гостиную иди. И жди меня.

– Почему?

– Потому, что ты избранный, – она подмигнула.

– Ага, – он широко улыбнулся и поднял большой палец. Так они все делали, когда хотели показать, что им что-то нравится. И добавил: – Ништяк.

Оставшись один, он бросился в гостиную. Отличный шанс сбежать. Окна оказались закрыты на какие-то незнакомые задвижки, поэтому он побежал вниз, где даже звук разбитого стекла не привлечет лишнего внимания.

Он уже почти достиг кухни, когда услышал негромкий стон.

Кузя остановился, а потом кинулся к источнику звука. Стоны доносились из кладовки, запертой на большой замок. Он сорвал его и открыл дверь.

В кладовке оказались люди. Связанные по двое, они были затолканы в нее, как дрова в поленницу. Кузе показалось, что он узнал родителей Хмельницкого. Но были и другие.

Он потянулся было к веревкам, но остановился.

«Не геройствуй».

Как он выведет их отсюда? Надо сначала найти выход.

Он вернулся на кухню. Окно там оказалось забрано решеткой, но он легко вырвал ее и выбрался наружу, на задний двор, и тут же удивленно попятился к стене. Посреди двора, прямо на траве, был выложен камнями алатырь. А вокруг торчали воткнутые в землю колья.

Так вот что тут планируется за «оргия»! И зачем здесь все эти люди!

Ладно. Он сможет вытащить пленников через окно… но остальные. Белка… она в сговоре с демоном. Это она привела ему

жертв. «Все умрем»… вот что это означало. Как же провести пленников к воротам? Нет. Нужно вернуться к колдуну. И тот обязательно что-нибудь придумает.

Кузя перемахнул через забор и бросился по дороге. Справа мелькнула телефонная будка. Он остановился. «Если будет форс-мажор – звони».

А это был он самый.

Глава 11

Аверин повертел в руках пустой бокал и протянул его Анастасии:

– Пожалуй, теперь самое время выпить вина.

Она налила ему и подняла свой, который все так же был почти полон.

– Вы… чертовски сильны, ваше сиятельство.

Он попробовал вино и внимательно посмотрел на диву.

– Лучше скажи мне, что ты сейчас чувствуешь. У дивов ведь нет инстинкта размножения, и вы не испытываете полового влечения. Данная сфера человеческой жизни вас не интересует. Так что же ты ощущаешь на самом деле? Ты хочешь меня убить? Сожрать?

Она ответила таким же взглядом:

– Вы не совсем верно все понимаете. Вы думаете, что люди для нас – еда. Но мы прекрасно едим все то же самое, что и вы, чтобы поддержать физическую оболочку, в которой мы живем в вашем мире. То, что мы испытываем к людям, а особенно к колдунам, вовсе не похоже на голод.

Она посмотрела на него сквозь свой бокал:

– Даже среди людей есть те, кто любит посмаковать хорошее вино ради его вкуса. А есть те, кто, увидев бутылку, просто проглотит ее, даже не ощутив. Ради опьянения. Понимаете?

– Да, вполне. А когда вы чувствуете запах крови хозяина, вы, выходит, ведете себя как алкоголик, который дорвался до бутылки?

Она рассмеялась. И внезапно напряглась, и ноздри ее зашевелились.

– Они волнуются. Очень волнуются. Я сейчас.

Она исчезла. А Аверина словно ударил электрический разряд. На миг сердце замерло, и в голове зашумело. И тут же раздался телефонный звонок.

Аверин бросился к столику. Он не сомневался, кто звонит. Сорвал трубку и тут же услышал голос Кузи:

– Как хорошо, что вы еще не ушли. Я тут, рядом с домом Хмельницких. Он здесь! Куча следов.

– Кузя, лети немедленно сюда! – закричал Аверин.

– Подождите. Это форс-мажор. Его сейчас тут нет. Зато в подвале полно связанных людей. И наверху пьяные подростки. Это все жертвы. На заднем дворе алатырь и колья.

– Кузя… – начал было Аверин, но див его перебил:

– Ну погодите немного. Я придумал, как их вытащить. Тех, кто внизу. Пока тот див не явился. Остальных попробую напугать своей боевой формой.

– А если он придет?

– Тогда он убьет всех. Гермес Аркадьевич, я не могу их тут бросить. Вызовите подмогу, Владимира и остальных.

– Кузя, подожди. Ничего сейчас не делай, жди меня. Я вызову подкрепление и к тебе. Дождись, пожа…

Из трубки раздался глухой вскрик и послышались гудки.

– Кузя! – заорал он. – Кузя!

Ответа не было.

Он резко дернул рычаг и быстро набрал номер участка. И тут ему невозможно повезло. Трубку взял сам Виктор.

– Виктор, слушайте внимательно. Демон в доме Хмельницких. Там куча людей-заложников. Поднимайте всех.

– Гермес, я надеюсь, вы сейчас не там? Вы…

Отвечать Аверин не стал. Он рванул к двери и, едва не выбив ее, помчался по двору к воротам. Выбежал на улицу, заскочил в машину и рванул с места. Отсюда до дома Хмельницких километра три. Только бы успеть. Кузя еще жив, он это чувствовал.

Вот и телефонная будка, из которой звонил Кузя.

Аверин остановил машину и вышел. Дверца будки была распахнута, трубка валялась на полу. И… рядом с ней часы с разорванным на куски браслетом. Похоже, Кузя пытался использовать силу, когда его схватили.

Так. Этот тип – «освободитель дивов». Есть небольшой шанс, что Кузю он не убьет.

Аверин окружил себя щитом и медленно двинулся к воротам дома Хмельницких. Они оказались открыты. Держа обе руки наготове, Аверин осторожно вошел во двор.

И замер. Посреди двора, насаженный на огромное, светящееся голубым светом копье, висел Кузя. Голова его была запрокинута назад, конец острия торчал из горла. Див не шевелился.

Немедленно выхватив Плеть, Аверин описал вокруг себя несколько кругов, и не ошибся. Над ухом раздался рев, и что-то настолько сильно ударило в бок, что он упал и его протащило по земле пару метров. Прикрыв голову рукой, он остался лежать без движения.

И тогда увидел демона.

Тот выглядел как высокий мужчина средних лет, с длинными волосами, одетый по нынешней молодежной моде. Не хватало только лаптей.

Демон подошел и наклонился:

– И это все, колдун? Как же ты меня разочаровал. А я так ждал тебя. Сюрприз тебе приготовил. Не бойся, может, я и не убью этого наглого мальца, он же просто раб, повинующийся твоим приказам. А вот тебя я убью. Но сначала ты мне расскажешь, почему смерть колдуна не освобождает дива! Почему они продолжают атаковать меня?! – Его голос сорвался на крик. И тут Аверин выстрелил своим кинжалом ему прямо в лицо. Серебряное лезвие воткнулось диву в правый глаз почти наполовину. Демон взвыл, схватился за голову и попытался вырвать лезвие из глазницы.

Аверин вскочил на ноги и снова активировал Плеть. На этот раз на максимум. По всей ее длине запульсировали шипы. Он размахнулся и ударил отвлеченного болью и попытками избавиться от серебра дива. Тот успел отшатнуться, но Плеть вырвала из его шеи и плеча кусок плоти.

– Ах ты мерзкая тварь! – завыл див и, выдернув таки из глаза лезвие, швырнул его в Аверина. Отлетев от щита, кинжал звякнул о землю.

Демон вытянул руку, и в ней появилось длинное светящееся копье. Аверин услышал стон и краем глаза отметил, что освобожденный Кузя ничком повалился на землю. Что же. Теперь есть шанс, что он выживет.

Если их сейчас обоих не сожрут.

Аверин снова взмахнул Плетью, но див исчез и, судя по всему, не торопился атаковать. Удар по шее ему сильно не понравился. Надо торопиться. Серебряный кинжал, попав в голову, причинил серьезные повреждения и замедлил демона. Но если дать ему время – раны зарастут и все придется начинать сначала.

Аверин быстро расширил барьер: теперь тот почти не защищал, но зато мог помочь обнаружить противника.

И это получилось. Развернувшись, он ударил в то место, где ощутил нарушение барьера, но там уже ничего не было. Промазал. Он снова раскрутил над головой Плеть. И снова касание барьера. Аверин раскрыл сеть и швырнул, одновременно размахиваясь Плетью.

И тогда почувствовал резкую боль в ноге. Он посмотрел вниз. Из его бедра торчал метровый конец копья.

Див вырвал свое оружие из ноги, штанина мгновенно промокла, и стало горячо от хлынувшей потоком крови. А кончики пальцев, наоборот, занемели. Аверин упал на одно колено и зажал рану рукой. Проклятье! Скорее всего, повреждена бедренная артерия. Он истечет кровью, если немедленно ее не остановить.

Аверин свернул бесполезный сейчас барьер и все силы направил на знак запирания крови. И раскрутил Плеть над головой. Видно, что див немного опасается оружия. Однако тот не нападал. Демон остановился и, ухмыляясь, указал себе за спину. Аверин посмотрел в ту сторону.

Лежавший до этого без движения Кузя зашевелился. Медленно, царапая отросшими из пальцев когтями землю, он пополз в их сторону.

– Ты, тупой колдунишка. Ты думал, я не умею кидать копье? Твой мир слишком изменился. Стал слишком безопасен. И колдуны выродились.

Аверин перевел взгляд с ухмыляющегося демона на Кузю, продолжавшего ползти к хозяину, и подумал, что у Кузи нет никаких шансов по сравнению с могучим конкурентом. И тогда он рассмеялся и прошептал:

– Надо же, какой я популярный сегодня, оказывается…

– Ты чего смеешься, колдун? – Диву это не понравилось.

Так. Собраться. Наверняка Виктор уже вызвал Управление. И Инесса будет здесь с минуты на минуту.

Как минимум получится спасти людей. Главное – тянуть время.

– Смешно стало. Если бы ты доучился, Николай, ты бы знал, почему после смерти колдуна его див продолжает нападать на тебя. Но мир изменился, а получить нужные знания такой глупец, как ты, не смог.

– Что?! – воскликнул див, и лицо его изменилось. Теперь это был подросток с аккуратной стрижкой и бледноватым лицом. Из его пустой глазницы продолжала стекать кровь.

– Что слышал, Николай. Сам ты никого не спасешь. Но шанс все же есть. Я расскажу тебе то, что не рассказали бы в Академии. Я граф Аверин. Ты наверняка слышал.

Аверин очень надеялся, что с личиной Хмельницкого див также задействовал и его память. А колдун-недоучка слышал о нем или хотя бы читал книги его отца.

К практике в полиции готовили на последнем курсе. Поэтому Хмельницкий просто не знал, что дивы Управления привязаны не к талисманам колдуна, а к государственным жетонам. И их задача – охрана общественного порядка, а вовсе не защита колдуна. Поэтому парень был уверен, что если убьет хозяина, то див перестанет его атаковать.

– Аверин? – див заинтересовался. – Говори, быстро! – Он поднял копье.

– Сей… час… – нарочито слабым голосом проговорил Аверин.

Да где же чертово Управление…

Аверин посмотрел под ноги. Под ним натекла уже солидная лужа крови, див видит, что ему плохо. Он оперся на свободную руку и сделал вид, что заваливается на бок. И зашевелил губами, как будто что-то шепчет.

Див подошел поближе, и Аверин, быстро подняв руку, которой зажимал рану, выпустил из рукава облако серебряной пыли. Расправив щит, он поднял пыль столбом и швырнул прямо в лицо диву. Из ноги снова хлынула кровь.

Див отшатнулся, закашлялся и принялся тереть оставшийся глаз.

– Поверить не могу, что ты опять на это купился.

Демон вдохнул серебро, это хорошо. Аверин убрал щит, еще раз перенаправив энергию на знак затворения крови, и вскочил на ноги. И выпустил сразу и сеть, и Связывающие Путы, закрутив демона в кокон. Отчаянно хромая, он бросился к воротам. Вряд ли они смогут задержать даже ослепшего дива, но… черт побери, может, хоть кто-то придет на помощь.

Но добежать до ворот он не успел.

Див, выставив перед собой копье, перегородил ему дорогу:

– Тупой колдун. Твои уловки ничего не стоят. Я сожру тебя и сам все узнаю. На тебе нет амулета.

Проклятье! Точно. Триглав он оставил на трюмо в спальне Анастасии. Аверин усмехнулся. Из всех возможных ошибок колдуна он сегодня совершил, пожалуй, все.

– Подавишься, – выплюнул он и развернулся обратно, лицом во двор. Бежать было некуда. Что же, остается только попробовать задержать демона еще ненадолго.

Кузя, доползший до того места, где только что лежал сам Аверин, застыл без движения.

И помочь хозяину не мог.

Барьера больше не было, но Аверин знал, что демон не удержится и попытается ударить в спину. Поэтому, собрав все оставшиеся силы, хлестнул назад Плетью.

И попал. Копье пролетело у него над головой и погасло. А див, переместившись, оказался прямо перед ним. Его лицо и грудь были рассечены.

– Ах ты ублюдок! – завыл он. – Я хотел прикончить тебя быстро, но нет! Ты будешь умирать так же, как мой хозяин, которого ты убил!

Искалеченное лицо его больше не было лицом Хмельницкого. Оно принадлежало самому демону, который был сейчас во власти воспоминаний.

– Дайте мне время, – заорал он, – мое воинство повергнет этот гнилой мир в Ад!

Он прыгнул, Аверин попытался выпустить Сеть, но див разорвал ее в прыжке и, схватив его за руку, вышвырнул за ворота.

Удар о землю на мгновение оглушил. Аверин попытался повернуться, но рука не слушалась: похоже, была сломана, и серьезно. Почему-то боли не чувствовалось совсем. Перед глазами на миг стало темно.

А когда он снова смог видеть, див стоял над ним. И копье снова светилось в его руке.

– Ты… мстишь за смерть Влада Цепеша? – едва шевеля губами, спросил Аверин.

Див расхохотался:

– Дурак! Я и есть Влад Цепеш! Я убил его! Я правил Валахией!

Копье, мелькнув в воздухе, вонзилось Аверину в правое плечо, протыкая насквозь.

– А теперь я сожру тебя, глупый колдун.

За спиной дива взметнулись черные крылья, он преображался в демонический облик.

– Он мо-ой! – Низкий, на грани слышимости, рык сотряс воздух.

Мелькнула тень, и за плечом демона показалось лицо Кузи. Человеческое лицо, правда с клыками в мизинец длиной, торчащими изо рта. Волосы его были алыми от крови, и кровью было измазано все лицо. В воздухе мелькнуло что-то блестящее и вонзилось в горло демона, прерывая преображение. Демон завыл и попытался стряхнуть с себя внезапную помеху. Но не тут-то было. Огромными когтями Кузя впился ему в плечо, клыками вцепился в другое, а его вторая рука, больше похожая на когтистую лапу, продолжала погружаться в горло противника.

– Мой! – выдохнул Кузя демону в ухо, на миг разжал зубы, и между его клыками вырвалась струя пламени. Демон взвыл еще громче, его волосы полыхнули, и рука взметнулась вверх, в слепой попытке все же схватить врага. Но клыки Кузи снова сомкнулись, на этот раз на шее.

И тут Аверин все понял.

Вот почему его див лежал в луже крови без движения. Кровь не впиталась в брусчатку. Ее и слизывал Кузя все это время. А в руке у него был зажат серебряный кинжал колдуна, которым он продолжал резать горло демону.

Волнами накатывала слабость. Знак, запирающий кровь, уже почти не действовал. И так непросто справиться с такими серьезными ранами, в бою же это было практически невозможно. Насколько силен сейчас Кузя? Сколько времени продержится мощь, которую ему дала кровь колдуна? Минуту? Две? Три?

Времени совсем не было. Аверин отчетливо понимал, что ему самому в любом случае конец, кто бы ни победил в схватке дивов. Но… Кузя точно не будет сажать людей на кол. Поэтому решение очевидно.

Аверин приподнял голову и взмахнул левой, рабочей еще рукой, призывая Плеть. И ударил по поднятой руке демона, которой тот пытался схватить Кузю. Рука, точнее ее половина, отлетела в сторону.

Демон захрипел. Двадцать сантиметров серебра в его горле не добавляли ему красноречия.

– Спасибо за науку, Инесса, – прошептал Аверин и, развеяв Плеть, выпустил Связывающие Путы. Они захлестнулись у демона под коленями, и тот начал падать.

А Аверин почувствовал, как из него вытекают остатки жизни.

Уже угасающим взглядом он отметил, как мимо пролетела одноглазая голова, а потом все залило серебристым светом. Над его телом протянулась огромная, покрытая серебристым мехом лапа, и голова демона, насаженная на гигантский коготь, медленно проплыла обратно. Аверин удовлетворенно улыбнулся. Вот теперь точно все кончено. Он закрыл глаза, а когда открыл, почему-то увидел лицо Кузи. Человеческое лицо. Зачем див вернулся в этот облик? Чтобы сожрать хозяина, он должен принять демоническую форму.

Аверин ощутил прикосновение к своей руке. И сжал пальцами скользкие от крови пальцы своего дива.

– Кузя… потом… сдайся… – прошептал он, – сдайся Виктору…

И его накрыла тьма.

Глава 12

– Черт! Черт, черт, черт! – Виктор швырнул трубку. Ну конечно! Где же еще он может находиться, чертов колдун!

Виктор схватил ключи от машины и выбежал в коридор.

– Паша, быстро звони в Управление, скажи, что демон на Крестовском, в доме Хмельницких. Там заложники, много. Посмотри адрес и оповести все патрули! Где Фетисов?

– В патруле.

– Черт!

С другой стороны, а чем участковый колдун сможет помочь…

«А ты? А ты чем сможешь?»

Идиот… какой же идиот…

Виктор толком не знал, в чей адрес он ругается, свой или Гермеса. Он повернул ключ, и машина сорвалась с места. Виктор вытащил рацию:

– Внимание всем постам. Перекрыть движение по Крестовскому острову. Закрыть все мосты. Пропускать только машины полиции и Управления. Все доступные «Скорые» отправить к Крестовскому до дальнейших указаний.

Он уже подъезжал к острову, когда услышал:

– Внимание всем постам, демон находится на Крестовском острове по адресу…

Виктор рванул туда.

Гермеса он увидел сразу. А рядом с ним – Кузьму. Резко дав по тормозам, Виктор выскочил из машины, бросился к ним – и остановился в двух шагах, не зная, что делать.

Гермес лежал без движения в огромной луже крови, даже не верилось, что столько может потерять один человек. Кузьма, стоя на коленях, придерживал его одной рукой за плечи, второй зажимал рану на бедре. Рука Гермеса была перекинута через плечо Кузи, кисть лежала прямо на голове. Глаза парня были закрыты.

Жив ли его друг?

Он бросился обратно к машине и схватил рацию:

– Внимание! Все машины «Скорой помощи» направьте по адресу… – Он назвал адрес дома и, бросив рацию, кинулся обратно. Демона видно не было. Или он сбежал, или Гермес каким-то чудом с ним расправился. Дива Кузи тоже нигде не было. Вероятно, храбрый кот погиб, защищая хозяина. Но сейчас это, пожалуй, даже к лучшему. Иначе не лежать Гермесу на земле.

Виктор осторожно коснулся плеча Кузьмы. Тот открыл глаза и посмотрел на него совершенно безумным взглядом. Господи… у парня шок. Как он вообще попал сюда?

– Кузьма. Тихо. Давай я тебе помогу.

– Не трогать!!! – вдруг жутким голосом заревел Кузьма, и Виктор отшатнулся.

В этот момент с губ Гермеса сорвался еле слышный стон.

Жив!

Парень отвернулся и снова прикрыл глаза. И прошептал:

– Врач. Нужен врач и чародей.

– Я уже вызвал, да.

Виктор не понимал, что ему сейчас делать. Кузьма был прав, трогать Гермеса до приезда «Скорой» нельзя. Неизвестно, какие на нем еще ранения, скорее всего, его племянник знает это гораздо лучше. Поэтому Виктор просто присел на корточки рядом и тихо проговорил:

– Держитесь, пожалуйста.

Раздались звуки сирен. И меньше чем через минуту к дому подъехала первая машина. Остановилась, вышел врач и бросился к ним.

– Что произошло? – спросил он, нагибаясь над раненым. И тут же, обернувшись, замахал рукой коллегам.

– Он дрался с демоном, – сказал Виктор, отойдя в сторону и пропуская врачей.

Тем временем Кузьма наклонился к доктору и начал ему что-то быстро говорить. Тот кивал. Подкатили носилки, Гермеса погрузили на них и вкатили в машину. Парнишка запрыгнул следом.

Одновременно к дому подъехал автомобиль с гербом Управления. Оттуда вышли Владимир и его колдун, Мончинский.

Виктор сжал кулаки и подошел к ним.

– Почему вы не отправили вперед дива?! – Он схватил колдуна за плечо и тряхнул.

И тут же его запястье сжала рука.

– Мы действовали по инструкции. Сила этого демона намного превышает мою. Поэтому я обязан преследовать его и вступать в сражение только совместно с колдуном.

Владимир убрал руку Виктора с плеча Мончинского. Но ни на своего хозяина, ни на Виктора он не смотрел. Он просто пожирал глазами отъезжающую «Скорую помощь». Ноздри его шевелились.

«Проклятое животное. Кровь Гермеса чует. Правильно он сказал: нельзя их очеловечивать». Виктор зло посмотрел на колдуна и его дива.

– Там люди в доме, заложники, – проговорил он и направился к воротам, – приступайте к своим обязанностям.

Владимир прошел вдоль стены дома, переместился к телефонной будке и что-то подобрал с земли. Вернулся к луже крови и принялся ее обнюхивать. Потом погрузил пальцы в кровь и тщательно их облизал. Виктора едва не стошнило. Внезапно див исчез. Откуда-то из-за угла раздался крик. Кричала женщина.

Виктор бросился туда. И увидел Владимира, сжавшего рукой плечо невысокой рыжей девушки. Она извивалась, стараясь вырваться, но у нее ничего не получалось.

– Пыталась сбежать, – пояснил див.

– Проклятые фараоны! – заорала девушка. – Ненавижу! Отпусти меня, чертов раб! – Она посмотрела на Виктора полными ненависти глазами и плюнула в его сторону. – Вы все равно все сдохнете, проклятые колдуны! Все сдохнете!

К дому начали подъезжать машины Управления. А на ограду спикировала серая сова.

Виктор огляделся:

– Лучше поздно…

И направился в дом.

Когда всех людей вывели, причем пленников из подвала пришлось выносить на руках, Виктор понял, что просто чудовищно устал. Оставаться здесь не имело смысла, тем более что по двору расхаживал и раздавал ценные указания князь Булгаков. Интересно, Управлению удастся присвоить успех этой операции себе? А почему бы и нет? Ведь они так ловко вручили Гермесу свой долбаный жетон… Что же

случилось с демоном? Скорее всего, Гермесу как-то удалось отправить его в Пустошь. Хорошо бы.

Растерянный Фетисов ходил вокруг дома, не отпуская с поводка «собаку» – дива с дурацким именем Коржик, и было непонятно, то ли бедняга колдун считает, что лучше хоть такая защита, чем совсем никакой, то ли, наоборот, боится за своего подопечного.

– Степан Алексеевич, – окликнул Виктор колдуна, – я еду в больницу сейчас. Хотите, подброшу вас? Тут все равно делать нечего.

– Да, конечно. – Фетисов подошел к нему. – Вы к Гермесу Аркадьевичу?

Виктор кивнул.

– Тогда и я с вами. Только Коржика с собой возьму, это ничего?

– Конечно, Коржик точно нам не помешает.

Когда Виктор поднимался на третий этаж, сердце его бешено колотилось. Он отчаянно боялся встречи с врачом, но и надеялся так же отчаянно.

Доктор заметил его первым.

– Ну, как он? – Виктор постарался хотя бы внешне сохранять спокойствие.

– Состояние тяжелое, – уклончиво проговорил врач. – Кровотечение удалось остановить, но потеря крови колоссальная. Нужную группу нашли, сейчас делают переливание. Но хуже другое. Множественные внутренние повреждения, надо готовить его к операции, а он слишком слаб. Просто чудо, что с ним оказался фамильяр. Он давал свою силу и поддерживал защитные знаки, пока графом не смог заняться наш чародей.

– Фамильяр? С ним был фамильяр? – удивился Виктор. – Как он сюда попал?

– Я не знаю, – доктор пожал плечами. – Сами у него спросите, – он указал на диванчики для посетителей у окна.

На одном из них сидел Кузьма.

– Что? – Виктор обалдело перевел взгляд с Кузи обратно на доктора. – С чего вы взяли, что это – фамильяр?!

– Так он сам сказал. Да и кто это еще может быть? И вот это заберите, пожалуйста, – врач протянул небольшой сверток. – Здесь звезда колдуна и жетон Управления. Мы достали, когда срезали одежду.

Виктор почувствовал, что у него голова идет кругом.

– Да-да. Точно. Понятно, – сказал он, забрал сверток и зашагал к уголку посетителей.

Заметив его, Кузьма медленно поднял голову и с трудом сфокусировал взгляд.

– А-а-а… это вы, Виктор Геннадьевич… – По его лицу расплылась совершенно дурацкая и какая-то счастливая улыбка. – А Гермес Аркадьевич как раз велел вам сдаться… – Мальчишка глупо хихикнул и зажал рот ладонью. Он выглядел так, словно был в стельку пьян.

Да какой, к черту, мальчишка. Из-под разорванного ворота залитой кровью рубахи была видна цепь. С очень характерным и хорошо известным Виктору плетением. Он не раз видел такой ошейник у подчиненных Гермесу дивов.

Понимая, что ноги плохо держат, Виктор опустился на диван рядом с дивом.

– Кузя… – медленно проговорил и рассмеялся. – Ты знаешь, а ведь еще даже часа не прошло, как я перестал тебя подозревать.

Кузя повернулся и опять с трудом сфокусировал взгляд.

– А можно… можно ведь сказать, что это я только сейчас? – Он снова захихикал. – Ну вот такой сейчас? А то ведь вас в тюрьму посадят… а, нет. У меня же есть… ой. Я потерял его… – Он принялся вертеть перед глазами свою руку. Она заметно тряслась. А потом посмотрел на Виктора совершенно растерянно: – Потерял… Гермес Аркадьевич заругает…

Див действительно был похож на испуганного, пребывающего в шоке ребенка. Пьяного к тому же. Что с ним? Виктор перевел взгляд на руку Кузи, покрытую коркой крови. И его дыхание перехватило.

– Кузя, – спросил он внезапно севшим голосом, – ты же не фамильяр. Как… как так вышло, что ты не… не съел своего хозяина?

По телу дива прошла крупная дрожь.

– Я… наверное, даже сейчас еще могу… и когда операция… – Из его губ вырвался смешок, и он снова задрожал.

И тут Виктор понял. Див не испуган. И не в шоке. Он сдерживается, причем из последних сил.

Кровь. Он весь залит кровью своего хозяина. Но… как такое вообще возможно? Размышлять было некогда. Виктор выхватил из

кобуры пистолет и приставил к голове Кузьмы.

– Я не знаю, какой вред серебряная пуля может тебе причинить, но будем считать, что сильный. Вставай и иди за мной, быстро.

Див поднялся и вытянул руки.

– Нет. Серебряных наручников у меня нет.

Тут он заметил, что правая рука дива покрыта крупными волдырями. Часть из них лопнула, и кожа свисала лохмотьями. Серебро? Он держал этой рукой серебро?

– Иди туда, – скомандовал он, указывая на дверь с надписью «Уборная».

Кузя послушно двинулся в указанном направлении. Дойдя до двери, Виктор втолкнул его внутрь и огляделся по сторонам: видел ли кто-нибудь эту великолепную сцену? И тут же наткнулся взглядом на стоящего в конце коридора Фетисова. Вид у колдуна был донельзя ошалелый.

Как же он удачно… Виктор махнул рукой, подзывая подчиненного, и сам зашел в уборную.

Кузя стоял посреди помещения и явно не понимал, что ему делать.

Виктор огляделся. В уборной оказалась душевая, видимо, как раз для таких вот измазанных черт-те в чем посетителей.

– Раздевайся, – скомандовал он, продолжая держать дива под прицелом. Он отлично понимал, насколько сейчас глупо выглядит, но очень надеялся, что хоть как-то поможет Кузе продолжить удерживать над собой контроль.

– Иди в душ.

Верхняя губа дива приподнялась, и он зарычал.

Не хочет. Не хочет смывать с себя кровь хозяина.

Виктор шагнул вперед и поднял пистолет:

– Кузя. Возьми себя в руки. В душ, быстро.

Див мгновенно сбросил с себя одежду, шагнул в душевую и включил воду.

И в этот момент дверь открылась и показался Фетисов.

– О господи… это кто?

Он закрыл за собой дверь и уставился на Кузю, поливающего себя водой. По ванне потекли красные ручьи.

– Это див Аверина. – Виктор махнул рукой: – Мне нужна ваша помощь. Я в этом ни черта не понимаю.

Глаза Фетисова стали размером с чайные блюдца, он отшатнулся, наткнулся на стену и выдохнул:

– Он его сожрал… Господи, он сожрал его! – Колдун начал сползать по стенке вниз.

– Степан Алексеевич, возьмите себя в руки, – прикрикнул Виктор. – Никто никого пока не сожрал! Вы мне именно за этим и нужны.

– Да не может быть. Точно сожрал… Иначе как бы он?.. Ох… – Фетисов, не вставая, сунул руку в карман и вытащил круглый плоский прибор, похожий на компас. – Да вы сами посмотрите, – он протянул «компас» Виктору, – он же лопнет сейчас!

Виктор, не выпуская пистолета из рук, боком подошел к Фетисову и взял у него прибор.

Стрелка на экране как бешеная металась между тройкой и шестеркой.

– Это что? Я не понимаю. Уровень?

– Да-а… – застонал Фетисов. – Он его сожрал, понимаете? Демона сожрал. Я не знаю, как такое вообще возможно… Он же был второго класса, когда мы его регистрировали, да? – Фетисов посмотрел на Виктора с некоторой надеждой.

Виктор кивнул. Так вот что имел в виду Кузя, когда сказал: «Такой только сейчас». Аверин поручил Кузе скрывать свой уровень, чтобы Виктора «не посадили в тюрьму». А сейчас Кузя сожрал демона невероятной силы, и его уровень резко подрос. Так, ладно. С этим они разберутся позже.

– Это опасно? – спросил он.

– Я не знаю. Но видите, он очень нестабильный. И кровь. Чья это кровь?

– Увы, это кровь его хозяина, Степан Алексеевич. Он сдерживается сейчас. Но я не знаю, сколько еще сможет. Я же говорю: я ни черта в этом не понимаю.

– Ох… – еще раз проговорил Фетисов и поднялся на ноги. – Да уберите же пистолет, он тут вообще бесполезен. Его надо срочно в клетку. В Управление. Нашу он разнесет.

– Черт, – Виктор стукнул кулаком по стене. – Что же делать? Мы же не можем везти его через полгорода – сами говорите, что он нестабилен. Что это значит, кстати? Он может напасть? Или что?

– Да откуда же я знаю… – Фетисов развел руками, – я такого в жизни не видел.

– Все… вроде… – тем временем сказал Кузя. – Я же отмылся, да? – Его голос звучал значительно спокойнее и увереннее.

– Стой! – воскликнул Фетисов и вытянул вперед руку с зажатой в ней серебряной звездой. – Стой там, не выходи. И воду не выключай!

– А, хорошо, – послушно ответил Кузя.

– Это зачем?

– Тихо… он от воды энергию теряет, вот смотрите.

Фетисов показал прибор. Стрелка скакала уже менее интенсивно, теперь между тройкой и пятеркой.

– Это очень хорошо. Теперь нам надо как-то сделать, чтобы он не смог сожрать Гермеса Аркадьевича. Вы прямо сейчас что-нибудь можете придумать? Взять над ним временный контроль, например?

Фетисов задумался на секунду:

– Если бы у меня был талисман Владения его сиятельства, я бы попробовал его взломать. Хотя не уверен, получится ли в таких… условиях, – он обвел рукой уборную.

Виктор вспомнил про сверток, достал его и развернул.

– Тут есть его звезда. И жетон этот дурацкий, который ему Управление выдало. Талисмана владения, к сожалению, нет.

– Стойте! – Фетисов схватил жетон и начал его вертеть в руке. По его лбу поползли морщины. Он долго молчал, тер подбородок, потом нос и наконец сказал: – Я не знаю, получится ли, но могу попробовать.

– Попробовать что?

– Привязать этого… дополнительно к жетону. Жетон именной, только на нем еще нет крови Гермеса Аркадьевича. Мне будет нужна кровь. И еще для того, чтобы знаки начертить.

– Этого хватит? – Виктор указал на ворох окровавленной одежды.

– Думаю, да. Потом не с талисмана, а с жетона я могу попытаться взять временный контроль. Часа на два должно получиться. Если он не будет сопротивляться.

– Кузя, – окликнул дива Виктор, – ты не будешь сопротивляться?

– Не-а! – раздалось из душа. – А можно уже воду выключить, она холодная! И очень мокрая!

Виктор вздохнул. Парню, похоже, существенно полегчало.

Глава 13

Первое, что он увидел, открыв глаза, был кот. Полосатый кот со странной мордой и длинными усами. Один глаз кота был зеленым, второй – голубым.

Аверин моргнул.

– Брысь… – сказал он. Точнее, попытался, но из его рта вырвалось только: – …с-с-сь-сь.

Он снова моргнул. Кот исчез.

– Ваше сиятельство, вы очнулись!

Анонимус. Это его голос. Аверин попытался повернуться, но правое плечо пронзила боль.

– Пожалуйста, не двигайтесь. – Анонимус наклонился и, приподняв его голову, поднес к губам стакан с водой.

Пить! Как же хотелось пить!

Он судорожно глотнул, чуть не подавившись, и принялся жадно пить, пока стакан не опустел. Анонимус убрал стакан и подал большую кружку. Из нее пахло куриным бульоном.

Аверин сделал глоток. Потом долго смотрел на фамильяра и в конце концов задал вопрос, который сейчас волновал его больше всего:

– Анонимус, я сдал?

– Что сдали, ваше сиятельство? – спросил див, не убирая кружку.

– Экзамен. Выпускной экзамен.

– Конечно. Сдали на «отлично». Вам надо поесть.

– А, очень хорошо.

Этот ответ его совершенно успокоил. Он послушно выпил бульон и понял, что глаза закрываются.

– Я немного посплю, – тихо проговорил он и провалился в сон.

– Почему этого не могу сделать я? Я даже какао умею варить!

Голос был очень знакомым. Но никак не получалось вспомнить…

– Я кормил его кашей с ложечки еще в детстве. И определенно, лучше знаю, как выхаживать больных.

А это голос Анонимуса.

Хлопнула дверь. Аверин повернул голову. Анонимус переставлял какие-то миски и чашки с подноса на прикроватный столик.

– Вы проснулись? – повернувшись, спросил он.

От мисок пахло вкусно, в животе заурчало.

– Да. А теперь дай мне быстрее поесть.

Анонимус осторожно подсунул руку ему под спину, поднял и, обложив подушками, усадил на кровати. Поднес на вытянутой руке миску с кашей.

Аверин попробовал пошевелить правой рукой. И не почувствовал ее. Он скосил глаза и увидел, что все плечо закрывает гипс. Пошевелил левой, и она оказалась если не в порядке, то как минимум на месте. С трудом вытащив руку из-под одеяла, он откинул его и увидел свою правую руку, полностью закованную в гипсовую повязку. И облегченно выдохнул.

– Анонимус, дай мне ложку.

– Да, ваше сиятельство.

Как только ложка оказалась в руке, Аверин принялся за еду. Каша оказалась просто невообразимо вкусной, он съел все без остатка.

– А есть еще?

– К сожалению, вам больше нельзя. Вот, есть компот из шиповника. Он очень полезен при потере крови.

– Отлично, давай. Много я потерял?

– Очень. – Анонимус протянул кружку. Компот Аверин тоже выпил залпом.

– А чей это был голос? – спросил он. – Вы спорили.

– Это был Кузя, ваше сиятельство.

– Кузя… Кузя! – Аверин попытался вскочить, но все тело пронзила боль. Анонимус стремительно рванулся к нему и осторожно прижал к кровати, не позволяя подняться.

– Вам нельзя. Еще рано, врач категорически запретил.

– Кузя. Где он? Что с ним, он жив?

Аверин понял, что последний вопрос был дурацким. Конечно, див жив. Иначе как бы он слышал его голос? Но… тогда почему жив он сам?

– Да, ваше сиятельство. Но он несколько изменился. Вам сейчас нельзя волноваться. Отдыхайте. – Анонимус собрал пустую посуду на поднос и пошел к выходу.

– Анонимус, отвечай. Где он? Я могу с ним поговорить?

Фамильяр обернулся:

– Конечно. Как только доктор разрешит вам посещения.

Он поклонился и вышел за дверь.

Аверин остался полулежать на подушках.

Как же так? Что произошло?

В памяти кусками всплывали эпизоды произошедших событий. Вот он у Анастасии, в бокале красное вино. Вот дорога, пустая телефонная будка. Кузя, нанизанный на копье.

Перекошенное лицо демона.

Огромная серебристая лапа с головой, насаженной на коготь.

Почему он жив? Почему Кузя его не сожрал? Неужели его успели остановить? Но кто? И самое главное, как?..

Аверин почувствовал, что смертельно устал. Слегка пошевелив головой, он устроился поудобнее и снова заснул.

В следующий раз он проснулся от того, что в окно светило солнце.

– Доброе утро, ваше сиятельство. Если хотите, я задерну шторы. – Анонимус поднялся со стула возле окна и шагнул к кровати.

– Нет, лучше дай мне поесть.

– Как вы себя чувствуете?

– Отлично.

Он попытался сесть. Анонимус подставил руку, помогая, но в целом у него получилось самостоятельно.

На кровати появился низкий столик с завтраком. И этот завтрак выглядел как полноценная еда.

Расправившись с ней, Аверин посмотрел на Анонимуса:

– Ну как, посещения уже разрешены?

– Да, ваше сиятельство. Но если вы устанете, немедленно говорите.

– Хорошо, мой дорогой Цербер, я тебе сразу доложу.

– Что? – На лице Анонимуса появилось удивление.

– Ничего. Это я так шучу.

Анонимус вышел, и сразу же дверь снова распахнулась и влетел Кузя.

– Гермес Аркадьевич! Вы хорошо себя чувствуете?

Див бросился к нему и грохнулся на колени возле кровати, сложив руки на одеяле.

– Этот ваш… не пускает меня! Я три дня уже под дверью торчу. А мне можно уже, вам последнюю операцию сделали почти неделю назад.

– Неделю? Выходит, я здесь уже неделю?

– Не-а. Две с половиной. Сначала вы лежали в реанимации. Потом вам сначала одну операцию сделали, потом еще одну. Сказали, что, если все будет хорошо, вас выпишут через несколько дней.

Кузя поднял голову и улыбнулся. Но Аверин смотрел не на его лицо, а на золотого двуглавого орла на его шее. Что ж… не такой уж плохой конец у этой истории, если разобраться. Но почему-то стало грустно.

Додумать эту мысль он не успел. Дверь снова открылась, и в палату вошел Виктор. И на его лице улыбки не было.

– Кузя, выйди. Мне нужно поговорить с Гермесом Аркадьевичем. Доктор сказал, что уже можно.

– Ну, Виктор Геннадьевич!

– Кузя, вышел, – проговорил Виктор тоном, не терпящим возражений.

– Ладно. – Кузя встал и поплелся к двери.

А Виктор зашел и присел на стул возле кровати.

Некоторое время оба молчали.

– Как вы? – спросил Виктор.

– Жив, как видите, – Аверин попытался улыбнуться.

– Да… вижу. – Виктор посмотрел куда-то в сторону. И, видимо, устав от тягостного обмена любезностями, повернулся и посмотрел Аверину в глаза: – Как вы могли… и вы мне еще голову морочили!

Аверин отвел было глаза, но понял, что это выглядит жалко. И оправдываться было бессмысленно, но он все же проговорил:

– Я хотел вам сказать. Пытался даже пару раз. Понимаю, как глупо это звучит, но это была ошибка. И я не знал, как ее исправить.

– Вы про то, что водили меня за нос с Кузей? Я знаю, он мне все рассказал. Вы же сами велели ему сдаться.

– Да… – Аверин все-таки улыбнулся. – Но я не думал, что выживу.

– Именно. А я как раз про это и говорю. Про то, как и почему вы выжили.

Он поднял руку и положил что-то на одеяло. Аверин посмотрел – это было лезвие его кинжала.

– Знаете, что это?

– Конечно, – Аверин протянул здоровую руку и взял лезвие двумя пальцами, – это мой серебряный кинжал. Кузя как-то сумел найти его и вогнать в горло того демона… Впрочем, я уверен, вы это все тоже уже знаете.

– Конечно. А вот вы знаете, что ваш див сжимал эту штуку в руке ровно до тех пор, пока я не приставил к его голове пистолет?

– В руке? Пистолет?.. Я не понимаю…

– А вы подумайте. Вы же колдун.

Аверин нахмурился и еще раз посмотрел на лезвие.

Проклятье… ну конечно же… Выходит, Кузя специально причинял себе боль, сжимая серебряный нож, чтобы…

– Вот же черт… – Аверин бессильно уронил руку на одеяло. Лезвие выскочило из пальцев и упало на пол.

– Помните, что вы мне постоянно говорили? – Виктор повысил голос: – «Они не люди!», «Не очеловечивайте их!», «Все, что они хотят, это сожрать!». Вы хоть сами себе верили? И после всех этих разумных слов что вы сделали? В одиночку рванули сломя голову к дому Хмельницких, чтобы отдать жизнь за «не человека»! Никогда не поверю, что в этот момент вы думали о кучке пьяных анархистов! Нет, вы были готовы погибнуть, спасая своего дива! А когда я нашел парня в больнице, его трясло так, что под ним диван ходуном ходил. Он был весь в вашей крови! И знаете, чего он боялся больше всего? Что сорвется. Я, дурень, еще пистолет на него наставлял, вспомнил, что вы говорили про опасность для жизни. Да только Фетисов меня потом просветил. Гермес, когда я его увидел рядом с вами, там, возле особняка, он дыру в вашей ноге рукой зажимал. Он наврал в «Скорой», что ваш фамильяр, чтобы его пустили и он мог продолжать накачивать вас своей энергией. Вы выжили только благодаря ему. «Не человеку». Но знаете, я бы так не злился, мы все ошибаемся, даже в самых близких. Но вы – мой лучший друг. Неужели вы подумали, что я бы вас не понял? Не понял, почему вы не хотите отдавать мальчонку Булгакову?!

Аверин отвел взгляд. Он понятия не имел, как ответить. Мысли метались из стороны в сторону, собрать их в единое целое не

удавалось.

– Все равно пришлось… – тихо проговорил он.

– А что было делать? В вашей вене торчала игла с чьей-то кровью. Вам предстояло еще две в лучшем случае операции, наша клетка в участке не выдержит дива первого класса. А от вашей у нас не было ключа. Отвезти его в Управление было единственным выходом. Не волнуйтесь, Фетисов подтвердил, что на момент регистрации ваш див был вторым классом.

– Спасибо… Я… я видел орла. Я могу с ним поговорить?

– Конечно, я сказал все, что хотел. Честь имею.

Он встал и вышел из палаты.

И тут же туда вновь влетел сине-красный вихрь. Устроившись на прежнем месте у кровати, Кузя радостно затараторил:

– А вы знаете, что у меня теперь четвертый уровень? Даже больше. Почти пятый! Половина дивов Управления слабее меня! Представляете?

– Представляю, Кузя. – Аверин улыбнулся. – Как тебе вообще… в Управлении?

– Так себе, – Кузя скривился, – комнаты у них в общежитии крохотные, вот такие всего, – он развел руки в стороны. – Кровать, стол, стул и маленький шкафчик. И все. Даже телевизора нету. В стены встроены серебряные решетки. В двери тоже. Так не видно, но хорошо ощущается. Но со временем привыкаешь, конечно.

– Получается, это натуральная тюрьма?

Сам Аверин никогда не бывал в корпусе Управления, где содержали дивов, и таких подробностей не знал. Что же… в средствах Управление действительно не ограничено.

– Не. Там можно свободно входить и выходить. Меня запирали всего три раза, в первые дни, а потом еще на время операций. Но я хорошо себя вел, на стены не кидался.

– Молодец, – сказал Аверин. Ему стало совсем неловко. – Нет, правда, ты большой молодец.

– Да ладно, – отмахнулся Кузя, – я же не идиот, я же знаю, что там везде серебро. Зато еду приносят прямо в комнату. Правда, это бурда какая-то, сытная, но совсем невкусная, мешанина каши, мяса и овощей, – он наморщил нос.

Серебро…

– Кузя, покажи руку, – попросил Аверин. – Ту, в которой ты серебро держал.

– А, да отлично все, – див вытянул руку и раскрыл ладонь. По ней пролегли две глубокие белые бороздки – видимо, в эти места упирались острые края лезвия.

– Зато оказалось, что Владимир умеет быть нестрашным, он мне там все показывал и объяснял правила.

«Конечно, нестрашный. Ты же теперь ненамного слабее его». Надо было по-настоящему поблагодарить Кузю. Но сейчас подобрать правильные слова у Аверина никак не получалось. А потом? Будет ли потом возможность хотя бы поговорить с ним?

Див словно услышал его мысли.

– Гермес Аркадьевич, – сказал он жалобно, – ну когда мы уже домой поедем… так домой хочу.

– Кузя… – В горле застрял колючий противный ком. Див не понимает, что «домой» он уже не поедет никогда. Наверное, думает, что хозяин выйдет из больницы и его заберет.

– Кузя… – Он прокашлялся и продолжил: – Скажи, а кого поставили твоим хозяином?

У него были знакомые колдуны в Управлении. Даже двое однокурсников. Не друзья, но все-таки. Неплохие люди. Хорошо бы, если бы Кузю отдали кому-то из них. Если нет, то через год можно будет договориться.

Кузя округлил глаза:

– Вы шутите, Гермес Аркадьевич? Да?

– Шучу? – он непонимающе посмотрел на дива.

Тот ответил не менее удивленным взглядом. И полез в карман.

– Так вот же, – он протянул жетон Управления, – вас же! Кого же еще?

Аверин схватил жетон и поднес к глазам. Жетон был активирован, на нем стояла отметка о привязанном к нему диве. Аверин перевел взгляд на шею Кузи и чуть не застонал. Ну конечно! Ослепленный «сиянием орла», он не обратил внимания на то, что сам ошейник не изменился. Это был его ошейник. Да и одежда на диве – синяя рубашка с оранжевым кушаком и красные штаны. Кто бы разрешил сотруднику Управления одеться подобным образом?

– Разве Виктор Геннадьевич вам не сказал? Они с колдуном Фетисовым меня привязали. Вот прямо тут, в уборной, – он указал на дверь.

Аверин во все глаза смотрел на Кузю.

– Нет… – медленно проговорил он, – Виктор Геннадьевич мне… ничего не сказал.

До вечера Кузя сидел в палате. За это время Аверин успел узнать, как зовут самых сильных дивов в Управлении и кто у них там главный, как выглядит жена князя Булгакова и, самое важное, где, сколько раз и кому Кузя в красках и подробностях поведал историю, как он, «схватив когтями серебряный кинжал, вонзил его в горло демона, а клыками вцепился в плечо».

Допрашивали Кузю не единожды. И допрашивали колдуны. Но див сумел виртуозно обойти все подводные камни и не выдал секрет. Если не будет проведено более подробное расследование, то Виктор и Фетисов в безопасности. А на крайний случай есть еще легенда про амулет.

– Кстати, а где амулет маскировки? – поинтересовался Аверин. Может, его нашел кто-то и тоже отдал Кузе на хранение?

Кузя потупился.

– Потерял… Я его с руки сорвал, чтобы изменить форму и сбежать. Но не успел. Этот демон очень быстрый. Был. Я потом искал, но ничего не нашел. Там столько народу потопталось…

– Ну что ты, не расстраивайся. Думаю, Анонимус тебя простит. Он уверен, что ты его носил для моей защиты.

В дверь постучали.

– Да, заходите, – отозвался Аверин.

Дверь открылась, и на пороге появилась Маргарита, в белом халате и с объемистой корзиной в руках.

– Ой, добрый день, Кузьма, ты уже тут как тут. – Она поставила корзину на столик и всплеснула руками: – Гермес Аркадьевич, да что же это… кожа да кости, вас что, вообще тут не кормят?

– Извини, Маргарита, мне почти ничего нельзя. Как тебя пропустили-то с этой корзиной?

– Ах, – заулыбалась она, – ваш врач… или он медбрат? Ну, такой импозантный мужчина дежурит возле вашей палаты, он все тщательно

проверил и разрешил занести только то, что вам можно. Вот, смотрите, – она начала выкладывать судочки и горшочки. – Вот тут паштет из вареной куриной грудки. Это вот варенец, я с него сняла сливки, он не жирный, а это вот постные лепешки. Фрукты вам пока нельзя, сказали. Но ничего, Кузьма их съест, правда?

– Ага! – Глаза Кузи загорелись.

– Конечно, съест. Вот уж кто точно оголодал на казенных харчах в своем… училище.

– Ох, – грустно вздохнула Маргарита. – У меня же плохая новость. Кузечка, котик наш, пропал. Так что теперь ты у нас один Кузьма остался.

– Пропал?

Конечно, не мог же Кузя бегать из Управления домой специально, чтобы Маргарита не волновалась.

– Не беспокойся, Маргарита, сестры говорили, что здесь какой-то кот шастает. Может, он меня нашел?

– Ах, как было бы хорошо, – она вздохнула, – а то я заходила каждый день, звала, еду оставляла. Не пришел.

– Ладно, я пойду, да? – Кузя встал. – Мне еще заниматься надо. Где вы оставили фрукты, тетенька?

– Так тут же и оставила, на столике возле палаты. Ты спроси доктора.

– О, конечно же. Я обязательно попрошу дяденьку доктора отдать мне фрукты, – Кузя показал зубы.

Ох… Быть теперь Анонимусу «дяденькой доктором», хорошо если не до конца своих лет.

– Давайте я вам помогу, – предложила Маргарита.

– Давай. Вот варенец мне дай и, наверное, намажь лепешки паштетом. У тебя там нож есть?

– Конечно, – с несколько обиженным видом изрекла Маргарита, – и нож, и ложка, и вилка! Сейчас.

Варенец оказался невероятно вкусным, как и лепешки с паштетом. Маргарита обладала даром приготовить вкусную еду даже без соли и специй. А может быть, Аверин просто истосковался по домашней стряпне. Ну или по еде вообще. Поев, он понял, что хочет спать.

Поблагодарив Маргариту, он попросил ее идти домой.

– Конечно, отдыхайте, Гермес Аркадьевич. – Она принялась собирать посуду в корзину.

В это время открылась дверь и в палату неспешно вошел кот.

Маргарита оглянулась.

– Кузя! – радостно воскликнула она и всплеснула руками.

– Мя-а-а, – ответил кот и, деловито запрыгнув на кровать, лег колдуну на грудь.

Аверин вытащил левую руку из-под одеяла и неуверенно почесал кота между ушами.

Глава 14

Говорят, дома и стены помогают. Самое время было проверить эту народную мудрость.

Аверин, опираясь на трость, с трудом поднялся на крыльцо и осмотрелся.

Листья уже пожелтели, и хотя солнце только начинало клониться к закату, было довольно прохладно.

Кузя стоял рядом, готовый в любой момент поддержать.

Эх… если ранения помогли залечить хорошие чародеи, то физическую форму чародейством не вернешь.

– Завтра пойдем на пробежку, – сказал он Кузе.

– На пробежку? Вы? Это как?

Аверин улыбнулся:

– Пройдемся вокруг дома. Боюсь, самостоятельно я с этой задачей не справлюсь.

– Ага. – Кузя открыл дверь, и Аверин, стуча тростью, похромал в дом.

Ужин уже был на столе. Аверин прошел по гостиной, подошел к креслу и взялся было за спинку, намереваясь сесть, как вдруг услышал шум в прихожей. Он обернулся и увидел, как, отшвырнув в сторону пытающегося остановить ее Кузю, в дом влетела Анастасия. Огляделась и быстрым шагом направилась к колдуну. И залепила звонкую пощечину.

– Что… – начал было Аверин, но договорить не успел. Анастасия схватила его за шею и прижалась губами к его губам.

– Ой-ой-ой… ничего себе. – Маргарита выглянула из кухни. – Ой, а я как раз домой уже собиралась, точно-точно, мне уже пора домой.

Она подхватила сумочку и скрылась в прихожей.

Аверину с трудом, но удалось освободиться.

– Что ты себе позволяешь?! – Он отшатнулся, потерял равновесие и покачнулся, но тут же был подхвачен с двух сторон.

– Я, пожалуй, тоже к себе пойду, а то вдруг любовные утехи случатся, – во весь рот ухмыльнулся Кузя, сцапал со стола кулебяку и скрылся.

– И что же вы сделаете сейчас, господин колдун? – спросила Анастасия, когда они остались одни. – Опять меня свяжете?

Он покосился на ее руку, удерживающую его за левое плечо.

– Два раза я не повторяюсь. Ты пришла за продолжением?

– Нет. Я пришла спросить. Почему вы не позвали меня?! Каким самонадеянным идиотом надо быть, чтобы броситься в логово Григора в одиночку!

Аверин свел брови к переносице. А ведь действительно… почему он не позвал Анастасию?

– Я не успел об этом подумать… Анастасия, или отпусти меня, или помоги сесть. Мне трудно стоять.

– Конечно. – Она придержала его за руку, пока он усаживался в кресло.

– Садись, – он махнул рукой, – угощайся, если хочешь.

– Как странно… до меня доходили слухи, что в этом доме дивам нельзя садиться за один стол с хозяином.

– Я изменил правила. – Он указал на стул: – Садись. Я не только не подумал. Я еще и Триглав у тебя на трюмо забыл.

– Извините, ваше сиятельство, его я не принесла. Придется вам снова прийти ко мне в гости.

Она рассмеялась.

– Ты тогда исчезла. И сразу позвонил Кузя. Его схватили. Времени искать тебя не было, я чувствовал, что с ним беда, и помчался.

– Это был Григор. Так его звали в те времена, когда мы были знакомы. Он напугал моих дивов, сделал несколько кругов над домом. Но напасть все же не решился. Видимо, почуял колдуна.

– Наверное, он решил, что ты позвала на помощь своего колдуна. Но… раз ты его знала, расскажи мне про него. Григор кричал, что он и есть Влад Цепеш. Что он сожрал Цепеша и правил Валахией. Это правда? Или его воспоминания перепутались в Пустоши?

– Бедняга Григор, – ее губы тронула улыбка. – Его разум помутился. Влад Цепеш казнил его хозяина. А его самого отправил в Пустошь.

– Что? – Аверин подался было вперед, но с легким стоном схватился за загипсованную руку. – Анастасия, ты же сказала, что Цепеш и был его хозяином?

– Я? – удивилась Анастасия. – Нет, я такого не говорила. Григор был дивом Владислава, господаря Валахии. А Влад Цепеш был моим хозяином. Он завоевал Валахию, пленил Владислава и приказал посадить его на кол. А Григор больше суток сидел, закованный в серебряные цепи, рядом со своим истекающим кровью хозяином. Сначала это была пытка, но потом про него просто забыли. А когда он попался на глаза – выкинули в Пустошь. Тогда-то Григор меня и запомнил.

«Ты будешь умирать так же, как мой хозяин, которого ты убил!»

– Выходит… этот див, в помутнении разума, принял меня за Влада Цепеша? Не знаю даже, комплимент это или оскорбление, – рассмеялся Аверин. – И как? Я на него похож?

– Не знаю… – Анастасия ненадолго задумалась. – Нет, – сказала она, – вы добрый человек. А тот был очень жестоким. И никому не доверял. Даже дивов всегда держал таких, с которыми мог расправиться в одиночку. У него было много дивов, как я. Мы очень его боялись.

– Удивительно изучать историю Цепеша в Академии, а потом услышать ее от тебя, видевшую все вживую.

Он внезапно нахмурился и посмотрел на Анастасию с подозрением. И спросил осторожно:

– Анастасия… а почему из всех дивов Цепеша Григор запомнил именно тебя?

– Видимо, потому, что это я осуществляла казнь Владислава.

– Ты? Серьезно? Ты посадила на кол господаря Валахии по приказу Влада Цепеша?

Она кивнула:

– Влад Цепеш чаще всего использовал для вызова жертву, посаженную на кол. Тяжелые страдания позволяли призывать сильных дивов. Но для того чтобы жертва не умерла раньше времени, требовались сила и мастерство. Поэтому почти всегда казнь выполняли дивы. Кол нужно ввести аккуратно и правильно, чтобы, проколов тело полностью, он не задел сердце и не вызвал преждевременную смерть.

– Точно! – Аверин всплеснул руками. Он понял, что случилось в деревне Колтуши. – Спасибо, Анастасия. Ты мне очень помогла. Давай

все же поедим и выпьем чаю. У меня от твоих рассказов в горле пересохло.

Анастасия ушла, когда время уже подходило к полуночи. Аверин встал, осторожно прошелся по дому, вдыхая знакомые запахи и заново привыкая к почти забытым в больнице ощущениям. Все-таки дом – это дом. Василь предлагал поехать из больницы в поместье, уверяя, что там брат получит гораздо лучший уход. И вообще – там лес, озеро и все, что нужно для реабилитации. Но Аверин отказался, по крайней мере прямо сейчас. Ему больше всего хотелось вернуться домой, к делам. Да, очередную охоту на демона он сейчас не потянет, но у него есть Кузя. Поэтому за некоторые дела все же можно будет взяться. Все операции и пребывание в больнице оплатило Управление, и накопления у него были, но это не повод предаваться безделью.

По гостиной неслышной тенью скользнул Кузя и скрылся на кухне.

– Я не сплю, – Аверин отошел от окна.

– Ой, – Кузя высунулся из-за двери, освещенный полоской света из холодильника. – А почему тогда свет выключен? Я думал, вы уже легли.

– Самому мне не справиться.

Аверин нащупал трость и двинулся к креслу, но Кузя подхватил его под руку.

– Давайте помогу. Или вас отвести в спальню? Точно, вы же, наверное, не сможете переодеться. Вот я дурак, – он хлопнул себя по лбу.

– Сначала мне надо будет умыться. Надеюсь, Маргарита все приготовила. Эх, Кузя, ты просто не представляешь, как отвратительно быть беспомощным.

Он опустился в кресло. Надо же, круг по дому, а он уже так ужасно устал. Но спать пока совершенно не хотелось.

– Кузя, а сделай мне какао? Ты всем хвастался, что умеешь.

– Ага, сейчас.

На кухне загорелся свет. Раздались булькающие звуки, а за ними – глухой удар. И тут же Аверин услышал, как Кузя что-то лакает.

– Кузя! Люди не облизывают пол! Возьми тряпку.

Звук прекратился. И через секунду раздался голос Кузи:

– Так я это, в кошачьей форме! Ну молоко же!

– Все равно. Сделай лучше какао и себе. И зефир принеси.

– Ага.

Аверин понимал, что дальше оттягивать разговор с Кузей нельзя. Див вел себя как ни в чем не бывало, но тоже старался избегать главной темы. О драке знал уже почти весь город, начиная с князя Булгакова и заканчивая Анастасией, к которой, как оказалось, Кузя наведывался регулярно. Но о самом главном он не упоминал, а Аверин почему-то все не мог собраться спросить.

– Может, свет включить? – Кузя появился с двумя кружками и пачкой зефира под мышкой.

– Не нужно. У меня глаза устали. Того, что падает из кухни, достаточно. Садись, – Аверин указал на место за столом напротив.

– Ага.

Кузя подвинул стул, и колдуну показалось, что глаза дива странно сверкнули.

– Кузя, – решился Аверин, – мне нужно с тобой поговорить.

– Ага, – сказал Кузя, и его лицо, освещенное падающим из кухни светом, вдруг стало серьезным и совершенно взрослым. – Мне тоже.

– Хорошо. Тогда давай не будем ходить вокруг да около. Скажи, почему ты меня не сожрал?

Глаза Кузи снова сверкнули, и зрачки стали вертикальными. Он оскалил зубы, обнажив внезапно отросшие клыки, и произнес гортанным низким голосом:

– А что мешает мне это сделать сейчас?!

– Ошейник, высший приоритет. Ну и немного моя левая, вполне дееспособная рука.

На лицо Кузи вернулось нормальное выражение, он запрокинул голову и рассмеялся.

И Аверин вдруг почувствовал легкость. Как будто напряжение, что было между ними, рассеялось.

– Расскажи мне, я очень хочу понять, – попросил он.

Кузя перестал смеяться и задумался.

– Потому же, почему Анастасия не сожрала Алешу. Она этого очень не хотела. И я не хотел.

– Ты сравниваешь несравнимые вещи. Анастасия – фамильяр с огромным стажем. И в момент аварии она была далеко. А с тобой я

работаю совсем недавно, и ты выпил мою кровь. Я в жизни не слышал, чтобы после этого див мог остановиться. Да, просто почуяв кровь, очень сильный и умный див еще может сдержаться из страха или каких-то других соображений. Но, попробовав кровь хозяина, див полностью теряет рассудок. Даже фамильяр высокого уровня.

– Да, Анастасия мне то же самое сказала. Мы много думали. И именно об этом я хотел поговорить.

– Так почему? И как?

Кузя вздохнул:

– Насчет почему – это же совсем просто. Вы обалденный.

– Да? Вот спасибо…

– Ага. Я такой яркой и веселой жизнью никогда не жил. Расследовать преступления, ловить отравителей и взбесившихся дивов… наши тренировки… А бой с демоном! Как важно действовать сообща! По одному он бы нас порвал. Но вместе – какой результат! Даже не верится! Все так, как вы и говорили тогда Владимиру и его колдуну. А что бы было, если бы я вас сожрал? Ничего бы этого больше не было.

Аверин глотнул остывающее какао и заметил, что Кузя так и не тронул зефир. Совсем на него не похоже. Див нервничает.

– Ладно. А теперь расскажи, как тебе это удалось.

Кузя опустил глаза и принялся изучать свои пальцы. Потом снова посмотрел на колдуна.

– Я не знаю, – тихо проговорил он. – Я сам этого не знаю. Но очень, очень хочу понять. И я хотел с вами поговорить о том, что мне сейчас важнее всего, наверное.

– Что же это, Кузя?

Див поднял голову и выпрямил спину. В слабом свете блеснул орел на его шее.

– Я хочу быть свободным, Гермес Аркадьевич, – тихо, но твердо проговорил он.

– Ты хочешь, чтобы я снял с тебя ошейник?

– Нет, дело не в ошейнике. Пусть с ним, с этим ошейником, мне он не очень-то и мешает. Я… понимаете, я хочу освободиться сам и освободить всех дивов.

– От колдунов, как те анархисты? – улыбнулся Аверин, но тут же, взглянув на Кузю, стал серьезен.

– Нет, от жажды крови. Я и к Анастасии бегал в тот день: хотел у нее спросить, как она справилась. Помните, вы объясняли, почему наши виды не могут нормально сосуществовать. Но вот же, Анастасия справилась. И я. Главное, понять, как это работает. Вы мне поможете?

– Я понял, Кузя. Значит, ты хочешь, чтобы я помог тебе в этом разобраться?

– Конечно! Вы же колдун. Ну, если вы захотите, конечно.

– Конечно, я захочу, – слегка передразнил его Аверин. – Я же тебе сказал: мне очень важно это понять. Не только «почему», но и «как». Знаешь, давай ты сейчас поешь зефир, выпьешь какао, а потом подробно мне все расскажешь. Что ты думал в тот момент, что чувствовал.

– Ага, – обрадованно воскликнул Кузя и схватил зефирину.

С поздним ужином было покончено. Кузя сделал последний глоток из кружки и сразу же заговорил:

– Когда он напал на вас, я понял, что одному вам не справиться. Но я был слишком слаб, чтобы даже освободиться, не то что вам помочь. Потом он забрал свое оружие, и я упал, но двигаться не мог, а он… ранил вас. Когда я почуял запах вашей крови, меня аж вверх подбросило. Я совершенно забыл про боль, мечтал лишь рвать вас и пить вашу кровь. Этот запах, вы не представляете, как он одуряет, но… понимаете, при этом я все равно хотел вас защитить. Поэтому я попытался сосредоточиться на главном приказе и не думать больше ни о чем. И в голове немного прояснилось. Я стал искать возможность справиться с демоном и защитить вас. И все, ни о чем, кроме этого, я себе думать не разрешил.

Запах крови придавал мне сил. Я знал, что кровь сделает меня намного сильнее. Я добрался до нее и сделал вид, что потерял сознание. А когда лежал, увидел ваш кинжал. И тогда понял, что мне делать.

Когда я сделал первый глоток, я вообще сначала все забыл, просто облизывал камни и чуть не грыз их зубами. Не помню, что я думал, чего хотел, но потом в моей руке оказался кинжал. И боль слегка отрезвила меня. Я ощутил, как тот див высвобождается, чтобы вас сожрать, и от этого впал в ярость. Я думал только о том, как его убить, уничтожить, сожрать. А потом… я почти ничего не помню. Только вашу Плеть и мысль: «Нужно использовать связь». И то, как снова

схватил кинжал в руку. И еще, когда пришел Виктор Геннадьевич, я помню, что подумал: «Все. Теперь все будет хорошо».

– Это возле дома Хмельницких? – уточнил Аверин. – Или уже в больнице?

Что же бедняге пришлось пережить… Аверин не мог себе этого представить. Было заметно, что нынешний стройный и связный рассказ – плод многодневных размышлений.

– Там еще. В больнице мне уже было намного легче. Видимо, вам остановили кровь. Я ее на себе все еще чувствовал, но… после… ну, вы понимаете. Намного проще было. А когда Виктор Геннадьевич подошел, я даже кинжал выпустил. А во время обряда, который проводил колдун Фетисов, я уже в ванне чистый сидел. В Управлении сразу лег на кровать и уснул. Даже не помню, как дверь заперли. Мне потом сказали, что я почти двое суток проспал.

– Да, тебе нужна была стабилизация. Все же твой изначальный уровень и то количество энергии, что тебе пришлось поглотить, несопоставимы. Знаешь, возможно, именно это и стало решающим. – Он потер виски.

– Да?

– Похоже на то. Смотри, сожрав того дива, ты оказался переполнен его энергией. Ты был сыт, а вернее, обожрался. И это, вероятно, притупило инстинкт. А еще ты почти все время ухитрялся сохранять осознанность действий. Ты помнил, что хочешь защитить меня, а не сожрать. Ну и серебро. Боль тебя отвлекала и отрезвляла, как Анастасию в ее подвале. Это то, что сразу бросается в глаза из твоего рассказа. Эх… как жаль, что отец погиб так рано…

– Он бы разобрался, да?

– Да, он как раз исследовал поведение дивов. Но и мы с тобой тоже разберемся. Знаешь, не так давно я думал: можно ли тебя накормить так, чтобы ты больше не хотел есть. Так вот, выходит, что можно.

Кузя радостно закивал.

Аверин некоторое время смотрел на него, а потом осторожно встал, опираясь на подлокотник.

– Уже совсем поздно. Пойдем, поможешь мне раздеться и приготовиться ко сну.

– Доброе утро, Виктор Геннадьевич, как я рад вас видеть. – Князь Булгаков даже вышел из-за стола, чтобы пожать руку, но взгляд у главы Управления был напряженным. – С чем пожаловали?

Виктор поклонился, поздоровался и положил на стол объемную папку.

– Я принес вам фотографии, ваша светлость. Ваши люди не успели как следует сфотографировать место преступления по горячим следам, зато мои сотрудники это сделали. Уверен, вам эти фотографии необходимы в архиве.

Князь открыл папку и принялся листать фотографии. Виктор специально положил сверху самые впечатляющие.

Вот фото с пленниками, предназначавшимися для жертвоприношения, снимок сделан как раз на фоне кольев. Вот руки госпожи Хмельницкой, после того как с них срезали веревки, а вот и сами колья и алатырь, крупным планом. Виктор наблюдал за выражением лица Булгакова. И вспоминал, как князь, прибыв на место и увидев круг и колья, осел на землю и схватился за сердце. Виктор даже подумал, что придется и главу Управления отправлять на «Скорой», но Булгаков быстро пришел в себя и даже помогал выносить людей из подвала.

Виктор хорошо его понимал. Сам пришел в ужас, когда представил, что за твари должны были вылезти из этого круга и сколько людей погибло бы, пока их удалось остановить. В том числе и полицейских, и сотрудников Управления.

После такого скандала полетел бы Булгаков с должности. А то и вовсе пошел бы под суд.

И все же Виктор знал, какая у людей короткая память, особенно по части того, кому они обязаны.

Булгаков поднял взгляд от фотографий и посмотрел на Виктора.

– Мы с вами взрослые люди, Виктор Геннадьевич, поэтому просто скажите, чего вы хотите? Управление готово всячески содействовать…

– Что вы, – совершенно искренне ответил Виктор, – я ничего не хочу. Я пришел в надежде, что смогу узнать, как продвигается дело о награждении его сиятельства графа Аверина орденом Святого апостола Андрея Первозванного.

– Ах вот вы о чем, – сразу повеселел Булгаков. – Прекрасно продвигается. Я час назад подписал ходатайство на высочайшее имя,

после обеда посыльный заберет его и доставит в столицу.

– Вы же расписали там все заслуги графа Аверина перед городом и Отечеством? Как профессионально он провел расследование, естественно, при полном содействии Управления, и сумел предотвратить катастрофу?

– Можете не сомневаться. Граф Аверин хоть и внештатный сотрудник Управления, но тем не менее вы же знаете, как мы печемся о своих людях. Мы полностью оплатили лечение.

– И реабилитацию, в течение года, ведь именно столько он будет считаться вашим временным сотрудником, так?

– Ну конечно. Вы изволите сомневаться?

– Никак нет, ваша светлость. Я просто хотел узнать, как продвигаются дела. Согласитесь, такая беда нас стороной обошла, что у меня даже слов нет. Честно признаюсь, я тем вечером напился так, что меня жена от порога до кровати волоком тащила.

– Ох. – Булгаков, решив, что опасный разговор закончен, вернулся в свое кресло. – И не говорите. Я не пил, конечно, ну, кроме сердечных капель, но все равно струхнул знатно. Как здоровье графа, кстати? Вы же его регулярно навещаете.

– Стабильное. К сожалению, пока к нему не допускают посетителей, но риск для жизни уже миновал. Самое время подумать о награждении, согласитесь?

– Без сомнений, без малейших сомнений.

– А, ой, чуть не забыл, – улыбнулся Виктор, и Булгаков снова напрягся. Виктор положил на стол еще одну папку.

– Я тут составил прошение о награждении нашего колдуна Фетисова «Станиславом» третьей степени. В конце концов, он оказал неоценимую помощь в обеспечении безопасности при транспортировке к вам дива графа Аверина. Не подпишете ли?

– О, конечно, ваш Фетисов – милейший человек. Давайте, я немедленно подпишу. – Лицо Булгакова стало таким счастливым и умиротворенным, что Виктору захотелось засмеяться.

Глава 15

…Зато Аверин смеялся от души.

– Серьезно, чья была идея с орденом? Ваша?

Кузя, не особенно понявший, что так развесило его хозяина, тем не менее несколько раз хихикнул.

– Фетисова. Я и не знал о том, какие возможности…

– Тс, – Аверин приложил палец к губам, – пока не будем загадывать.

– А вот и будем! – Виктор весьма фальшиво напел бравурный марш и вытащил из портфеля гербовую бумагу. – Сегодня пришел ответ. Как только ваше состояние здоровья позволит, вы немедленно должны отправиться в Омск для вручения награды. Вам со дня на день придет приглашение.

– Вас наградят орденом, да? – обрадовался Кузя и даже вскочил. – И вы полетите в столицу? А меня? Меня вы возьмете?

– Конечно, – важно произнес Аверин, – кто же меня защищать будет?

– А орден вручит сам Государь Император? А можно на него посмотреть?

– К сожалению, нельзя, Кузя, – расстроил дива Виктор. – На аудиенцию к императору дивы не допускаются, в целях безопасности.

– Жаль… А вы тогда с ним сфотографируетесь и мне покажете, ага?

– Конечно, не только фото. Церемония вручения будет сниматься на кинопленку, я думаю.

– Здорово! – Кузя просиял и вдруг нахмурился: – Гермес Аркадьевич… Если вы сотрудник Управления в течение года, то… значит, через год меня заберут, да? И отдадут кому-нибудь другому, как Владимира? Но я не хочу…

Аверин посмотрел на Виктора и улыбнулся:

– Кузя, идея с орденом просто замечательная не потому, что мне вручат медальку в столице. Андрей Первозванный – старый орден. И по традиции он дает большие привилегии – в том числе право создать

себе фамильяра. Если у колдуна его еще нет, конечно. А у меня его нет. Анонимус принадлежит моему брату.

– Зато у вас есть я, – заулыбался Кузя и вдруг замер и округлил глаза. Его зрачки сжались в ниточки.

– Вы… вы хотите сказать, – произнес он внезапно севшим голосом, – что сделаете меня фамильяром?..

– Именно. Ты абсолютно правильно понял. А чтобы создать фамильяра, нужно долгое время владеть дивом первого класса и установить с ним прочную связь.

– Но я… я тогда… – Кузя явно не мог подобрать слова, только шумно вдыхал и выдыхал носом воздух. – Но у вас даже детей нет! – в конце концов выпалил он.

– Придется начать решать этот вопрос, да, Гермес? – Виктор хлопнул товарища по здоровому плечу.

– А к Гермесу Аркадьевичу опять приходила Анастасия… – хитро прищурившись, проговорил Кузя.

– И… что? – Виктор немного недоуменно посмотрел на него.

– Кузя, по-моему, ты поел и тебе пора учиться, – заметил Гермес, – иди к себе наверх.

Кузя сник.

– Ну да. Я знаю, что вы сейчас будете делать, – с недовольством в голосе пробормотал он.

– И что же? – спросил Виктор.

– Водку пить! – выпалил Кузя. И Виктор подумал, что в этот момент див удивительно похож на его старшего сына. Можно было сколько угодно рассуждать о природе этих существ, но Виктор прекрасно понимал Гермеса, привязавшегося к мальчишке.

– А вам, между прочим, доктор запретил! – продолжил тем временем Кузя.

– Кузя провел больше недели в обществе фамильяра Анонимуса, – со смехом пояснил Аверин. – Набрался у него плохого. Кузя, забирай свой зефир и иди наверх. Завтра утром будет диктант.

– У… – вздохнул Кузя, но послушно схватил вазочку с зефиром и отправился к себе.

– Вам бы жениться. – Виктор проводил Кузю взглядом. – И сына. Ну или хотя бы дочку. Не смейтесь, вы были бы отличным отцом.

– Не травите душу, Виктор, лучше налейте-ка водки. Видите, я калека, у меня всего одна рука.

– …И этой рукой вы забили демона девятого уровня. Теперь я понимаю, как это много. Хотя, провались я в Пустошь, обошелся бы без этого знания.

Виктор наполнил рюмки.

– Кстати, а что за история с этой Анастасией? Я просто обалдел, когда узнал, что она служила Владу Цепешу. А я-то думал… не знаю… – Виктор задумался, попытавшись сформулировать мысль.

– …что она просто бедная женщина, попавшая в беду. И я ей помог из благородных побуждений? Виктор, я… до сих пор не знаю, как мне искупить вину перед вами, но насчет того, что они не люди… они не люди. Анастасия помнит Валахию пятисотлетней давности. Она служила очень известному человеку. И она див восьмого уровня. Таких совсем немного. И все они так или иначе оставили след в истории.

– А сейчас ходят к вам в гости, – Виктор усмехнулся.

– А вы не смейтесь. Давайте выпьем за орден, что ли. Потрясающая идея, мне следует поблагодарить Фетисова.

– А давайте, – Виктор поднял стопку, и они чокнулись.

– С Анастасией все действительно странно. – Аверин выпил залпом и потянулся за ветчиной. – Вы понимаете, она себя ведет, ну натурально, как влюбленная в меня женщина. Сцены не закатывает, но оплеуху мне отвесила. Но дивы не умеют любить.

– Гермес… вы опять за свое. Это уже даже не забавно, – Виктор нахмурился.

– Нет, подождите, – Аверин поднял руку, – я понимаю, о чем вы. Я согласен, возможно, дружба, привязанность, чувство долга даже. Но дивы не испытывают никакого удовольствия от любовных утех. Физически не могут. В этом одно из многих отличий их тел от наших. Им просто незнакомо само понятие плотской любви. Между дивами плотские утехи невозможны. Даже наоборот, они такие вещи… воспринимают как агрессию, как нападение.

На этот раз Виктор сдержать улыбку просто не смог:

– Вы мне сейчас описали примерно треть человеческих женщин.

– Может быть… – Аверин с сомнением покачал головой. – Все же тут что-то не так. Вот поверьте моему чутью.

– Верю, конечно же, верю. Более того, всецело поддерживаю, что роман с чужим фамильяром – это не то, что вам нужно, – он подмигнул. – Вам нужно кому-то передать своего.

– Точно, – Аверин усмехнулся.

– И кстати, – Виктор снова наполнил стопки, – вы же прочитали материалы дела?

– Конечно. Я даже участвовал в допросе подозреваемых. Управление расстаралось. За мной специально прислали машину. Сейчас вам все расскажу.

– Жду с нетерпением.

– Хорошо. Тогда, пожалуй, начну сначала. Вы знаете, что вызов дива – это своего рода лотерея. Можно подобрать жертву таким образом, что на нее придет див определенной силы, но на этом выбор и заканчивается. Никаких других параметров задать нельзя. Этому учат в Академии. Но есть одна теория, так до сих пор и не подтвержденная, но и не опровергнутая. Если при вызове использовать способ, которым любил пользоваться бывший хозяин, можно призвать дива, служившего конкретному колдуну.

– Подождите. Что-то я не понял. Что значит «способ, которым любил пользоваться хозяин»?

– Способ подготовить жертву. Сейчас существует единый протокол, от которого нельзя отступать. Но раньше многие колдуны практиковали собственные способы принесения в жертву. Как почерк. Ведь жертва должна, во-первых, пережить обряд, чтобы вызванный див мог ее сожрать. Во-вторых, должна страдать, чтобы привлечь более сильного дива. И в-третьих – из нее необходимо выпустить много крови. Поэтому колдуны использовали разные ухищрения, чтобы добиться нужного результата. Посадка на кол – лишь один из способов. Так вот. Считается, что если принести жертву особым образом, то див, потерявший память в Пустоши, «узнает хозяина» и придет на зов.

– Серьезно? И это действительно так?

– Понятия не имею. Опыты такого рода уже давно категорически запрещены. Но, как видите, запрет останавливает не всех. Многим льстит вызвать древнего дива, служившего великому колдуну. И прикоснуться к прошлому.

– Вы хотите сказать…

– Именно. Эта девушка, Белицкая, вскружила голову двоим студентам. Она мечтала «освободить рабов». А для этого был нужен сильный див, способный убивать колдунов, в том числе колдунов Управления. Выбор пал на Влада Цепеша, легендарного колдуна, обладавшего сильными дивами и ярким «почерком» вызова.

– Ничего себе, – выдохнул Виктор и разлил еще по одной. – А… вам точно можно?

Аверин кивнул:

– Но только водку. Доктор так и сказал: «Пить вам нельзя, но если все же будете, то только водку».

Виктор рассмеялся.

– Так что же? Они решили повторить… подвиги Цепеша?

– Ушков и Белицкая. Хмельницкий был категорически против, ему претил такой жуткий способ принесения в жертву. Они сильно поссорились. Ехали домой, спорили и ругались. Тогда-то расстроенный Николай и не заметил Любовь Устюгову и сбил ее вместе с детьми. Потом молодые люди узнали историю семьи Устюговых. Николай, убив человека, был в шоке, его терзало чувство вины, и Белицкая убедила его, что во всем виноват местный застройщик: дескать, это он довел семью до того, что женщина с детьми оказалась на дороге. И Дубкова решили покарать. Ушков притворился заказчиком, желающим прибрести дачу, и пару раз встретился с Дубковым. Причем сделал у него заказ на очень крупную сумму. В назначенный день, то есть ночь, Ушков позвонил Дубкову, прикинувшись пьяным. Сказал, что купался с друзьями на «своем будущем озере» и их машина застряла. Просил пустить до утра, пока не найдут трактор. Дубков вышел к ним и тут же получил по голове. А дальше план стремительно пошел наперекосяк. Для начала, никто из горе-колдунов, естественно, не умел сажать на кол. И жертва умерла прямо во время обряда. Вызванный див тут же сожрал обоих незадачливых колдунов, да и сам див оказался не тот, которого они планировали вызвать. Григор – див господаря Владислава. Его хозяина убил Влад Цепеш, посадив на кол. А самого дива пытал, связав серебряными цепями и заставив в течение долгого времени смотреть, как хозяин умирает, не имея возможности ни сожрать того, ни спасти. Думаю, Григор повредился рассудком еще до Пустоши. И ужасная казнь Дубкова привлекла именно его.

Аверин залпом выпил водки.

– Так вот. Сожрав Хмельницкого и Ушкова, демон оставил в живых Белицкую. Помните тот кусочек одежды? Ушлая девица пряталась в кустах, пока жрали ее друзей. Так что сразу он ее просто не заметил, потому что она не обладала колдовской силой. А потом, когда нашел… не исключено, что память колдунов натолкнула его на более интересные мысли. Получив эту память, он назвался Цепешем и решил освобождать дивов из рабства. Правда, и тут все не прошло гладко. Сначала он попытался «освободить» дива из Управления. Но тот и после смерти хозяина продолжал с остервенением атаковать «спасителя». Пришлось его сожрать. Решив попытать счастья с более слабыми дивами, Григор случайно убил вашего Матвея, нарвался сначала на Владимира, а потом и на Инессу и вынужден был спасаться бегством.

В поисках убежища Григор, притворившись Николаем, пришел в дом его родителей, и те, не успев даже понять, что перед ними не их сын, оказались связанными в подвале. Запуганный до полусмерти, Хмельницкий-старший должен был провести обряд вызова.

Жертвами стали бы его жена и прислуга. Пленники были в таком ужасе, что сами подготовили и установили колья. Ну, а дальше вы уже все знаете.

– Чудовищная история… Но я не понимаю одну деталь – зачем было кол с телом Дубкова выставлять к его дому, на обозрение? Это ведь сделал демон?

– Не знаю. Но подозреваю, что это была своего рода последняя воля Николая Хмельницкого.

– Значит, сожрав человека, див сохраняет в себе часть его личности? То есть… Гермес, они едят наши души? – Виктор, обнаружив пустые стопки, снова налил.

– Не знаю. Вот честно, не знаю. Но ничего, если вам суждено пережить меня, спросите об этом у Кузи.

Они рассмеялись, и стопки звякнули друг об друга.

Утром Аверин чувствовал себя на удивление легко и хорошо. Впрочем, выпили они с Виктором немного, а мысль, что друг совершенно не держит на него обиды, очень грела душу.

Как и мысль о том, что Кузю не придется никуда отдавать. После «пробежки» и завтрака он устроил обещанный диктант, и Кузя написал его без единой ошибки.

– Можно мне к Анастасии? – довольный результатом, спросил див.

– Похвастаться, что ты станешь фамильяром? – рассмеялся Аверин.

Они сидели на веранде, и желтые листья медленно падали на ступеньки.

– Ага, – Кузя просиял. – Это же обалденно круто!

– Ты что же, так и мечтаешь меня сожрать?

Кузя посмотрел исподлобья:

– Ну конечно. Вы же понимаете, что это совсем другое!

– Ладно, беги, хвастайся, – он махнул рукой.

Как только за Кузей закрылась калитка, на веранду вышла Маргарита и тоже посмотрела Кузе вслед.

– Могли бы мне и сказать, – слегка насупившись, проговорила она. – Я же не дура. Я все понимаю.

– А? Ты о чем?

– Да о Кузьме, конечно. Вы думаете, я слепая? Никакой он вам не племянник.

– О… – Аверин смутился. Они совсем потеряли бдительность, Кузя даже очки перестал дома носить. А Маргарита действительно не дура.

– Хм-м… Маргарита, надеюсь, ты не уволишься… понимаешь, это сложно объяснить…

– Ой, да ладно. Ваша личная жизнь – совершенно не мое дело. Не хотите жениться – ваше право. Но мне больно смотреть, как мальчонка между вами мечется. Вон, держу пари, к мамке побежал.

– К мамке? Маргарита, кто такой, по-твоему, Кузя?

– Как кто? – Она хитро подмигнула. – Ваш сын, конечно. Кто же еще. Я же не дура.

– Да. Точно! Ты удивительно наблюдательна, Маргарита. Принеси мне чаю, пожалуйста.

– Конечно. – Маргарита, явно довольная собой, скрылась в доме.

И в этот момент оглушительно прозвенел звонок.

Маргарита снова высунулась в дверь и прокричала неизвестному визитеру:

– Входите, у нас нет собаки. Только кот, и он почти не кусается.

Засмеявшись своей шутке, она закрыла дверь.

Калитка открылась, и во двор шагнул Владимир.

Аверин настороженно смотрел на приближающегося дива. Этот визит не сулил ничего хорошего. Владимир однозначно явился сюда не осведомиться о его здоровье.

– Как ваше здоровье, ваше сиятельство? – спросил див.

– Спасибо, неплохо. Но если бы ты и Мончинский поспешили, было бы гораздо лучше.

– Приношу извинения. – Владимир склонил голову. – Если бы в Управление поставили новые «Меркурии», я уверен, мы добрались бы намного быстрее.

– Возможно, твоему хозяину следует написать об этом прошение. Так чем обязан? Управление скучает по мне?

– Нет. Управление к моему визиту не имеет никакого отношения.

Владимир протянул руку и разжал кулак. В его ладони лежали часы с амулетом Анонимуса.

– Думаю, это потерял ваш див.

Аверин похолодел. Владимир видел Кузю. И теперь его подозрения превратились в уверенность.

– Благодарю. – Он взял часы. – Что-то еще?

– Нет. Как вы знаете, я умею молчать. Но позвольте дать вам совет: не совершайте необдуманных поступков.

Аверин сжал часы в руке:

– Ты опять мне угрожаешь?

– Отнюдь. Я вас предупреждаю. Из хорошего к вам отношения. Не делайте глупостей, ваше сиятельство, и все останется так, как вы желаете.

Аверин посмотрел в глаза Владимира. И уперся взглядом в леденяще-голубую пустоту. А через мгновение див исчез.

…И появилась Маргарита с чаем.

– Кто это был? – спросила она.

– Один… друг…

«Или враг».

Он пригубил горячий напиток и улыбнулся. Кузя был прав. Их жизнь невероятно интересная.